

Марина Эльденберт

Парящая для дракона

Глава 1

— Лали! Лали, отпусти, ты меня задушишь! — заливаясь смехом, сестра вывернулась из моих более чем крепких объятий, и отпрыгнула в сторону. — Ну, показывай, что у тебя случилось?

— Вот! — выдохнула я и продемонстрировала раскрытое сообщение электронной почты.

Глаза Сильваны округлились.

— Что? Ледовое шоу «Эрвилль де Олис»?! Ты серьезно?!

— Серьезнее некуда, сестренка! — выдохнула я. — Они пригласили меня на кастинг!

Не дожидаясь ответа, я швырнула планшет на стоп, а потом подхватила Сильви за руки и закружилась по комнате. Комната, к слову, отделанная в ее любимых тонах — бежевое с голубым, вращались, как голографический шар в лучах светомузыки. Дыхание перехватывало от врывающегося в легкие морозного воздуха, льющегося из-за отодвинутой створки окна. Мы кружились до тех пор, пока не поплыло перед глазами, а потом вместе рухнули на кровать.

— У меня потолок плавает, — со смехом призналась Сильви.

— У меня тоже, — заверила я.

Потолок и правда плавал: двухуровневые потолки то приближались, то отдалялись, то сдвигались в сторону, то утекали в диагональ. Чувствуя, как каждая клеточка тела колотится в ритме сердца, я перевернулась на живот и подперла локтями подбородок.

— Очешуешь, — выдохнула Сильви, повернувшись следом за мной.

Очешуешь — не то слово!

Мне хотелось визжать, колотить кулаками по покрывалу и прыгать до потолка, но я сомневалась, что это правильное поведение старшей сестры, поэтому позволила себе попрыгать мысленно, а вслух сказала:

— Да!

— Но... как? Когда? Ты отправляла им запрос?! Почему ты мне ничего не сказала? — Лицо Сильви стало прямо-таки обиженным.

Оно становилось таким сразу, как только сестра надувала губы. Пухлые, в отличие от моих, чувственные, красивый изгиб и красивый контур. Стоило ей их надуть, как и без того кукольное личико преображалось, глаза становились еще больше, словно расширяясь в преддверии слез. Не знаю, как у нее это получалось, но действовало безотказно: в отличие от меня. Возможно, именно потому, что я вообще не умела плакать, а может быть, потому что Сильви всегда была мягче. Нежнее, женственнее — в ее не так давно исполнившиеся шестнадцать она могла похвастаться гораздо более пышными формами, чем я в свои двадцать один. Высокая, длинноногая, прибавить к этому нашу семейную черту, белое золото волос — и получится Сильвана Хздфенгер, королева выпускного бала и моя младшая сестра.

— Не дуйся, — я ткнула ее в плечо. — Я никому не сказала.

— Вообще никому? И своей Ринаре?

Ринни — моя лучшая подруга, к которой Сильви меня постоянно ревнует.

— Никому — это значит никому, — подтвердила я.

— Почему?

— Сглазить боялась. — Я глубоко вздохнула и снова опрокинулась на спину. — Ты бы знала, как я боялась, Сильви... Боялась, что они вообще ничего мне не ответят. Но они пригласили меня на отборочный тур!

Ледовое шоу «Эрвилль де Олис» было моей мечтой с тех самых пор, как я встала на коньки и занялась воздушной гимнастикой. Вопреки всякой логике (казалось бы, где еще стартовать грандиозному проекту, связанному со льдом, как не в Ферверне?), началось оно не в нашей стране, а в Рагране. Эрвилль была его основательницей, и чемпионкой мира, впервые совместившей театр, лед и воздушное шоу. Билеты на их представления раскупались за месяц до того, как они приезжали в город, и попасть в него, пусть даже на отборочный кастинг, первичный отбор, пусть даже просто получить приглашение за личной размашистой электронной подписью основательницы было просто краем моей мечты.

— Ты — и боялась? Мне кажется, эти два понятия несовместимы, — фыркнула Сильви.

— Представь себе, я тоже умею бояться.

— Лали, нет. Я могу представить боящейся кого угодно, только не тебя. Иначе ты бы не крутилась под пятиметровым потолком на лентах. Меня начинает тошнить при одном только взгляде на такую высоту.

Я улыбнулась.

— Меня тоже тошнило. Поначалу.

— А что случилось потом?

— Потом я поняла, что лечу.

Сильви хотела ответить, но не успела: дверь распахнулась и в комнату шагнула моя мачеха и ее мать, Ингрид Хэдфенгер. Точная копия своей дочери, с той лишь разницей, что выглядит самую чуточку старше. Ну самую чуточку. Ингрид помешана на своей внешности и делает все, чтобы не стареть.

— Лаура, отец хочет тебя видеть, — произнесла она, изогнув бровь.

Сильви тут же подскочила и принялась поправлять платье: Ингрид не понимала никаких безумств, считая, что девушка должна быть девушкой каждое мгновение своей жизни.

— Иду! — я тоже поднялась и поправила платье.

Подхватила планшет, в котором отразилась счастливая я: улыбка до ушей, растрепанные волосы, выбившиеся из хвоста и сияющие глаза. Кажется, они сияли так, что в подсветке потемневший экран не нуждался, да он и правда в ней не нуждался. Осознание того, что там, обжигало мне пальцы разрядами ледяных искорок.

По дороге я еще раз глянула в зеркало, заправив выбившиеся пряди за уши. У меня волосы были абсолютно прямыми, но очень густыми, поэтому я предпочитала стягивать их в хвост. Иногда, во время таких безумств, они выбивались и в сочетании с тонкими чертами лица делали меня младше Сильви. Вот как сейчас.

На кастинг волосы нужно будет завить? Или лучше уложить в пучок? Наверное, лучше уложить в пучок. Хотя они обещали прислать программу кастинга позже, вряд ли в шоу «Эрвилль де Олис» будут тратить время на два собеседования, а значит, распущенные волосы не вариант. Нужно будет максимально их убрать и захватить наряд, обтягивающий тело как вторая кожа. Единственное его украшения — «платиновая» нить, идущая орнаментом по рукавам и короткой юбке, основной цвет голубой, под цвет моих глаз.

Я выйду, мне нужно будет представиться, и...

— Лаура, поторопись, — оборвала ход моих мыслей Ингрид. — Твой отец занятый человек, и у него к тебе серьезный разговор, не терпящий отлагательств.

Что там не терпит отлагательств, я уточнять не стала, выбежала за дверь. Мне уже не терпелось начать готовиться, кастинг через две недели, а то значит, что времени у меня почти нет. Нужно, чтобы все было на высшем уровне. Я должна выложиться, должна показать большее, на что я способна. Интересно, где будут проводить кастинг? В Ледовом дворце Хаймарга? Или на Старлайт-арене? Там тоже достойная высота.

Задумавшись, я забыла про порожек в кабинете отца (дракон бы отгрыз дизайнеру, который его придумал, все самое ценное), и чуть не улетела прямо к столу. Благо, с координацией у меня все было в порядке: раскинув руки, я подхватила баланс и остановилась с планшетом прямо напротив отца.

— Чудесно, Лаура, — оторвавшись от ноутбука, произнес он. — Скоро ты будешь заходить ко мне через окно.

— Не будь занудой, пап, — перегнувшись через стол, поцеловала его. — Временами мне кажется, что Ингрид на тебя плохо влияет.

— Временами мне кажется, что ты слишком многое себе позволяешь, Лаура Хздфенгер, — произнес отец и указал на кресло. — Садись.

— Сажусь, — я утонула в мягком, темно-сером кресле.

Отец предпочитал стальные оттенки, подчеркивающие холод нашей столицы даже летом, когда температура воздуха поднимается (о чудо!) до двадцати градусов. Сейчас же, когда за окном в лучах солнца сверкали морозные искры, даже металлический блеск оживал, становясь обманчиво-теплым. А мне хотелось крутиться вместе со снежинками. Кто бы знал, как мне хотелось!

Я обожаю снег. Когда идет снег, сразу становится теплее, морозное солнце — это обманка. А снег всегда искренний и светлый.

— Ты наверняка слышала а реформе Ландерстерга, — отец, как всегда, начал издалека. Издержки профессии. Он у меня адвокат, и языку него подвешен отлично.

— Разумеется, — я улыбнулась, — кто же о ней не знает?

С тех пор, как мир иртханов — повелителей драконов, защищающих наши города от налетов, начал стремительно сближаться с миром людей, многое произошло. В частности, в Аронгаре были отключены щиты, не позволяющие драконам заходить в города. Торнгер Ландерстерг не поддержал эту инициативу, зато он предложил и внедрил реформу, благодаря которой люди вошли в Совет Ферверна. Собственно говоря, если раньше в правящих кругах были только иртханы (по одному от каждого города), то теперь рядом с правителем-иртханом вставал человек.

Это вызвало огромный общественный резонанс, и Ландерстерга вознесли чуть ли не до небес. Как бы там ни было, я все равно не могла простить ему драконов (щиты отключали не просто так, а потому что они воздействовали на зверей, не позволяя приближаться к городам без болезненных ощущений). Да, наверное, это не совсем патриотично, но я считала, что если в древности обходились без щитов, сейчас без них тоже можно обойтись.

— Чудесно, — произнес отец. — Тогда ты наверняка понимаешь, что реформа призвана окончательно стереть границы между миром иртханов и миром людей. Так сказать, окончательно объединить нас раньше, чем Аронгара в очередной раз задерет нос со своими гуманистическими замашками.

Я выразительно посмотрела на папу. То, что он увлекается политикой, было ясно, но к чему он клонит?

— Пап? — сказала я. — Ты же не записал меня в одну из своих патриотических организаций?

Отец у меня был патриотом с большой буквы, поэтому помимо основной деятельности основал два дела, одно из которых называлось «Мы не причиняем вреда драконам» и «Дети Ферверна». Второе было благотворительной организацией, которое выделяло средства на реабилитацию и выращивание драконят, по той или иной причине оставшихся без родителей, а первое — активно продвигало идею, что щиты не вредят драконам, поскольку северные пустоши нашей страны бескрайние, и драконам отлично живется на отведенных им землях. Не то чтобы я была против помогать, но с тех пор, как увидела приглашение на кастинг... Да у меня скоро ни минутки свободной не будет, не говоря уже о том, что будет, если меня возьмут.

Когда меня возьмут, вот!

— Эта реформа направлена на то, чтобы люди с ирtxанами становились как можно ближе, — произнес он, — чтобы спустя множество поколений в нашем правлении уже не было разницы между людьми и ирtxанами, потому что в жилах всех фервернцев будет драконья кровь.

— М-м-м-м? — поинтересовалась я.

— И мы, в частности, те, кто стоит у истоков власти сейчас...

— Что-оо?! — я подскочила на кресле.

— Да, — отец широко улыбнулся. — Да, Лаура, место в Совете мое. Меня выбрали большинством голосов, Торнгер Ландерстерг и правление утвердили мою кандидатуру.

Теперь я подскочила уже буквально и бросилась обнимать отца. Не у одной меня сегодня чудесный день! Подумать только! Мой отец — представитель власти Кайрмарга со стороны людей! Я знала, что результаты голосования (совмещенные с одобрением кандидатуры со стороны ирtxанов) должны были представить через несколько дней, но видимо, все случилось гораздо быстрее.

— Поздравляю, поздравляю, поздравляю! — выдохнула я. — Это просто круто, феерично, оче...

— Прежде чем ты произнесешь это слово, Лаура, я бы хотел тебе напомнить, чья ты дочь, — наигранно-строго произнес отец.

— Самого лучшего в мире папы? — я заглянула в светло-серые глаза.

— Не подлизывайся. И вернись в кресло, потому что речь не только обо мне.

— Да? — я закусила губу, но в кресло все-таки вернулась. Положила планшет на колени, потом на стол, не в силах скрыть охватившее меня возбуждение.

— Да. Твоя кандидатура тоже одобрена. Завтра тебе предстоит собеседование...

— Куда? — я непонимающе посмотрела на него.

— Тебя приглашают на собеседование к Торнгеру Ландерстергу. В качестве претендентки на роль его будущей супруги.

Хорошо, что я вернулась в кресло.

Потому что к сожалению (или к счастью, но в данный момент все-таки больше к сожалению) когда речь заходит о политике, мой отец начисто лишен чувства юмора, и это просто не может быть шуткой.

— Я отправил запрос, — продолжал он, — сразу, как только был объявлен конкурс...

— Что?!

Отец строго на меня посмотрел.

— Ты знаешь, что я не люблю когда меня перебивают?

— А я не люблю, когда меня выдают замуж, ничего мне об этом не сказав! — я взвилась с кресла. — Пап... ты... ты серьезно?! Это же бред какой-то, как ты мог что-то отправить, даже не посоветовавшись со мной?!

— Потому что я знаю твой характер, Лаура, — резко произнес отец, — и твоя реакция — отличное тому подтверждение. Сядь.

— И не подумаю!

— Сядь, я сказал. — Отец сдвинул брови. — Я отправил твое резюме еще до того, как узнал о своем назначении. Ты должна понимать, что это значит для нашей семьи.

Если я сейчас что-то и понимала, то это то, что решительно ничего не понимала. Поэтому решила уточнить:

— Конкурс?!

— Разумеется. Ландерстерг будет выбирать из десяти девушек...

Это что, отбор?! Как во времена войны Ледяных с Огненными, или даже раньше, в дремучей древности?

— Пап, это же смешно!

— Лаура! — отец повысил голос. — Сядь и выслушай меня!

Поскольку стоячее положение моего положения существенно не облегчало, я решила сесть. Поэтому и еще потому, что... ну мало ли, что отец скажет дальше, что я там должна буду делать на собеседовании. Танцевать, петь (хорошо, если не на столе) в лучших традициях отборов. Или, может, ужин ему приготовить? Со слабительным! Это я запросто.

Последнее несколько успокоило мою разыгравшуюся фантазию, потому что вернуло в реальность. А в реальности (в наше время) все-таки есть свои правила. Например, никто не может заставить меня что-то делать и куда-то идти, если я этого не хочу. Слава всем драконам, что я живу в век прогресса и демократии! И, если верить Ландерстергу, демократия с этого года стала еще более демократичной к людям.

— Ты должна понимать, что это значит для нашей семьи, — повторил отец.

К этому времени я уже окончательно успокоилась и решила, что буду говорить с ним на его языке. Язык эмоций мой папа-адвокат совершенно не признает, зато язык доводов, фактов и неопровержимых логических доказательств — более чем.

— Я бы поняла, — сказала я, — если бы ты не победил на выборах. Но ты победил. Ты займешь место правления рядом с Ландерстергом, а это уже больше, чем круто. Зачем тебе еще и дочка — первая ферна Ферверна?

— Затем, что все это еще очень зыбко. — Отец наконец-то захлопнул ноутбук, разделяющий нас, как Ледяная цепь. Так называли горы, отделившие северную часть Ферверна от Западной. — И что пройдет немало лет, прежде чем люди будут приняты обществом иртханов как равные. Образно говоря, вряд ли будут когда-нибудь приняты именно люди. Наша кровь сольется, и мы станем единым целым. Только тогда все изменится.

— И ты хочешь, чтобы я при нем была... кем?! — Я почувствовала, что снова начинаю закипать. — Куколкой, которую он посадит рядом в качестве подтверждения своей политической линии? Папа! Я не хочу замуж! Я вообще далека от политики настолько, насколько это возможно...

— Значит, придется сближаться, — сухо сказал отец.

— Мне пришло приглашение!

— Приглашение?

— Да! — Я подхватила планшет. — Меня приглашают на кастинг в «Эрвилль де Олис»! Ты прекрасно знаешь, что это для меня значит! Я не хочу замуж, я хочу парить... я хочу строить карьеру, хочу стать звездой ледового шоу! Я хочу...

— Достаточно! — Отец стукнул кулаком по столу. — Я говорю тебе о том, что я отправил запрос, и что на него ответили приглашением. Я говорю тебе о том, что тебе оказана великая честь, а ты мне — про свои танцуйки?!

Я задыхнулась, в который раз (уже не помню, в какой) вскочив с кресла.

— Это не танцуйки! — воскликнула я. — Это — моя жизнь!

— Что насчет нашей? — Отец поднялся и вырос над столом. — Что насчет моей жизни,

Лаура? Как я буду выглядеть в глазах Ландерстерга, когда ты откажешься прийти на собеседование? Как будет выглядеть наша семья? Как ты думаешь? Отличное начало для моего вступления в должность, не так ли? Всю жизнь я потакал твоим капризам. Когда ты захотела кататься, я сказал — пожалуйста. Когда крутилась на своих лентах, и словом не упрекнул. Сейчас же ты хочешь разрушить все просто потому, что у тебя «твоя жизнь»!

Я открыла было рот, но он мне и слова не позволил вставить.

— Я сказал все, что считал нужным. Ты можешь делать все, что тебе заблагорассудится, но если откажешься завтра идти — разрушишь все, что я создавал долгие годы. Твой брат только начинает строить свою юридическую карьеру, твоей сестре нужна репутация. Не та, которую ты хочешь ей обеспечить своим отказом, — каждым словом он впечатывал меня в пол. — Решать тебе, Лаура. Что для тебя важнее. Семья или твоя карьера.

— Это нечестно, — сказала я, глядя ему в глаза.

— Это честно, — повысил голос отец. — Это честно, потому что твоя жизнь не крутится вокруг тебя одной. Тебе давно пора повзрослеть.

— Я давно взрослая, — выдохнула я. — Но ты этого упорно не замечаешь.

— Возможно, потому что ты еще ни разу этого не доказала.

— А я не хочу ничего никому доказывать!

Я вылетела из кабинета отца, дверь за мной закрылась с мягким щелчком. До своей комнаты буквально бежала, и только оказавшись отрезанной ото всех, от души попрыгала на мягком, впитывающем звуки ковре. Величайшее проявление чувств, которое может себе позволить дочь Юргарна Хэдфенгера, и то — за закрытыми дверями.

Когда дыхание восстановилось, я подошла к окну и отдернула шторы, впуская в комнату приглушенный тонированными стеклами солнечный свет. Налипшая на стекло снежинка, запаянная в морозный узор, растопырила лапки, отражаясь на моей щеке.

Как ни странно, именно эта растопыренная снежинка помогла мне прийти в себя. Во-первых, собеседование — это еще не замуж. А во-вторых, мне сказано на нем быть, и ровным счетом ничего о том, что я должна его пройти. Если отец считает, что я должна постараться на благо семьи, я это сделаю. Но вряд ли после этого Торнгер Ландерстерг захочет на мне жениться!

Глава 2

К собеседованию я подошла со всей серьезностью. Сложно было подойти к нему иначе, но пока вокруг меня бегали стилист с визажистом, я изучала информацию. Собственно, изучать ее я начала еще вчера: все, что можно было найти в сети про Торнгера Ландерстерга, я нашла.

Он стал Верховным правителем Ферверна в двадцать семь, тем самым обскакав Рэйнара Каллорана, Председателя Совета Аронгары. Тот, если не ошибаюсь, занял этот пост в своей стране будучи на десять лет старше или вроде того. Ландерстергу удалось обойти более старших и опытных соперников, когда за него проголосовало большинство, девяносто пять процентов населения Ферверна выразило свое желание видеть его на посту.

Династия Ландерстергов корнями уходила к древнейшим родам Севера и силы в нем было немерено (а у иртханов сила ценится превыше всего). Для того, чтобы управлять драконами, недостаточно просто обладать какой-то огненной кровью, в ней нужна мощь. Та самая, с помощью которой современная технология позволит раскинуть над огромным мегаполисом щит, та, которая способна подчинить и развернуть даже самого опасного зверя в случае потенциального налета.

У Ландерстерга все это было, единственным минусом считался его возраст, на который упирали все его соперники в своих предвыборных кампаниях. Тем не менее когда год назад снова происходили выборы (выборы в Ферверне происходят раз в пять лет), он снова победил с огромным отрывом от других кандидатов. Людям он нравился: нравилось то, что вопреки всем мировым веяниям он не прогибается под политику Аронгары. Ну а после реформы он вообще стал национальным героем.

— Ферна Хэдфенгер! Посмотрите, — говорит стилист и отступает в сторону. — Как вам?

— Шикарно, — говорю я, едва взглянув в зеркало.

Я выгляжу, как должна выглядеть одна из претенденток на роль будущей супруги главного дракона Ферверна: мои волосы уложены, подхвачены, крупными волнами стекают по шее на спину. Никаких лишних украшений, только серьги, сливочное платье — с открытыми плечами, тем не менее у него воротник под горло, от которого расходится лиф. Строго, соблазнительно, элегантно. Правда, к платью мне еще полагается пиджак — как раз, чтобы прикрыть плечи, пиджак можно снять, но снимать его я не собираюсь. Я вообще не собираюсь показывать Ландерстергу ничего лишнего, пусть даже это просто мои плечи.

— Превосходно, — это уже отец.

С той минуты, как я сказала, что готова собеседоваться, он пребывает в чудесном расположении духа. Отец обнимает меня осторожно, чтобы не помять платье и не повредить прическу, а потом отступает.

— Ты великолепно выглядишь, Лаура.

Его глаза горят неподдельным восторгом, на миг меня даже кусает совесть, но я мигом ей напоминаю о том, что отец вообще-то не спрашивал меня о том, чего я хочу. И о том, что в мои планы совершенно точно не входит становиться политической марионеткой, поэтому я улыбаюсь уже без тени сомнений:

— Спасибо, папа.

В холле я ловлю на себе недовольный взгляд Ингрид — мачеха не любит, когда кто-то выглядит лучше нее, и восхищенный Сильви.

— Удачи! — шепчет сестра и посылает мне воздушный поцелуй.

В ответ я подмигиваю.

— Удачи, — повторяет отец, провожая меня к дверям. — У тебя все получится. Надеюсь, что нет.

— Просто будь собой.

Это я могу.

У нас двухэтажная квартира в одной из высоток в центре, не пентхаус, конечно, но в целом весьма просторная. Только сейчас, оказавшись за дверями, я понимаю, насколько на самом деле волнуюсь. У меня есть опыт общения с одним из ведущих адвокатов Ферверна, но опыта общения с драконами у меня нет. Точнее, у меня нет опыта общения с Ландерстергом, а сегодня я собираюсь его приобрести.

Ой, мама.

Отец открывает передо мной дверцу флайса, предупреждает:

— Когда ты вернешься, меня не будет дома. Встречаюсь с клиентом, поэтому поговорим позже, — после чего помогает мне сесть.

Полы пальто распахиваются, холод тут же вгрызается в тонкие чулки. Солнце слепит так, что я сразу же надеваю очки. Водитель косится на нас с интересом, но когда отец говорит «Айрлэнгер Харддарк», его лицо вытягивается.

Айрлэнгер Харддарк — место, где сосредоточена власть, сила и защита нашего города. Образно говоря, самая крутая высотка столицы, излучающая волны абсолютно безвредные для людей и иртханов, но не подпускающие драконов к городу. Там же сидит наше правительство, и прежде чем я успеваю об этом подумать, дверца флайса отрезает меня от отца.

— Погодите-ка, — говорит водитель, когда мы поднимаемся в воздух. — Это что, я сейчас забираю дочку ферна Хэдфенгера?

Я невольно улыбаюсь, глядя на отдаляющегося отца, оставшегося на верхней парковке. Флайс стремительно идет ввысь, занимает место в очереди на выход из рукава на центральную аэромагистраль.

— Да.

— Очешуеть! — произносит он. — Ну, будет что ребятам рассказать. Я голосовал за вашего отца.

— Спасибо.

Что тут еще скажешь?

— Серьезно! Дочка Юргарна Хэдфенгера. Если честно, я не верю, что из этого сразу что-нибудь получится... ну, вы в курсе, — водитель пожимает плечами. — Иртханы все равно не подпустят нас к правлению дальше, чем это выгодно им. Но ваш отец крут, и многого добился.

Киваю, рассеянно глядя на искрящиеся в лучах зимнего солнца высотки. Если мне повезет, то еще в этом году я получу контракт на работу в «Эрвилль де Олис», а потом...

— Нет, вы не подумайте, — тут же исправляется водитель, явно понимая, что сболтнул лишнее. — Я ничего плохого сказать не хотел, просто нужно время, чтобы перестроиться. Вы же понимаете, о чем я? Понимаете?

— Я не увлекаюсь политикой.

Такого ответа он явно не ожидал, поэтому замолкает, а я смотрю на снежные стрелы, мельтешащие справа и слева от меня. Летим мы достаточно быстро для такого времени, и это тоже благодаря Ландерстергу. Он приказал уравнивать налоги для ВИП-магистралей и центральной, и благодаря этому Хайрмарг перестал быть одной большой пробкой.

Мысли о Ландерстерге бегут по коже морозом. Похожим на тот, что искрится за окном, оседая разноцветной ледяной пылью в лучах солнца. Я видела его в новостях, видела его в сети, но я не представляю, каким он будет на самом деле. Мне бы хотелось составить реальный образ, так проще готовиться к разговору, но что имеем, то имеем, как

говорится.

Разумеется, меня уже ждут.

Секретарь (девушка) встречает меня в приемной и предлагает кофе, второй секретарь (молодой человек) помогает снять пальто. От кофе я отказываюсь, пальто отдаю, но не успеваю даже присесть, как дверь открывается, и из кабинета вылетает женщина. С черными, как угли, волосами, глаза располосованы вертикальным зрачком — ирханесса, из-за ярости голубого огня не видно настоящего цвета. Исходящее от нее пламя обжигает, как зажатая между ладоней ледяная пластина, она окидывает меня яростным взглядом.

— Эта-то что здесь делает? — интересуется она, глядя на меня, как на раздавленного подщельника.

— Ферна Рэгстерн... — стремительно бледнеет секретарь.

— Претендентка? — насмешливо выплевывает она, окидывая меня взглядом от кончиков туфель до волос. — Торн же не любит блондинок.

Исходящее от нее презрение впитывается в поры, как ядовитый туман, иначе чем объяснить то, что я делаю дальше? Вытаскиваю заколку, позволяя волосам свободно рассыпаться по плечам, снимаю пиджак и сую в руки совершенно ошалевшему секретарю.

— У вас устаревшие сведения, — сообщаю не менее ошалевшей от такого поворота девице, а потом шагаю за дверь.

Вообще-то эффектно врываться не входило в мои планы, но я никому и никогда не позволю так на себя смотреть.

— Добрый день, ферн Ландерстерг, — озвучиваю свое появление.

Он поднимает голову, и я чувствую, как под его взглядом в меня врывается пламя. Холодом, тысячей игл, всей своей мощью, ударяющее с такой силой, что я осыпаюсь ледяной крошкой, чтобы срастись ледяной статуей и очнуться от резкого:

— Не помню, чтобы я разрешал вам входить.

Не случись этой фразы, наверное, мой запал остался бы где-то за дверями, в приемной, но она случилась и сказана была ровно с той интонацией, которую ферн Главный Дракон Ферверна решил в нее вложить. То есть примерно так же он мог бы обратиться к своему секретарю, которая не вовремя принесла ему кофе. Хотя подозреваю, что со своими подчиненными он гораздо более вежлив.

— Вы не разрешали, — ответила я и приблизилась к столу: длинному, металлический отблеск которого не согревало даже солнце. — Я сама вошла. Сейчас равно одиннадцать, поэтому, если не возражаете, давайте начнем собеседование. У меня куча дел после общения с вами.

Не дожидаясь приглашения, я отодвинула соседний стул и устроилась на нем, закинув ногу на ногу. Край платья чуть приподнялся, но о том, что это произошло, я поняла только по глазам дракона, которые... нет, они не округлились. Из ярко-синих они стали почти черными, как ночное небо. Я тут же одернула подол, прикрывая узорный краешек чулок, и вернула вторую ногу на пол.

— Лаура Хэдфенгер, я полагаю? — справившись с эффектом первого знакомства, произнес дракон.

От него веяло ледяным пламенем, настолько сильным, что у меня волосы на коже приподнялись, и я пожалела, что оставила пиджак в приемной. Так и замерзнуть недолго к драконьей бабушке.

— Правильно, — созналась я, понимая, что перегибать рядом с ним не следует.

Одно дело не пройти собеседование, совсем другое — вылететь за дверь с репутацией

безголовой идиотки, второе мне совершенно точно не нужно.

— И вы полагаете, Лаура, что можете врывать в мой кабинет и творить, что вам вздумается?

— Я что-то сотворила? — спросила я.

Мне это стоило немалых усилий, потому что ледяные искры в его глазах обжигали, как морозный воздух. Под этим взглядом перехватывало дыхание, а стул начинал превращаться в ледяной трон. Чувство было такое, что я вот-вот с него соскользну и окажусь у его ног. Не самое лучшее, надо сказать, ощущение — когда на тебя смотрят сверху вниз.

— Вы вошли в мой кабинет без приглашения.

— Как я уже сказала, на часах ровно одиннадцать, а после встречи с вами у меня назначены другие, — заметила я, хотя после встречи с ним у меня была назначена встреча с подушкой и успокоительным. — Нарушать договоренности я не имею привычки, и вы, как никто другой, должны это понимать.

Ландерстерг откинулся на спинку кресла. Даже сейчас, расслабленный, он выглядел как дракон, который в каждую минуту может дыхнуть огнем и превратить меня в ледяной столбик. Последнего очень не хотелось бы, учитывая, что у меня впереди кастинг и вообще вся жизнь.

— Что ж, Лаура Хэдфенгер. Почему вы хотите стать первой ферной Ферверна?

— Я не хочу.

Кажется, мне удалось его пронять. То есть когда я шла сюда, у меня в голове крутился совсем другой сценарий, но с момента появления темноволосой драконицы, возмнившей, что может смотреть на меня как на третьесортный вонючий сыр, все пошло немного не так

Хотя немного — это еще слабо сказано.

— Это не ваше резюме? — уточнил Ландерстерг, развернув ко мне ноутбук.

Поклясться могу, он его только что открыл! Вот только что, в перерывах между тем, когда глазел на мои чулки и между тем, когда интересовался, как я посмела войти в его кабинет без стука. А меня, между прочим, уже начинало потряхивать. Рядом с иртаханами всегда так, особенно рядом с теми, которые позволяют пламени вырваться на свободу. Меня, судя по тому, что глаза Ландерстерга были вполне себе человеческими, зацепило остаточным — то есть тем самым, которое он активно распылял рядом с вылетевшей из его кабинета иртаханессой.

— Мое.

— В таком случае?

— Резюме отправил мой отец.

Ландерстерг приподнял брови. Они у него были чуть темнее волос, а волосы — темный пепел и серебро, чуть короче, чем сейчас модно. Наверное, после него станет модно стричься именно так, но...

Вот тут я потеряла мысль, потому что дракон неожиданно поднялся. Я видела его в сети, и знала, что рост у него под два метра, и что целоваться с ним (случись несчастье действительно обзавестись статусом его невесты) мне придется, подставляя табуреточку или надевая пятнадцатисантиметровые шпильки. Увы, сеть не передавала и сотой доли той силы, которая сквозила в каждом его движении, она сглаживала даже резкость крыльев носа и жесткость губ.

Фильтры. Определенно, во всем виноваты фильтры.

— Пойдемте, Лаура, — он протянул мне руку.

— Куда? — уточнила я.

— Продолжим собеседование в другом месте.

Я хотела сказать, что меня вполне устраивает собеседование в этом уютном кабинете, но вовремя поняла, что не стоит. Поэтому поднялась и последовала за ним в сторону стеллажей с дипломами, наградами, благодарностями и прочими составляющими декораций правительственного кабинета. Голографическая карта Ферверна, к слову, раскинувшаяся во всю стену, была интерактивной.

— Так я сразу увижу любой возможный очаг налета, — пояснил он, когда мы шли мимо. Теперь я, кажется, поняла, почему у нас в стране никогда не бывает налетов. При нашем появлении секретари синхронно вскинули головы.

— У вас есть накидка? — поинтересовался Ландерстерг.

— Есть. Пиджак.

Не дожидаясь, пока подойдет секретарь, он коснулся панели встроенного шкафа, и зеркальная дверь отъехала в сторону.

— Так лучше, — сообщил дракон совершенно очешуевшей мне, накинув пиджак мне на плечи.

Парад очешуения продолжался, потому что секретари провожали нас взглядами. И не только секретари, нас провожали взглядами все, кто попадался нам на пути: такими, когда стараешься сделать вид, что не смотришь, но все равно смотришь, потому что не смотреть не можешь.

Капсула лифта поглотила нас и стремительно вознесла под самый купол Айрлэнгер Харддарк. Это я поняла, когда шагнула в просторный, залитый солнечным светом зал, откуда весь Хайрмарг открывался как на ладони. Точнее, в самом центре ладони на высоте, на которой даже драконам становится дурно, стояли мы, а вокруг раскинулся город. Загораживал обзор только комплекс Грайрэнд Рхай, иззубренными стрелами вонзающийся в небо.

Здесь было прохладнее, поэтому я поняла, почему меня попросили надеть пиджак. Впрочем, прохлада не шла ни в какое сравнение с той красотой, которая открывалась снаружи и над нами. Создавалось таксе чувство, что мы парим в небе, потому что стеклянный купол над головой вспарывал облака.

— Можете продолжать. — Ландерстерг кивнул, устраиваясь у панорамного окна и устремляя взгляд вниз, словно его действительно интересовали ниточки аэромагистралей, извивающихся под порывами ледяного ветра.

— Мой отец считает, что вы идеальный муж.

— А вы нет?

— Нет. Я не хочу замуж.

— Вы всегда говорите правду, Лаура? — Ландерстерг указал взглядом на диванчик напротив него.

— Если меня о ней спрашивают.

— Ценное качество. В таком случае скажите, что вы думаете о времени моего правления?

Я приподняла брови.

— Я не одобряю вашей политики по поводу драконов.

— Тоже считаете, что стоит отключить щиты?

Странно, но здесь, на этой высоте я почему-то чувствовала себя совершенно иначе. Как будто небо стирало любые различия в социальных статусах.

— Я считаю, что они имеют право передвигаться по пустошам без опасения наткнуться на болезненную границу щита.

Холодный взгляд вонзился в меня, но уже совершенно иначе.

— Сейчас драконы живут гораздо дальше, чем еще несколько лет назад, это правда. — Ландерстерг смотрел на меня, как будто вел переговоры с кем-то из Совета правления. — Зато мы блокируем любые попытки браконьеров и фанатиков из «Истоков» до них добраться. Когда щиты будут отключены, сделать это будет гораздо сложнее.

Да, браконьеры — действительно бич современности. Из крови драконов делают рэгст, наркотическое средство, стоимость которого на черном рынке позволяет производителям безбедно существовать и активно развивать свой бизнес. Что касается движения «К истокам времени», те, кто в нем состоит, считают, что иртыханы незаслуженно стоят у власти. Их выходы не ограничиваются безобразными вбросами в сети и разбрасыванием листовок, на их совести несколько серьезных покушений. Удавшихся. И десятки тех, что не удались.

— Поэтому я пока не готов ответить на твой вопрос, Лаура.

Видимо, высота действовала не только на меня: мы как-то незаметно перешли на ты.

— И да, я тебя услышал.

Взгляд у него был холодным, как сталь в ледяной воде, зато я теперь поняла, почему выбрали его. Поняла, почему он продержался на своем посту пять лет, и почему за него голосовали снова. Я, кстати, не голосовала.

Потянулась к журнальному столику, а точнее, к графину, чтобы налить себе воды.

— Ты голосовала за меня?

Я чуть не поперхнулась первым же глотком.

— Вы не имеете права об этом спрашивать, — сказала я, представляя себе, как на глазах первого дракона Ферверна изображала оживший фонтанчик

— Ты совершенно права, — неожиданно серьезно отозвался он. Потом поднялся и протянул мне руку: — Пойдем.

В эту минуту я точно думала чем угодно, только не головой, потому что одно прикосновение обожгло мои пальцы, как если бы я коснулась вековой льдины. Этот удар от подушечек прокатился сквозь ладонь до самого предплечья. Я не дернулась исключительно потому, что это выглядело бы крайне странно, но потребность собрать пальцы в кулак никуда не делась. Он всего лишь касался моей руки. а я чувствовала себя обнаженной.

А когда в лифте эту цепь разомкнуло, ощутила непонятный, пугающий колод.

— Удачи на встречах, Лаура Хэдфенгер, — произнес Ландерстерг, и мне на миг, на какой-то очень короткий миг показалось, что его голос звучал самую малость иначе, чем когда он обратился к секретарю. — Одер, зайдите ко мне.

Он скрылся за дверями раньше, чем мне успели подать пальто. Одер тенью метнулась за ним, я же направилась к лифтам и вышла на улицу. Только глотнув морозного воздуха — всей грудью, смогла избавиться от наваждения, вызванного одним коротким прикосновением. Оглядевшись, надела очки и вскинула руку, бросаясь к замершему у рукава заказанному заранее фпайсу (по правилам безопасности парковки Айрлэнгер Харддарк были предназначены только для флайсов сотрудников, поэтому пришлось бежать метров сто).

— Оглхэрд, Четвертая линия, девять, — назвала адрес и откинулась на сиденье. Все, я домой. И спать!

Потому что именно благодаря этому собеседованию я провела одну из самых долгих бессонных ночей в моей жизни.

Глава 3

— Лали! Ну Лали! Хватит дрыхнуть уже! Я жду не дожусь, когда ты мне все расскажешь! — Голос сестры выдернул меня из сна, как пробку из бутылки.

Я нехотя разлепила веки: состояние у меня было примерно такое, как бывает после подготовки к страшному экзамену, когда всю ночь сидишь над лекциями, утром на адреналине сдаешь, а потом возвращаешься домой и падаешь с ног.

— Имей совесть, Сильви, — сказала я, морщась от света — сестра ткнула в панель, и светильники вспыхнули все разом. Чтобы не стукнуть Сильви подушкой, натянула подушку на голову.

— Это ты имей совесть! — донеслось глухое сверху, и подушку стащили. — Приехала от Ландерстерга и завалилась спать! Мне же интересно, как все прошло!

То, что спать мне дальше не дадут, я поняла, когда подушка улетела в кресло, а сестра вскочила.

— Слушай, ну и морозильник тут у тебя! — Она подскочила к окну и запечатала створки, после чего вернулась и уселась рядом со мной на кровать. — Все. Я готова. Рассказывай!

— Рассказывать — что? — Я повернулась на спину и посмотрела на эту террористку очень выразительно.

— Все! Какой он? — Сильви подогнула под себя ногу. — Ну то есть, не такой, как по визору, а вообще?

— Большой, — брякнула первое, что пришло мне в голову.

— Большой?

— Ага.

— То есть высокий? Это я и так знаю. Он еще и качается наверняка, ты его плечи видела?

«Видела», — хотела сказать я, но не стала.

Просто потому что после общения с Ландерстергом мне почему-то расхотелось его обсуждать. С экзаменом я сравнила не просто так, я действительно полночи провела без сна, по крупицам собирая информацию из всех архивов и свежих новостей, любую, которой только можно воспользоваться, чтобы не стать Лаурой Ландерстерг, но все оказалось проще, чем я думала. Дракон оказался нормальным. То есть настолько нормальным, насколько вообще может быть дракон. Не считая первой фразочки, общался он со мной на равных, а потом вообще сказал, что меня услышал. Мне даже не потребовалось пускать в ход все свои наработки на тему недовольства его политической линией.

А от его прикосновения... я сглотнула и сжала ладонь, потому что клеймо его пальцев до сих пор горело на коже. Нет, все-таки к лучшему, что я сразу сказала ему правду. Играть с Ландерстергом — себе дороже.

— Эй! — Сильви ткнула меня в плечо. — Не спать!

— Я не сплю, — я села и откинула волосы назад.

Сейчас вся эта выходка с эффектным появлением и скинутым на глазах иртеханессы пиджаком казалась мне сном. Так же, как и подол платья, из-под которого явно был виден краешек чулок, и потемневший драконий взгляд.

— Не спит она! Так как вы поговорили? Что думаешь? Есть вероятность, что он выберет тебя? — глаза Сильви сверкнули.

«Вы всегда говорите правду, Лаура?»

— Я бы сказала, все прошло хорошо.

— Хороша? То есть да? — сестра вцепилась мне в руку.

— Я не могу решать за него.

— Не может она! — фыркнула Сильви. — Сама-то как думаешь?

— Я думаю, что не хочу об этом думать! — огрызнулась.

— Ну и пожалуйста, — надулась сестра.

Она спрыгнула с кровати и направилась к двери, я подскочила и бросилась за ней.

— Сильви! Силь! Ну не обижайся, — схватила ее за плечи и развернула лицом к себе. — Я просто не особо хочу об этом говорить.

— Почему?!

— Потому что мне странно думать, что меня будут выбирать из кучи других девиц.

— Не из кучи, а из десяти, — хмыкнула сестра.

Я вздохнула.

— Слушай, давай просто замнем, а?

— Не понимаю я тебя, Лали! Ты хоть представляешь, что значит статус невесты Ландерстерга?

То, что я выбрана в качестве политической марионетки?

Этого я вслух не сказала.

— Расскажи лучше как дела в университете?

— А, что там может быть. Тоска, — Сильви вздохнула. — Учеба, учеба, учеба... зачеты. У тебя когда следующий, кстати?

— Послезавтра. Завтра еду на консультацию.

— А у меня через два дня. Политология. Ненавижу ее! Буэ! — сестра скривилась и сделала вид что ее тошнит. — Еще этот мерзкий Гундар, все время нудит: если вы не посетовали все мои лекции, сдать вам будет сложнее. Посмотрю я, какая у него будет физиономия, когда отец займет пост, а Ландерстерг сделает тебе предложение!

Я чуть не поперхнулась воздухом.

— То, что он сделает, даже не сомневаюсь. Ты всегда умела произвести впечатление.

Да, Сильви, как и отца, ждет большое разочарование. Я только надеюсь, что мы с ним из-за этого не поссоримся, потому что временами отец перегибает, но он все-таки мой отец, и я очень его люблю. И он меня тоже.

— Слушай! Ты давно заходила в соцсеть? На меня пять тысяч подписались, когда про отца объявили.

Я закатила глаза.

— Лали! Представляешь, что будет, когда...

— Силь!

Повторно надуться сестра не успела, нас снова прервала Ингрид. То, что она не в духе, было понятно по едва уловимо сведенным бровям (сильнее они у нее не сходились, потому что мачеха регулярно делала инъекции молодости).

— Девочки, — сказала она. — Я же просила не опаздывать к ужину.

— А мы и не опаздываем, — тут же нашлась Сильви. — Просто Лали долго спала...

Спасибо, сестра

— Но я ее разбудила, и мы уже идем.

— Чудесно, — произнесла Ингрид ровно тем самым тоном, которым могла бы сказать «Отвратительно». — В таком случае приводите себя в порядок и спускайтесь.

— Уфф, — выдохнула Сильви, когда за ней закрылась дверь. — Достала со своими ужинами! Что не так, если я поем отдельно чуть раньше ими чуть позже?

Вопрос Был риторический. Ингрид нигде не работала и проводила дни в салонах красоты, после чего возвращалась домой и высматривала новомодные тенденции во всех сферах, до которых могла дотянуться. Недавно она где-то вычитала, что для сплочения семьи необходимо хотя бы ужин (а в идеале завтрак, обед и ужин) посвящать совместному времяпровождению. В итоге мы, находясь в «переходном периоде на совместное трехразовое питание» собирались за ужином (особенно по этому поводу психовал отец), а если не собирались, потому что у него была важная встреча, психовать начинала Ингрид. Учитывая, что когда психовала Ингрид после начинали психовать все (ее психоз, видимо, передавался воздушно-капельным), проще было действительно поужинать вместе.

Поэтому Сильви убежала переодеваться: девушка должна выглядеть элегантно даже у себя дома за ужином (с) Ингрид, а я уставилась в зеркало. Слегка растрепанные, но все еще льющиеся по плечам крупными волнами волосы расчесала, надела платье, в котором можно разогнуться, а не сидеть, как будто ты проглотила палку.

— Все будет хорошо, — пообещала себе.

Папа поймет.

Нет, правда, поймет. Тем более что с образом Ландерстерга как-то не вязался разговор в стиле: «Ваша дочь сказала, что вы насильно решили выдать ее замуж», а просто отказ... ну, к отказу надо быть готовым. Если честно, я испытывала облегчение по поводу того, что все так быстро закончилось. Облегчение, никак не связанное с тем, что внутри что-то тоненько цапнуло при мысли о том, что мы больше не встретимся.

И с тем, что ладонь снова опалило пламенным льдом.

К счастью, эта страница моей жизни навсегда останется в прошлом, и завтра я снова стану просто студенткой, у которой на носу зачеты и защита. И кастинг в «Эрвилль де Олис»!

С этой мыслью я выпорхнула из комнаты, чтобы услышать внизу голоса. Отца, Ингрид и... брата?! Даргел исключался из «общего» ужина по той причине, что уже давно жил отдельно, но сегодня, видимо, решил заглянуть в гости. Себя я поймала сначала на лестнице, а потом — уже с визгом — в его объятиях. Под неодобрительным взглядом Ингрид обхватила его руками и заглянула в глаза, снизу вверх.

— Лали, — мягко произнес брат, целуя меня в макушку.

Имя «Лали», кстати, придумал он. Точнее, он говорил, что я так себя называла, когда училась разговаривать, и с тех пор оно ко мне прилипло.

— У-у-у, какой ты стал большой, — насмешливо произнесла я.

В ответ брат легонько щелкнул меня по носу.

— Чем обязаны?

— У нас сегодня большой день, — за него ответил отец, и я вопросительно посмотрела на него. Кажется, папа на меня совершенно точно не злился.

— Большой день? — Сильви присоединилась к нам.

— Да, — в голосе отца звучала гордость. — Сегодня Лаура стала невестой. Дочка, ты

молодец. Поздравляю!

Все, что сегодня произошло, кажется мне бредом. Или сном. Поэтому я упускаю момент, когда можно было спросить: «Что?!» — выпучив глаза на манер придушенной рыбки, и все по очереди бросаются меня поздравлять. Сначала — Сильви, которая виснет на нас с Даргелом, как елочное украшение и кричит мне в ухо: «Я знала, что моя сестра самая лучшая!»

Потом Ингрид которая говорит в своей манере (очень сдержанно):

— Поздравляю, Лаура.

И даже брат который всегда знал меня как облупленную, произносит это драконово:

— Поздравляю.

А я понимаю, что мне нечем дышать. Настолько нечем, что я выворачиваюсь из рук и со словами:

— Сейчас вернусь, — бросаюсь в сторону гостиной.

Там есть балкон: огромный, с панорамными окнами, и вид с него на заснеженный город просто потрясающий... Был бы, если бы перед нашим домом не выросла еще одна высотка. Тем не менее я стою, вцепившись в поручни и пытаюсь осознать случившееся. А случилось именно то, что один дракон меня просто-напросто нагрел!

«Я вас услышал»! — говорили они. Они — в смысле Его Иртахнейшейство, Торнгер Ландерстерг Первый, Единственный и Неповторимый.

И ведь как говорил, ископаемое! Так, что я повелась и поверила. Ни на секунду не усомнилась в том, что для меня все закончилось благополучно.

Морозный воздух впивается мне в кожу, остужая желание прямо сейчас набрать номер Ландерстерга (еще бы он у меня был) и поинтересоваться, с какой радости меня осчастливили величайшей честью. Я уже почти готова это сделать, когда на балкон выходит Даргел.

— Лали? — Он набрасывает мне на плечи пиджак, на мгновение возвращая в приемную Его Иртахнейшейства, и у меня перед глазами мелькает лицо Ландерстерга. Резкая линия бровей, прямой взгляд в упор, холодный и жесткий. — Все в порядке?

Я поворачиваюсь к брату. Даргел у нас в семье единственный темноволосый, он пошел в маму. Из-за этого, когда мы появляемся где-то вместе (там, где нас не знают) отовсюду доносится: «Красивая пара». Мы с ним тихо хихикаем, но сейчас мне не до смеха. Я смотрю в его фиолетовые глаза и думаю о том, что могу вот прямо сейчас все ему рассказать. Сказать, что я не собираюсь замуж за Ландерстерга, что все это — грандиозная ошибка, потому что одного высокопоставленного дракона перемкнуло, но у брата своя практика. У него только-только начинается карьера, и я знаю, что он однозначно примет мою сторону. А это значит — ссора с отцом, испорченный вечер и полная задница, выражаясь словами Рин. Рин, в отличие от меня, не стесняется в выражениях, и сейчас мне тоже не хочется стесняться. Все, что мне хочется — это поговорить с Ландерстергом и сказать, что я о нем думаю.

О нем и о его: «Я вас услышал»!

— Да. Просто это было несколько неожиданно, — приподнимаюсь на носочки и целую брата в щеку. По его глазам вижу, что он не готов закончить этот разговор, поэтому закрываю его сама. — Пойдем? А то у Ингрид случится дергоглазие, если мы опоздаем на ужин.

Дар смеется.

— Лали, ты неповторима. Ни на секунду не удивляюсь, что он тебя выбрал. — Брат закрывает дверцу балкона, и я возвращаю ему пиджак. — Ты уверена, что у вас все получится?

Дар не мог этого не спросить, но на сердце сразу становится тепло.

— Уверена, — говорю я.

— Тогда я спокоен.

В столовой, оформленной в белое с золотом, уже все сидят на своих местах. Отец во главе стола, слева от него Ингрид с Сильви, мы с Даргелом садимся справа. Мебель Ингрид выбирала лично, она же настояла на том, чтобы она была деревянной. В нашем мире дерево — символ роскоши. Равно как и бумага, потому что естественного роста деревьев из-за драконов не наблюдается.

Когда-то люди вообще жили под землей (охотились на драконов, драконы охотились на них), а вышли только когда появились иртыханы. Первые появились на другом континенте, произошли они от шаманов Пустынных земель, вливавших себе драконью кровь. У нас на Севере все было сложнее, потому что ледяное пламя гораздо страшнее огненного. Огонь можно погасить водой, ледяное пламя будет гореть, пока не растает вложенная в него драконом сила, а силы у снежных зверей просто через край. Их кровь выжигала большинство первых смельчаков, которые решили повторить опыт перворожденных. Их дыхание — наши земли. Долгое время Север был заснеженной пустыней, пока не появились первые сильные иртыханы.

Словом, деревья у нас исключительно в парках, и разводят их искусственно, но для Ингрид роскошь — неотъемлемая составляющая счастья. Она просто светится от восторга, когда видит зависть в глазах подруг. Здесь даже картины написанные на холстах, а не голографические. Тяжелые рамы напоминают о прошлых веках, и в них изображены легенды Ферверна.

— Прежде чем мы начнем, — голос отца возвращает меня в реальность. — Я бы хотел сказать, что у нас несколько меняются планы на праздничную ночь.

Праздничная ночь — ночь перехода из года в год, отмечается она с прошлого века, по приказу правящего тогда Верховного, который очень любил увеселения. Как-то так получилось, что сам праздник (и подготовка к нему) понравились не только иртыхам, но и людям, и с тех пор он прижился, и каждый год отмечается в каждой семье.

— Мы приглашены в загородную резиденцию Ландерстергов.

— О, — выдыхает Ингрид.

Глаза Сильви загораются таким восторгом, что мне кажется, сестра сейчас подпалит дорожку, заказанную матерью из Фияна, скатерть.

— Да, — продолжает отец. — И в эту же ночь состоится официальная помолвка.

Хорошо хоть не свадьба, и на том спасибо.

— Лаура? — Он смотрит на меня.

— А?

— Что же ты молчишь?

Да так, боюсь ненароком назвать Его Иртыханейшество Его Наблейшеством[Наблы — падальщики, живут в пустошах. Производное от набла часто используется в качестве ругательства], а так все в порядке.

— Дар речи потеряла от счастья.

Отец хмурится, но тут в дело вступает Ингрид:

— Юргарн! У нас же нет платьев. У девочек нет платьев...

— Ингрид, у нас еще целый месяц до...

— Всего месяц! Ты представляешь, как сложно найти нормальное платье? Даже если его шить на заказ, мне надо пролистать сто пятьдесят страниц самых разных журналов,

чтобы найти хоть что-то мало-мальски достойное!

— Ингрид, ты утрируешь, — качает головой отец. — Тебе мутно всего лишь пригласить стилиста, и он подберет тебя сто пятьдесят вариантов, из которых ты обязательно что-то выберешь.

— Думаешь, это так легко?!

— Гм. Тост, — говорит Дар, поднимая бокал, в котором плещется веоланское. Пузырьки поднимаются на поверхность с легким шипением. — За Лали, благодаря которой мы сегодня все сидим за этим столом.

— За Лали! — хором отзываются все.

Ингрид выглядит недовольной: ужин она всегда считала целиком и полностью своей заслугой, но Дар своим тостом перекрыл все ее достижения на столовом поприще. Чтобы сгладить эту неловкость, я пробую жаркое.

— Очень вкусно.

— Чудно, — отвечает мачеха кислым тоном.

— И к слову, Ландерстерг отказался беседовать с остальными претендентками, хотя ты, Лали, была третьей.

Я подавилась кусочком, который не успела прожевать. В итоге пару минут семья лицезрела красную меня, которую Дар тщетно хлопал по спине в попытках вернуть к нормальному дыханию.

— Все в порядке? — второй раз за вечер поинтересовался брат.

— Да. Очень дипломатично.

— Ты сейчас о чем? — Отец внимательно на меня смотрит.

— О том, что у него было еще семь прекрасных невест, которых он отказался смотреть.

Почему-то при мысли об этом мне хочется треснуть Его Иртханейшество ноутбуком. Никогда не замечала в себе такого, но его — хочется. Треснуть.

— Невесты и их семьи узнавали об этом за сутки до собеседования. Так что дипломатия тут ни при чем.

Ну да. Конечно! Дипломатия наше все.

— И раз уж мы заговорили о дипломатии. О выборе Ландерстерг объявит через два дня, и тебе нужно будет присутствовать на встрече с журналистами.

Ингрид бледнеет.

— Юргарн! Два дня!

— Это просто заявление, а не официальная помолвка, — отмахивается отец.

Я слушаю их, и у меня волосы шевелятся от количества приводящих меня в ужас слов. Заявление, журналисты, официальная помолвка, праздничная ночь в загородной резиденции Ландерстеров...

Я не хочу замуж!

Я хочу в шоу «Эрвилль де Олис». Но «Эрвилль де Олис» накроется драконьей задницей в тот самый момент, когда Ландерстерг сделает заявление. Первая ферна Ферверна — и гастроли в ледовом шоу?! Нет, жена Председателя Совета Аронгары, конечно, в свое время была певицей и даже выступала по всему миру, но... но...

Я не хочу замуж!

И если до высокопоставленного дракона это не дошло с первого раза, значит, дойдет со второго. Или я не Лаура Хэдфенгер!

Глава 4

На этот раз Айрлэнгер Харддарк встречает меня утренней свежестью. Точнее, утренней свежестью меня встречает Хайрмарг, пока я бегу от парковки до дверей, запахивая полы пальто. В прошлый раз я ничего этого не заметила, но сейчас я подмечаю буквально каждую деталь. И снежную звезду на темно-синем фоне — флаг Ферверна, и дракона, сплавленного из стали, льда и снежного пламени, над линией излома гор — это уже герб Ландерстергов, и четкую, размеренную динамику, которая здесь повсюду. Сотрудники Айрлэнгер Харддарк — и люди, и иртханы сейчас представляются мне винтиками огромного механизма, сплавленными лазером правительственной махины.

— К ферну Ландерстергу, — сдержанно говорю я, когда у секретаря от удивления расширяются глаза.

— Но вы не записаны...

— Уверена, он возражать не станет.

Секретарь теряет дар речи. На миг. Потому что уже в следующее мгновение она говорит:

— Позвольте ваше пальто, ферна Хэдфенгер.

— Не стоит беспокоиться, — поворачиваюсь к шкафу. — Я повешу сама.

Пока что в приемной никого больше нет: никого, кроме нас с ней. Еще бы, на часах нет и восьми, но я решила, что откладывать не стоит. Во-первых, я привыкла решать спорные вопросы сразу, а во-вторых, после обеда у меня консультация к зачету по теории вероятностей. Этой теорией уже давно занимаются машины, но мы все равно ее проходим «чтобы было».

— Хотите кофе? — интересуется секретарь.

— Нет, благодарю, — отвечаю я. — Ферн Ландерстерг у себя?

— Нет. Его пока нет.

Власть опаздывает.

— В таком случае я подожду, — собираюсь уже устроиться на стуле, когда власть входит в приемную и застывает. Точнее, застываем мы оба: этот дракон с ароматом морозной свежести, и я, потому что уже настроилась на «просто спокойно посидеть пять минут».

— Ферна Хэдфенгер, — говорит он, как будто сомневается в том, что у него не галлюцинации.

— Ферн Ландерстерг, — отвечаю я.

Секретарь смотрит на него. Потом на меня.

Первым, разумеется, в себя приходит дракон: широким шагом преодолевая жалкое для него расстояние до двери, распахивает ее и скрывается внутри. Дверь с мягким щелчком закрывается. Потом раскрывается, и меня награждают таким звериным взглядом, что по любой теории (включая теорию вероятностей) мне полагается осыпаться ледяной крошкой, и в таком состоянии просочиться в дверь.

Вопреки этому, в кабинет я прохожу довольно бодрой походкой, и каблучки полусапожек звонко стучат по полу. Правда, стоит мне оказаться в его кабинете, как вокруг ощутимо, градусов так на десять, холодает.

— Соизволите объяснить, что вы делаете здесь в такое время? — произносит он, возвышаясь надо мной и подавляя одним своим ростом.

Вот честно, это нечестно.

— У меня к вам очень важный деловой разговор.

— Важный? — зачем-то уточняет этот дракон.

Я киваю.

— Деловой?

— Деловой.

— В таком случае вы должны знать, что о важных деловых разговорах договариваются заранее.

— О том, чтобы объявить кого-то своей невестой, тоже заранее договариваются с невестой.

Взгляд Ландерстерга тяжелеет, падает на плечи. Каким образом меня еще не впечатало в пол, не представляю, но глаз не отвожу. За то время, что мы играем в гляделки, я успеваю несколько раз покрыться ледяной корочкой, парочку — воспламениться, вспотеть, замерзнуть и еще десять раз вспомнить маму дракона за то, что она его мама. Когда он, наконец, отворачивается и идет к столу, на ходу сбрасывая пальто, у меня получается выдохнуть. Надеюсь, не очень громко, и я тут же перекрываю свой вздох стуком каблучков.

— Мы с вами будем прекрасной парой, — говорит он, даже не глядя в мою сторону.

— Я так не думаю.

— Зря. Вы мне подходите, Лаура. Вы обладаете достаточной смелостью, чтобы войти в мой кабинет без стука и достаточной рассудительностью, чтобы не противопоставлять свои эмоции тому, что не можете изменить. После того, что я в вас увидел, у меня нет никаких сомнений, что из вас получится прекрасная супруга.

Я открываю рот. Потом закрываю. Если это был комплимент, то не подавился он им исключительно чудом: суше этих слов только булка, хранящаяся в музее «Удивительные вещи» в центре Хайрмарга. Этой булке двести пятьдесят лет, она была законсервирована с помощью особого состава производителем (сейчас у его потомков крутая сеть пекарен) и передавалась из поколения в поколение, пока не попала в музей за большие деньги. Кстати, на тему этого до сих пор идут споры, правда этой булке двести пятьдесят лет, или это пиар-ход сети пекарен «Ешь со вкусом».

— О чем задумались, Лаура?

— О булках, — говорю я. — И о маркетинге.

Кажется, это нарушает привычный ход мыслей Ландерстерга, потому что его рука замирает над кнопкой включения ноутбука.

— Крайне последовательно, — произносит он, наконец.

— Вашей последовательности тоже можно только удивляться.

— Что именно показалось вам непоследовательным?

Да он издевается!

— Вчера я сказала о том, что не хочу за вас замуж.

— За меня?

— Вообще! Я вообще не хочу замуж, — говорю я. — У меня впереди целая жизнь, и я не хочу...

— С тем, чего вы не хотите, мы разобрались, — меня перебивают раньше, чем я успеваю закончить.

— Видимо, не до конца. — От его близости по коже тянет холодом, а внутри жаром. Я прямо-таки чувствую, как превращаюсь в гигантское ходячее само противоречие, поэтому складываю руки на груди. — Откажитесь от меня, ферн Ландерстерг.

— Я не привык отказываться от выгодных сделок.

Что я там говорила про булку? У него драконовластие головного мозга!

— Я вам не выгодная сделка, — говорю я. — Я — живой человек, и у меня есть свои чувства. Я уже сказала, что не собираюсь за вас замуж, и вам придется это принять!

В меня ударяет таким холодом, что я не покрываюсь наростами из сосулек только по какой-то счастливой случайности.

— Собираетесь вы за меня замуж, Лаура, или нет, — произносит он, глядя мне в глаза, так четко, что слова собираются крупными льдинками и с хрустом, как под его ботинками, рассыпаются на кристаллики, — мне все равно.

Сказано это с такой интонацией, что не остается ни малейшего сомнения: ему действительно все равно.

Ах, так?

— Собираетесь вы на мне жениться, ферн Ландерстерг, или нет, — говорю я, возвращая ему его взгляд, — мне все равно.

Разворачиваюсь, иду к двери, но раньше, чем успеваю сделать два шага, по двери и стенам проходит легкая рябь силового щита, запирающего кабинет. То, что мы заблокированы внутри, понимаю, лишь развернувшись к Ландерстергу он касается панели управления, и она беззвучно втягивается в стоп. Глаза дракона темно-синие, но из-за холодного света сверкают металлическим блеском. Совсем как поверхность его стола.

— Вы что сделали?!

— Закрыл дверь. — Ландерстерг опускается в кресло и пододвигает к себе ноутбук. — Есть такая методика переговоров. Когда партнер на эмоциях не готов идти на контакт, ему нужно провести какое-то время в тишине и покое. В раздумьях.

— Вы не имеете права меня здесь удерживать!

— А я вас удерживаю?

Он поднимает голову, взгляд его по-прежнему человеческий, но по ощущениям, в кабинете похолодало еще сильнее. По крайней мере, сейчас я искренне жалею о том, что вообще сняла пальто.

— Вы закрыли дверь.

— Чтобы не позволить вам наделать глупостей.

— Глупостей?!

— Садитесь, Лаура. Нам предстоит долгий день. Прежде чем я успеваю ответить, Ландерстерг касается коммуникатора: — Одер, беспокоить только в форс-мажорных ситуациях. Во всех остальных случаях всю информацию переключай на Стенгерберга. Нет, кофе не нужен. Все.

Пока он отдает приказы, я стою с открытым ртом. Когда щелчок коммуникатора возвещает о том, что мы снова остались одни, обретаю дар речи:

— Выпустите меня!

— Только после того, как вас перестанут посещать мысли о том, чтобы расторгнуть наше соглашение.

— Я не заключала с вами никакого соглашения!

— Заключали, Лаура.

Взгляд его скользит по моим ногам, почему-то заставляя их становиться ватными. А еще

вспоминать, как вчера платье поползло наверх, открывая край чулок, и потемневший драконий взгляд. Сейчас он примерно такой же, с той лишь разницей, что в морозное напряжение врывается обжигающий жар, от которого становится нечем дышать.

Хотите переговоров? Будут вам переговоры.

Я подхожу к диванчику, стоящему у стеллажей, демонстративно усаживаюсь на него и подтягиваю укороченную юбку-карандаш повыше. Разумеется, исключительно чтобы сесть. На самом деле край чулок теперь выглядывает гораздо более откровенно, чем вчера. Закидываю ногу на ногу и слышу грохот захлопнутого ящика стола. С таким треском, что я уже приблизительно представляю, как стол разваливается на части, а посреди обломков сидит правящий дракон. Картина настолько привлекательная, что уголки губ сами собой разъезжаются в стороны.

Я достаю телефон и делаю несколько снимков раньше, чем Ландерстерг успевает опомниться.

— Вы что творите?! — рычит он.

— Как — что? — поднимаю на него глаза. — Всего несколько кадров для живой ленты [Живая лента — аналог сторис в Инстаграм]. Вы же знаете, как в наше время ценится уникальный контент.

Прежде чем я успеваю открыть соцсеть, дракон оказывается рядом, а мой телефон — у него. Сам он опирается о спинку дивана, нависая надо мной. Металлический взгляд врезается в мой, проникая в меня так глубоко, что перехватывает дыхание.

— Находите это смешным? — жестко интересуется он.

Его руки слишком близко от моих плеч, а лицо — совершенно точно близко от моего. Хищное, такое же жесткое, как он сам. Одна его ладонь на подлокотнике, под ней — мой телефон, сейчас напоминающий доживающую последние минуты хрупкую пластинку. Вторая — на спинке дивана, поверх моих волос. Я только сейчас это поняла, когда шевельнулась. Под расстегнутым пиджаком перекачиваются литые мышцы, под этим взглядом хочется закрыться... или раскрыться на полную. Подчиняясь этой звериной власти, яростной и стремительной, позволить ему бесстыдно стекать по плечам в вырез блузки.

Пламя ирхтанов очень притягательно для людей, и на него можно подсесть, притом подсесть основательно. Я всей кожей ощутила, как волоски встали дыбом, а губы вспыхнули, словно в них уже впились его, оставляя клеймо-ожог.

— Ни разу. Отдайте мой телефон.

— Когда соберетесь домой, Лаура, — произносит он, оттолкнувшись от дивана и выпрямившись, — получите свой телефон обратно. А пока наслаждайтесь

Внутри меня все еще потряхивает, а усилившееся желание треснуть этого самца дракона планшетом становится совершенно невыносимым.

— А если я захочу в туалет?

— Значит, решение вам придется принимать экстренно, под давлением внешних обстоятельств.

Он возвращается за стол, сомкнувшаяся пасть ящика стола сжирает мой телефон, после чего Ландерстерг погружается в работу. Мне остается только за ним наблюдать: выражение его лица вообще не меняется, эта жесткая маска настолько срослась с хищными чертами, что я даже не представляю, бывает ли он когда-то другим. Например, во время оргазма...

При мысли об этом внутри все вспыхивает, как от прикосновения к лазерному лучу и кажется, даже щеки начинают пылать. Н-ну-у уж нет! Своего мужчину я выберу сама, и своего мужа — тоже. Никаких влечений через драконье пламя, а тем более к тому, кому «все равно»!

Поскольку телефон у меня отобрали, я достаю планшет. Красноречивый взгляд Ландерстерга в мою сторону заставляет приподнять бровь.

— Что? Здесь нет ваших драконобесподобных фото.

Поскольку дракон по-прежнему смотрит на меня, поясняю:

— У меня завтра зачет. Мне надо готовиться.

— Зачет по чему?

— По теории вероятностей.

— Зачем вам теория вероятности, Лаура? Девушке, которая увлекается танцами на льду и воздушной гимнастикой?

Ну надо же! И это уже выяснил.

— Чтобы рассчитать вероятность того, что наш брак не состоится даже в случае согласия двух сторон и самых благоприятных обстоятельств.

В глазах Ландерстерга снова появляется металлический блеск, но продолжения разговора я не дожидаясь, утыкаюсь в планшет.

Зачетные материалы отказываются лезть мне в голову, они вообще туда не помещаются, особенно учитывая присутствие дракона, который действует мне на нервы. Правильнее было бы сказать, действует на мои инстинкты, которые совершенно точно обостряются, когда я вхожу в его кабинет.

С этим определенно надо что-то делать. С этим, а еще с тем, что я оказалась в заложниках у драконогада. Когда меня посещает последняя мысль, по стенам вновь проходит легкая рябь. Я замечаю это исключительно потому, что сижу рядом со стеллажами, и легкие блики стекают по зеркальным граням. Ландерстерг поднимается из-за стола.

— Что, экстренная ситуация под давлением внешних обстоятельств? — интересуюсь, глядя на него снизу вверх.

— Нет, — он достает телефон и протягивает мне. — Я провожаю свою невесту.

— Я вам не невеста! — шиплю я, вскакивая с дивана. — И...

— Теперь вы совершенно точно моя невеста. — Дракон касается моего подбородка, и меня снова опалает льдом. Как от прикосновения к ладони, только гораздо ярче и острее. — Потому что мы с вами правели... — Ландерстерг смотрит на часы, — почти два часа в закрытом кабинете.

Несколько мгновений до меня доходит смысл его слов. Потом я краснею, бледнею и снова краснею до состояния сердцевины факела.

— Вы... — шиплю я. — Вы...

Во мне не находится цензурных слов а те, что находятся, достойны справочника по простонародному фервернскому для раздела «Уровень: виртуоз».

— Я — политик, Лаура, — подсказывает этот... дракон. — И чем раньше вы это поймете, тем лучше.

— Вы драконья задница!

Вижу, как расширяются его глаза, а потом вылетаю в приемную. Только за дверью понимаю, что сверкающие глаза, пунцовые щеки и скорость, с которой я оттуда вылетела, однозначно говорят в пользу его идеи. За это еще раз пять вспоминаю драконью маму и желаю Ландерстергу родиться обратно. Под взглядами секретарей бросаюсь к шкафу, пытаюсь сорвать с вешалки пальто, и дергаюсь, потому что на мои пальцы ложится сильная ладонь. Если первое прикосновение обожгло, то это заставляет сердце врезаться в ребра, как от удара дефибриллятора. Меня прошивает адреналиновой

вспышкой, сквозь каждую клеточку тела прокатывается пламя.

— Одер, вызови Хестора, — Ландерстерг накидывает пальто мне на плечи. — Пусть отвезет ферну Хэдфенгер, куда она попросит.

Секретарь тут же касается коммуникатора.

— С вами свяжутся, Лаура, — сообщают мне в приказном порядке.

После чего разворачиваются и скрываются за дверями кабинета, оставив меня с мыслью о том, что Ландерстерг — полная и безоговорочная драконья задница. А я по уши в ней.

Глава 5

— Лаура! Лори! Лали! — сестра перебрала все имена, которыми меня когда-либо называли, но я даже вспомнить не могу, о чем она говорила.

Хайрмаргский Государственный Университет, где (и только здесь) достойны были учиться дочери Юргарна Хэдфенгера, располагается в самом центре столицы. Здесь в свое время учился Даргел, как и отец. И мама. Здесь же они познакомились, но для меня это место — всего лишь проходной этап. Когда я поняла, чем хочу заниматься, отец категорически отказался отдавать меня в спорт, но у нас с ним была договоренность. Я заканчиваю университет по специальности менеджмент и маркетинг, чтобы в будущем иметь возможность открыть собственную школу воздушного танца.

О том, что собственной школы у меня не будет, я поняла курсе этак на третьем. Во-первых, преподавательница из меня, как из дракона балерина, а во-вторых, я просто физически не смогу усидеть на месте. Мне не хочется преподавать, мне хочется парить! Как бы там ни было, скоро я защищаю выпускной проект, и моя часть сделки выполнена. И если (а точнее, когда) мне предложат выступать в «Эрвилль де Олис», я уже в ближайший год поеду в гастроли по всему миру!

«Счастливым» брак с Торнгером Ландерстергом в это уравнение ну никак не вписывается!

— Лал? — Сильви толкает меня. — Еще чуть-чуть, и я решу, что ты меня игнорируешь.

— Я просто не совсем проснулась.

— Ты не совсем проснулась? Ты с утра уже бегала к своей Ринаре.

— Она не моя, — автоматически поправляю сестру.

И снова вспоминаю сегодняшний разговор с Ландерстергом. Сильви нужно на пары, а мне на консультацию, и сбежать из дома с утра мне удалось исключительно под предлогом того, что мне надо готовиться к зачету вместе с лучшей подругой. Правда, после визита в Айрлэнгер Харддарк и речи не шло о том, чтобы ехать к Рин. Я попросила выданного мне «счастливым женихом» водителя отвезти меня дамой, сказала, что Рин пришлось срочно везти родителям ключи, и вообще врала так вдохновенно, что мне позавидовали бы все политики Ферверна, вместе взятые. Если не всего мира.

После чего закрылась в своей комнате и долго смотрела в потолок, вспоминая всю драконову родню до седьмого хвоста.

Два часа в закрытом кабинете!

«После того, что я в вас увидел, у меня нет никаких сомнений, что из вас получится прекрасная супруга».

Увидел-увидел! Сказала бы я, что он во мне увидел! Краешек чулок, драконофетишист недоделанный!

— Так что? Расскажем сегодня всем? — Сильви мне заговорщицки подмигивает.

— Нет!

Это выходит чуть резче, чем я планировала, но сестра сдаваться не собирается.

— Почему? Слушай, ну вы же завтра вечером все равно об этом объявите, и...

— Потому что, — я качаю головой. — Сильви, нет. Если хоть кто-то об этом узнает...

Сестра надувает губы.

— Зануда ты, Лали

Может, я и зануда, но свадьбы не будет. Пусть я пока не придумала, как ее избежать, но обязательно придумаю. Поэтому рассказывать не о чем, но говорить об этом сестре — не

самый лучший вариант. Не то чтобы Сильви не умеет хранить секреты, но она спит и видит меня женой Ландерстерга, равно как и вся моя семья. Кроме Даргела, может быть.

Водитель на нас косится, и Сильви делает вид, что увлечена поисками чего-то в своей сумочке. Не только из-за водителя, я представляю, как ей хотелось произвести фурор среди однокурсников, поэтому сейчас она на меня дует.

— Сильви. Силь.

— А? — Она по-прежнему копается в сумке.

— Давай дома об этом поговорим, хорошо?

— А не о чем тут говорить! — выпаливает сестра и вылетает из флайса, едва он садится на парковке. Она летит по дорожке и скрывается за дверями верхней парковки раньше, чем я успеваю сказать: «Ик», — и выйти из машины.

— Удачного дня, ферна, — желает водитель.

— И вам, — я улыбаюсь.

Все-таки запахиваю полы пальто (когда такое яркое солнце, холода просто зверские), и тоже бегу по дорожкам ко входу.

Хайрмаргский Государственный Университет занимает пять кварталов. Это несколько монументальных высоток, соединенных между собой основным зданием в форме пирамиды. Этаж, где расположена парковка — административный, здесь сидит бухгалтерия, маркетологи и все остальные, кто отвечает за благополучие и статус университета. Ректор, разумеется, тоже обитает здесь.

Стеклянные грани здания отражают свет, поэтому даже несмотря на наличие солнцезащитных очков мне хочется зажмуриться. Я влетаю в холл, окутывающий меня теплом после колючего зимнего дня, прикладываю студенческий пропуск к турникету, здороваюсь с охранником.

Сканирующая капсула пропускает меня внутрь, и перед глазами возникает металлический дракон, вонзающий кости в книгу. Эту символику придумал основатель университета два века назад. По его мнению, это должно было отображать стремление к знанию, но как по мне, вышел перебор с пафосом. Во-первых, драконы в нашей Академии не учатся: у иртеханов свои учебные заведения, а во-вторых, книги — настоящие, напечатанные — у нас на вес золота, и вместо восхищения у меня желание дать дракону поджопник.

Не только у меня.

Когда я сказала об этом Рин, она смеялась до икоты и чуть не подавилась кофе.

Тем не менее у дракона голографическая чешуя и подсветка, поэтому глаза у него сейчас горят ледяным пламенем. Мощным, яростным, растекающимся от его морды в воздух. Не удержавшись, показываю ему язык (представляя на его месте Ландерстерга), и шагаю к лифтам.

Как раз в тот момент, когда меня перехватывают за локоть.

— Лаура! Надо поговорить.

О нет. Нет-нет-нет.

Оборачиваюсь: передо мной Мистхард во всей красе. Мой бывший парень, с которым я встречалась целых два года. Мой бывший парень, которого я застучала лапающим второкурсницу с экономического факультета. Это случилось пару месяцев назад, и за это время я почти смирилась с тем, что мы с ним больше не пара, и что в новый год пойдем порознь. Все это время он держался от меня подальше, что просто, учитывая, что мы на разных факультетах.

Да, он тоже выпускник, но на экономическом. Вот пусть и дальше... экономит.

— Некогда, — отвечаю я.

— Лори, пожалуйста.

— Не пожалуйста.

Я сбрасываю его локоть и иду к лифтам. С идеально прямой спиной, стараясь не думать о том, как он встречал меня в холле, у капсулы безопасности, а потом провожал до аудитории. О том, как в прошлом году мы пили веоланское, встречая год, а потом в центре забрасывали друг друга снежками и катались с горок. Я бы, если честно, с радостью стерла все это из памяти, и ведь мне почти удалось. Точнее, почти удавалось. До настоящей минуты.

— Лори, я был наблом. Правда.

— Правда, — подтверждаю я, не останавливаясь.

Учитывая, что быстро ходить в узкой юбке не представляется возможным, Мисту не приходится особо напрягаться, чтобы идти рядом. Поскольку я на него не смотрю, он забегает вперед и смотрит мне в глаза.

— Лаура. Ну мы же взрослые люди, правда?

Вот теперь я останавливаюсь.

— Да. Совершенно точно. И как взрослая женщина, я говорю тебе — уйди с дороги.

— Лори, я ошибся. Мы все ошибаемся.

— С кем не бывает, — я пытаюсь его обойти, но он не позволяет.

Волосы у него зачесаны назад, уложены по последней моде. Что касается моды, в этом Мистхард всегда был впереди планеты всей, и все в университете за ним повторяли. Девчонки на него западали с первого взгляда: красавчик, как с Вайшеррских холмов[Вайшеррские холмы находятся в крупнейшем мегаполисе другой страны, Аронгары, и являются символом современной киноиндустрии] сошел, только в кино сниматься. Высокие скулы, точеная линия губ, стильные прикиды. Мне он всегда казался безумно стильным, но сейчас, глядя на него, я почему-то вспомнила драконью резкость черт Ландерстерга.

С какой радости я вообще их сравниваю?!

Мист воспринимает паузу по-своему и вскидывает руки вверх.

— Лори, я ошибался, — быстро говорит он. — Я действительно ошибся, но когда мы с тобой расстались, я понял, что не хочу и не могу без тебя жить.

— Ты это понял до или после того, как моего отца выбрали? — интересуюсь я, глядя ему в глаза.

Какое-то время он пытается переварить услышанное, а потом выдает:

— Ну ты и ларрка, Хэдфенгер!

— Рада, что мы сразу это прояснили, — сообщаю с милой улыбкой. — Дай пройти.

— Что, теперь я для тебя слишком мелкая сошка? — почти шипит он.

— Угадал.

Теперь уже беспрепятственно его обхожу и, наконец-то, останавливаюсь у лифтов. Здесь десять капсул, но они все время набиваются битком. Сейчас время первой пары (и только что закончилась нулевая), поэтому меня буквально впечатывает в стеклянную стену. По желанию стены матируются — нужно только нажать кнопку на панели, но никто из собравшихся высоты не боится, поэтому мы спускаемся в прозрачной капсуле.

Нужная мне аудитория, где будет проходить консультация перед зачетом, уже заполнена однокурсниками.

— Всем привет! — говорю я и ищу взглядом Рин.

Она вскакивает.

— Подруга!

Под ответные приветствия поднимаюсь на пятый ряд и бросаю сумку на кресло. Только сейчас поняла, что забыла снять пальто.

— Лал? — Рин смотрит на меня. — Что-то случилось?

Случилось. Но про Ландерстерга я пока не готова говорить даже с Рин.

— С Мистом столкнулась в холле.

— Что было нужно этому наблу? — деловито интересуется подруга.

Вот за что я люблю Ринни, так это за то, что она называет вещи и людей своими именами.

— Помириться хотел.

— А. Ну ты как?

— Я... — Я хочу ответить и не успеваю, потому что к нам подходят однокурсники, чтобы поздравить моего отца с назначением, а еще потому, что понимаю, что я по поводу бывшего парня не испытываю никаких чувств. На самом деле я дико боялась праздников, потому что представляла, как меня может накрыть, а сейчас думаю об этом совершенно спокойно.

О том, что Мистхард с его лапами на заднице второкурсницы остался в прошлом.

В аудиторию врывается звонок и входит преподаватель, это заставляет народ отхлынуть от нашего ряда. Поскрипывают аэростулья, слышны звуки выкладываемых на стул планшетов. На меня еще оборачиваются, поднимают вверх большие пальцы, и я улыбаюсь. Как будто это мне предстоит войти в правление Хайрмарга, но с этим уже ничего нельзя поделать. А вот с тем, что случится завтра, еще можно.

— М? — переспрашивает Ринни, теперь уже шепотом.

В отличие от меня, у нее угольно-черные, прямые волосы, а кожа еще светлее моей. Раскосые темные глаза придают ее лицу привлекательную экзотичность, Ринни об этом знает и прекрасно этим пользуется.

— Все в порядке, — говорю я.

— Точно?

— Точно.

— Ну и ладно, — она достает из сумочки леденец, один сует мне, другой в рот. Шуршит обертка.

Преподаватель смотрит на нас, но Ринни делает вид что увлечена тем, что он говорит, указывая на голограмму. Мне надо бы сосредоточиться по поводу предстоящего зачета, но я не могу, у меня в голове опять один Ландерстерг, чтоб его драконы сожрали! Нет, ну почему нельзя было сделать все по-человечески?

В смысле, по-драконовски...

В смысле...

ТЬфу!

— А я вот, — Ринни скользит ладонью по столу, демонстрируя мне кольцо.

У меня округляются глаза, в тот самый момент, когда невысокий худосочный ферн Баргман, наш преподаватель по теории вероятностей, повышает голос. — Ринара Рибельгар!

— Да?

— Вы соизволили прийти ко мне на консультацию, я безумно польщен. И буду польщен еще больше, если вы перестанете отвлекать ферну Хэдфенгер и остальных своими, вне всякого сомнения, важными новостями, до окончания консультации.

— Фа, — отвечает Ринни.

То есть она отвечает «Да», но из-за леденца это звучит как «Фа», и следом раздается хруст. Девчонки на первом ряду хихикают, и по аудитории проносятся смешки. Ферн Баргман открывает было рот, потом закрывает и снова поворачивается к голограмме.

— Так вот, если вы хотите сдать мне зачет, — это звучит почти угрожающе, и смешки сразу стихают, — вам придется...

— Принести жертву богам теории вероятностей. — Ринара произносит это еле слышно, но я все равно улыбаюсь. — Скажи, с тобой сейчас клево дружить?

Я улыбаюсь еще шире. Ринни — одна из тех людей, кому совершенно без разницы статусы и ранги. В том, что ее дружба искренняя, я никогда не сомневалась, и не стану.

— Ешь леденец, — говорит она, все так же, одними губами. — И слушай. Не его. Меня.

Леденец оказывается кисло-сладким, и мне сразу хочется пить. Кислоты в нем столько, что он может перебить даже вкус лица, самого кислочего фрукта, который мне когда-либо доводилось пробовать.

— Так вот, — говорит она, проследив мой устремленный на кольцо взгляд — Сэфл сделал мне предложение.

— Что?!

— Очешуеть, да. Его предки были не в восторге, и если честно, я думала, они нам все испортят, но тут вышла эта реформа, — Ринни крутит кольцо, — и... вот так все и случилось.

— Поздравляю! — искренне говорю я.

Ринни и Сэфл встречались три года. Он ненамного ее старше, но он — иртвахан, и выглядит по-мужски круто. Если честно, сомневаюсь, что им могли что-то испортить, потому что Сэфл решил — Сэфл сделал. Он мергхандар, военнообязанный, причем довольно высокого ранга. И то, что его родители видели в невестах сына иртваханессу, для него не играет никакой роли.

— Вообще нормально так, да? — продолжает рассуждать Ринни. — Раньше связь иртвахана с обычной женщиной считалась чем-то гораздо худшим, чем связь иртвахана с виари[Виары — карликовые драконы. Дикие живут в пустошах, одомашненные содержатся в качестве домашних любимцев. Виари — самка виара].

Я чудом не давлюсь леденцом.

— Так что знаешь, я, пожалуй, и на следующих выборах поддержу Ландерстерга. — Она смотрит на голограмму, вокруг которой бегают преподаватель и плавают закорючки математических формул. — Чего и тебе советую. Хотя ты теперь точно в его лагере, да?

Я глотаю леденец. Целиком. Он застревает у меня в горле, и все, что я могу сделать — это сдавленно икнуть.

— Что? — интересуется Ринни.

— Ничего. — Мой голос напоминает шипение, но леденец уже прошел куда надо. — Все в

порядке.

— Ты сегодня это уже второй раз говоришь. Ты знала, что по статистике те, кто чаще всего говорит «Все в порядке», обычно совершенно не в порядке? Шучу, расслабься!

Ринни счастлива, и верный признак того, что она счастлива — как раз то, что она говорит без умолку. Для меня наблюдать за такой Рин сплошное удовольствие, вдвойне удовольствие думать о том, что скоро они с Сэфлом станут мужем и женой. Только сейчас я понимаю, что еще ничего не сказала про «Эрвилль де Олис», открываю было рот, но тут же его закрываю.

Не хочу говорить, пока не будет решен вопрос с Ландерстергом.

— Мы сегодня идем на каток, — говорит она. — Хочешь с нами?

Хочу! Я действительно туда безумно хочу, не говоря уже о том, что хочу пойти на каток с лучшими друзьями, но мне надо придумать план, как избавиться от замужества. Поскольку вторая сторона не партнер, а оппонент, думать надо в одиночестве, а на это потребуется время.

— Во сколько?

— Вечером, после восьми. Сразу, как Сэфл освободится. Знаешь, там еще будет его друг. — Ринни заговорщицки мне подмигивает. — Он очень хочет научиться кататься на коньках. Возьмешься?

— Эй!

— Да. — Она широко улыбается. — Ты все правильно поняла. Я действительно старая сводница, но у меня личный интерес: я хочу, чтобы в праздничную ночь ты присоединилась к нам уже со своим парнем.

Праздничная ночь... парень...

В моем сознании что-то щелкает, как если в запечатанной плотными жалюзи комнате ночью включить лампочку.

— После восьми мне подходит!

Ринни вскидывает руку, игнорируя кислое лицо преподавателя:

— Заметано!

Я бью в раскрытую ладонь и прячу улыбку.

Ферн Ландерстерг, готовьтесь к сюрпризу!

Глава 6

Центральный каток Хаймарга — это и достопримечательность, и чудо света. Самый большой в мире, он открывается в середине осени, когда минусовая температура уже устанавливается днем и держится без перепадов в ноль и плюс. Это огромное ледяное кольцо, окружающее малый центр столицы, но малый центр — это и без того восемнадцать станций на кольцевой аэроэкспресса. Словом, кататься здесь можно очень долго, любясь праздничными украшениями и голограммами, протянувшимися вдоль бортиков и надо льдом. Здесь же расположены всякие сувенирные магазинчики и кафе, где можно как посидеть на открытых террасах (аэростулья с подогревом и пледы смягчают даже самые колючие холода), так и взять напитки с собой. Правда, алкоголь, даже самый слабый, проносить на каток нельзя, так что если хочется согреться шантвейном, приходится задержаться в кафе или в ресторане.

Это место — как зимняя сказка, оно словно вырвано из города: справа и слева возвышаются высотки, а ты словно провалилась в сказочную долину со своим особым настроением и атмосферой.

— Фух! Я уже думала, не дождусь. Три аэроэкспресса пришлось пропустить, представляешь? Влезть не могла, — сообщает Ринни, падая на скамейку рядом со мной. Лезет в расчерченную сиреневыми полосами сумку за коньками, и тут же подсказывает.

А потом бросается навстречу приближающемуся Сэфлу и, совершенно не стесняясь, целует его в губы. Я вглядываюсь в лицо идущего рядом с ним мужчины: высокий, темноволосый, он точно так же вглядывается в мое. Я поднимаюсь и шагаю к ним.

— Лаура! — Сэфл машет мне.

В отличие от своего друга, он не очень высокий, на полголовы выше Рин и меня, но военная выправка чувствуется в ширине плеч и в каждом движении. У него волосы как огонь, а пламя ледяное, как и у большинства фервернцев, и цвет газ как под его силу подбирали — льдисто-голубой.

— Сэфл! — я улыбаюсь.

— Так, прежде чем мы все пойдем кататься, я вынужден предупредить — Бенгарн этого делать не умеет.

— Отличное представление, — смеется его друг. — Но я лучше сам. Лаура? Или ферна Хэдфенгер?

— Ой нет, только не последнее.

У него теплые глаза. Настолько теплые, что кажется даже странным видеть фервернца с глазами цвета расплавленного золота под темным стеклом.

— Отлично. Меня можно звать просто Бен. — Он протягивает мне руку, и я вижу, как в темных глазах вспыхивают искорки пламени. Друг Сэфла тоже ир்தхан, но насколько необычная его внешность, настолько необычный и его огонь. Искры не алые, они оранжевые, а это цвет истинного пламени.

Достаточно редкого, ставшего объединением алого с желтым.

Раньше такие знания людям были недоступны, но это раньше. Изменения в нашем мире начались несколько лет назад, с тех пор информацию про пламя ир்தханов включили даже в школьную программу.

— Здорово, Бен, — я улыбаюсь. — Значит, тебе нужен урок по катанию на коньках?

— Именно, — отвечает он. В глазах пляшут смешинки. — Что нам потребуется для начала?

— Для начала нам потребуются коньки.

— Их у меня нет.

— Зато вот там есть прокат, — я указываю на вывеску.

— Поможешь мне с выбором?

Я смотрю ему в глаза и понимаю, что с удовольствием продолжила бы наше знакомство. С другой стороны, почему продолжила бы?! Когда все закончится с Ландерстергом, я действительно буду свободна. Да о чем я вообще?! Я и сейчас свободна, просто кто-то решил, что я его собственность, потому что идеально ему подхожу и из меня получится «прекрасная супруга».

Настроение стремительно падает, примерно как показатели на внешних термометрах, когда приходит Ледяная волна. Обычно она случается ближе к концу зимы, город накрывает безветрием и морозами, как если бы мы попали под дыхание ледяного дракона. Морозы такие, что выходить на улицы без специальных масок нельзя, температура критическая, и пара минут без защиты может закончиться очень плачевно.

Обычно большинство фервернцев предпочитают брать отпуска на этот сезон, и разъезжаются по теплым странам, либо в города с более мягким климатом. На этот период во всех школах каникулы, во всех университетах не ставятся пропуски (при учете, что все сдаешь, разумеется). Оставшиеся в городе либо сидят по домам и в офисах, либо «переезжают» в торговые центры. Выручка в такие дни чуть ли не выше, чем на предпраздничных неделях, то есть сейчас.

— Разумеется, — отвечаю. — Рин...

— Я не дам никому стащить твои коньки, — смеется подруга. — Даже Сэфлу.

Сэфл притягивает ее к себе и кусает за мочку уха под плотной шерстяной повязкой, Рин наигранно вскрикивает, а он уже целует ее в губы. В эту минуту я отчетливо понимаю, что хочу так же: целоваться прямо на морозе, не думая о том, что губы потом надо срочно спасать плотной защитной помадой, дурачиться, сходить с ума только от одного присутствия рядом любимого человека.

А не вот это вот все: «Вы обладаете достаточной смелостью, чтобы войти в мой кабинет без стука и достаточной рассудительностью, чтобы не противопоставлять свои эмоции тому, что не можете изменить», — и уж точно не взглядов, под которыми превращаешься в горку льда и покрываешься снегом даже в самый солнечный день.

— Сэфл сказал, что ты с детства катаешься? — спрашивает Бен, когда мы идем по голографическим стрелочками, парящим в воздухе: «Прокат коньков».

— Да. С трех лет.

— С трех лет?!

Киваю.

— Мне кажется, я родилась с мыслью, что должна кататься.

— Супер, — говорит он, — а я родился с мыслью, что должен спасать жизни. В четыре уже бинтовал все порезы и лепил заживляющие пластины.

— Ты врач?!

Бен кивает.

— Невероятно!

— Что именно?

— Что... да не знаю. У меня никогда в жизни не было знакомого врача. Юристы, экономисты, маркетологи...

Он улыбается, останавливается перед дверью проката, чтобы меня пропустить, а я понимаю, что не должна туда заходить вместе с ним, пока не скажу правду. То есть когда я сюда летела, я все это представляла совсем по-другому. И его представляла другим, хотя если честно, я не представляла его никаким. Он просто был безымянным

другом Сэфла, с которым я появлюсь на катке в определенное время, которого буду держать под ручку, и с которым сделаю фото для соцсети.

Но сейчас мне от всего этого тошно. Да, я учусь на маркетинговом и тема моей дипломной работы «Хайп как способ продвижения проекта», но я не хочу становиться такой же, как Ландерстерг. Не хочу становиться для него «прекрасной супругой».

— Бен, мне нужно кое-что тебе сказать, — говорю я.

— Звучит серьезно, — он приподнимает брови.

Но в глазах все равно улыбка. Я в жизни не встречала такого позитивного человека... или ирхана

— Да, я...

Я хочу сказать ему то, что не сказала даже Рин, ему, мужчине, которого знаю пять минут, но потом понимаю, что ничего не должна говорить. Я не давала Ландерстергу согласия на то, чтобы стать его женой. Фото в соцсети не будет, а значит, я могу просто отдыхать и наслаждаться вечером.

— Ты знал, что для катания нужны особенные коньки? — спрашиваю я.

— Совершенно точно... нет.

— Теперь знаешь, — я улыбаюсь в ответ.

И первой шагаю в раздвижные двери.

Меня окутывает волна тепла, я останавливаюсь перед интерактивным стендом, где можно выбрать коньки (на любой размер, вкус и цвет). Повезло, что нет очереди, по крайней мере, именно в этом пункте проката. Частенько по вечерам, а особенно по выходным, здесь не протолкнуться. Мы с Рин сюда не заходим, у нас свои коньки, но когда катаемся мимо, видим кренделек, тянущийся к дверям.

— Так, и что здесь что? — Бен встает рядом со мной.

— Тебе нужны самые обычные коньки. Можно взять прогулочные, но если ты намерен серьезно учиться, лучше начинать с фигурных.

— А чем они отличаются?

— Здесь есть зубцы. Видишь? — Я скольжу пальцами по интерактивной панели. — Вот.

Увеличиваю изображение. Затем второе.

— На этих нет. Но учиться лучше сразу на фигурных, чтобы ты мог исполнять некоторые несложные элементы.

— Боюсь, что единственным элементом в моем исполнении будет полет носом вперед надо льдом.

Я смеюсь.

— Тебе это только кажется. Берем?

— Берем!

Мы выбираем фигурные, несколько размеров, и проходим к ячейкам выдачи. Здесь же нужно будет оплатить выбранную пару после примерки. Пока Бен примеряет, я разглядываю движение на катке через стеклянные двери. Мне кажется, оно никогда не затихает, даже ночами. Каток работает круглосуточно, как и прокат, и, хотя я ни разу не каталась ночами, мне это кажется на удивление притягательным. Ты одна, а вокруг море льда и иглы сияющих огнями высоток.

— Я определился, — сообщает Бен и показывает на темно-синие коньки с белыми полосами. — Пойдет?

— Вполне.

Карточка на оплату примагничена к стенке шкафчика, Бен забирает ее и оплачивает прокат тут же, в терминале. Как раз в тот момент, когда в прокат вваливается целая компания раскрасневшихся девушек. Они что-то громко обсуждают, но заметив Бена, тут же понижают голоса и бросают на него взгляды из-под ресниц.

Мне иррационально хочется взять его за руку, но раньше это делает он.

— Обещай, что не позволишь мне опозориться.

— Пф, — говорю я. — Когда я первый раз встала на коньки, я упала раз двадцать, не меньше.

— Тебе было три года!

— Думаешь, в три года поражения воспринимаются менее серьезно?

Теперь уже смеется он, а у меня таксе чувство, что я знаю его всю жизнь. Мы возвращаемся к скамейке, где оставили Ринни с ее будущим мужем: они уже надели коньки и пьют безалкогольный шантавейн. Аромат от него такой зимний, что сразу представляется опутанная искрящимися лентами ель, разукрашенная сверкающими игрушками. Здесь, кстати, она уже есть, в самом центре катка, ее установили пару недель назад.

— Вы там что делали? — интересуется Рин со смехом. — Я уже всю жо отморозила.

— Мы подошли к выбору со всей ответственностью, — замечает Бен.

— Вам еще повезло, что там не было очереди, — добавляю.

— Э... да они спелись, по ходу. — Ринни смотрит на Сэфла. — Кажется, мы сегодня играем командами.

Сэфл забирает у нее пустой пластиковый стаканчик с плотной крышкой, и кидает вместе со своим в специальный контейнер. Пока я надеваю коньки, Бен смотрит на меня, как я их шнурую, и от этого взгляда почему-то покалывает кончики пальцев. Зимнее настроение создает ощущение нереальности происходящего, и мне кажется, что все, что случится сегодня — это как короткая праздничная сказка.

Мы подходим к выходу на каток, пропускаем вперед Ринни и Сэфла.

— Снимай защиту, — команду я, — и давай мне.

Бен не захватил сумку, поэтому чехлы для коньков я убираю в свою.

— Помочь? — спрашивает он. А потом перехватывает сумку и вешает к себе на плечо. — Так тебе будет проще меня держать.

Мне на самом деле смешно. Он держится за бортик, такой взрослый солидный мужчина, врач — и смотрит на меня большими глазами.

— Нечего отлынивать, — отвечаю. — Шагай.

И первой выхожу на лед.

Движение, общий ритм, легкость скольжения тут же подхватывают меня. Мне хочется взлететь над катком, хочется танцевать, пусть даже сегодня я взяла старые фигурные коньки, а те, что для танцев, остались дома. Музыка льется из динамиков, врывается в мое сердце, и мне кажется, что отпустить ее я могу только в движении, раскинув руки и взлетая в прыжке. Сколько себя помню, так было всегда.

— Лаура? — голос Бена возвращает меня в реальность.

Ринни смеется.

— Ну, мы погнали. Догоняйте!

Они с Сэфлом вливаются в общий поток движения, а я улыбаюсь и протягиваю Бену руку.

— Поехали.

— Что, прямо вот так?

— Да, вот так!

Его пальцы сжимают мои, второй ладонью он цепляется за бортик.

— Видишь вон ту черту? — говорю я ему, указывая на красную линию, отделяющую голографическую стену от реальной. — Там тебе станет не за что держаться. Это значит, что...

— До моего позора осталось десять метров.

Я качаю головой.

— Поехали

Решительно отталкиваюсь — ему остается либо отпустить мою руку, либо скользнуть вместе со мной. Мне самой интересно, что он выберет, и Бен выбирает второе.

— Чуть согни колени. Так будет проще.

— Уверена?

— Сто процентов.

Для того, кто первый раз стоит на льду, особенно для мужчины, он держится потрясающе. Очень ровно. Хотя напряжение чувствуется через силу его пальцев, сжимающих мои.

— Так, ну и как же получилось, что фервернец ни разу не стоял на коньках? — интересуюсь я, чтобы его отвлечь.

— Вообще-то я не фервернец.

— Нет?

— Я родился в Рагране. Моя семья переехала сюда, когда мне было два года, но у меня до сих пор гражданство Раграна.

— Оу. Понятно.

Рагран — одна из континентальных стран, уровень жизни там значительно ниже, чем в Ферверне или в Аронгаре, но сейчас ситуация уже значительно лучше, чем была, скажем, еще лет десять-пятнадцать назад. Один из самых страшных налетов современности случился в Мериуже, столице Раграна. Это была трагедия мирового масштаба после чего полетели головы. Буквально. Правящий был снят и чуть ли не изгнан обществом иртханов, в миротворческой миссии участвовали все страны-соседи, Аронгара и Ферверн.

— Да, поэтому у меня периодически возникают бюрократические проволочки с клиникой.

Бен сосредоточенно смотрит вперед. Так сосредоточенно, словно видит не катающихся людей, а всех вместе взятых бюрократов.

Какое-то время мы катаемся молча (не считая моих комментариев о том, когда лучше податься вперед, как правильно ставить ноги и как держать равновесие), и он держится классно! Отличный баланс, потрясающая координация и реакция. Наверное, иртханам в этом плане проще — у них звериные инстинкты, но ручаться не могу. Как бы там ни было, он вспоминает о том, что мы проехали голографический «барьер» только оказавшись у очередного бортика. Здесь специальная ледовая площадка для кругового катания, дорожка огибает его справа, а слева у бортика толпятся отдыхающие.

— Перерыв? — спрашиваю я.

— Перерыв, — соглашается он.

— Ну, как проходит обучение? — покрасневшиеся и счастливые, к нам подъезжают Сэфл и Ринни.

— Чудесно. Я чувствую себя камнем, который Лауре приходится тащить на веревочке. — Бен снова улыбается.

— Эй! Ты отлично катаешься.

— У меня ощущение, что я все время тебя торможу.

— Рядом с ней у всех такое ощущение, — говорит Ринни, и изо рта у нее вырывается облачко пара. — Она все время куда-то летит, когда выходит на лед.

— Почему ты не пошла в спорт? — спрашивает Бен.

— Спорт меня никогда не привлекал.

— Почему?

— Соревнования. Я не хотела превращать то, что люблю, в гонку за медалями и первыми местами.

Бен приподнимает брови.

— Скажем дружное нет амбициям?

— О-о-о, с амбициями у меня все в порядке. Просто спорт — это не мое. Отец считал, что я поломаюсь, если пойду в фигурное катание, а я поняла, что действительно поломаюсь, если буду гоняться за медалями и успехом.

— Глубоко, — произнес Бен, и как-то так получилось, что его ответ упал в тишину, возникшую в паузе между песнями.

Которую спустя несколько мгновений заполнили сильные, пронзительные аккорды льющейся из динамиков музыки нового суперхита и яростный голос Сибриллы Ритхарсон.

Твои поцелуи Как сны до рассвета... И в каждом касании Вечное лето! Сильнее, чем пламя, Зима в моем сердце... Ты был тем единственным С которым согреться... Могла бы я тогда, Когда меня любить Ты б мог На треть так сильно, как ее! Могла бы рядом быть, Могла бы все забыть... Но это «все» давно забытое мое... Пустое. Пустое. В моих мечтах с тобой Нас только двое... Двое. Нас только двое: я и ты...

— Ритхарсон! — Рин прижала руки к груди. — Драконы, Ритхарсон! Обожаю ее! Лаура!

— Что?

— Лаура, ты должна под нее станцевать! Давай!

Рин чуть ли не силой выпихнула меня в центр круговой площадки, но если бы она этого не сделала, вряд ли бы я удержалась сама. В голосе певицы было что-то гораздо большее, чем можно себе представить. Что-то большее чем чувства, большее чем пламя (Сибрилла Ритхарсон — иртеханесса!), гораздо большее, чем можно раскрывать остальным — так откровенно, напоказ, так остро и безумно-чувственно.

И я подхватила этот ритм, сливаясь с музыкой, сливаясь с этим голосом, становясь ей. Раскинув руки, врываясь в безумный ритм кружения и полета по льду.

Забытые чувства... Замерзшие ноты, Мне кажется даже Забыла я, кто ты. Забыла я, кем ты Когда-то врывался В те строчки, в которых Навеки остался...

Ее голос обрывался так резко, словно дыхание, и я вместе с ним сорвалась в припев. В движения по диагонали, рваные и яростные, как обращение к тому, кто тебя не слышит.

Лица и магазинчики сувениров сливались с протянувшимися над катком огоньками гирлянд, голограммы размывались все сильнее, а я чувствовала себя все более и более невесомой. Скользя по льду, я всегда чувствовала себя парящей.

И если бы это Запомнить мгновенье, Заполнить собою Твое вдохновенье. Сильнее морозов В моем сердце стужа. Ты был тем единственным... Кто был мне нужен... Могла бы я тогда Когда меня любить Ты б мог На треть так сильно, как ее Могла бы рядом быть Могла бы все забыть Но это «все» давно забытое мое... Пустое. Пустое. В моих мечтах с тобой Нас только двое. Двое. Нас только двое я и ты...

Музыка стучала в ушах старинными часами и билась в ритме ударов сердца, заводя мое все сильнее. Темп нарастал, и вместе с ним нарастали чувства. Падая вслед за звонкими нотами в глубину, я перехватила лезвие, чтобы кружиться на этой глубине, поднимаясь от самого льда все выше и выше. Чтобы во время очередного скольжения оттолкнуться и взлететь, раскинув руки, выпуская в себя чужие чувства и пламя.

Закончится время Моих выступлений... И снова наступит Зима превращений. Когда я останусь Одна с этой мыслью Что нет больше пламени Нет больше смысла...

Приземление вышло яростным, из-под лезвий плеснула крошка льда, и вслед за ней полыхнуло пламя ее слов, подхватывая меня в сумасшедшее кружение танца. До прерывающегося дыхания, до мельтешения, в котором не осталось ни одного четкого лица. Только тень мужской фигуры, отступающая все дальше и дальше.

Могла бы я тогда Когда меня любить Ты б мог На треть так сильно, как ее Могла бы рядом быть Могла бы все забыть Но это «все» давно забытое мое... Пустое. Пустое. В моих мечтах с тобой Нас только двое. Двое. Нас только двое: я и ты...

Музыка оборвалась вместе с последним взмахом руки, резко развернувшись, я остановилась. Поймав очередной вздох и брызги ледяной россыпи. Только сейчас поняла, что движения вокруг как-то не наблюдаются. А потом, вместе с очередной песней, вокруг взорвались аплодисменты.

Они хлынули на меня сплошным потоком, и осознание того, что вокруг безумное множество людей, что они на меня смотрят, заставило замереть.

— Лаура, — Бен оказался рядом со мной раньше, чем я успела опомниться, — это было роскошно.

Он подхватил меня под руку, увлекая за собой. Сквозь льющиеся отголоски оваций, отзывающиеся в сердце, как мгновением раньше отзывался голос Сибриллы Ритхарсон.

— Да, подруга, ну ты и зажгла, — сообщила Рин, пряча руки в карманы курточки. — Вы вообще в курсе, что у Ритхарсон была несчастная любовь?

Я приподняла брови, пытаюсь выровнять дыхание и избавиться от странного чувства смущения и восторга. Нет, мне приходилось несколько раз выступать, но все это было скорее из разряда самодеятельности — выпускной в школе фигурного катания, синхронные воздушные танцы в школе, где я стекала по лентам, оплетающим мое тело, и с ними же взлетала ввысь, но чего-то по-настоящему серьезного, такого, чтобы это видело столько незнакомых людей... Да, я часто каталась, и на меня часто смотрели, но никогда еще я не ощущала себя настолько близкой к шоу Эрвилль де Олис.

— Несчастливая любовь? — переспросила, чтобы немного смягчить бурлящий в крови драйв.

— Да. Она собиралась замуж за Гранхарсена... помнишь, пять лет назад или вроде того? Когда предшественник Ландерстерга собирался в отставку?

Вот. Я поняла, что можно использовать, чтобы смягчать бурлящий в крови драйв — Ландерстерга. Одно его упоминание, и я уже прочно стою на ногах, как будто к ним по ледяной глыбе привязали.

— В общем, она крута, — подвела итог Рин. — Набл с два ты так споешь, если у тебя нет занозы в сердце.

— То есть счастливые люди ничего мощного не создадут? — поинтересовалась я.

— Ну... настолько мощного — нет, — подруга пожала плечами. — Сама подумай, зачем суесться, если в жизни все пучком? А главное, попробуй так спеть, когда ты счастлива, замужем и с тремя детьми.

— Это сейчас прозвучало пессимистично, — Сэфл рассмеялся.

— Ой, да ну тебя. — Рин макнула рукой и посмотрела на меня. — Я о том, что когда ты счастлива, петь об этом не прикольно. Кстати, я записала твой эпичный выход и выложила в живую ленту.

— Что? — переспрашиваю я. — Что ты сделала?!

— Выложила в живую ленту, — повторяет подруга. — Вот. Хочешь посмотреть?

Я хватаю ее за руку с такой силой, что Рин ойкает.

— Удали, — говорю шепотом. — Удали, быстро!

Мой голос становится низким, мне кажется, что я проглатываю собственный вздох, и только расширенные глаза подруги напоминают о том, где я и что я делаю.

— Прости, — выдыхаю тут же. — Прости, просто удали это, о'кей?

— О'кей, — говорит Рин. — Хотя я все равно не понимаю, что в этом такого страшного.

Ничего в этом такого страшного, в начале вечера я сама хотела это сделать, но сейчас не хочу. Не хочу, чтобы у Бена были проблемы, или чтобы проблемы были у Рин и Сэфла. Я вообще не хочу приплетать друзей ко всему, что так или иначе связано с Ландерстергом. Поэтому сейчас беззастенчиво вру:

— Это из-за отца.

Образно говоря, это даже не ложь, а так, полуправда. Дипломатическая, как сказал бы Ландерстерг. При мысли о нем мне хочется рычать — сдался мне это Ландеррррстерррг!

Нет, мне он точно не сдался. Проблема в том, что я зачем-то сдалась ему, хотя вокруг просто сугробы желающих стать первой ферной Ферверна. Уверена, что та ир்தханесса, которая вылетела из его кабинета и спровоцировала меня на то, чтобы туда залететь, тоже не против.

Чтоб его драконы покусали!

— Из-за отца? — интересуется Бен.

— А ты не знал? — Сэфл приподнимает брови. — Лаура. Хэдфенгер.

— Хэдфенгер! — Бен бьет себя ладонью по лбу. — Я просто сама внимательность.

— Все в порядке, — говорю я.

Мне хочется как можно быстрее увести от темы политики, пусть даже это мой отец. Рин приподнимает брови и вопросительно смотрит на меня, но я отмахиваюсь.

— Катаемся дальше?

И мы катаемся. Бен несколько раз поскальзывается, но все заканчивается благополучно. До елки мы все-таки добираемся: огромная, в десять этажей ростом, она рассыпает вокруг себя свет гирлянд и искры, отражающиеся в гранях шаров и игрушек. Издалека ее видно лучше когда подъезжаешь ближе, приходится запрокидывать голову, чтобы увидеть что-то наверху. От собранных в металлические трубы ветвей расходятся нити фонариков, протянувшиеся над ведущие в разные стороны рукавами катков. Это единственное место, где ледяные трассы сходятся, и если посмотреть на каток с высоты, он напоминает знак бесконечности. Елка стоит в самом его центре.

— Кстати, — говорит Рин, — давайте договоримся: я хочу отмечать с вами. Поэтому если

у кого-то есть какие-то планы на праздничную ночь...

— У меня нет! — Бен вскидывает руки.

— У меня есть, — Сэфл качает головой.

Подруга смотрит на него в упор, в ответ он только смеется.

— Я тоже собираюсь отмечать с тобой.

Ему прилетает сорванной с его головы шапкой по плечу. Он легко перехватывает Рин за руки, а потом одним рывком притягивает к себе и целует.

— Мне кажется, мы тут лишние. — Бен кивает в сторону, и мы снова отъезжаем к бортикам. Здесь рядом с ними выделено место для отдыха, можно откинуть встроенную скамеечку и даже посидеть.

Что мы и делаем.

— Так что, Лаура? Какие у тебя планы на праздничную ночь?

«Никаких», — хочется ответить мне, но вместо этого я говорю:

— Пока все очень расплывчато.

— Пока? — улыбается Бен.

— Да. Завтра все станет ясно.

Завтра станет ясно, что за Ландерстерга я не выхожу. По крайней мере, я очень на это надеюсь. Правда, пока не представляю, как донести это до сведения его ир்தханейшества, но я в процессе генерации нового плана.

— До завтра я подожду.

— А, то есть если бы я сказала, что ждать придется две недели, ты бы не подождал?

— Две недели — это слишком долго, Лаура. Обычно да или нет говорят сразу.

Ответить я не успеваю, к нам подъезжают Рин с Сэфлом. У подруги горят щеки и губы, но если первое от мороза, то второе совершенно точно никак с морозом не связано. Назад мы возвращаемся вдоль катка, глядя на кружащихся и катающихся людей, болтаем о праздничном меню, и Сэфл с Рин спорят на тему марок веоланского. По большому счету, их не так уж много, все веоланское производят в Веоле, это один из мегаполисов Раграна, и именно там впервые появился этот напиток, впоследствии завоевавший такую популярность и ставший символом любого праздника или успеха.

— Хочешь шантвейн? — спрашивает Бен, когда мы проходим мимо магазинчика, откуда совершенно безумно пахнет специями и пряностями.

Наверное, стоило отказаться, но мне не хочется. Не хочется заканчивать этот вечер, хочется продлить это зимнее волшебство.

Пока нам готовят шантвейн, мы выбираем подарок: к каждому напитку полагается либо маленький пряник с рисунком, либо пакетик воздушных пирожных размером с подушечку пальца, тающих на языке. Я выбираю второе, Бен берет пряник.

— Не каждый день отгрызаешь верхушку Айрлэнгер Харддарк, — говорит он.

На глазури действительно один из символов Хайрмарга, и мне становится смешно.

— Мне такой же, — тянусь за пряником, разворачиваю и кусаю.

Представляя, что откусываю голову Ландерстергу. Нет, я не кровожадная, просто в последнее время у меня чувство, что он меня сожрет и не подавится. Вот и я тоже не подавлюсь!

«Собираетесь вы меня за замуж, Лаура, или нет, мне все равно».

Стоит вспомнить выражение драконьей морды и его непробиваемые интонации, как голову хочется отгрызть еще сильнее. Вторую часть пряника я съедаю с таким наслаждением, что хочется урчать от восторга.

Вместо этого я запиваю Ландерстерга, то есть пряник, шантвейном, мы желаем улыбчивой девушке в форменном ярко-оранжевом платье и белом фартучке сказочного праздника, и выходим из магазинчика.

— Так, — говорит Рин. — Если завтра я опоздаю на теорию вероятностей, я знаю, на кого все спихну. Я приподнимаю брови. — Скажу, что Хэдфенгер полчасика пила шантвейн на катке, поэтому я опоздала на последний аэроэкспресс и проспала.

Я смеюсь.

— Думаешь, прокатит?

— Прокатит-не прокатит, а попробовать стоит.

Бену нужно вернуть коньки, и я иду вместе с ним. У самых дверей мы останавливаемся, чтобы выбросить пустые стаканчики, и он подает ко мне. Касается пальцами уголка моих губ:

— У тебя здесь остатки Айрлэнгер Харддарк.

— Большие?

— Нет.

Бен подается еще ближе, и в какой-то момент я чувствую, что он меня поцелует. Думаю, что этого делать нельзя, и в эту минуту за нашими спинами вырастают внушительные фигуры мергхандаров. Последнее я понимаю, когда мы Беном одновременно оборачиваемся на протянувшиеся к нам тени.

Это не просто мергхандары, это — элита. Безопасность Айрлэнгер Харддарк и правительства. И возглавляет их стоящий впереди Ландерстерг.

Глава 7

От него веет холодом (если можно так выразиться в самом центре ледяного сердца Ферверна), и этот холод заставляет чувствовать себя так, словно меня обнаженную выкинули на пик Рэгссом в Ледяной цепи. Голова начинает кружиться примерно так же, как от недостатка кислорода на горной высоте, на языке что-то горчит, а еще скоро глюки попрут, я думаю.

— Лаура, — произносит, наконец, этот хмырь. Я прямо чувствую, как в его исполнении мое имя с хрустом разламывается на две части и замерзающими на лету буквами осыпается к ногам. — Идем.

Это приказ.

Не тот, который иртханы отдают драконам, потому что ментальное воздействие на людей запрещено, но тот, который нужно исполнить незамедлительно.

От «никуда я с вами не пойду» меня отделяет секунда и мысль об отце. Кажется, еще Бен, который стоит рядом, и Рин, и Сэфл... и скандал. Часть меня заявляет — какое мне дело до скандала, вторая часть тут же привычно берет себя в руки, и лицо по ощущениям превращается в маску.

— Прости, — говорю я совершенно ошарашенному Бену, а потом вкладываю руку в протянутую мне ладонь. Странно, что я не подумала про Даргела, эта мысль приходит ко мне, когда я в сопровождении Ландерстерга и конвоя... то есть сопровождения, конечно же, иду в сторону парковки.

На нас смотрят все. Не просто все, а ВСЕ. Кажется, даже движение на катке остановилось, а еще я вдруг отчетливо понимаю, что Рин с Сэфлом тоже на меня смотрят.

— Мне нужно забрать коньки, — говорю я совершенно не то, что собиралась.

— Где?

— Здесь!

Мне хочется треснуть его спортивной сумкой по голове, чтобы прочесть хоть одну эмоцию на этом лице, но ситуация как-то не располагает. Я вглядываюсь в лицо Рин — растерянное, шокированное, чтобы хоть как-то понять, что она сейчас чувствует, но подруга отводит глаза. Сэфл так вообще вытягивается в струну, но у него это военное, а Ландерстерг главнокомандующий Ферверна.

— Это? — Дракон указывает на сумку, на которой изображен силуэт парящей девушки.

— Да. Я хочу поговорить с друзьями.

— Нет.

Все это происходит так быстро, что я успеваю только вздохнуть, а спустя пару минут уже оказываюсь во флайсе. У отца довольно крутой флайс, но в таких я раньше еще не летала. Двойное стекло, огнеупорное и светоотражающее, способное выдержать удар лазерного луча (над этой разработкой наши ученые долгое время трудились после случая покушения на семью Председателя в Аронгаре). Просторный салон, в котором при желании можно танцевать, сиденья, которые подстраиваются под изгибы твоего тела.

— Вам обязательно было это делать? — я складываю руки на груди, когда мы поднимаемся в воздух.

— А тебе? — вопрос он задает, глядя на меня в упор. Потом разворачивает ко мне смартфон, и на нем — я, летящая надо льдом под песню Сибриллы. Кажется, меня снимали все, кто только мог: не сразу, но с середины точно. Вот что за идиотская привычка — все снимать и тут же тащить в соцсеть?!

— Я сразу сказала, что не хочу за вас замуж!

— А я сразу сказал, что меня это не волнует.

— У вас вообще сердце есть?! — я выдыхаю это раньше, чем успеваю прикусить язык нет мне никакого дела до драконьего сердца, а вот до оставшихся внизу друзей и до того, что они сейчас думают — точно есть, но ему на это плевать! Ему вообще плевать на то, что я чувствую!

— Вы могли сделать это иначе, — я сжимаю пальцы, чтобы не наговорить лишнего. Хотя в случае с его драконейшеством лишнее точнее лишним не будет!

— Ты тоже. — Он по-прежнему держит смартфон так, чтобы я могла видеть подошедшего ко мне после танца Бена. — Не стоит играть со мной в игры, Лаура. Или ты думаешь, что я не в состоянии отследить, чем занята моя невеста?

— Я. Не. Ваша. Невеста! — шиплю я.

— Завтра станешь.

— Да что вас на мне заклинило?! Неужели нет других желающих разделить эту сомнительную честь?! — мой голос все-таки срывается, и тут же мгновенно поднимается перегородка, отделяющая нас от водителя.

Дракон подается вперед одним резким движением, а может, едва движется — я не совсем улавливаю этот момент. Его пальцы сжимают мой подбородок, и он смотрит точно мне в глаза, а я как будто смотрю в прицелы ледяных пушек. Никогда бы не подумала, что синий цвет может быть таким холодным, но он может, и сейчас он напоминает подступающие зимние сумерки в период Ледяной волны.

— Я сказал, что не намерен играть с тобой в игры, и больше повторять не стану, — произносит Ландерстерг. — Мы друг друга поняли, Лаура?

Я стряхиваю его руку.

— Поняли, ферн Ландерстерг.

— Вот и чудесно.

В том, что это чудесно, я сомневаюсь, но продолжать этот разговор нет никакого желания. Я подаюсь назад и смотрю на мельтешащий огнями Хайрмарг.

— Завтра ты сдаешь зачет, — произносит Ландерстерг. — К двум должна быть дома. В три приедут стилист и мой пресс-секретарь, вы обсудите детали завтрашнего вечера. В семь ты должна быть на месте, в семь тридцать сделаем заявление.

Я сделала вид, что ничего не слышала, уставившись в окно. Сопровождающий нас кортеж маячил сбоку, спереди и сзади. Сейчас я думала о том, что могла бы сделать, если бы от меня не зависела карьера отца. Например, залепить снежком дракону в нос. А потом выразительно показать непристойный жест и пойти гулять с Беном.

При мыслях о Бене залепить в драконий нос снежком захотелось еще сильнее.

— Если вздумаешь выкинуть что-то еще, отвечать будут все участники событий.

Он говорит о моих друзьях?! Он говорит о моих друзьях!

— Они не виноваты в том, что я сделала!

— Хорошо, что ты это понимаешь.

— А вы? — я посмотрела на него. — Вы понимаете, что нельзя пользоваться властью направо и налево?

— Властью можно и нужно пользоваться, Лаура. В противном случае ей воспользуется кто-то другой.

— Да неужели? — язвительно поинтересовалась я.

Дракон не ответил: наконец-то перестал демонстрировать мне свой элитный Верт[Самый известный бренд смартфонов во всем мире] последней модели и уткнулся в него.

— В постели вы тоже будете проверять новостные сводки?

А вот это сработало. У него дернулась бровь и уголок губ, когда Ландерстерг поднял на меня голову, взгляд у него был тяжелый.

— Не искушай меня.

— Что? Проверять новостные сводки? — поинтересовалась я. — Да вы и так в них живете! Зачем вам вообще жена? Драконят делать?!

На этот раз я отвернулась первой и полезла за телефоном. Мне нужно было написать Рин, хоть что-то, хотя пока я не представляла, что. Открыла чат с сообщениями, где последнее было от нее: «*Уже выхожу*», — и смайлик с летящим на всех парах драконом. Закусила губу и написала:

Рин, я тебе все объясню.

Не знаю, чего я ждала — ответа, конечно, ну хоть какого-нибудь, но Рин не ответила. Звонить ей при этом бронированном чехле я точно не собиралась, поэтому сунула телефон в сумку и подняла голову. Вот только вопреки моим ожиданиям мы от центра не удалялись, а углублялись. Учитывая, что живу я в очень крутом спальном районе, это был совершенно непонятный обходной маневр. Судя по всему, его элитное драконейство возят только по элитным кругам (невидимым простому человеческому глазу), все остальное оскорбляет его драконье достоинство!

С этой мыслью я снова полезла за телефоном, но долезть не успела, мы обогнули одну из рассыпающих яркий свет высоток, и пошли на снижение. На парковке, куда мы садились, не было ни одного флайса, а еще над ней растянули силовой щит. Который сверкнул отраженными неоновыми искрами и погас, когда Ландерстерг скользнул пальцами по дисплею.

— Куда вы меня привезли?!

— К себе, разумеется, — дракон поднял голову и посмотрел на меня в упор. — Проверим, насколько вы пригодны для создания драконят.

Во мне кончились слова. А когда начались, кончились снова, и так повторялось несколько раз, пока я, наконец, обрела дар речи.

— Вы с ума сошли?!

— Не больше, чем вы, когда решили, что можете устроить все это и остаться безнаказанной.

Его голос опустился до скрежета костей по металлу, и от этого скрежета во мне зарождалось совершенно сумасшедшее желание все-таки огреть его сумкой с коньками.

— Я все расскажу отцу! — выдохнула я.

— Ваш отец знает, что вы будете ночевать у меня. Он так же знает о том, что вы устроили на катке, и очень сильно разочарован.

Получилось остро. И больно. Не то от холодного «разочарован», несущего в себе ровно столько же чувств, сколько ледяные хребты гор, не то от сознания того, что отец так просто согласился на то, чтобы я у него ночевала. Зная, что... что...

— Вы так торопились забрать свое, что поспешили все ему рассказать? — спросила, сжимая кулаки. — Подстраховаться решили? Или боитесь, что вашего влияния не хватит на то, чтобы заставить меня выйти за вас замуж? Будете использовать моего отца?

— Я использую все, что сочту нужным, Лаура.

В следующий миг дверца флайса пошла ввысь, и Ландерстерг первым шагнул во взрезавший тепло салона мороз.

— Руку, ферна Хэдфенгер. Или вас понести?

В глубине подсвеченных ледяным огнем глаз было видно, что да — понесет. Кверху задницей, на глазах у мергхандаров, поэтому я собрала всю свою волю в кулак и шагнула на парковку, игнорируя его руку. Впрочем, игнорировать долго не получилось, его ладонь туг же накрыла мои пальцы и сжала мягко, но так, что вырваться не представлялось никакой возможности. Ледяные искры впились в ладонь, заставляя вздрогнуть: паляще-жалящее прикосновение отдалось во всем теле волной нестерпимого жара. Мы прошли сквозь шеренгу охраны и оказались у высоченных, в три моих роста стеклянных дверей.

Которые разошлись, когда Ландерстерг приложил ладонь к сканеру.

Двери за нами сомкнулись, и мы оказались в просторном холле одни. Вспыхнул свет, и по стеклам туг же потекла матовая тонировка (инвизибл-жалюзи), окончательно отрезая нас от внешнего мира.

— Поднимайтесь в спальню, — скомандовали мне.

Я вывернулась из куртки, из-под тяжести его ладоней, как виар из-под лапы дракона, и сложила руки на груди.

— Нет.

— Поднимайтесь в спальню, Лаура, — мне указали на край стеклянной лестницы, подчеркнутой штрихами металлических перил. — Или вашим друзьям нужны проблемы?

Задохнувшись под его взглядом, сжала руки в кулаки.

— Ненавижу вас!

— С этим я как-нибудь справлюсь.

Справится он! От души пожелала дракону заморозиться изнутри съесть собственный хвост и вылететь через окно задом наперед, после чего направилась к лестнице. Страшно было до жутиков, особенно под тяжелым взглядом, протягивающим по спине, как ледяной хлыст. Ступеньки перед глазами расплывались, а пальцы стали ледяными даже без помощи Ландерстерга.

Которая из дверей спальня я поняла, только когда меня развернули к нужной, а потом подтолкнули в ее распахнутую пасть. О том, что я зависла на несколько минут, подумала только когда увидела в руках дракона стакан воды.

— Пейте, — скомандовал Ландерстерг и сунул стакан мне в руки. — До дна.

Я почти поднесла воду к пересохшим, горящим губам, когда правящий шагнул ко мне, на коду развязывая галстук. Не вполне отдавая себе отчет в том, что делаю, я размахнулась и от души плеснула водой его драконейшему прямо в лицо.

Мне никогда не доводилось видеть, как вода превращается в снежную крошку прямо на лету. После чего осыпается, как в прозрачном детском шарике, и в ту же секунду в комнате холодает, как если бы открылись все окна разом. Я смотрела на то, как последняя снежинка садится на отполированный до блеска ботинок и чувствовала, как по всему телу волосы встают дыбом. От близости зверя, в глазах которого сейчас даже зрачки дернулись, только чудом не изменив форму.

— Раздевайтесь.

Голос дракона звучал хрипло и так глубоко, что внутри меня снова дернулась невидимая струна. Она захлестывала, оборачивалась вокруг тела невидимым поводком, словно подтягивая все ближе и ближе к стоявшему напротив мужчине. Который отнял у меня стакан одним коротким рывком.

— Не...

— Не провоцируйте меня, Лаура. — Теперь уже в его голос ворвалось глухое рычание,

снова отозвавшееся в моем теле. — Лимит проверок на прочность моего терпения вы на сегодня исчерпали. Раздевайтесь. Или я раздену вас сам.

Раздеваться, говорите?

Да пожалуйста!

Я потянула наверх свитер, затем стянула короткую плотную шерстяную юбку, оставшись в нижнем белье и чулках. Взгляд Ландерстерга потемнел до такой глубины, что мне на миг стало нечем дышать, все внутри сжалось тугой пружиной. Подавив желание обхватить себя руками и отступить, я вскинула подбородок и посмотрела на него.

— Что? Белье тоже снимать? Или вы устроите проблемы моим друзьям, и дальше по тексту?

— На кровать, — скомандовала этот бронебойный ледоход.

Ну знаете ли...

— Я вам не дрессированная виари, — сказала я, сложив руки на груди, — и не собираюсь...

Договорить мне не позволили, попросту столкнув на мягкое покрывало. Которое успело слегка подморозиться, и холод иглами впился в обнаженную кожу. Все тело покрылось мурашками, а Ландерстерг уже опустился на кровать рядом со мной. Абсурдность ситуации просто зашкаливала, но в следующий миг все мысли про абсурдность во мне кончились: ладонь иртышана скользнула по моему бедру. По той самой грани, на которой заканчивалось кружево и начиналась кожа, сейчас почему-то особенно чувствительная.

— Вы всегда носите чулки, Лаура? — рычащие нотки ударили в сознание.

А я что говорила?! Драконофетишист хренов!

— Вы меня лапаете!

— Имею право.

— Имела я ваши права!

Вторая ладонь легла мне на затылок, с силой сгребая волосы в горсть. Без боли, но заставляя невольно запрокинуть голову и наткнуться на его взгляд. Учитывая, что сейчас в его глазах вспыхнуло пламя, чувство было такое, будто на меня действительно смотрит дракон.

— Мои права и желания вы будете учитывать в первую очередь, Лаура, — произнес он с такими интонациями, что по телу прошла странная дрожь. — Запомните это.

Если еще пару мгновений назад я готова была стучать зубами от холода, то сейчас воздух вокруг нас раскалился. Прикосновение пальцев к груди, под ключицей, вышло неожиданным, колючим, острым, на кожу словно упала ледяная вуаль. А в следующий миг ее уже обожгло. Сорвавшееся с пальцев дракона пламя ужалило первым укусом, затем вторым, третьим, и... Раньше, чем я дернулась, ладонь Ландерстерга буквально пригвоздила меня к кровати.

— Лежите смирно, или будет очень больно.

Да мне и так больно! Я не стала говорить этого вслух, зажмурившись, чтобы не видеть, как ледяные искры впиваются в кожу. В детстве меня покусали пчелы, вот и сейчас чувство было такое, будто в меня снова и снова тыкали раскаленными иглами. Несмотря на холод, который их немного смягчал, больно было все равно, и я изо всех сил старалась не разреветься.

От обиды, от того, что отец добровольно отдал меня ему, от... да от всего вместе, наверное! Ресницы дрожали, но я сдаваться не собиралась: если и буду плакать, то точно не перед ним! Чтоб его драконы сожрали и переваривали лет десять, а лучше — двадцать! Чтоб у него отвалилось все, что может отвалиться. Чтобы его импотенция до

конца жизни замучила! Чтобы...

Вдоль скулы скользнули пальцы, и я дернулась. Широко распахнула глаза.

— Все.

Дракон по-прежнему нависал надо мной, правда, больше не прикасался. Там, где по моей коже скользили его пальцы, сейчас раскрывался какой-то светящийся голубой узор, но из-за сильного свечения и припухшей кожи пока было непонятно, какой именно.

— Что вы сделали?! — Я с силой оттолкнула его руку и села на кровати. — Что это?!

Потемневшие глаза сверкнули сталью. Металлическим синим светом.

— Это знак того, что вы принадлежите мне, Лаура.

Что?

ЧТО?!

Я взвилась с кровати рывком, бросилась к зеркалу и замерла. Свечение становилось меньше, сквозь него проступали более четкие контуры, как будто пламя ложилось на кожу, впитывалось в нее.

Клеймом.

— Снимите! — резко развернулась к нему.

— И не подумаю. — Ландерстерг поднялся и шагнул ко мне.

— Это противозаконно! Я не давала на это согласия.

— А я его и не спрашивал. — Он поправил запонку на рубашке и накинул пиджак. — Одевайтесь, ферна Хэдфенгер. Первое время может хотеться пить, так приживается на вас мое пламя. Не старайтесь это игнорировать, просто пейте больше воды. Если почувствуете что-то не то, сразу звоните мне.

— Что-то не то я чувствую, когда вы рядом. Когда вас рядом нет, со мной все отлично!

Не дожидаясь ответа, я натянула юбку. За ней — свитер, после чего сложила руки на груди:

— Еще приказы будут?

— Сегодня нет. Хестор уже ждет на парковке, он отвезет вас домой.

Я моргнула.

— Вы всерьез решили, что я стану жаловаться вашему отцу? — Пандерстерг слегка приподнял бровь. — Считайте это уроком, Лаура. Надеюсь, следующие вам не потребуются.

Уроком?! Считать?!

— Вы... вы не просто драконья жопа, вы хрен драконий! — выдохнула я.

— Коньки, — ответил драконий хрен и вручил мне сумку. — Не стоит надевать чулки на каток, Лаура. Застудитесь.

Последнее мне сообщили примерно так же, как могли бы сказать: «Одер, мне кафе. Крепкий».

Я показала ему непристойный жест и вылетела за дверь. По лестнице метнулась тенью, выбежала в холл, на ходу закуталась в курточку.

Хестор действительно дожидался меня на парковке, но все, на что меня хватило — это бросить сумку на заднее сиденье и упасть следом. Там, где меня касался Ландерстерг, до сих пор горели следы ледяного пламени, узор на груди, казалось, вот-вот прожжет

свитер. Приложив к нему руку, даже сквозь плотную шерстяную вязку ощутила жалящие ладонь уколы.

«Это знак того, что вы принадлежите мне, Лаура».

Никому я не принадлежу! И никогда не стану принадлежать!

Чтобы немного успокоиться, набрала подругу. Ответом мне стали длинные гудки и сработавший автоответчик: «Всем привет! Это Ринара Великолепная. Если у вас есть важная информация, не терпящая отлагательств, наболтайте ее со всей серьезностью. Я отвечу, как только смогу».

Не дожидаясь гудка записи, нажала отбой и сквозь панорамные окна верхнего холла бросила взгляд на стремительно удаляющийся пентхаус Ландерстерга.

Стилист и пресс-секретарь, говорите? Это мы еще посмотрим!

Глава 8

Я влетела в квартиру, оглушительно хлопнув дверью.

— Па-ап! — крикнула прямо с порога. — Пап! Ты дома?!

Едва успела расстегнуть сапоги, когда в холл выплыла Ингрид.

— Лаура, ты могла бы вести себя прилично? — холодно поинтересовалась она.

— Я веду себя прилично. Где папа?

— Он встречается с каким-то проблемным клиентом. — Ингрид еще понизила голос. Мачеха выглядела недовольной: так случалось всякий раз, когда ее что-то или кто-то отвлекало от дел. — И я буду тебе очень благодарна, если ты не станешь больше кричать на всю квартиру. У нас гости.

— Гости?!

Гостем оказался, как выяснилось, стилист. Судя по количеству разложенных по дивану образцов ткани, а заодно по раскрытому в ноутбуке каталогу, Ингрид уже вовсю готовилась к вечеринке у Ландерстергов. Я не стала ее разочаровывать, что вечеринки не будет, просто поздоровалась и поднялась вверх, на ходу обувая домашние балетки.

— Силь? — заглянула к сестре. — Ты не в курсе, папа не говорил, когда вернется?

— Понятия не имею. — Сестра поспешно захлопнула ноутбук. — Тебя стучать не учили?

— Можно подумать, ты всегда стучишь, — огрызнулась я и вылетела из ее комнаты.

Не знаю, как насчет пламени Ландерстерга, но моего собственного сейчас хватало, чтобы подпалить пару комнат.

Знак принадлежности!

Этого еще не хватало!

Я распахнула окно и высунулась в него по пояс, чтобы немного остыть, но помогло не особо. Меня по-прежнему потряхивало, будто и не было этого полета от драконьей пещеры до жилища человека обыкновенного.

У-у-у, как он меня бесит! Ненавижу его!

Ненавижу!

Внизу хлопнула дверь, и меня снесло с окна как под порывом ледяного ветра. Я вылетела из комнаты, и, перепрыгивая через две ступеньки, бросилась вниз.

— Пап! — выдохнула я. — Нам надо поговорить.

Отец, который успел только снять пальто, приподнял брови.

— Это так срочно?

— Более чем!

— Что, даже до ужина не подождет?

— Не подождет, — я кивнула в сторону кабинета.

— Пойдем. Пожалуйста.

Отец покачал головой, но все-таки взял меня под руку.

— Что-то не так, Лаура? — спросил, когда за нами закрылась дверь.

— Все! — выдохнула я, и, вспомнив, что «у нас гости», все-таки понизила голос. — Папа,

я не хочу замуж за Ландерстерга!

— Хорошая шутка. — Отец, начавший было опускаться в кресло, замер.

— Это не шутка.

— Что значит — это не шутка?!

— То и значит! — только сейчас я поняла, что стоило переодеться, но переодеться мне уже не грозило. Поэтому а оттянула ворот свитера (к счастью, широкий), настолько, насколько это возможно. — Он меня заклеил!

Брови отца снова приподнялись, когда он увидел краешек голубой закорючки, язычком ледяного пламени выползающего на мою ключицу. Потом брови его сошлись на переносице, а отец опустил в кресло.

— Так надо, Лаура.

Что?!

— Как — надо? — переспросила я дрожащим от ярости голосом. — Увозить девушку с катка, выдергивать ее от друзей на глазах у всех, а потом ставить ей это клеймо? Так надо, да, пап?! Так?!

— Лаура, у тебя истерика. Успокойся, а завтра мы поговорим нормально.

— Нет у меня никакой истерики! — я подлетела к столу. — Я с самого начала говорила тебе, что не хочу идти на это собеседование, но ты меня даже слушать не стал! Я пошла туда только для того, чтобы его провалить, но Ландерстерг с какой-то радости выбрал меня! Да он меня даже не знает, но уже умудрился наляпать клеймо, как породистой виары! Насильно! Я не давала своего согласия, слышишь?!

— Хватит! — Отец рявкнул так, что я вздрогнула. — Хватит, Лаура. Довольно. Я вижу, к чему ты клонишь. Все дело в том, что у тебя с детства было все, что ты только пожелаешь. Лучшие игрушки, танцы, коньки. Я выкладывался, чтобы обеспечить тебе лучшую жизнь, и в итоге превратил в избалованное чудовище

— Что?

— То. — Он поднялся из-за стола. — Ты привыкла, что все в твоём мире происходит по щелчку пальцев, а если не происходит, значит, ты недостаточно громко щелкнула. Ты согласилась пойти на собеседование...

— Я согласилась из-за вас! — выдохнула а. — Из-за вас, из-за тебя, Даргела, Ингрид, Сильви. Я хотела, чтобы...

— Если бы ты согласилась из-за нас, этого вопроса сейчас просто бы не возникло, — холодно произнес он. Насколько холодно, насколько вообще возможно. Наверняка, он успешно применял его во время судов, но со мной он никогда так не говорил. Ни разу, сколько я себя помнила. — Тебе двадцать один год. Пора понимать, что детство закончилось.

— Дело не в детстве. Неужели ты не понимаешь?!

— О нет. — Он шагнул ко мне. — Я все прекрасно понимаю. «Эрвилль де Олис», верно? Вот, что тебе нужно сейчас, и ты не успокоишься, пока его не получишь, и не наиграешься. Но вот что я тебе скажу, Лаура. Твой эгоизм и твои желания всегда были для меня на первом месте. Потому что я люблю тебя. Потому что я поклялся твоей матери...

— Нет, — сказала я севшим голосом. — Не смей приплетать сюда маму.

— Не смей? — Он сдвинул брови. — Ты с детства все разрушаешь. Я потерял ее из-за тебя!

Наверное, я всегда знала, что он так думает. Наверное... но сейчас меня словно ударили под дых, и воздух вышел из меня коротким рваным судорожным вздохом. Я развернулась

и вылетела из кабинета. Как оказалась в своей комнате, помнила смутно, несмотря на распахнутое настежь окно, мне кажется, стало еще жарче.

В кресло я практически упала, и только когда включала ноутбук, поняла, что у меня дрожат пальцы. Папка, в которую я почти не заглядывала... а точнее, заглядывала раз в год, в мамин День Рождения, была сохранена у меня в разделе «Самое дорогое». Я открыла ее и первое, что увидела — свадебные фотографии. Мама и отец улыбались, сплетая пальцы. Воздушное платье (тогда в моде была пышность) раскрывалось от тонкой талии белоснежными волнами, лиф подчеркивал красивую грудь. Темные волосы были уложены в высокую прическу, фиолетовые глаза лучились счастьем.

Мама сама была как счастье. Когда она приехала из Раграна, поступать в Университет, папа уже учился на четвертом курсе. Они случайно познакомились во время студенческой вечеринки (где она его здорово отшила, если верить его словам), и с тех пор крепко зацепила. Он стал за ней ухаживать, чтобы добиться ее внимания, и в результате... ну, в результате у них все получилось.

И получилось бы еще лучше, если бы не я.

Фото, где мама на девятом месяце, готовится к родам, светится от счастья, заставило меня плотно сжать губы. Она показывала маленькую рубашечку, одну из многих, которую купила для меня, и было странно даже представить, что через несколько дней ее не станет.

Потому что нужно было выбирать, спасти ее или меня.

И потому что она попросила спасти меня.

Я сжала губы еще плотнее и захлопнула ноутбук, но ее сияющее лицо по-прежнему стояло перед глазами. Она словно светилась изнутри, счастливая, как никогда. Даже темно-фиолетовые глаза словно становились светлее и ярче, и от этого светлее и ярче становилось мне.

— Я не буду плакать, мам, — пообещала в который раз. — Я тебя люблю.

Отключила ноутбук от сети, взяла его с собой на кровать, и, повернувшись спиной к распахнутому настежь окну, обняла. А потом улыбнулась и закрыла глаза.

Утро наступило внезапно. Только что я закрыла глаза, как мне казалось — и вот, здравствуйте, доброе утро. То, что я полночи не спала, ворочаясь с боку на бок и пытаюсь придумать, как избавиться от Ландерстерга (звучит почти политически), не считается. Теория вероятностей осталась на том уровне, на котором я успела ее почитать до того, как пошла на каток, но в теории я ее знала, поэтому по поводу зачета переживать не стоило. Переживать стоило только по поводу того, что мне предстояло вечером, а точнее, не предстояло.

Оказывается, от души желая дракону несварения, можно придумать много всего замечательного. Несварение, например. Не потащит же он мающуюся расстройством желудка невесту на пресс-конференцию. А если пресс-конференция не состоится сегодня, это даст мне отсрочку, за время которой я придумаю что-нибудь посolidнее. Например, движение «Свободу человеческим невестам», или «Скажем решительное „нет“ чешуйчатым женихам».

С этой мыслью я оторвала голову от подушки и... уронила ее обратно. Она казалась не просто тяжелой, неподъемной. Помимо неподъемности головы дико пересохли губы и пекло глаза. Простыла, что ли? Ну в общем, даже хорошо. Будет очень в тему моего «несварения».

Усилием воли столкнула себя с кровати и пошла в ванную. Под тонкой маечкой красовался узор принадлежности Ландерстергу. Красивый, надо сказать, серебристо-голубой, как будто на моей коже зарождалось ледяное пламя. Я бы, может, даже им любовалась, если бы не сам факт того, как на мне это появилось. Воспоминание о последнем отбили всякое желание думать о красоте ледяного пламени, я потянулась за зубной щеткой, и в этот момент с визгом:

— Ла-а-а-алииии!!!! — на меня сзади налетела Сильви.

Я покачнулась и не влетела в зеркало лбом только потому, что сестра резко дернула меня назад, разворачивая лицом к себе.

— Ну ты и интриганка, а! — Сестра сверкнула глазами.

— А?

— А! — Она развернула ко мне экран смартфона. — Вот! У меня сто пятьдесят тысяч подписчиков, а у тебя... двести одиннадцать!

Я, наверное, не до конца проснулась, потому что вообще смутно соображала, откуда на моем аккаунте взяты двести одиннадцати тысячам, и какая мне с этого радость.

— Ну! Ты почему не сказала, что на каток идешь с Ландерстергом? Ну ладно, что ты с ним встречаешься, и он тебя забирает? — Сильви выпалила это все на одном дыхании. — Ладно, понимаю, что это был секретный секрет, и не злюсь! Спускайся завтракать!

С этими словами она развернулась и вылетела за дверь, а до меня, наконец, дошло.

Двести одиннадцать тысяч в мою соцсеть могло привести только эффектное появление с Ландерстергом на катке. Точнее, эффектное появление Ландерстерга и элитной охраны на катке, с которыми я потом элитно ушла на глазах у всех.

Мне захотелось побиться головой о зеркало, вместо этого я полезла в сеть и выяснила, что «Лаура Хэдфенгер ушла вместе с Торнгером Ландерстергом. Значит ли это, что...»

Таких заголовков (в разных вариациях) было по всей сети больше, чем снега в Великой Фервернской Пустоши, разделяющей Хайрмарг и большую часть страны, поэтому я закрыла браузер и пошла чистить зубы. А потом — одеваться.

— Лаура, ты какая-то бледная, — произнесла Ингрид когда я заглянула в столовую. Такая забота и сияющая улыбка на ее лице говорили о том, что ее новости в сети порадовали.

При мысли об этом меня затошнило.

— Садись завтракать. Наверное, у тебя упал гемоглобин.

При мысли о еде затошнило еще сильнее. Я представила, как изменится обстановка за завтраком, если а скажу, что у меня непереносимость драконов, но как раз в ту минуту в столовую вошел отец.

— Мне нужно на зачет, — я отступила, стараясь смотреть куда угодно, только не на него. — Я просто зашла пожелать всем доброго утра, и уже убегаю.

— Так рано? — удивилась Сильви. — Я думала, мы поедем вместе.

— Нет, мы договорились с Рин встретиться пораньше. Я обещала разобрать с ней одну тему.

— А, — Сильви потеряла ко мне всякий интерес и уткнулась в тарелку.

— Удачи на зачете, — это прозвучало со стороны отца. Я просто чувствовала на себе его взгляд прожигающий не хуже драконова клейма.

— Иди первой и не задерживайся! — это уже Ингрид.

Я не ответила, тем более что простуда сказывалась на мне не лучшим образом. Заболела голова, а еще пить хотелось невероятно. Об этом я подумала, уже оказавшись во флайсе. Там же вспомнила, что мне советовали пить воду, но куда может идти первое фернство со своими советами, вслух не говорят.

Что самое интересное, горла у меня не болело и нос тоже не был заложен, что в сложившихся обстоятельствах, несомненно, радовало. Во-первых, когда у меня садился голос, он садился конкретно, и я не могла говорить вообще. А во-вторых, с полной головой соплей очень сложно сдавать теорию вероятностей, даже если ты в принципе в теме разбираешься.

Разумеется, на зачет я приехала первой и в пустынном коридоре долго подпирала стену, пока появились первые однокурсники. Заметив меня, они как-то слишком резко для зачета повеселели:

— О! Лаура! Привет!

Под их взглядами я сейчас ощущала себя абсолютно и бесповоротно невестой Ландерстерга. Настолько невестой Ландерстерга, насколько это вообще возможно, у них в глазах горело столько вопросов, что я не выдержала и сбежала к кулеру в конце коридора. Где в обнимку со стаканчиком воды ненадолго почувствовала себя лучше. Правда, очень ненадолго: на плечо мне легла рука и за спиной раздался голос Миста:

— Хэй! Лали.

— Я тебе не Лали.

Я сбросила его руку и повернулась. В глазах бывшего вопросов не было, он тут же вскинул ладони.

— Ладно. Лаура. Слушай, я хотел извиниться за вчерашнее... ну... ты бы сразу сказала, в чем дело, а то я просто не понял. Понимаешь... Решил, что ты...

— Иди в жопу.

— Что? — Мист откровенно опешил

— Иди. В жопу, — сказала я. — По слогам повторить?!

Швырнула стаканчик в мусорницу и направилась к однокурсникам. Перед глазами все плыло, то и дело вспыхивали голубые искры и дыхание сбивалось. К счастью (моему и всех остальных) появился преподаватель с ключом-карточкой и открыл аудиторию.

— Через пять минут заходим по одному, — командует он. — Рассаживаемся за столы, где активированы планшеты с тестами. Дальнейший порядок вы знаете.

Зачеты, как и экзамены, у нас были наполовину автоматизированы. То есть сначала нужно было решить тест (результаты высвечивались сразу у тебя и у преподавателя, количество верных баллов). Если тест «пропускал», дальше нужно было выбрать электронный билет в специальной программе. Такая своеобразная учебная потеря. Основной вопрос был по теории, на подготовку отводилось двадцать минут. После чего короткая беседа с преподавателем решала, зачет или не зачет.

Дверь в аудиторию захлопывается, и с этой минуты я с Ландерстергом благополучно забыта, у всех включается режим «Я ничего не знаю», он же «мандраж обыкновенный, предэкзаменационный». Я бы и рада включить его вместе со всеми, но у меня то пересыхают губы, то горло, то все вместе, поэтому я очень рада, когда на табло над аудиторией, наконец, вспыхивает «Приглашается студент».

Зачет я сдала исключительно на энергии действия. Влетела в аудиторию первой, первой сдала зачет и первой оттуда вылетела. Если бы не Ринни, я бы сразу убежала домой, «готовиться» ко встрече со стилистом и пресс-секретарем, а так пришлось присоединиться к однокурсникам и отвечать на вопросы:

— Ну как?

— Тест был сложный?

— А билет?

— На все ответила?

— Не валил?

— Сдала?

Что меня радовало, так это то, что вопросы не про Ландерстерга.

Что не радовало, так это то, что к жару добавился шум в ушах, а искры сменила льдисто-голубая дымка.

— Сдала.

— Класс! Молодец...

— Поздравляю!

Раньше я была бы счастлива, но... Рин приехала одной из последних, поэтому зашла относительно недавно. Она влетела в аудиторию, когда я уже готовилась по вопросу, и мне казалось, что подруга сознательно мена избегает. Впрочем, скорее всего, мне не казалось. Потому что сегодня Ринни, когда вошла, даже не взглянула в мою сторону.

— Может, отметим? — предложил Саш, один из наших активистов.

— Нельзя! — воскликнула Аи.

— Почему?

— Потому что пока ты туда не зашел, нельзя говорить на тему «отметим».

— Аирана, ты-то чего? — фыркнул Герм. — У тебя всегда высшие баллы.

На электронном табло над аудиторией вспыхнул значок: «Приглашается студент».

— Иди! — подтолкнул Аи Саш. — Хватит здесь зависать, а то из-за тебя я уже сам трясусь.

— Трясешься ты из-за себя, — огрызнулась девушка, но все-таки шагнула к аудитории. Чудом не столкнувшись с вылетевшей из-за дверей Рин.

— Ну как?

— На все ответила?

— У тебя какой билет был?

— Не сдала.

Ринни перекинула сумку через плечо, и быстро зашагала по коридору. Я бросилась за ней:

— Ринни! Рин! Подожди!

Она не остановилась, только ускорила шаг, в итоге догнала я ее уже за поворотом, ближе к лифтам. Перехватила за локоть, но подруга вырвалась.

— Отвали, а? Просто отвали, Лаура.

— Рин, нам нужно поговорить.

— Кому нужно? — Она шагнула ко мне, оказавшись лицом к лицу. — Тебе нужно? Для очистки совести? По-моему, тебе стоило раньше со мной поговорить, не находишь?! Я все-таки твоя лучшая подруга... была!

— Рин, что значит была?! Ты мне и слова не даешь вставить!

— Слова о чем? О том, что ты замуж собралась?! Или о том, что тебе не стоило выписывать кренделя на катке? Знаешь, я была лучшего о тебе мнения! Ты хоть понимаешь, в какое положение ты поставила Сэфла?! А Бена? Какого ты вчера ему глазки строила?!

Она выпалила все это мне в лицо, и, резко развернувшись, бросилась в сторону лифтов.

— У кого-то тяжелый день? — Голос Сильви раздался из-за спины.

Я обернулась:

— А ты что тут делаешь, мелкая?

— Я не мелкая, — хмыкнула сестра. — Что это с ней?

Она кивнула на Ринни, которая с силой шарахнула ладонью па панели вызова.

— Мы поссорились.

— Почему?

Потому что Ландерстерг.

— Ты не сказала, что ты здесь делаешь? — повторила я.

— У меня вторая пара отменилась. История Золотого века заболела, — Сильви потянулась, встала на носочки. — А физическую нагрузку я сегодня прогуляю. Скажу потом, что по женской причине. Не хочу тут торчать. Ты уже сдала?

— Да.

Воздух вокруг неожиданно раскалился, а потом так же неожиданно схолоднул, как будто меня пнули из сауны на мороз.

— Тогда домой? — Сильви ослепительно улыбнулась.

— Домой.

— У меня еще две тысячи подписчиков прибавилось, — она показала телефон.

— Рада за тебя.

— Могла бы и порадоваться, — буркнула сестра. — А то в последнее время только рычишь на всех. Это ты от Ландерстерга заразилась?

Я чуть было не сказала, что от Ландерстерга можно заразиться только властными насекомыми, но удержалась. Мы были в общем коридоре, и тишина занятия не гарантировала того, что в следующий момент кто-то не выскочит из аудитории.

— О-о-о, я представляю, что будет завтра. — Глаза Сильви сверкали. — Ты на своей страничке вообще появляешься? Главное, чтобы тебя не заблокировали, когда к тебе ломанутся подписчики со всего света!

Сдались ей эти подписчики.

— Если честно, не представляю, как ты все это выдерживаешь, — она коснулась панели вызова лифта. — Как ты с ним общаешься? Какой он?

Дракон он.

— Отмороженный.

— Отмороженный? — это она переспросила почему-то шепотом.

— А еще импотент.

— Лали!

— Не верю я, что у него работает что-то, кроме системы приказов и распоряжений.

— О, ну это ты зря. — Сильви хихикнула. — Знаешь же, что мама подписана на «Эбер»?

Эбер — один из самых популярных женских журналов в Ферверне. Там все о новинках моды, о новейших трендовых постановках, об открытии модных домов, о брендах люксовой косметики, уходовой и декоративной, о психологии, саморазвитии и многом другом.

— Знаю, разумеется.

— Так вот, там пишут, что чем большей властью наделен мужчина, тем лучше у него все в постели. Потому что он реализует свою агрессию и становится по-настоящему состоявшимся.

— Уволь меня от этих умозаключений.

— Да ладно. — Сильви первой шагнула в пустой лифт. — Скажешь, что тебя совершенно не волнует, как это будет с ним?

Нет! Потому что с ним ничего не будет!

— Ла-а-али, — сестра улыбнулась. — Ну правда. Ты же потом мне расскажешь?

— Да, обязательно! Сразу после первой брачной ночи позвоню и составлю отчет.

— Да ну тебя! Сильви отвернулась, а я ткнула в нужный этаж и прислонилась к стене.

Все, я домой! Пора начинать операцию «Несварение».

— Лаура, открой! — В голосе Ингрид слышались истеричные нотки.

Они в нем слышались уже минут пятнадцать, с тех пор, как до мачехи окончательно дошло, что выходить я не собираюсь.

— Не могу, — сказала я. — Мне плохо.

И даже не солгала. Мне правда было плохо, настолько плохо, что я упустила такой важный стратегический момент, как графин с водой. И ведь заранее принесла его к себе в комнату, поставила на тумбочку... и оставила там, когда услышала, как приехали пресс-секретарь и стилист, а вот теперь горячо об этом жалела.

Ключевое слово — горячо. Так горячо мне еще не было.

Поначалу я сидела на мягком коврикe, на который наступала после душа, теперь же сползла с него и привалилась к прохладной душевой кабине, испытывая желание залезть туда и включить воду. Ледяную.

Не знаю, что это был за вирус, но перед глазами у меня то и дело вспыхивало фервернское сияние.

— Лаура! Мы вызовем врача... — это прозвучало почти жалобно.

Ага, сейчас. Так я вам и поверила.

— Не надо, — сказала я.

Получилось хрипло. Вот, кажется, и голос садится.

— Лаура!

Я не стала отвечать. Гораздо приятнее было сидеть, прижимаясь щекой к душевой кабине, и считать узорчики на матовом стекле. Изредка узорчики оживали и принимались ползать по стеклу, а потолок начинал двигаться. В такие моменты я старалась не двигаться сама, потому что тошнить мена начинало уже на самом деле.

— Юргарн! — донеслось из-за двери.

О. Кажется, в ход пошла тяжелая артиллерия.

— Лаура! — Это уже голос отца. — Лаура, немедленно открой дверь!

А Ингрид небезнадежна. Об этом мне подумалось как-то очень отстраненно, сквозь вспышки фервернского сияния перед глазами. Получается, она сразу отцу позвонила? Или просто больше времени прошло? Я потянулась за планшетом и хмыкнула: да, с пятнадцатью минутами я погорячилась. Все сорок. За эти сорок ко мне приходила Сильви, мне звонил Даргел, отец вот даже с работы убежал в срочном порядке.

— Лаура! Открой, или я ее вышибу.

— Я сижу спиной к двери, — предупредила я. — Вышибешь дверь — вышибешь из меня Лауру.

Почему-то последнее заявление показалось мне недостаточно грозным, и я добавила:

— Навсегда

— Кошмар! Это какой-то кошмар! — голос Ингрид.

— Ладно, Лаура, чего ты хочешь?

Чтобы меня оставили в покое.

— Остаться наедине с расстройством желудка.

— Брось! Мы оба знаем, что никакого расстройства нет.

— Есть, — сказала я. — Если хотите, можете остаться под дверью и послушать.

— Ферна Хэдфенгер.

После этих слов за дверью стало подозрительно тихо. В ванной, в общем тоже: мое фервернское сияние собралось в шеренгу, выстроилось у меня перед глазами ровной лентой и засияло ярче, чем все огни Хайрмарга вместе взятые. То, что у меня начались глюки, я поняла не сразу. То есть глюки, которые Ландерстерг, которого здесь совершенно точно не могло быть (в разгар рабочего дня в Айрлэнгер Карддарк), ну и вообще — не могло, обозначили свое присутствие стуком в дверь.

Подозреваю, что именно так мог бы стучать Ландерстерг, если бы он там был. Негромко, но жестко. Странно, что дверь сама не открылась или не выпала из арки.

— Ферна Хэдфенгер. Откройте. Нам надо поговорить.

— М-м-м-м... — сказала я. — Нет. Если вы глюк, то говорить нам с вами не о чем. А если нет, тем более не о чем. Потому что когда мы с вами в последний раз говорили, это ничем хорошим не закончилось.

Тишина за дверью могла означать только то, что глюк ушел. Ну либо то, что он сейчас пытается понять, что ему делать дальше, а может быть, то, глюк он или не глюк. В общем, возможны варианты.

— Мы здесь одни, — донеслось из-за двери.

— Хорошо, — сказала я.

— Откроете?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я вам не доверяю, — я глубоко вздохнула.

Сидеть мне стало тяжело, поэтому я легла. Головой на коврик, разумеется, что а, совсем себя вести не умею, что ли.

— Хорошо, поговорим через дверь, — прозвучало снаружи.

— Хорошо, — снова подтвердила я.

— Признаю, что я был неправ.

Точно глюк.

— Да-а-а, — сказала а, мечтательно глядя в плавающий надо мной потолок. — Вы были очень неправы, ферн Глюкдерстерг. И знаете, в чем? Сначала в том, что отказались меня

слушать, а потом в том, что нацепили на меня эту штуковину... кстати. Давайте назовем наше общение туалетные переговоры. Как вам такой вариант?

Ненадолго установившуюся тишину перебило резкое:

— Лаура, вам в самом деле плохо?

— Что я, шутить такими вещами буду, что ли? — почти обиделась я.

— Откройте дверь. Немедленно. Или я открою ее сам.

— Я уже говорила, что сижу у двери?

— Я жду две секунды.

Две секунды, в общем-то, не прошла, ну или мне так показалось. Панель блокировки на моих глазах просто покрылась инеем, жалобно треснула, этот треск передался какой-то детальке в двери (подозреваю, что замку). Шикарный дорогой материал затащило матовой пленкой морозного узора, и я словно рухнула в ледяной вихрь. Приподнявшись, увидела, как осторожно, более чем осторожно приоткрывается дверь. И как потом резко отлетает в сторону. Губы пересохли, во всем теле нарастал жар. Еще совсем недавно здесь было холодно, но сейчас меня трясло от раскаляющегося вокруг воздуха.

Раскаляющегося от полыхающего на груди клейма, которое словно впитало ледяное пламя в глазах дракона.

— Снимите, — потребовала я, правда, последнее вышло как-то совсем слабо.

Последнее, что я увидела — это как Ландерстерг метнулся ко мне. Потом наступила темнота.

Глава 9

Будильник надрывался голосом Ремьер Эйдж, рагранской соперницы Сибриллы Ритхарсон. Хит назывался «Между нами зима», я ставила эту песню, будучи беззаветно в нее влюбленной, но за несколько месяцев пробуждения под нее уже успела возненавидеть.

Нащупать телефон не удалось, поэтому я открыла глаза и тут же их закрыла. Состояние было такое, как если бы меня клюнул дракон. Вместо связных мыслей — бесчисленное множество обрывков, среди которых попадалось что-то в стиле «как же хочется спать» и «как же хочется пить». Пить, кстати, действительно хотелось очень сильно, поэтому я снова открыла глаза, дотянулась до стоящего на тумбочке стакана, залпом его осушила и откинулась на подушки. Перед глазами маячил стильный двухуровневый потолок и светильник, то есть люстра, вмонтированная в него в форме дракона.

В форме дракона?!

Я подскочила на кровати, разом вспомнив все, что произошло вчера. Затуманенное сознание постепенно растуманивалось, и стало совершенно очевидно, что я в гостях у дракона. То есть у Ландерстерга. Совершенно... Я заглянула под покрывало, зажмурилась. Нет, не совершенно. Нижнюю часть белья мне великодушно оставили, зато бюстик и чулочки висели на спинке кресла. Эротичненько так.

Пару минут я на них моргала.

Потом заткнулся будильник.

Потом я аккуратненько, завернувшись в покрывало, поднялась с кровати и подошла к зеркалу. Над левой грудью отчетливо виднелся бледно-голубой узор, который вчера полыхал ледяным пламенем.

При попытке коснуться его пальцем, меня ужалило льдом. Свечение стало сильнее, но стоило мне убрать руку, тут же погасло. Еще несколько минут я созерцала это сотворенное драконом клеймо, после чего резко развернулась и метнулась к дверям.

«Откройте дверь. Немедленно. Или я открою ее сам».

Открыть? Откроем! Да я ему сейчас такое открытие устрою!

Меня затормозил тот факт, что я в простыне. То есть не в простыне, но в покрывале, отдаленно напоминающем простыню. Между слоями тончайшей ткани была запечатана какая-то прокладка с наполнителем, согревающая так, что в ней по улице можно легко ходить. Отшвырнув ее на кровать, я метнулась в ванную, где ополоснула горящее лицо водой и стащила с вешалки чистый, пахнувший хвоей халат.

Стоило представить, как этот... дракон стягивает с меня чулки, как в ванной стало нечем дышать. Подавив желание расколотить что-нибудь (прямо о голову Ландерстерга), я вернулась в комнату, пригладила волосы и уже совершенно спокойно вышла за дверь.

Хорошо, не совершенно. Дверь захлопнулась как-то слишком резко.

А я как-то слишком резко поймала себя на подлете к соседней, которую распахнула, и замерла.

Драконья задница! Буквально.

Драконья задница, накачанная такая, состоящая из упругой мышечной массы, маячила перед глазами.

— Проснулись? — поинтересовался Ландерстерг, обернувшись. — Чудесно. Как раз успеете позавтракать вместе со мной.

Теперь я лицезрела драконью передницу. Перевела взгляд с того, что там имелось в наличии (а в наличии там имелось ого-го что), на пресс. Потом — на мощную грудь, широкие плечи и подбородок.

Ну вот, до глаз мы тоже добрались, ура. Можно себя поздравить.

— Вы всегда ходите по дому голым?

— Только после душа. — Ландерстерг шагнул в сторону гардеробной. — Ваши вещи в шкафу в вашей комнате, можете переодеться. После завтрака вас отвезут, куда попросите.

А не одраконели ли вы?

— Нет.

Поздравляю! Я спросила это вслух.

— Вы меня раздели!

— Вас нужно было раздеть, у вас был жар.

Кстати, о жаре.

— И как вы его снимали, позвольте спросить? — поинтересовалась я.

— Что?

Действительно, что?! Он вчера много чего с меня снимал.

— Жар!

— С помощью пламени. Я, кажется, говорил вам, Лаура, что вам надо пить больше воды, а если вы почувствуете себя плохо, сразу звонить мне? Ландерстерг направился к гардеробной, а я сложила руки на груди.

— Плохо мне стало по вашей милости. Снимите свою закорюку!

— Нет.

— Нет?!

— Нет. Потому что это защита.

— Защита?!

— От моего пламени, Лаура. — Он повернулся ко мне, уже в брюках и в расстегнутой рубашке. Которую даже застегивать не перестал, разговаривая со мной. — Эта закорюка, как вы выразились, инновационная разработка, узор харргалахт, позволяющая женщине находиться рядом с иртханом и не подсаживаться на пламя. Она же позволяет иртхану свое пламя не сдерживать. Что, несомненно, нам с вами в будущей совместной жизни очень пригодится.

В будущей совместной жизни мне очень пригодится что-то тяжелое. Но поскольку тяжелее драконьего самомнения в этой комнате не было ничего, я решила, что продолжать разговор бессмысленно.

— Если не возражаете, я бы хотела переодеться, — сказала я.

И ушла к себе.

Можно было попрыгать на ковре. Можно было попрыгать на кровати. Разбить все, что в этой комнате было бьющегося, а заодно распотрошить все подушки, которые имелись в наличии, но глобальную проблему это не решало.

Драконье пламя, то есть пламя иртхана — магия в его крови, позволяющая управлять любым даже самым сильным зверем, кроме глубоководного фервернского. Не знаю, что не так с этими драконами, но они не подчиняются ментальной магии иртханов, то есть приказам, способным развернуть или остановить, или заставить сделать что бы то ни было любого другого их сородича. Помимо этого, пламя иртханов имеет вполне себе материальную сторону, в случае Ландерстерга — ледяную, и случись ему подпалить что-

нибудь в этой комнате, оно бы тут же покрылось инеем и развалилось на части, как случилось с замком в ванной. Не знаю, почему люди подсаживаются на эту силу, но вот теперь есть противостояние, харргалахт.

И оно на мне.

Сменная одежда оказалась в моей сумке, как выяснилось, джинсы и свитер, даже ботинки к ним положили, добрые люди. И даже белье! Я представила, как Ингрид собирает вещи, обливаясь слезами (счастья), как отец стоит рядом и не мешает Ландерстергу меня забирать, и мне снова захотелось что-нибудь разбить, но я напомнила себе, что проблему это не решает.

Поэтому спокойно переоделась, сложила все с меня снятое драконом в сумку, натянула джинсы, которые последний раз надевала год назад, когда мы с Мистом ездили на аэрогонки, привела себя в порядок и только после этого вышла из комнаты. Вместе с сумкой.

Желание просто сбежать я тоже в себе подавила, вместе с желанием высказать Ландерстергу все, что я о нем думаю. Решение, которое ко мне пришло, оказалось простым и настолько серьезным, что у меня даже руки застыли. Ну да ничего, будем считать, что это харргалахт работает. Должна же она как-то работать.

— Ферн Ландерстерг! — крикнула я во весь голос. — Ферн Ландерстерг! С первого этажа донеслись шаги:

— Вы всегда так кричите, Лаура?

— Только когда меня приглашают на завтрак и не говорят, где столовая, — сообщила я, спускаясь.

Его драконейшество уже успело полностью одеться, и я подумала, как красиво будет смотреться пятно от кофе на белоснежной рубашке. И еще красивее — на пиджаке, чувство было такое, что его отливали из стали (и костюм, и Ландерстерга), а вместо сердца зашили ледышку.

Воздух в этой квартире пропитался его ледянейшеством настолько, что искрился в солнечных лучах. Собственно, солнце было единственным, что согревало столовую-кухню, в остальном она была выполнена в серебристо-голубых тонах, цветом примерно таким же, как если смешать сталь со льдом.

Даже чашка с дымящимся кофе остывала, как мне кажется, быстрее, чем в любом другом помещении. Да даже не в помещении!

— Расскажите мне про харргалахт, — сказала я, усаживаясь на высоком стуле.

Дракон вопросительно на меня посмотрел.

— Я уже сказал, что это защита от пламени.

— Что это значит? — уточнила я. — Что я при виде вас останусь в здравом уме и трезвой памяти даже спустя десять ужасных, невыносимых, кошмарных лет супружеской жизни? Что я при виде вас не превращусь в дрожащую, заикающуюся и трясущуюся от желания женщину, даже если вы во время секса будете фонтанировать пламенем на весь Хайрмарг?

Тост в драконьей пасти надломился с таким хрустом, как будто стал ледяным. И судя по выражению дракономорды, встал ему поперек горла.

Я свой намазала джемом и сунула между створками кусочек рагранского сыра. Рагранского, я точно знаю, этот сорт делают только в Рагране. Вообще я его обожала, но сейчас он показался мне вкусным, как никогда. Кофе, кстати, тоже. Надо будет сказать спасибо тому, кто его варил.

— Ладно, оставим будущее в покое, — сказала я. — Вы его на людях тестировали? Или я была первой?

— Чего вы добиваетесь, Лаура?

— Ну как же, — я посмотрела на него. — Хочу понимать, чем мне это грозит в ближайшем будущем. То есть если вы поставили его первой на меня, у него могут быть побочные эффекты. Например, я умру...

— Вы не умрете, — отрезал дракон.

— Почему вы настолько уверены?

— Потому что тестирование действительно проводилось. На добровольцах.

— И никто не умер?

Судя по выражению лица Ландерстерга, нет. Но очень даже может быть, что умрет. То есть кажется, сейчас он захотел меня придушить.

— Нет. Во время тестирования были приняты все необходимые меры безопасности.

— Это какие же?

— Первая неделя под наблюдением в медицинском центре, круглосуточный доступ к медицинскому персоналу, тревожная кнопка и датчики на теле, бесперебойно сообщающие состояние участника тестирования куратору.

— Понятно, — сказала я, — эксперименты на людях.

— Вы сейчас издеваетесь? — Ландерстерг приподнял бровь.

— Нет, — я пожала плечами. — Говорю, как есть. Кстати, снять ее может любой иртхан?

Глаза дракона сверкнули.

— Снять ее могу только я, и пока она на вас, ни одно другое пламя вы не примете.

— Что значит — не приму?

— Это значит, что ни один другой иртхан не посмеет к вам прикоснуться.

Потрясающе!

— То есть вы поставили мне клеймо...

— Защиту.

— Клеймо против моей воли, чтобы я случайно не посмотрела ни на какого другого иртхана?

— Достаточно, — произнес Ландерстерг.

Произнес так, что у меня все волосы на теле встали дыбом, а следом за ними внутренности шеренгой выстроились вдоль позвоночника. Впрочем, я уже и сама решила, что достаточно, поэтому нажала «остановить запись» и поднялась.

После чего положила смартфон на стол и включила запись. Когда она дошла до конца, Ландерстерг поднялся тоже.

— Вы объявляете мне войну, Лаура? — спросил он.

Так, что внутренности попадали вниз, видимо, в глубоком обмороке. А волосы только чудом не выскочили из луковиц вместе с корнями. Тем не менее я выдержала его взгляд, и у меня даже не заплетался язык. Наоборот, я вполне отчетливо произнесла:

— Я предлагаю вам подумать, хотите ли вы видеть рядом с собой женщину, которая вас ненавидит, — после чего удалила запись и открыла приложение вызова флайса. — Не утруждайтесь, ферн Ландерстерг. Я помню, где выход.

Когда я шла к двери, у меня было такое чувство, что в спину мне вонзились тысячи

ледяных игл, а по рукам и ногам спеленало морозным коконом. Тем не менее я даже ни разу не споткнулась, и вполне себе беспрепятственно нашла выход. Правда, уже на выходе осознала, что вряд ли на эту парковку пустят заказной флайс.

Прежде чем я успела эту мысль осознать, дверца стоявшей на парковке машины приоткрылась. Грань поднявшегося белоснежного крыла полыхнула солнечными бликами, и я приложила ладонь к глазам.

— Ферна Хэдфенгер, — оттуда выглянул Хестор. — Пожалуйста, садитесь. Я отвезу вас, куда попросите.

Я села, откинула за спину волосы.

— В ледовый дворец «Винтерсайд», — попросила, отменяя заказ.

И только когда мы взмыли ввысь, выдохнула.

Глава 10

Ледовый дворец, где я в основном тренировалась, выглядел как ледяная волна. Буквально. Эта волна изгибалась на половину квартала, а снаружи была отделана пластинами, напоминающими кристаллики льда. Когда мы опустились на парковку, я поблагодарила Хестора (в конце концов, водитель совершенно точно не виноват, что его руководство — бессердечная драконятина), и вышла у центрального входа. Со стороны служебного она тоже была, но туда нельзя было сажать флайсы, поэтому мне пришлось обойти здание и нырнуть в совершенно неприметные невысокие двери.

Вся охрана меня уже знала, и обычно приветствие начиналось со слов: «Как дела, Лаура?», — но сегодня меня встречали официальным:

— Ферна Хэдфенгер!

Из-за чего мне захотелось закатить глаза, потому что ферной Хэдфенгер я стала исключительно благодаря вчерашнему появлению с Ландерстергом.

— Лаура, Рик, — напомнила я, прикладывая документы к турникету.

Охранник кивнул, но больше ничего не сказал, и я решила, что «как дела» подождут.

Знакомые коридоры, по которым я ходила сотни раз с самого детства, вывели меня к катку. Здесь я сбросила сумку и подошла к бортику, глядя как Эльда гоняет малышню. Точнее, малышня с радостью гоняла сама: в детстве вообще нет никаких преград, и когда ты катаешься, каждую минуту можешь взлететь. Даже если падаешь, это воспринимается совершенно иначе, чем во взрослом возрасте. Отбил коленку — ерунда, через пять минут уже снова кружишься по льду и пытаешься сделать тройной.

Я смотрела, как дети кружатся по льду, облокотившись на бортик. Смотрела, как порхает надо льдом Эльда. Эльда Квэдбер была чемпионкой Соурских игр. Десятикратной. Ее специализация — именно танцы на льду, и ее программы собирали самые высокие баллы. Когда соперницы видели ее на льду, у них сдувалось все, что может сдуваться, но вопреки большинству из тех, кто занимается фигурным катанием, Эльда покинула спорт не из-за травмы.

— Я устала все время держаться за первое место, — сказала она в одном из интервью. — Это, знаете ли, здорово выматывает.

Гибкая и грациозная, она не оставила свое любимое дело, и начала тренировать. Сейчас чтобы к ней попасть нужно было пройти личное собеседование (как, собственно, и когда к ней приходила я). Эльда выставляла из кабинета родителей, и беседовала именно с ребенком, после чего решала, возьмется за его обучение или нет. На групповых она давала основы, на индивидуальных — все, что не мог дать никто другой. Мы выросли вместе с ней, и если честно, глядя на нее я понимала, сколько нужно терпения, чтобы быть крутым тренером. Когда то, что для тебя само собой разумеющееся, как дыхание, приходится объяснять и показывать по десять раз.

Эль заметила меня практически сразу, но занятие продолжалось. Я и не сомневалась, что не смогу с ней поговорить, пока она занимается, поэтому просто стояла и смотрела. Только когда она скомандовала:

— По раздевалкам! Жду вас всех завтра в то же время.

Я оттолкнулась от бортика и потянулась, дожидаясь, пока она подъедет ко мне. С ней мы уже давно не занимались в групповых, только индивидуально, и два занятия из трех я пропустила. Разумеется, предупредив заранее, но...

— Я тебя внимательно слушаю, Лаура.

И в этом была вся Эльда. Скупая на похвалу и на слова в принципе, она смотрела на тебя сверху вниз всякий раз, когда считала, что ты филонишь. Наверное, с ее стороны это выглядело именно так.

— Меня взяли в «Эрвилль де Олис», — сказала я. — Точнее... пригласили на кастинг

— И по такому поводу ты решила пропустить тренировки? — Белоснежные брови приподнялись.

— Вообще-то не поэтому. Эль, ну не будь льдинкой.

В какой-то мере она заменила мне мать. Потому что в отличие от большинства детей, которых к ней привозили родители, моими разбитыми коленками приходилось заниматься ей. У отца все время были клиенты, а Ингрид первое время вообще старалась общаться со мной как можно меньше и на крайне отвлеченные темы.

— Не поэтому. — Она вышла со льда, надела защиту и набросила на плечи легкую курточку. — Пойдем. По дороге расскажешь. Если честно, я не знала, о чем рассказывать.

— Ландерстерг решил на мне жениться.

— Вот как.

Она даже коньки расшнуровывала легкими, порхающими движениями. Так же, как летала надо льдом.

— И его совершенно не интересует мое мнение.

— А тебя?

С ней я могла быть откровенной.

— Что — меня? — переспросила я, когда она переобулась, и мы вышли в коридор.

— Тебя твоё мнение интересует?

— Разумеется!

— Непохоже.

— Что значит — непохоже?!

Мы прошли по коридорам, поздоровавшись с другими тренерами, которые проводили нас взглядами. Что касается Эль, я не сомневалась, что она не в курсе. У нее не было визора, от новостей и соцсетей она отказалась еще несколько лет назад.

«Я в свое время этого дерьма хлебнула с лихвой», — как-то сказала она. В том, что касается выражений, Эль тоже никогда не стеснялась.

Оказавшись за дверью ее кабинета — просторного, вопреки всякой логике не увешанного наградами, я опустилась в кресло и бросила сумку на пол.

— Вообще-то я не приглашала тебя сесть.

— Ой, да ну тебя, — я с наслаждением вытянула ноги.

В уголках ее губ мелькнула скупая улыбка. Временами казалось даже странным, что такая яркая, острая, резкая на льду (когда я смотрела ее выступления, мне казалось, что в ее жилах течет неразбавленное пламя), она такая безэмоциональная в жизни. Вся — от корней белоснежных волос до льдисто-голубых глаз. Ее так и называли на пике карьеры «Фервернская льдинка». Ростом с меня, она тем не менее умела посмотреть так, что ты вмерзал в пол.

— Ты хорошая девочка, Лаура, — сказала Эль, открывая потайной бар, скрывающийся за голографической подвижной картиной зимней пустоши. — Ты настолько хорошая, что этим пользуются все кому не лень. Твой отец в первую очередь.

Я хотела возразить, но не стала.

— В свое время он решил, что ты не будешь заниматься спортом...

— Это я так решила.

— Ну-ну, — Эль усмехнулась и достала бутылку тоньяса. — Разумеется.

— Нет, серьезно.

— Не серьезно. — Она повернулась ко мне, плеснув себе на дно напитка, который вообще-то не принято пить с утра. Щипчиками бросила льдинку и расположилась в кресле напротив меня, закинув ноги на стол. — Я видела, как сверкали твои глаза, когда ты смотрела соревнования. И видела, как ты смотришь на тех, кто с них возвращался. Твой отец определяет всю твою жизнь, а ты ничего не хочешь с этим делать.

— Я хочу!

— Тогда почему не делаешь? — Она пригубила тоньяс.

— Ты мне кофе предложить не хочешь?

— Ты знаешь, где кофемашина.

С Эль не уживался ни один секретарь, и в общем-то, я могла их понять. Мы с ней ругались до таких истерик (точнее, истерики случались у меня, она оставалась непробиваемой), что искры летели, как от резкого торможения на льду. Идти в приемную мне сейчас было лень, поэтому я решила, что обойдусь без кофе.

— У тебя есть все: талант, который ты могла бы дарить людям, искра, которая способна разжечь такое пламя, что мало никому не покажется. А ты тратишь все это на то, чтобы соответствовать. Кому, чему и зачем — непонятно.

— Сеанс психоанализа закончен? — поинтересовалась я. — Я вообще-то за советом пришла.

— Ты же знаешь, я не даю советов. Из-за этого потом бывают большие проблемы.

— У кого?

— У того, кому дали. И еще большие — у тех, кто дает. «Эрвилль де Олис» тебе не светит, Лаура.

— Супер! Спасибо, что поддержала.

— Всегда пожалуйста. И не потому, что ты не умеешь танцевать. Ты умеешь, больше того, ты делаешь это так, как делают единицы в моем окружении. Но ты сама не веришь в то, что делаешь. Все твои разбитые коленки — из-за этого. У меня сейчас окно, заниматься пойдешь?

Она предложила это, отставив пустой бокал. Льдинка сиротливо звякнула о тонкие стенки.

— Я не взяла коньки.

— Я не взяла коньки, — передразнила Эльда. — Плохой фигуристке и стринги в жопе мешают. Возьми в прокате, не переломишься.

— А если я откажусь?

— А если откажешься, можешь больше ко мне не приходить. — Она потерла ладони и поднялась. — Ну?

В том, что это не пустая угроза, я ни капельки не сомневалась. Не считая личных собеседований, которые проходили далеко не все, Эльда так же легко расставалась с учениками, которые ее по каким-то причинам не устраивали, и деньги здесь ничего не решали. Ее занятия стоили дорого, но ни одна сумма не способна была заставить ее передумать: я как-то случайно застала один неприятный разговор (точнее, его завершение). Одна женщина обещала, что если Эль не возьмет ее дочь обратно, она пожалуется в ассоциацию фигуристов, что ее уволят, на что Эльда посоветовала ей идти... в ассоциацию фигуристов.

Как потом выяснилось, та пошла, потому что оказалась управляющей крупным

рекламным холдингом. Но ничего не добились.

— Пойду, — сказала я. — Куда ж я от тебя денусь.

Эльда хлопнула в ладоши:

— Вот и чудненько. Ты знаешь, где раздевалка, твой костюм на месте. Так что через пять минут...

— Через десять.

— Через пять минут жду твою задницу на льду.

— Надеюсь, на льду она сегодня не побывает.

— Вот и посмотрим.

Она вышла из кабинета, оставив меня наедине с кивающей фигуркой, которую привезла из Фияна на счастье. Я шмякнула дракона по голове, из-за чего он принялся кивать еще интенсивнее, и пошла переодеваться.

За сегодня моя задница побывала на льду раза три, и исключительно благодаря Ландерстергу. То есть когда я о нем думала, я падала, в итоге решила не думать, и падать перестала. Тем не менее с катка я выползала практически враскоряку, потому что когда Эльда давала тренировку, она ее давала по полной. Зато к концу тренировки у меня не осталось мыслей про Ландерстерга, осталось только желание сделать все по высшему разряду (что рядом с Эльдой всегда было практически недостижимо), а потом доползти домой и лечь спать.

Проснувшись я уже совершенно в другом настроении: для начала, с твердым решением вечером снова поговорить с отцом, и если у отца не хватит сил и желания меня выслушать, завтра поговорить с прессой. Я, правда, надеялась, что до прессы не дойдет, но и выходить замуж за эту ходячую глыбу льда тоже не собиралась. Дело было даже не в «Эрвилль де Олис», по поводу подготовки к кастингу в который я уже расписала первую половину дня предстоящей недели под тренировки с Эльдой, а вечер — под танцы на лентах. Еще несколько дней я пока оставила свободными, чтобы вплотную заняться тем направлением, в котором окажется больше сложностей.

Помимо этого, у меня был еще не закрыт вопрос с Рин, но ее я решила не трогать. В конце концов, если она не в состоянии меня выслушать, я тоже не собираюсь за ней бегать. А вот перед Беном точно стоило извиниться.

Учитывая, что его фамилию я не знала, мне оставалось только развлекаться поисками в сети по запросу «Бенгарн главный врач», «Главный врач частная клиника Бенгарн», «Частная клиника владелец Бенгарн», «Бенгарн владеет частной клиникой и приехал из Раграна». На энном запросе поисковая система надо мной сжалилась и выдала нужные сведения.

Его полное имя оказалось Бенгарн Эстфардхар, кардиохирург и владелец частной клиники, специализирующейся на кардиохирургии. В его клинику, особенно к нему, очередь на плановые операции была на несколько месяцев вперед, запись велась из всех стран. Читая благодарности от людей и иртханов, которым он спас жизнь, я так увлеклась, что даже не заметила вошедшей Сильви.

— Это кто? — спросила сестра из-за спины, и ткнула пальцем в раскрытый портрет Бена.

— Это мой будущий муж, — ответила я.

Лицо сестры надо было видеть.

— Мне кажется, или ты мне недавно сказала, что входить без стука — это фу?

— Ну и пожалуйста, — Сильви надулась. — Могу уйти.

Я не ответила. Как ни в чем не бывало закрыла вкладку и поднялась. Когда сестра поняла, что я не собираюсь ее уговаривать, надулась еще больше. Я подошла к шкафу,

распахнула дверцы и всерьез задумалась над тем, какое платье надеть на ужин. Почему-то в глаза бросилось зеленое, легкое, облегающее фигуру и подчеркивающее все, что надо подчеркнуть.

— Что вчера было? — Сильви, кажется, передумала уходить.

— А что вчера было?

— Ну. с Ландерстергом?

— Понятия не имею. Это ты мне расскажи.

Я достала платье и расстегнула кофточку. Сильви округлила глаза:

— Ты что, правда была без сознания?

Я приподняла брови.

— Мама сказала, что ты все это устроила, чтобы привлечь к себе внимание.

— Ну раз мама сказала.

— А что, нет? Ты правда отказалась выходить за него? Здесь вчера такое было!

Могу себе представить. Остается только порадоваться, что я благополучно спала... ну или выгорала от пламени, которое в меня залил Ландерстерг. Этого я, к счастью, тоже не помнила, равно как и того, как он меня раздевал. При мысли об этом во мне что-то дернулось, а узор над грудью полыхнул пламенем, которое я прикрыла рукой. Тщетно.

Сильви его уже заметила.

А я напрочь про него забыла! Сложно как-то сходу привыкнуть к мысли, что тебя пометил дракон.

— Лаура! Это что? — спросила она, расширившимися глазами глядя на харргалахт.

— Это драконова метка.

— Что?

— То, что позволит мне принять пламя Ландерстерга, даже если я его принимать не хочу.

У сестры повторно кончились слова, а я ушла в ванную. Дверь отремонтировать еще не успели, поэтому закрыться не представлялось возможным. Следов инея на замке не осталось, но я отлично помнила, как он ползет по двери, вгрызаясь в нее и разрушая изнутри льдом.

— Лали? — Сестра сунула голову в ванную. — А это больно?

— Ужасно, — сказала я.

— Правда?

— Нет.

— Да ну тебя. — Сильви захлопнула дверь. Из-за отсутствия замка она отскочила и приоткрылась, благодаря чему я услышала, что сестра все-таки ушла.

Ну и ладно.

Желания бегать за ней у меня тоже не было. У меня вообще не осталось желания бегать за кем бы то ни было. В платье я выглядела более чем элегантно, осталось дополнить образ серьгами, которые мне подари Даргел на совершеннолетие. Даже не скажешь, что уже пять лет прошло...

Интересно, если я расскажу обо всем брату, чью сторону он примет?

Мое совершеннолетие мы отмечали в ресторане, который выбрал отец, и когда я сказала, что хочу после школы найти работу, он отменил это предложение как какую-то прихоть.

— Сначала закончи Университет, — сказал он, — а потом будешь работать.

Наверное, тогда мне стоило настоять на своем, но учеба отнимала драконью долю времени, а бросать воздушную аэробику и танцы на льду не хотелось. Еще больше не хотелось отказываться от встреч и прогулок с Рин, и я решила, что работа действительно может подождать.

Что же касается настоящего, сейчас я понимала, что работа больше ждать не может. После кастинга в «Эрвилль де Олис», если не получится устроиться в шоу, буду искать работу. Да хоть секретарем к Эльде пойду, у нее как раз вакансии открыта. Сниму свое жилье, и больше никто не будет мне говорить, что я должна делать.

С этой мыслью я спустилась вниз, и обнаружила сидящую в гостиной мачеху.

— Привет, Ингрид.

Она поджала губы.

— Я отправила тебе на почту варианты образов для праздничного ужина. Ты уже посмотрела?

— Нет.

— Посмотри сейчас. Или мы можем не успеть сшить тебе платье.

— Оно мне не понадобится.

Ингрид ничего не успела ответить: по квартире разнеслась мелодичная трель звонка.

— Ты кого-то ждешь? — спросила у мачехи.

Та покачала головой.

Я пожала плечами и направилась к двери, за которой обнаружился представительный мужчина в костюме.

— Подарок для ферны Лауры Хэдфенгер, — сказал он, протягивая мне перевязанную ярко-голубым бантом белую коробку.

— Это я.

— Отлично! — коробка переключалась на пол, а мужчина достал планшет. — Пожалуйста, распишитесь здесь.

Мне хватило одной фразы: «ВИП-доставка», чтобы понять, от кого этот подарок

— Могу я отказаться от доставки?

Мужчина слегка побледнел:

— Ферна Хэдфенгер...

— Ладно, где ставить роспись?

Я расписалась, закрыла дверь, после чего посмотрела на коробку. В красках представила, как она летит вниз с нашего этажа, как я снимаю это на видео, и выкладываю в живую ленту. После чего подхватила коробку, и... поняла, что сбрасывать вниз ее нельзя, потому что если она упадет кому-то на голову таким весом, меня посадят.

Па ощущениям Ландерстерг прислал мне килограмм десять льда из личных запасов.

Проществовав с подарком к себе, я поставила коробку на пол и обнаружила

прикрепленную к банту карточку, которая гласила: *«Предлагаю встретиться завтра за ужином и обсудить компромисс»*.

Компромисс? Ха! Драконья жопа тебе, а не компромисс. Раньше надо было думать.

С этой мыслью я посмотрела на коробку. Если я ее открою, на компромиссный ужин меня все равно никто идти не заставит. И завязать бант так, как он сейчас завязан, я точно смогу. Чтобы отправить подарок обратно.

Легко потянула ленту, коробка зашуршала... и подпрыгнула.

Я вскрикнула и шарахнулась назад, крышка слетела, а прямо на меня выскочил белоснежный голубоглазый виаренок.

Глава 11

— Мы не можем его оставить!

— Ее, — автоматически поправила я.

С тех пор, как зверюга ушастая залезла ко мне на руки (сама, между прочим), предварительно обняв мои ладони, а после начала вирчать так, что у меня заложило уши, я уже не представляла, как с ней расстаться. Мне было совершенно без разницы, что это подарок Ландерстерга, и что у Ингрид аллергия (именно по этой причине у меня до сих пор не было виари). Сколько я себя помню, я просила ее у отца, обещала, что сама буду гулять, заботиться, возить к ветеринару на плановый осмотр и покупать корм за свои карманные деньги, но он оставался непреклонен. Что касается Ингрид у нее была аллергия на все, что могло случайно или не очень повредить ее роскошный дом, оставить шерсть или запах, и если честно, я вообще не была уверена, что она существует. Аллергия то есть.

То, что Ингрид сейчас показательно чихнула — не в счет.

— Она наверху, — напомнила я. — И я несла ее в коробке, так что шерсти здесь не осталось.

— Кто вообще додумался прислать тебе этот кошмар?!

— Ландерстерг.

Ингрид открыла рот. Потом закрыла.

Почти сразу, как я поднялась с подарком к себе, ко мне заглянула Сильви. Подозреваю, что с подачи Ингрид (сама она была слишком роскошна, чтобы лично интересоваться тем, кто и что мне прислал). После того, как Сильви попыталась погладить виаренка, а она попыталась цапнуть ее за палец, в нашем лагере убыло, то есть Сильви тоже сейчас смотрела на меня драконом.

А я думала о том, что возьму мою девочку и уйду, если мне не разрешат ее оставить.

У виари оказались огромные голубые глаза с сиреневым оттенком, Большая редкость даже для породистых зверей, и детский пух, который потом станет шерстью. Сейчас она спала на моей подушке, и я готова была покусать любого, кто скажет, что я должна с ней расстаться.

— Думаю, мы могли бы ее оставить, — изрекла, наконец Ингрид. — Только если она будет жить в твоей комнате. И ты будешь предупреждать, когда ведешь ее на прогулку, чтобы я могла уйти.

На этот раз не успела ответить я: хлопнула дверь, и в холле раздались шаги. Я опередила всех желающих, стрелой вылетела к отцу. Он выглядел уставшим и раздраженным, хмурый — брови сходятся на переносице, глаза сверкают. Заметив меня, он тут же изменился в лице.

— Лаура...

— Пап, на пару слов. Реально на пару.

— Раз, два?

— Примерно так, — я улыбнулась. — Не хочу оставлять наш разговор на той ноте, на которой он состоялся.

Мы снова прошли в кабинет, с той лишь разницей, что сегодня я вошла первой и прикрыла окно, которое, видимо, забыла закрыть наша домработница. Из-за этого кабинет напоминал пустоши или владения ледяных драконов. Ну или квартиру Ландерстерга, что в общем-то то же самое.

Заметив, что я поежилась, отец набросил мне на плечи пиджак и включил обогрев. Дисплей на стене мигнул красным, после чего показал температуру пятнадцать градусов

и ту, которую выставил отец — двадцать три.

— Сейчас прогреется, — сказал он. — Я все время удивляюсь: ты с детства живешь в Хайрмарге, но все равно мерзнешь.

— Это врожденная особенность...

— Дело в твоей матери. — Он вздохнул, но так и не сел в кресло. Потерял виски, устало взглянул на меня. — Сколько себя помню, Оррис здесь мерзла. Она приехала учиться и осталась, потому что мы познакомились... Но каждый раз зимой, когда мы выходили на улицу, она мерзла. Во что бы ни была одета. Она была такая... нежная и хрупкая.

В голосе отца звучало столько боли, что я сбросила пиджак на стул, подошла и просто его обняла. Он притянул меня к себе, неловко погладил по спине и отстранился.

— Прости, Лаура, я не должен был такого тебе говорить. Это я ее не уберег.

— Не ты. Просто так получилось, — сказала я, глядя ему в глаза. — Пап, я знаю, как ты ее любил. И я тоже ее люблю, хотя ни разу не видела. Просто... давай будем помнить это всегда. Ее нет с нами, но мы есть друг у друга. Понимаешь? Я бы хотела, чтобы так было всегда.

Отец внимательно на меня посмотрел.

— Так и будет всегда, Лаура.

— Я надеюсь. Тяжелый день?

Он махнул рукой.

— Расскажешь?

— Снова Лодингер. Я отказался его брать, у него нелады с головой и еще большие с законом. Будут, если он продолжит в том же духе.

Фамилия Лодингер мне ни о чем не говорила, но если мой отец отказался с кем-то работать, значит, на то были причины, и серьезные. Он брался только за тех клиентов, в которых был на сто процентов уверен, и его интуиция никогда его не подводила.

— Что касается Ландерстерга... — Отец взял инициативу на себя. — Он политик, но он... в нем много хорошего. Попытайся это рассмотреть, дочка, и если у тебя не получится, я обещаю, что не стану настаивать. Просто дай ему шанс.

— Это ты рассказал ему про виари?

— Что?

— Он прислал мне в подарок виари. Длинношерстную. Белую. Ты помнишь, как я смотрела на виарят в зоомагазине, когда мне было двенадцать?

Какое-то время отец непонимающе смотрел на меня, а потом расхохотался.

— Он звонил мне сегодня, — сказал, отсмеявшись и смахивая выступившие на глаза слезы, — и просил вспомнить что-то необычное, что касается тебя. Жаль, что я не сказал ему про тот комплект из фервернского льда...

Я плотно сжала губы, но все-таки тоже рассмеялась. Фервернским льдом назывались драгоценные камни, которые добывали только в Ферверне, и стоили они сумасшедших денег. Отчасти из-за того, что их залежи находились очень далеко в пустошах, в горах, а драконы нервно реагировали на всякого рода добывающие работы, отчасти потому, что огранке и шлифовке они поддавались с большим трудом. И несмотря на все современные технологии, работать с ними можно было только вручную. В общем, на комплект из фервернского льда я смотрела примерно так же, как на виари. Но на виари все-таки дольше.

— Ты угадал, — сказала я, — с выбором.

Отец неожиданно тепло улыбнулся.

— Угадал он. Я рассказал несколько случаев.

Я приподняла брови, но он только головой покачал.

— Больше ничего не скажу. Как отреагировала Ингрид?

— Чихает. Правда, мне кажется, что с тех пор, как узнала чей это подарок, уже не так сильно.

Отец легко щелкнул меня по носу.

— Ладно. Пойдем ужинать, Лаура.

— Пойдем. Пока ты переодеваешься, я хочу кое-кому позвонить. Дай мне его телефон.

К себе я поднималась в очень хорошем настроении, на ходу набирая номер Ландерстерга. Даже видеосвязь включила, и он ответил на удивление быстро. Интересно, у него мой номер в контактах есть? Я успела подумать об этом вскользь, потому что когда на дисплее возникло драконье лицо... то есть морда, то есть когда на дисплее возникло лицо Ландерстерга, я про это забыла. Несмотря на поздний вечер он по-прежнему был в рабочем кабинете, об этом явно свидетельствовали знакомые стеллажи за его спиной.

— Вы получили мой подарок, Лаура?

Чувство было такое, что он даже по видеосвязи способен превратить меня в ледяную статую.

— Да. Я выбросила его в окно.

Повисла короткая пауза. В течение которой дракон, видимо, пытался переварить полученную информацию.

— Вы чем вообще думали, когда отправляли мне виаренка?! — поинтересовалась я — А если бы я реально выкинула его в окно?! Он же гам сидел тихо.

— И вас не смутил вес коробки?

— Меня смутило только то, что вы посадили животное в коробку!

— В коробку его посадили перед тем, как позвонить в вашу дверь.

Я представила, как курьер из VIP-доставки, весь из себя такой представительный, сажает звереныша в коробку и завязывает бантик, и мне почему-то стало смешно. Я пыталась сжать губы, но уже второй раз за вечер у меня это получилось из рук вон плохо.

— Чему вы улыбаетесь, Лаура?

Не знаю, какие там хорошести нашел в нем отец но когда он произносит мое имя, я по-прежнему отчетливо слышу хруст. И чувствую, как по позвоночнику взбирается ледяное пламя, чтобы закрутиться обжигающей спиралью у меня на груди.

— Я согласна на компромиссный обед, — сказала я, — потому что вечер у меня занят. Только так, и никак иначе. Завтра в два, я буду готова к назначенному времени.

Не дожидаясь ответа, я нажала отбой.

Узор на груди и впрямь вел себя как-то странно, отзываясь пульсацией в каждой клеточке тела. В итоге я минут пять стояла перед зеркалом в ванной, дожидаясь, пока он уймется. И только после этого вышла из комнаты, чтобы спуститься на семейный ужин.

Правда, перед глазами все равно стояло драконье лицо: жесткое, резкие черты, холодный взгляд.

Посмотрим, насколько вы готовы к компромиссам, ферн Ландерстерг.

Не знаю, насколько Ландерстерг готов к компромиссам, но ровно в два часа меня забирает Хестор. Я уже успеваю привыкнуть к тому, что он улыбается и произносит:

— Ферна Хэдфенгер.

Его улыбка не дежурная, не продиктована обязанностями, возможно именно поэтому я сажусь на переднее, а не на заднее сиденье, как обычно.

— Добрый день, Хестор. Можно просто Лаура.

— Хорошо, Лаура.

Водитель чуть старше моего отца, у него на пальце кольцо, а еще он полностью седой. Я замечаю многие детали, которых не замечала раньше: например, смешного дракончика, который устроился над панелью управления.

— Куда мы едем? — спрашиваю я, когда флайс поднимается на аэромагистраль.

— Это сюрприз.

Сюрпризы от Ландерстерга — это что-то, но Хестор вряд ли что-то скажет, поэтому я смотрю на сверкающие в солнечных лучах флайсы и высоты. Горы отсюда не видно, но я представляю, как вершины заливают свет, и как снег искрится на солнце. У нас под Бельвенхартом есть горнолыжный курорт, островок жизни среди пустошей. Позволить себе там отдохнуть может не каждый, даже самый обеспеченный человек.

Сама не знаю, почему я об этом думаю, из размышлений меня выдергивает голос водителя:

— Как ваше утро?

— Отлично! Уже успела сходить на тренировку.

И снова выползала с нее враскоряку. Как раз успела добраться до дома, принять душ, переодеться, когда за мной прилетели.

— Вы каждый день тренируетесь?

— Да.

— И как оно? — Хестор внимательно на меня посмотрел. — Я имею в виду, сильно травмоопасно? У нас дочка хочет заняться фигурным катанием, а мы сомневаемся.

— Если хочет — пусть попробует, — говорю я. — Травмы случаются, но они случаются везде. На ровном месте тоже можно так навернуться, что костей не соберешь.

— И то верно. — Хестор смеется.

А я думаю про костюм. На кастинг мне нужен костюм. Такой, чтобы все упали... и кажется я знаю, куда поеду вечером, после воздушной аэробики. В Хайрмарге есть отдел Джи Харман, это марка, известная на весь мир. Джи тоже была фигуристкой и чемпионкой, а после того, как ушла из большого спорта, создала собственную марку одежды. Она говорила, что по своему опыту знает, как сложно создать или найти действительно стоящий костюм. И она была первой, кто открыл магазины готовой одежды для фигурного катания. Все ее наряды шьются в единственном экземпляре, помимо костюмов в отделе можно купить разные аксессуары, разумеется, тоже ручной работы. Эксклюзив.

А вот что еще эксклюзив, так это ресторан, к которому мы приближаемся.

Он называется «Ледяное пламя», и выглядит как... ледяное пламя. Архитектор спроектировал здание таким образом, что когда солнце падает на его грани, словно сделанные из льда, они полыхают изнутри. Это свечение создает эффект, что прямо в

стенах бьется драконий огонь. Когда солнца нет или ночью — включается подсветка, но шикарнее всего, конечно, вот такой естественный вариант.

Смотрится завораживающе.

Я думаю о том, как там внутри: фото, которое я видела, вряд ли передает и сотую долю атмосферы этого места, а еще о том, что бронь столиков у них на полгода вперед.

С этой мыслью я выхожу из флайса на парковку, и под ногами у меня тоже струится ледяное пламя. Чувство таксе, что я на нем стою, и что мои подошвы вот-вот покроются инеем, который побежит вверх, чтобы проморозить меня до костей.

— О чем задумались, ферна Хэдфенгер? — Голос Ландерстерга звучит так неожиданно, что я подпрыгиваю. Буквально: прямо под моими ногами, в сиянии пламени, проносится «дракон».

Голограмма, на очень натуралистичная.

— О разном, — говорю я и поднимаю голову.

Этот дракон выглядит гораздо более реальным и гораздо более драконом. И с ним я собираюсь вести переговоры? Ой мамочки.

— Что ж, надеюсь вы со мной поделитесь за обедом.

Он предлагает мне руку, и я ее принимаю.

Только сейчас отмечаю, что на парковке флайс Ландерстерга и тот, на котором меня привез Хестор. Нет даже привычного кортежа охраны, и в целом от места веет холодом и драконьей силой.

Сегодня что, выходной или санитарный день?

Я понимаю, что спросила это вслух, когда Ландерстерг поясняет:

— Ресторан закрыли для нас.

Пару минут я пытаюсь переварить услышанное. Потом говорю:

— У вас замашки диктатора.

— А у вас революционерки. Прошу.

Меня пропускают в раздвижные двери, где к нам сразу подходят метрдотель и администратор. Ландерстерг помогает мне снять пальто, на нем самом пальто нет, только небрежно расстегнутый пиджак стального цвета. Я представляю себе его гардероб: сто пятьдесят костюмов стального цвета и один серебристо-голубой. Парадный.

Нас проводят в зал, который сейчас пустует, и я оказываюсь права: это нечто невероятное. Столики парят на «аэрольдинах», к которым ведут стеклянные лестницы. Много уровней создает ощущение, что мы в ледяной пещере, а VIP-комнаты скрываются в гротах. В один из таких гротов нас и провожают, и когда закрывается дверь, отрезающая нас от внешнего мира, мне хочется поежиться.

Вместо этого я опускаюсь на стул, который для меня отодвигает Ландерстерг. Стол сервирован на двоих, бокалы, стоящие на белоснежной скатерти, кажутся выполненными из ледяного хрусталя.

— Я все равно не понимаю, зачем нужно было закрывать целый ресторан, — говорю я, когда Ландерстерг присоединяется ко мне за столом.

— Затем, что это гораздо проще, чем обеспечить безопасность даже при пятидесяти процентах загруженности.

— Так переживаете за свою безопасность? — интересуюсь я.

— С тех пор, как убили мою семью, я уделяю безопасности очень пристальное внимание, — отвечает Ландерстерг. — Своей и тех, за кого отвечаю.

И подтягивает к себе меню.

Здесь меню на бумаге, одно из немногих, пожалуй, во всем мире. Но даже оно сейчас впивается в мои пальцы колючим холодом. Семья Ландерстерга была убита, когда ему едва исполнилось двенадцать. Мать, отец и сестра. Его отец не был правящим, он просто занимал очень высокий пост, консультировал Верховного, который тогда возглавлял Ферверн. И кому-то перешел дорогу.

Если бы Ландерстерг в тот вечер не остался ночевать у друга, он тоже был бы мертв.

— Простите, — говорю я, глядя на него.

— Вам не за что извиняться. — Он поднял на меня глаза. — Значит, вам понравился мой подарок?

— Это был совершенно нечестный ход.

— Вы все еще можете его выкинуть, если хотите.

— Я лучше вас выкину. С Грайрэнд Рхай.

— Это расценивать как покушение?

На мгновение мне показалось, что в глубине его глаз мелькнула улыбка. Впрочем, наверное, показалось.

— Мы здесь, чтобы обсудить компромисс, — напомнила я.

— И пообедать. — Ландерстерг перевернул страницу меню. — Не знаю, как вы, лично я голоден.

На этих словах в животе у меня заурчало, и я решила, что стоит действительно пообедать. На голодный желудок сложно обсуждать компромиссы.

Мы сделали заказ, и, когда официант налил нам вина и вышел, дракон снова на меня посмотрел. Так, что клеймо под платьем вспыхнуло, как если бы оно питалось от его пламени. Эта вспышка прокатилась по телу жаркой волной, заставив убрать руки на колени, а потом вернуть их на стол.

— Вы еще не передумали на мне жениться? — поинтересовалась я.

— Вы могли бы спрашивать об этом, немного убавив градус надежды?

— Боюсь, если я убавлю градус, мы здесь замерзнем. Что вы обо мне знаете? Кроме официальных данных.

— Вы любите животных.

— Все любят животных!

— Не все. Вы хорошо воспитаны, но в моем присутствии ругаетесь как бродяжка.

— Я ругаюсь?!

— Драконья задница, — процитировал Ландерстерг. — Имела я ваши права. Драконий хрен.

Я покраснела.

— Это вы на меня плохо влияете.

— Никогда не оправдывайтесь, Лаура.

— Никогда?

— Никогда. Не оправдывайтесь. Комментируйте.

— Я не политик.

— Вы маркетолог, — Ландерстерг приподнял бокал. — За компромиссы.

Звон от соприкосновения граней вышел настолько тонким, что впору и правда подумать о ледяном хрустале. Это было второе название фервернского льда, но если драгоценности из него стоили баснословно дорого, то за пару таких бокалов, наверное, можно было купить половину Хайрмарга. Не ту, на которой находился этот ресторан.

В тот момент, когда я об этом подумала, Ландерстерг произнес:

— Я слушаю ваши условия.

Такое заявление чуть не заставляет меня подавиться вином — Ландерстерг относится к тому типу мужчин, которые на каждое условие выдвигает два встречных. Сейчас мне даже представлять не хочется, какими они будут.

— Условия по поводу чего? — уточняю я. — Если правильно помню, мы с вами остановились на том, что я за вас замуж не собираюсь.

— И на том, что вы мне идеально подходите.

— С какой радости?!

— Хотя бы с той, что не горите желанием выходить за меня.

На всякий случай я оставила бокал с вином подальше, а то еще поперхнусь и забрызгаю его драконейшеством, чем вызову, судя по его пристрастиям, еще больший интерес.

— Не поймите меня неправильно, Лаура. Среди всех девушек, с которыми я встречался, вы единственная, кто не горел желанием стать моей супругой.

— Это настолько ценное качество?

— Более чем. Я не хочу видеть рядом с собой женщину, которая смотрит мне в рот и делает все, чтобы мне угодить.

— А какую хотите?

— Такую, как вы. Прямолинейную, сильную, увлеченную. Умеющую отстаивать свою точку зрения.

К счастью, в этот момент пришел официант: принес мне мой салатик с морепродуктами. Морепродукты — моя слабость, не могу себе отказать, когда вижу блюдо с ними, особенно учитывая, что в Ферверне это большая редкость, и подаются они только в самых элитных ресторанах. Оно и неудивительно: в наших водах обитают глубоководные фервернские драконы. Стоит ли удивляться, что никто особо не стремится претендовать на их морепродукты? Поэтому все они привозные и дико дорогие, да. Особенно свежие, как здесь.

— У вас есть что сказать, Лаура?

Прямо так и хочется добавить: в свое оправдание.

— То есть вы не стали рассматривать остальных девушек, среди которых вполне могла обнаружиться та, которая тоже не хочет за вас замуж...

— Потому что я не считаю это рациональным.

М-да.

Какое-то время мы ели молча (дракону принесли что-то драконистое, в смысле, мясо), прежде чем я решила спросить:

— Значит, просто разойтись мы не можем?

— Нет.

— В таком случае, снимите с меня эту штуку.

— Харргалахт? — Дракон приподнял бровь. — Мне казалось, что мы с вами решили этот вопрос.

— Вам казалось.

Ландерстерг приподнял брови.

— Да, я помню, это защита от вашего огня. Но я не хочу, чтобы она на мне стояла...

— Она достаточно болезненно снимается, Лаура.

Да уж, если она снимается так же, как наносится... бррр.

— Ладно, каким вы видите наш компромисс? — решила уточнить я.

— Мы с вами встречаемся, — произнес дракон.

— Мы с вами — что?

— Встречаемся. Ходим на свидания. Если за месяц вы по-прежнему останетесь при своем мнении, я вас отпущу.

Я прищурилась:

— В чем подвох?

— Почему вы всегда ищете подвох, Лаура?

— Потому что. — Я подавила желание слегка заползти под стол: дракон смотрел на меня так, что по столу только чудом не бежало ледяное пламя. — И мы с вами просто потратим время, потому что мое решение не изменится.

— Вы так в этом уверены?

Я сложила руки на груди.

— Более чем.

— Что ж, в таком случае вы ничего не теряете, верно?

Кроме месяца своей жизни. Это я не стала озвучивать, мне бы тут сидеть и радоваться, что со мной переговоры ведут, но радовалось сомнительно. Возможно, именно потому, что когда я в прошлый раз повелась на тему «хороший дракон», меня объявили невестой.

Светильники в гроте, то есть в ВИП-комнате, тоже были вмонтированы в стену, из-за чего создавалось чувство, что пламя горит под толщей льда. Насколько я понимаю, их можно было прибавить, но сейчас здесь сохранялся загадочный полумрак, и время суток было совершенно не очевидно.

— Повезло вам, что я не страдаю клаустрофобией.

— Мне с вами вообще повезло.

Я все-таки поперхнулась. Морепродуктом.

Прокашлявшись в салфетку, сообщила:

— Знаете, когда вы такой, мне страшно.

— Вы первая женщина, которую я пугаю.

— Может, вам стоит поискать более смелую?

— Нет. — Ландерстерг подался ко мне, и в глазах его сверкнуло ледяное пламя.

Возможно, депо было в светильниках, но...

В эту минуту я окончательно и бесповоротно поняла, что быть мне потенциальной невестой месяц.

— Хорошо, мы с вами месяц встречаемся. У нас ничего не получается, каковы наши дальнейшие действия?

Теперь его взгляд совершенно точно заледенел.

— Помимо остального, вы удивительно прагматичны.

Станешь тут прагматичной, подумалось мне.

— Просто хочу услышать свои гарантии.

— Мы расстаемся, — резко произнес он. — Я снимаю харргалахт, даю прессе комментарии. Вы довольны?

Довольна ли я? Когда вы вот так в меня льдом плюетесь?

— Мне нужно понимать, что пока мы с вами встречаемся, это не будет в ущерб моим интересам.

— Каким именно?

— Шоу «Эрвилль де Олис». Я принимаю участие в кастинге, но об этом вам наверняка известно.

— Теперь стало известно. От вас.

Да ну?

— И?

— Вы можете делать все, что пожелаете. Или вы решили, что я посажу вас на цепь?

Именно так я и решила, на озвучивать это тоже не стала. Не дипломатично это.

— Хорошо, — сказала я. — Я согласна.

— Чудесно, — в голосе дракона звучал не то сарказм, не то раздражение. — А теперь выслушайте мои условия.

Упс.

Я не успела и рта раскрыть, чтобы сказать, что условия обычно озвучиваются до согласия стороны, когда услышала:

— Вы не отказываете мне во встречах. Принимаете мои приглашения и проводите со мной время.

— Если это не противоречит моим интересам.

Глаза Ландерстерга потемнели.

— Что? — Я пожала плечами, подавив желание сходить за пальто. — В цивилизованном мире это называется свобода.

— Чудесно, — повторил дракон с такими интонациями, что я поняла: пальто тут не спасет. — Вы не появляетесь на публике с другими мужчинами.

А это, похоже, намек на Бена.

— Я просто каталась на коньках, — сказала я.

— Просто кататься на коньках вы будете только со мной, Лаура.

— В ближайший месяц, — напомнила я.

В гроте стало так холодно что мне захотелось попросить официанта прибавить обогрев.

— И когда у нас с вами все получится, в праздничную ночь мы объявим о нашей помолвке, — подвел итог дракон.

Какой-то у нас компромисс бескомпромиссный.

— Если, — сказала я.

— Когда.

— Вы все-таки диктатор.

— А вы — потенциальная угроза установленному в обществе порядку.

Я уже открыла было рот, чтобы сказать ему все, что о нем думаю, но тут же его закрыла. Не хватало еще спорить с тем, с кем у меня все равно ничего не получится, потому что от него у меня мороз по коже. И по всем остальным частям тела. То, что этот мороз имеет пламенное свойство, ничего не меняет. Совершенно точно.

Оставшееся время я хрустела листьями салата, а он ел мясо с таким зверским выражением лица, что странно, что оно не замерзло еще на вилке, с таким-то температурным режимом. Десерт я заказывать не стала, он, как ни странно, тоже. Когда отодвигал для меня стул, коснулся моего плеча пальцами, и меня ударило ледяным вихрем. Настолько сильным, что харгаллахт полыхнула огнем, и перехватило дыхание — как от бьющего в лицо порыва студеного ветра.

— Благодарю за обед, — сказала я, но больше ничего добавить не успела.

Ландерстерг рывком притянул меня к себе, врываясь поцелуем в пылающие от освежающей пластинки губы.

От этого они вспыхивают еще сильнее, и вместе с ними вспыхиваю я. Такое чувство, что сама превращаюсь в костер, в ледяную свечу, от кончиков его пальцев, прикосновение которых ощущается даже через ткань платья, до кончиков своих, которыми вцепилась ему в плечи. Чтобы не упасть, но все равно падаю, как с крутой ледяной горки. Когда в лицо бьет воздух, и нечем дышать, а ты летишь вниз, сливаясь с... Ландерстергом.

Да, сейчас я определенно сливалась с Ландерстергом, и это ощущение меня подбросило под пятую точку порожком. Таким болезненным, какие возникают при некачественной заливке.

Я оттолкнулась от него всеми ладонями, разрывая поцелуй

Чтобы на миг отразиться в глубине раскрывшихся вертикальных зрачков, окруженных сияющим пламенем его глаз. В этих звериных зрачках словно была сосредоточена вся его мощь, концентрированная настолько, что мне снова стало нечем дышать.

Возможно, именно поэтому звучание его смартфона прозвучало так резко, как вой сирены. За свою жизнь мне доводилось слышать воздушную тревогу всего один раз, когда во времена предшественника Ландерстерга подводный фервернский дракон вышел на поверхность у границы пустоши, но сейчас я даже подробности толком вспомнить не смогла. Увидела только, как пламя в его глазах сменяется привычным холодом, когда он заговорил, его голос звучал сосредоточенно и жестко:

— Когда? Да. Ледяное пламя. Собрать всех. Готовность в течение двадцати минут.

Он нажал отбой, посмотрел на меня. Тоже совершенно иначе.

— Идемте. Вас отвезут домой, Лаура.

— Что-то случилось?

— Землетрясение в Ниргстенграффе. Запад Ледяной цепи часто трясет, но сегодня оно было слишком сильным. Есть пострадавшие, разрушено несколько зданий в западной

части города. Сошли лавины, накрыли гнезда. Среди драконов тоже волнения.

— Я хочу поехать с вами.

— Что?

— Я хочу поехать с вами, — повторила я, когда мы вышли из грота и быстро направились вниз. — Если там все, как вы говорите, лишняя пара рук точно не помешает.

Дракон окинул меня быстрым взглядом.

— Вы для этого не одеты.

— А вы полагаете, помощь должна всегда прибывать в полной боевой экипировке? — спросила я, складывая руки на груди.

Ландерстерг промолчал.

— Или вы считаете, что ваша потенциальная невеста должна сидеть дома и ждать, пока все решится само собой?

— Вы все-таки решили стать моей потенциальной невестой? — В его голос на миг просочилось тепло.

— Ничего я не решила! И не цепляйтесь к словам, — сердито сказала я. — Я просто хочу помочь, неужели непонятно?

— Понятно. — Он набросил пальто, примятое из рук администратора, мне на плечи. — Застегнитесь. В Ниргстенграффе сегодня еще холоднее, чем у нас.

Я открыла было рот, готовая привести с десяток доводов, почему я хочу поехать, но тут до меня дошло, что он сказал. И еще быстрее дошло, когда на парковке он достал телефон, чтобы отпустить Хестора. Я понятия не имею, как Ландерстерг это сделал, но спустя пару минут флайсы уже садились один за другим: прибыло сопровождение Верховного.

— Прошу. — Передо мной распахнули дверь, сам он сел следом, служба безопасности рассредоточилась по машинам.

То, что я лечу с ним, до меня окончательно дошло уже в воздухе. Правда, все эти мысли были смазанными, как и то, что творилось вокруг. Магистраль для нас очистили настолько, что мы летели на максимально допустимой скорости, и рассмотреть что-либо за окном не представлялось возможным. Впрочем, я и не пыталась, только слушала как он отдает короткие распоряжения, и как из динамика постоянно доносятся новые сведения из Ниргстенграффа.

Телепорт мы прошли так быстро, что я не успела задать ни одного вопроса, а вышли... прямо в пустоши.

Глава 12

Я не успела удивиться. Вдохнуть и то не успела, когда над ледяной пустошью, взрезанной потревоженной цепью гор, разнесся душераздирающий крик. Этот крик ударил в меня так сильно, что я едва удержалась на ногах, и то исключительно благодаря тому, что рядом был Ландерстерг он подхватил меня под руку.

— Все в порядке, — я опередила его, не позволив задать вопрос.

И тут же отняла руку, давая понять, что вполне способна стоять самостоятельно. К нам уже приблизился правящий Ниргстенграффа, а за ним мергхандары. Военных здесь было столько, сколько я не видела никогда, но и... драконов здесь было столько, сколько я никогда не видела. Они кружили в воздухе, создавая этот безумный плач, и от него то становилось нечем дышать, то леденели руки и ноги.

— Ферн Ландерстерг. Пострадали шесть гнезд. Под завалами три драконицы с детенышами, но самые серьезные опасения по поводу новой кладки... если не ошибаюсь...

Ошибается он или нет, правящий Ниргстенграффа так и не узнал, потому что Ландерстерг шагнул к завалам, и я последовала за ним. Рычание пытающихся разбросать камни и тонны снега драконов было бессильным, от пламени, которое они выдыхали, завалы превращались в жуткую непробиваемую толщу льда.

— Назад, Лаура.

Отрывистый приказ прозвучал, когда мы приблизились к оцеплению перед завалами, и я наткнулась на шлагбаум руки одного из сопровождающих. А Ландерстерг шагнул за кордон. Туда, где в Бессильном отчаянии бились пытающиеся спасти своих дракониц и детенышей звери.

Мне оставалось только смотреть.

Как разворачиваются драконы, встречая вторгшегося на их территорию чужака. Как шипованные хвосты вспарывают снег, как из ноздрей вырываются струйки пара. И как в следующее мгновение они отступают, подчиняясь короткому приказу:

— Назад.

Один за другим.

— Вверх.

Как звери один за другим взмывают в воздух.

В лицо ударил порыв холодного ветра, разбросанного крыльями, колющие снежинки обожгли щеки, и я прикрыла глаза рукой. Казалось, лишь на миг, потому что уже в следующую минуту, когда я ее отняла... я им не поверила. Окутавшее Ландерстерга пламя струилось над ним, вокруг, текло с его пальцев и впитывалось в землю. Монолиты льда, камней и снега шли трещинами, крошились, чтобы в одно мгновение взмыть ввысь и рассыпаться искрящейся крошкой.

Кольцо ледяного пламени полыхнуло над нами и разошлось ударной волной на высоте, над нашими головами. Когда оно рассеялось, я увидела кладки. И пикирующих к ним драконов.

— Целы! — выдохнул кто-то. — Невероятно! Они целы.

Несколько гнезд, устроенных в скалах, действительно не пострадали, и драконы буквально падали на снег, бросаясь к огромным, бережно уложенным в выемке из камня и льда яйцам. Еще двое дракониц, оставшихся в пещерах с детьми, сейчас выглядывали наружу, рыча от напряжения.

А последняя... последняя, у самой разрушенной скалы, не шевелилась. Возможно,

именно поэтому я совсем не удивилась, когда Ландерстерг скомандовал:

— Сюда.

Мергахандары и правящий Бросились к нему, и я, почувствовав, что про меня все забыли, последовала их примеру. Как раз в тот момент, когда прямо на их пути в снег рухнул огромный дракон, иссиня-белый, с расправленными крыльями. Ландерстерг вскинул руку, и все остановились, словно перед ними и правда вылетела стена. Меня дернуло назад я даже не сразу поняла, что кто-то из военных просто перехватил меня за талию.

Дракон рычал, колотил хвостом, не подпуская к своей паре. Оглядывался на гнездо, срывался на крик и снова шипел, вспарывая когтями землю. Я сглотнула, когда Ландерстерг остановился в двух шагах от него, и второй раз, когда он протянул к нему руку.

Тишина над пустошью воцарилась такая, что кажется, я слышала, как бьется мое сердце. Или как бьется сердце того, кто меня держал. Дымка пламени, окутывающая Ландерстерга, почти растаяла, но сейчас снова набирала силу. Его мощь чувствовалась на физическом уровне: все волоски встали дыбом, и отнюдь не от холода.

Зверь зарычал, а потом тяжело, словно надломленный, опустился на землю.

Я смотрела, как Ландерстерг идет мимо, как обходит его: поклясться могу, он ни слова не сказал, но дракон позволил ему пройти.

— Здесь нужна помощь.

Меня отпустили, мергахандары бросились к неподвижно лежащей драконице. Даже не будучи ветеринаром, можно было сказать, что она уже не поднимется, и я подавила порыв отвернуться. Просто шла, отмечая неестественный излом ее хребта и расправленные крылья, которыми она прикрыла детеныша.

— Вы хотели помогать? Помогайте.

Пока снег, подчиняясь силе ледяной магии, приподнимался, мергахандары вытащили драконенка. Совсем крохотного, видимо, он недавно родился, потому что чешуйки у него были совсем мягкие, как пластиковые пластиночки. На Ландерстерга (хотя преимущественно на меня) смотрели странно, но ни слова не сказали. Особенно когда перепуганного детеныша подтолкнули ко мне, и я обхватила его руками. Насколько хватило рук он уже был с меня ростом и отчаянно пищал, пытаясь подобраться к матери. Коготки у него тоже были тоненькие и хрупкие, и я придержала его лапу, когда один сломался об лед.

Я взглянула на его отца: зверь смотрел равнодушно и холодно, как будто не узнавал. Несколько мгновений Ландерстерг еще отдавал короткие распоряжения, среди которых я уловила приказ оставить оцепление до того, как волнения улягутся, а я не могла отвести глаз от дракона. В ледяных провалах под веками застыла страшная пустота и боль, и я словно загипнотизированная падала в нее.

Падала, падала, падала...

Пока Ландерстерг не вздернул меня на ноги.

— Мы здесь закончили. Возвращаемся. Его, — это уже относилось к мергахандарам из сопровождения, он кивнул на драконенка, — забираем с собой.

— Как с собой? — переспросила я. — У него же отец.

— Он не будет жить, Лаура. Его пара погибла. А детеныш не выживет сам.

— Но...

Я прикусила язык и молча поднялась. Пара для дракона — это дыхание, свет, жизнь и чувство бесконечного, безграничного единства. Это проходят в школе, равно как и то, что когда пара дракона умирает или погибает, второй зверь угасает в течение

нескольких недель, в редких случаях месяцев. Он перестает заботиться о потомстве, уходит далеко в пустошь, где нет ни еды, ни других драконов. Другие драконы могут принять чужого детеныша, а могут и не принять.

Ландерстерг решил не рисковать. Наверное.

— У драконов же ментальная связь, — сказала я. — Они чувствуют боль друг друга на расстоянии. Тогда почему они не принимают оставшихся без родителей детей?

— Потому что они звери. Это животный мир.

Мы шагнули в кольцо телепорта и я, кажется, впервые за все это время, глубоко вздохнула. Впрочем, надолго мне вдоха не хватило: мы полетели в город на место разрушений, и большую часть времени я помогала волонтерам — вбивала данные в картотеку, носила кофе и горячие закуски пострадавшим, а о времени вспомнила только когда Ландерстерг заглянул и сказал, что мы возвращаемся.

Я обнялась с девушкой, которая возглавляла лагерь волонтеров, и на автопилоте направилась к флайсу. На телефоне обнаружились звонки от тренера, от Сильви, от Ингрид, от отца, от Даргела, и даже от Рин. В другое время я бы перезвонила всем (особенно тренеру, с которым договорилась об интенсивной индивидуальной тренировке по воздушной гимнастике), но сейчас только прижалась щекой к прохладному стеклу флайса и смотрела, как мы поднимаемся в воздух.

Я настолько устала, что даже не сразу почувствовала на себе пристальный взгляд Ландерстерга и не сразу поняла, что шорох за моей спиной — это шорох поднимающейся перегородки, отделившей нас от водителя и охраны.

— Вы можете плакать, Лаура.

Это прозвучало неожиданно.

— Я не хочу.

— А чего вы хотите?

— Не знаю, — честно призналась я.

Еще гораздо более неожиданным оказалось то, что Ландерстерг пересел ко мне. И на удивление мягко обнял.

Вырываться мне тоже не хочется. Поэтому я так и сижу, у него в объятиях. Не сказать, чтобы они были слишком уж ледяные.

— Это правда? — спрашиваю я. — Правда, что ничего нельзя сделать?

— Вы про пару?

Кажется, у него в талантах еще и чтение мыслей.

— Да.

— К сожалению, правда. В Аронгаре считается милосердным добить дракона, если он потерял свою драконицу.

— Какое же это милосердие, — хмыкаю я.

И замолкаю.

Хотя идея поговорить про Аронгару мне кажется правильной. У них там все по-другому и, может быть, у меня получится отвлечься.

— Почему вы отказались отключать щиты?

— Мне кажется, я уже объяснил свою позицию. Люди и драконы не должны жить вместе.

— Но в древности было так.

— В древности не было возможности поставить щит. Дозорные не спали ночами.

— А сейчас спят?

Я смотрю на него в отражении и вижу, что уголки губ Ландерстерга все-таки приподнимаются.

— Нет.

— Тогда в чем разница?

— В том, что Аронгара в состоянии полной боевой готовности каждую минуту. Каждый день. Так быть не должно.

— Что будет с драконенком? — интересуюсь я.

Полностью переключиться все-таки не удалось.

— Его обследуют. А после решим.

— Он совсем маленький... ему нужна мама.

Ландерстерг молчит.

— Без мамы тяжело, — продолжаю я. — По крайней мере, мне было.

Не знаю, с чего меня потянуло на откровенность.

— Очень? — спрашивает он.

— Не знаю, — пожимаю плечами. — Не знаю, как бы было с мамой.

Это очень странный разговор, его надо сворачивать, поэтому тут же добавляю:

— Не представляла, что в пустошах есть телепорты.

Перед глазами до сих пор кольцо перехода и будка с оборудованием, точнее, бункер, я видела уходящие под землю ступени.

— Это максимально облегчает доступ в пустоши. Под землей, помимо зала управления есть ангар, где мы в любой момент можем взять транспорт, чтобы как можно скорее добраться куда угодно. Сеть телепортационных колец разбросана по всем пустошам Ферверна. Помимо прочего, это позволяет оперативно разрешить любую серьезную ситуацию.

— Как сегодня?

— Как сегодня.

— Вам не кажется, что вы сейчас раскрываете мне секретную информацию?

— Я в вас уверен, Лаура.

Вот теперь я запрокидываю голову:

— Seriously? После того, что я сделала?

— После того, что вы не сделали. Хотя могли.

Да, это действительно странный разговор. Еще более странным кажется то, что пальцы дракона вплетаются в мои волосы, и это прикосновение кажется согревающим. Не обжигающим, нет, хотя там, где они касаются моей кожи, вспыхивают искры, и эти искры бегут по телу.

— Вы сегодня держались более чем достойно.

— Вы дадите мне медаль?

Ландерстерг на миг приподнимает брови.

— Вы хотите медаль, Лаура?

— Ну не знаю. Может быть... повешу ее в своей комнате и буду гордиться, когда гордиться будет больше нечем.

— Уверен, вам всегда будет чем гордиться.

В его голосе хриплые рычащие нотки, а в глазах, на миг потемневших, а после раскрывшихся пламенем, вытягиваются зрачки. И я вытягиваюсь в его руках, и в этот раз сама целую его. Это напоминает помешательство, или что-то вроде, но сейчас от этого поцелуя во мне вспыхивает нечто большее, чем узор харргалахт.

Это что-то бежит по моим венам и отзывается в груди рычащим выдохом, когда Ландерстерг на мгновение отстраняется, а потом снова притягивает меня к себе. Пальцы на моих волосах сжимаются жестче, и еще жестче сжимаются пальцы у меня на бедре, я чувствую, как под его ладонью сминается ткань.

Наверное, во мне слетает какой-то предохранитель, потому что я сама подаюсь ближе и раскрываюсь навстречу этому пьянящему поцелую. В пальто становится жарко, настолько жарко, насколько вообще может быть, и если бы не зажатые между нами пуговицы, я бы расстегнула и сбросила его на сиденье. Но сейчас мне не до этого, а пуговицы ощущаются скорее как соединяющие наши тела кнопки. Его запах — этот резковато-горький аромат, наверняка что-то из последних новинок для мужчин от Астен Лавье, окутывает меня, как ледяное пламя.

— Какая у вас туалетная вода?

— Что?

— Какая у вас туалетная вода? — интересуюсь я ему в губы.

Чувствуя, как мои покалывает от невозможности их коснуться. Разорванный поцелуй, как разомкнутый контакт, который сейчас искрит.

— Это так важно? — Его голос сейчас даже не просто рычащий, а низкий и горловой, как будто сидящий в нем зверь способен говорить со мной через него.

— Наверное. Если я спросила.

— Если бы я не наблюдал за вами весь день, Лаура, я бы сказал, что вы пьяны.

Я действительно чувствую себя пьяной. Состояние усталости вкупе с отпускающим напряжением смешиваются в опасный коктейль, они всегда так на меня действуют. Поэтому хриплый судорожный выдох Ландерстерга отзывается во мне, особенно когда он убирает руку с моего бедра. Ледяной жар тянется за его пальцами, как если бы он собирал с меня остатки своего пламени.

— Вы устали.

— Немного, — подтверждаю я.

— Немного?!

Мне хочется что-то ответить, но я просто закрываю глаза. А открываю уже в душевой.

Как я здесь оказалась?

— Справитесь сами? — спрашивает Ландерстерг.

— Ага, — соглашаюсь и включаю горячую воду.

Чтобы проснуться от того, что меня поднимают на руки и заворачивают в полотенце. Впрочем, это уже совсем не важно, и как только голова касается подушки, я улываю в

СОИ.

Глава 13

С меня тащили одеяло. Пыхтя, медленно, но верно. Я поняла это по оголившейся спине и плечу, в которые тут же радостно впились прохлада, отмечая их мурашками. Пыхтение усилилось, и мурашки побежали уже по пояснице. Потом раздалось: «Вирrrrrr»! — и мне в лицо ткнулся горячий мокрый нос, который мгновением позже сменился языком.

— Ай! — Я подскочила на кровати и уставилась на виари.

Виари посмотрела на меня, потом — на пакетик с кормом, который стоял на столе. Потом спрыгнула и потопала к миске, смешно цокая коготками по полу.

Я подтянула к себе телефон, посмотрела на часы... Ужас! Пять утра. Хотя гораздо ужаснее было бы, проснись я на час позже: тренировка с Эльдой у меня была назначена на семь, а до этого нужно успеть покормить и выгулять...

— Чучело! — вскрикнула я, наступив на валяющуюся под ногами туфельку.

У которой отгрызли каблук и ремешок! Один тапок был перевернут, другой вообще непонятно где.

— Верну тебя Ландерстергу!

Чучело зевнуло и облизнулось, видимо, не впечатлившись угрозой. И тут я вспомнила про Ландерстерга. Про то, что было вчера. Про драконов. Про то, что у меня случился приступ откровения. Про то, что я его поцеловала сама, про то, что он привез меня домой. И кажется, вытащил спящую из душа, чтобы положить в постель.

— Вирр!

— Иду, — сообщила я.

Накинула халат, прошлепала босиком по полу, насыпала в мисочку корма, и под бодрый довольный хруст уселась в кресло, пытаясь переварить все что только что вспомнила. Что это вообще было?

В смысле, во флайсе.

С моей стороны.

Да и с его тоже.

Виари фыркнула, напоминая о себе, и я пошла одеваться. У меня в гардеробе не было одежды для прогулок в такую рань, пришлось воспользоваться единственным джинсами и облегающим свитерком, который я носила исключительно с юбками. По крайней мере, вчера на выгул чучела я одевалась именно так. Вчера же выяснила, что мне нужна куртка, а не пальто, потому что в пальто поддувает везде, и как минимум теплая шапка. Курточка, в которой я ходила на каток, тоже не годилась: она была облегченная, чтобы я могла двигаться, и чтобы в ней не было жарко. Подумав, решила все-таки надеть ее и шерстяную повязку на голову, чтобы не отморозить уши.

В такое время у нас в доме все еще спали, поэтому мы с виари бодро спустились в темный холл и так же бодро вышли на темную улицу, где стало еще бодрее. Чучело поджимало лапки и прыгало мне на ногу: пришлось взять на ручки.

— Ты вообще фервернская виари, или где? — поинтересовалась я — Ты не должна мерзнуть!

— Вирр!

— Вирр, — передразнила я.

После Эльды поеду по магазинам. За курткой и нарядом для кастинга. А еще надо купить утепленные ботинки, потому что в мои джинсы не влезали, и их пришлось натянуть чуть ли не до колена. Вид получился совершенно хулиганский. Виаренок у меня на руках постоянно ерзал, то намереваясь спрыгнуть, то стянуть с меня шарф, то

цапнуть за разлетающиеся от ветра волосы.

На самом деле цапнуть она могла исключительно играючи. Это порода — длинношерстный тэльс — выведена была в Ферверне специально для людей. В них начисто отсутствовал ген агрессивности, и самое страшное, что они могли сделать — это сгрызть туфлю. Ну или играючи подпалить шкаф. Собственно, тэльсы были единственной породой виаров, которых было разрешено держать людям. Остальные были только для иртханов, поскольку в отличие от той же Аронгары, где виарам вживляли кристаллы, подавляющие их волю и в случае внезапной агрессии способные убить животное, в Ферверне от такого решения отказались. Но виары, даже одомашненные, это все равно карликовые драконы, и во избежание трагических ситуаций, людям запрещали брать другие породы или беспородных.

До ближайшего парка было несколько кварталов, поэтому я ускорила шаг. Все-таки семь утра для тренировки — это совсем рано, но сегодня у Эльды не было другого времени, а пропускать я не могла. С воздушными танцами, по-хорошему, тоже, но вчера у меня вышел форс-мажор.

Я просто поняла, что должна поехать и помочь.

Правда, не ожидала, что меня приведут прямиком к драконам. Надо будет спросить у Ландерстерга, как там драконенок...

В парке я спустила чучело на снег, и она бодро ускакала в кусты. В самые кустистые кусты в мире. Ругая все на свете, я полезла за ней с пакетом для отходов, и чуть не оставила на ветках повязку и половину волос.

Обратно мы скакали бодрячком, и надо признаться, про то, что мне полагается мерзнуть, я совершенно забыла. Флайс вызывала на бегу, влезая в юбку и обещая виари страшные кары, если она сгрызет что-нибудь еще. Искалеченную туфлю отнимать не стала: пусть догрызает, но шкаф все-таки проверила, все ли плотно закрыто.

Потом досыпала еще корма, долила воды — и снова на улицу

— Ух, как морозы-то завернули. Правда, ферна? — поинтересовался водитель, когда я влетела на переднее сиденье, а сумку кинула на заднее. — Куда вы в такую рань?

— На тренировку.

— В фитнес-клуб?

— В Ледовый дворец.

— Фигурным катанием занимаетесь?

— Да.

— Ого!

Водитель явно хотел спросить что-то еще, но я вытащила смартфон и уткнулась в дисплей.

По дороге я написала сообщение тренеру по аэрогимнастике: попросила прощения и сказала, что сегодня обязательно буду, и что вчерашний пропуск обязательно компенсирую. Задумалась, глядя на контакт Рин, но ей решила сообщение не писать: все-таки с подругой лучше говорить даже не по телефону.

А потом меня снова выкинуло в мысли про Ландерстерга.

Вспоминая вчерашнее, я не могла не признать, что от его четких и слаженных действий зависело многое, если не сказать все. В пустошах мне было не до того, но сейчас я вспоминала, как действовали мергхандары: они были как настроенный единый механизм, реагирующий на каждое движение, каждый жест или каждое слово.

И в городе было то же самое.

— На месте! — бодро сообщил водитель.

— Спасибо, — я улыбнулась, подхватила сумку и выскочила из флайса. — Хорошего дня!

До встречи с Эльдой даже оставался запас: двадцать минут, и я искренне порадовалась, что получится выпить кофе. Неважно, что из автомата, после тренировки выпью нормальный и позавтракаю.

Я снова ускорила шаг, и почти влетела в двери служебного входа, когда услышала резкое:

— Лаура Хэдфенгер!

Обернувшись, увидела ир்தханессу, с которой мы столкнулись в приемной Ландерстерга в мой самый первый визит. Она приблизилась ко мне, звонко стуча каблуками по промерзшему камню. Протянула снисходительным взглядом сверху вниз и сообщила:

— Нам надо поговорить.

Вы уверены?

Мне просто хочется переспросить это вслух, вместо этого я вопросительно приподнимаю брови. В отличие от меня, она, кажется, совершенно не мерзнет, но оно и неудивительно: у ир்தханов совершенно другой теплообмен, а особенно у ир்தханов, в крови которых частицы ледяного пламени местных драконов. Мне бы сейчас хоть капельку больше памяти, и я бы вспомнила ее имя, но что я помню точно, так это то, что рядом с Ландерстергом она не появлялась. Официально, в смысле. Пресса и СМИ ничего по этому поводу не говорили, а вот то, что ее лицо кажется мне знакомым (не по первой встрече, тогда мне вообще было не до нее), мне совсем не нравится.

И то, что она меня пристально изучает — в общем, тоже.

— Откажитесь от брака с Торном, — произносит, наконец, она.

Да, вот это я понимаю, прямо. Чего тянуть-то.

— Вы это сейчас серьезно? — уточняю я.

По-хорошему, мне надо бы сказать ей, что никакого брака не будет, а потом пойти пить кофе и переодеться, но... но как и в первую нашу встречу что-то вынуждает сложить руки на груди и вернуть ей холодный, промораживающий до сердца взгляд.

У нее удивительная внешность, необычная для Ферверна: черные волосы и светлые глаза. Белый мех на ее плечах, а так же светлая юбка и светлые сапоги подчеркивают контраст со слишком смуглой для северянки кожей.

— Абсолютно, — произносит она.

А я, наконец, вспоминаю, где ее видела. Эллегрин Рэгстерн, дочь правящего Бельвенхарта. Ее лицо постоянно мелькало на обложках модных журналов, с нее копировали и стиль, и образ жизни. Я должна была вспомнить раньше! Нет, я просто обязана была вспомнить раньше, и если бы я увлекалась модой хотя бы наполовину так, как ей увлекается Ингрид, точно вспомнила бы. Фактически, ферна Рэгстерн задает моду Ферверна.

Нет, она не модель, но она снимается для обложек журналов.

И миллионы девушек потом бегают по моллам или сидят в сети, чтобы найти что-то похожее, а с аукциона (благотворительного, разумеется), ее наряды, которые она надевала один-единственный раз, потому что второй раз появляться в том же платье — это ужасно! (с) уходят за такие суммы, которые содержат очень много нулей после единичек. Или не единичек.

— Я опаздываю. — Я направляюсь к двери, но она перехватывает меня за локоть.

— Торн делает все, чтобы поддержать свою реформу, — говорит она. Почему-то за это «Торн» мне хочется наступить ей на ногу, но я ограничиваюсь тем, что сбрасываю ее ладонь. — Он всегда был таким. С детства. Долг для него был превыше всего, интересы

семьи он ставил на первое место. Сейчас у него на первом — политика и интересы страны. Но это не сделает его счастливым.

— А вы, разумеется, сделаете?

Вот не хотела я этого говорить... Ну ладно, хотела.

И еще больше хочу послать ее... во флайс, который, между прочим, припаркован в неполюженном месте, и за это полагается штраф. Но для Эллегрин Рэгстерн, штрафы, наверное, не имеют значения.

— Ты не представляешь, о чем говоришь, девочка. — Она продолжает смотреть на меня сверху вниз. Видимо, это из-за роста: она высокая, на полголовы точно меня выше. — Что ты знаешь о пламени драконов? О слиянии огней? О том, каково это — чувствовать чье-то пламя, как свое собственное? Ровным счетом ничего, и никогда не узнаешь. Будешь сидеть рядом с ним и со всем соглашаться, а узор харргалахт станет твоей защитой от того, о чем ты понятия не имеешь. У него с тобой никогда не будет того, что было со мной. Может, ты и станешь его женой, но его женщиной навсегда останусь я.

— Вы закончили? — холодно поинтересовалась я, но ответить ей не позволила. — Если да, в таком случае советую вам больше никогда ко мне с подобными предложениями не приближаться. Когда я стану женой, у моего мужа не останется других женщин. Мы друг друга поняли?

Эллегрин открыла рот. Потом закрыла.

— Вот и чудесно.

— Да как ты смеешь?! — прошипела она. — Ты, куколка, которая нужна ему исключительно для политики...

— Оскорбления, — сказала я, загибая палец. — Следующий момент — преследование. Откуда вы узнали, когда я буду здесь?

Не дожидаясь ответа, оставила эту снежную драконоособь в ее благоприятной среде обитания и прошла в служебный холл.

— Доброе утро, Рик.

— Ферна Хэдфенгер!

— Лаура, — поправила автоматически. — Как ночная смена?

— Спать хочется.

Я улыбнулась, хотя внутри все клокотало. Вот с чего бы, спрашивается, а?

«Я навсегда останусь его женщиной»!

Свежемороженая драконятина! Пнуть бы ее под коленку. А еще лучше — под задницу! С ледяной горки. И посмотреть, как низко летают драконы. К потеплению.

Я пожелала Рик у хорошего дня и прошла в раздевалку, сбросила сумку и принялась переодеваться. Еще и время на кофе на нее потратила, чтоб ей икалось снежинками!

Так, Лаура, спокойно.

Она вообще не имеет к тебе никакого отношения. И это ее «У него с тобой никогда не будет того, что Было со мной» — особенно. Потому что у меня с ним вообще ничего не будет.

Я как раз надевала тренировочный костюм, когда в зеркале отразился узор харргалахт, аккурат над левой грудью. Вспомнилось, как пальцы Ландерстерга касались моей кожи, и как от этих прикосновений под ней словно вспыхивали искры. Дверцей шкафчика я громыхнула так, что там что-то упало, потом расправила плечи, глубоко вздохнула и посмотрела на свое отражение.

Все, хватит думать о том, о чем думать не надо. У меня сейчас тренировка и подготовка к кастингу в «Эрвилль де Олис». А остальное пусть катится с горки. Сверкая тощим задом!

С этой мыслью я подхватила футляр с коньками и направилась на каток.

Глава 14

— Это были несколько самых долгих дней в моей жизни, — призналась Рин, глядя на меня.

Я позвонила ей сразу после тренировки и предложила встретиться в молле, где хотела посмотреть куртку. Она согласилась, и в итоге мы сидели на фудкорте, пили кофе и жевали сэндвичи из Гритлэйн. Точнее, я жевала сэндвич (совершенно неспортивное питание), а Рин — бургер. Запивали мы это сезонным пуншем из ягод пилона, таким горячим, что я сходу обожгла язык и теперь ждала, пока это все остынет.

— Спать хочется, — призналась я.

После того, как мы встретились и откровенно поговорили, меня окончательно отпустило, и я захотела спать. Ну, не считая того, разумеется, что мне еще надо было искать куртку и смотреть костюм.

— Ты слышала, что я сказала?

— Слышала, — вздохнула я. — Рин, давай это просто замнем, а? Мне самой дико неловко от того, что так получилось. Я никак не доеду до Бена, чтобы извиниться...

— Да, Бен здорово расстроился. — Она подперла руками подбородок. — Уехал, едва попрощавшись с Сэфлом. А мы с Сэфлом поцапались так, как никогда в жизни. Поэтому я на тебе и сорвалась в то утро. Прости.

— А сейчас?

— Сейчас все в порядке. — Рин махнула рукой. — Помирились. Он тоже здорово психанул тогда — он же военнообязанный, и для него это был... ну скажем, такой необычный сюрприз. В общем, он стал на тебя наезжать, а я тебя защищала... В итоге у нас случилось то, что случилось.

— Ты меня защищала?!

— А ты как думала, подруга? — Она сложила руки на груди. — Я, конечно, тоже была малость в шоке, но... Почему ты вообще ничего не сказала?!

— Потому что я не собиралась за него замуж.

— Не собиралась?!

Я глотнула слишком много пунша и закашлялась. Рин даже пришлось перегнуться через пластиковый столик и похлопать меня по спине.

— Не собираюсь, — повторила я, когда воздух стал проходить в меня нормально. — Не собираюсь, конечно же.

— И ты думаешь, он тебя отпустит? — Она скептически изогнула бровь.

— У нас с ним вроде как компромисс. Я же тебе рассказывала.

— Ну-ну. Особенно после того, как вас вчера так мило показывали по всем каналам...

На этот раз я не успела глотнуть пунша, поэтому предусмотрительно отставила стаканчик в сторону. И отодвинула подальше, на всякий случай.

Кажется, только сейчас до меня дошло, что вчера я бегала по всему Ниргстенграффу под прицелами камер. Рядом с Ландерстергом. То есть я бегала не всегда с ним, но появилась я там с ним, и из волонтерского центра меня забирал он.

Дранные наблики!

— И что там показывали? — спросила я, осторожно поднося стаканчик к губам. Предварительно подула.

— Ну... все. Как вы там появились, как выходили из машины, как ты помогала волонтерам, как он говорил о помощи, которая будет оказана пострадавшим, как говорил о тебе...

— Надо взять кофе, — пробормотала я. Потому что только что поняла, что сама себя пнула в направлении счастливого замужества.

Да, надо взять кофе и лучше с тоньясом.

— О том, что Лаура Хэдфенгер — дочь Юргарна Хэдфенгера, с которым ему в ближайшее время предстоит разделить правление городом, и что ты совершенно потрясающая женщина, которая услышала о трагедии и первым делом выразила желание помочь.

— И?

Я даже зажмурилась, готовая услышать продолжение.

— И все. Он сказал, что в сложившихся обстоятельствах не намерен больше ничего комментировать, и что оставшиеся комментарии сегодня даст его пресс-служба — до полудня.

Мне точно нужен кофе с тоньясом, но в Гритлэйн его нет.

— Ну, а ты-то что про него думаешь?

— Ничего, — мрачно буркнула я.

— Ничего? Лаура, тебе с ним жить.

— Да не собираюсь я за него замуж!

— Это ты сейчас так себя убедить пытаешься? — Рин положила руки на стол и подалась вперед. — Подруга, он правящий. Политик в первую очередь, и если он решил, что ты ему нужна... Знаешь, вот не люблю я выступать в роли провидицы, но спорим, что он уже выбрал тебе фасон свадебного платья и сейчас его секретари занимаются тем, что ищут подходящее для торжества место?

Я пожала плечами.

— Насильно меня никто замуж выдать не может.

Судя по выражению лица Рин, она считала, что может. И выдадут.

Поскольку мое мнение в этом вопросе с ее кардинально разнилось, я решила сменить тему, но в смартфон все-таки полезла. Исклчительно чтобы посмотреть время, разумеется, и с ответом пресс-службы это никак связано не было. До полудня оставалось двадцать минут, поэтому я вернула смартфон на место и поднялась.

— Пойду за кофе. Тебе взять?

— Да, и пусть добавят два камартовых флара[Камартовый флар (сироп) — сироп из сока камартового дерева. Сладкий, с легкой пикантной горчинкой, служит в качестве дополнения к напиткам и десертным блюдам].

— Ок.

У экрана заказа я залипла, придумывая, что взять себе, потом выбрала то же, что и Рин, только сироп одну порцию вместо двух.

Вспомнился утренний разговор и замечание иртханессы: «Долг для него превыше всего...»

Вот честно, всю жизнь мечтала стать долгом. Не знаю почему, но меня начало потряхивать: что, если сейчас его пресс-служба действительно объявит меня невестой? И что мне потом с этим делать? Скандал устраивать? Ну да, определенно, моя семья такое заслужила.

С другой стороны, он мне обещал, что никаких объявлений до праздничной ночи не будет. А еще с другой, он мне сказал, что меня услышал, во время первой встречи.

К тому моменту, как мне выдали кофе, настроение у меня было — среднестатистический мандраж. Вплоть до того, что я была готова ему звонить (хотя номера у меня не было, ничто не помешает мне связаться с ним через приемную), и напоминать, что мы с ним договорились. Нет, чем я вообще думала, когда вчера собралась помогать? Что там, без меня не справились бы что ли?

— Ну у тебя и лицо, — сказала Рин, приподняв крышечку с надписью «Осторожно, горячо!» — и выпуская струйку пара.

— Что у меня с лицом?

— Я даже не представляю, как это описать.

Примерно так: «Лаура Хэдфенгер осознает, что она дура».

— Вообще ты молодец что поехала. — Рин сбросила все лишнее на поднос и перекинула его на соседний столик — Я бы так не смогла, навернсе.

— Так — это как?

— Ну... лезть во все это. У меня даже вчера трясушка началась, когда в новостях про землетрясение объявили.

— А я видела драконенка, — сказала я.

Стаканчик с кофе согревал ладони, именно поэтому они больше не казались мне ледяными.

— Да ладно?!

— О!..

Чье-то громкое восклицание заставило меня обернуться: мимо столика, глядя на меня и возбужденно перешептываясь, прошли две девушки.

В этот момент мне захотелось накрыться пальто.

Странно, что за мной журналисты не бегают толпами и не предлагают осветить свою интерпретацию событий до официального заявления. Хотя сейчас это было бы очень в тему, и...

— Лау, да расслабься. Что ты какая напряженная?

— Ну, на тебя не пялятся все подряд.

— Пока что не пялятся. Вот когда ты выйдешь замуж...

Я запустила в Рин скомканной сипроновой[Сипрон — синтетический материал, из него делают салфетки и одноразовые платочки] салфеткой.

— Да шучу я. — Подруга вскинула руки вверх. — Хочешь прикол? Если ты будешь выступать в «Эрвилль де Опис», тебе нужно привыкать к тому, что на тебя смотрят.

Про «Эрвилль де Опис» я ей тоже рассказала, не рассказала разве что о том, что на мне карргалахт. И ей, наверное, светит такой же, но прежде чем я успеваю об этом подумать, подруга откидывает длинные темные волосы за спину и произносит

— У меня идея насчет Бена.

— М?..

— Ты же хочешь извиниться? На следующей неделе можем собраться у Сэфла, он позовет его. И ты скажешь все, что хотела сказать. Можно было бы на этой, но у нас зачет и экзамен, я боюсь, еще одного провала мои предки не переживут.

— Да брось. Ты сама знаешь, что Баргман просто тебя не любит.

Рин разводит руками.

— Как есть, но пересдачу это не отменяет. И назначил он ее, между прочим, на послезавтра.

— Вот набл! Прямо перед следующим зачетом?!

Подруга складывает пальцы в непристойный жест.

— Он что, не в курсе?

— Набла с два. Мы с Тихом подходили к нему и просили перенести, но он отказался. Сказал, что если у нас было время халявить, пусть найдется и время потрудиться. У него там другая группа сдает, и для нас он вообще делает одолжение.

— Набл, — повторила я.

— Еще какой. Так что скажешь по поводу Бена и моей идеи?

— Скажу, что я за.

— Отлично... Ха! — Рин выпаливает это так, что я чудом не давлюсь кофе. И повторно чуть не давлюсь, когда она разворачивает ко мне смартфон: кажется, что мир сужается до одного-единственного кадра, на котором мы с Ландерстергом выходим из флайса в Ниргстенграффе, на месте разрушений.

А еще на надписи под видео: *«Кто же такая Лаура Хэдфенгер: официальный комментарий пресс-службы Торнгера Ландерстерга»*.

Мы с Кorieй знакомы лет десять. Правда, когда мы познакомились, она ходила на воздушную гимнастику вместе со мной, а теперь у нее свой центр и очередь из желающих попасть на индивидуальное занятие. Мы с ней не подруги, скорее, у нас общие интересы, поэтому и отношения соответствующие: когда я у нее на занятиях, мы говорим исключительно о занятиях. Очень редко — о чем-то отстраненном, но глядя на нее, я понимаю, что действительно слишком часто отказывалась от того, о чем мечтала. Когда поняла, что не смогу стать фигуристкой и пойти в спорт, довольствовалась тем, что оставила все на любительском уровне и добавила себе в увлечения воздушные танцы. Кто же знал, что именно это решение позволит мне участвовать в кастинге «Эрвилль де Олис».

И вот от него я точно не собираюсь отказываться. Кто бы что там ни говорил и кто бы что ни делал. Я хочу попасть в это шоу, и я выложусь на тренировках и сделаю все от меня зависящее, чтобы заключить контракт на следующий год. Разумеется, я не рассчитываю, что сразу попаду на ключевые роли или даже на ключевые сцены, но начинать с чего-то однозначно надо. Как минимум, я окажусь в шоу мирового уровня, а дальше все зависит только от меня.

— Мягче. Лаура, мягче.

Ленты оплетают мое тело, и я вливаюсь в них, становлюсь с ними единым целым, чтобы подняться под самый потолок тренировочного зала, а потом так же мягко спуститься вниз.

Точнее, спуститься нужно мягко, но у меня, судя по взгляду Кории, получается не совсем то, что надо. Основной прикоп «Эрвилль де Олис» — это сочетание воздушной грации, легкости и спортивного напряжения, эмоций на грани, на пике — во время танцев на льду.

— О чем ты вообще думаешь? — интересуется она, когда кончики пальцев ног касаются выложенных на полу матов.

— Об «Эрвилль де Олис».

— Заметно. Цель — это всегда резкость.

— Я не могу не думать о цели, я здесь за этим.

— Если ты будешь думать о цели, ты забудешь о процессе. — Кория снова перехватывает сплетение свисающих с потолка лент, и делает она это так, что не возникает ни малейшего сомнения: она с ними сроднилась. — Но именно процесс приводит к результату, а не наоборот. Хорошо. Давай попробуем снова.

В зале всегда мягкий полумрак, чтобы смягчить воздействие разминки и растяжки — без растяжки лезть на ленты не вариант, но после разогрева в крови столько адреналина и желания действовать, что резкость проявляется в каждом движении. Музыка тоже еле слышна, но она бывает самая разная. Иногда мы в воздухе двигаемся под лирику, иногда под что-то яростное, рваное, как дыхание на пределе. Но неизменным остается одно — плавность.

Именно у Кории я научилась тому, что ярость тоже может быть плавной. Поэтому сейчас позволяю лентам снова оплетать мои руки и ноги, и поднимаюсь в воздух. Медленно, втекая в музыку и в ткань. Сейчас сложно даже представить, что когда я пришла на воздушную гимнастику впервые, я запуталась в лентах и шлепнулась вниз головой. Удачно, правда.

Потому что запуталась.

Вот и сейчас я себя ощущаю... слегка запутавшейся.

Потому что злиться на Ландерстерга, даже несмотря на харргалахт, больше не выходит. Потому что он соблюдает условия нашего компромисса: его пресс-служба заявила, что я добровольно отправилась на место землетрясения (даже не пришлось ничего выдумывать, кстати), и что дочь Юргарна Хэдфенгера, с акцентом на отца, вне всяких сомнений, вызывает восхищение своей целеустремленностью. Провокационный вопрос па поводу катка они изящно обошли. Ну как изящно: сообщили, что эта встреча была продиктована необходимостью, на этом пока все.

В общем, все это было слишком хорошо, поэтому я даже не представляла, как вести себя с ним дальше.

— А сейчас ты где?

— Ай, — сказала я, понимая, что у меня соскальзывает запястье, и перехватила ленту получше.

— Ай, — повторила Кория. — Лаура, предельная концентрация. Что я тебе говорила?

— Когда?

Она вздохнула.

— Две минуты назад.

— М-м-м-м...

— Нет, не м-м-м-м. Я говорила, что если ты хочешь пройти кастинг тебе надо обратить особое внимание на подъем. На спуске ты расслабляешься, а когда поднимаешься, чувствуется, как ты напряжена. Раскачивайся.

Раскачиваться тоже нужно было плавно, а еще параллельно выпутываться из лент, и тут уже вся сила уходила в руки, и действительно нужна была предельная концентрация, чтобы коснуться висящей в двух метрах от тебя текучей конструкции ткани, и по ней так же медленно спуститься вниз.

— Воспринимай подъем как удовольствие, — сообщила Кория.

Она сейчас спустилась и наблюдает за мной снизу. Невысокая, с ярко-рыжими волосами и огромными темными глазами, гибкая и пластичная, пристально следит за каждым моим движением.

— Угу, — сообщила я, отпуская одну полосу лент и хватаясь за соседнюю в полете. Теперь надо было так же плавно вплестись в эту соседнюю одной половиной тела, и только после этого отпустить первую. А потом вплестись полностью и спуститься вниз.

Проделав это раза четыре, я поняла, что тренировки у Эльды уже не кажутся мне жестью. Правда, не кажутся всего лишь до следующего утра: завтра мне опять предстояло ехать в кромешную рань. То есть вообще к половине седьмого, ну да ладно, отосплюсь днем, бегать за курткой и костюмом уже не надо.

Костюм, к слову, был просто шикарен. Темно-синее платье со вкраплениями сверкающих нитей и крохотных страз наводило на мысли о драконьей чешуе. Возможно, еще за счет того, что лиф был сделан по типу корсетного, и состоял как бы из нескольких соединенных между собой плотных пластин. Что касается юбки, она струилась и переливалась, как снежное пламя на фоне ночного неба. Словом, увидев его на витрине, я уже не смогла смотреть на другие наряды.

Зато теперь моя карточка была блаженно пуста до следующего месяца. У нас в семье существовало правило: расходуй с умом, потому что карманные деньги не самозарождаются. В итоге у меня осталось, может быть, на пару чашек кофе и два перекуса в Университете. Ура хотя бы тому, что у меня есть карточка-проездной на аэроэкспрессы. А вот о машинах придется забыть.

Ну... или не придется. Об этом я подумала, когда спустилась на парковку и у лифтов увидела Хестора.

— Добрый вечер, ферна Хэдфенгер.

— Добрый вечер. — Я улыбнулась, и водитель перехватил мою сумку, пакет с курткой и футляр с нарядом. Не сказать, чтобы я возражала, потому что несмотря на то что приняла душ после занятия, сейчас чувствовала себя ленточкой, которую мутно погладить, отпарить и аккуратно положить в шкаф. А мне еще с чучелом гулять! Которой я так и не придумала имя, кстати.

Мы прошли до флайса, и все мои вещи аккуратно сложили на заднее сиденье.

— Вы хотите заехать домой? — спросил Хестор.

— Что?

— Хотите заехать домой? — снова уточнил он, направляя флайс к рукаву.

Что значит заехать? Я хочу домой! Правда, в следующий момент водитель уже пояснил:

— Ферн Ландерстерг ждет вас на ужин.

А предупредить? В смысле... что значит — ждет?

— У вас случайно нет номера телефона ферна Пандерстерга? — интересуюсь я, чтобы не сказать чего-то позабористей.

Да, я помню, что мы с ним договаривались о свиданиях и о том, что я не буду препятствовать его... гм, желанию со мной сблизиться, но это не свидание. Это больше похоже на то, что меня опять поставили перед фактом, и в таком свете слова Рин совершенно точно оправданы. Это всего лишь политическая игра, в которой меня чем-то хотят занять, чтобы я не фырчала, как недовольный виаренок, а потом все равно сделать объявление. Так или иначе.

— Есть, — произносит Хестор.

— Благодарю. И да, я хочу заехать домой.

Все желание заткнуть уши наушниками и наслаждаться полетом мгновенно испаряется, вместо этого я прокручиваю в голове варианты развития событий и накручиваю себя до такого состояния, что когда открываю дверь, от меня разве что ледяные искры не летят в разные стороны.

— Лаура! — кричит Ингрид из гостиной. — Платье!

— Потом. — Я взлетаю по лестнице и запираю дверь, только после этого набираю номер Ландерстерга, чтобы сказать все, что я думаю.

Чучело бросается ко мне, ставит лапы, и чулки делают «хряп». Как раз в тот момент, когда на том конце раздается голос:

— Добрый вечер, Лаура.

— Добрый, — говорю я, отцепляя коготок от своей ноги и насыпая в миску корма. — У меня сегодня нет возможности с вами поужинать.

— Почему? — Голос становится на несколько градусов холоднее.

— Потому что я рано встала, и у меня была серьезная тренировка. Сейчас у меня тоже была серьезная тренировка.

— Они у вас каждый день, если не ошибаюсь.

— Не ошибаетесь. Но об ужинах договариваются заранее, тогда я бы иначе строила свой день, и могла отдохнуть. Чтобы вечер посвятить вам.

— Хорошо.

Это «хорошо» раздается так неожиданно, что все мои заранее приготовленные во флайсе аргументы осыпаются бесполезной кучкой льда.

Он сказал — хорошо? Мне не послышалось?

— Чем вы собираетесь заниматься?

Это он сейчас серьезно, что ли?

— Гулять с чучелом.

— С кем? — переспрашивает Ландерстерг.

— С чу... с вашей виари. Я еще не придумала ей имя.

— Долго же вы думаете.

— Всего два дня.

— Хорошо, — повторяет он.

И отключается. Я стою как дура с телефоном и думаю о том, что либо Ландерстерга подменили оппоненты, либо я чего-то не понимаю. И что это вообще таксе было?

Правда, долго думать мне не приходится, потому что виари наелась и напилась, и теперь требует исполнения хозяйских обязанностей, в смысле, немедленного выгула. Мне вообще с ней повезло, потому что я читала про виарят (совсем маленьких), что иногда с ними случаются казусы. Представляю, как орала бы Ингрид... с другой стороны, комната моя, и убираться здесь тоже мне.

— Ладно, иди-ка сюда, — хлопаю себя по колену. — А имя тебе и правда надо придумать. Может, Эллегрин?

Зато при следующей встрече смогу сказать ир்தханессе, что я назвала виари в ее честь. Тьфу ты, что вообще в голову лезет. Надеюсь, нашей следующей встречи не будет и что я забуду про нее, как про страшный сон.

— Берта? Нира? Мэллерис?

Виари хлопает глазами и ждет, пока я переоденусь. В этой куртке и правда гораздо теплее, я чувствую это сразу, и это супер. А вот имена к пушистой милоте не липнут от слова совсем, поэтому я бросаю эту бесполезную затею, одеваю поводок и веду крону

гулять. Мы спускаемся, но в холле меня уже ждет Ингрид. Демонстративно отшатывается, когда видит виаренка.

— Лаура! Ты не можешь меня игнорировать.

— Я тебя не игнорирую, — говорю я. — Мне сейчас правда не до платья.

— Тебе всегда не до платья. Нужно выбрать фасон, чтобы его успели пошить.

— Ингрид у нас в Хайрмарге никогда не было проблем с нарядами.

— Ты не можешь появиться на празднике Ландерстерга в обычном платье! — восклицает она. — Это должен быть эксклюзив. А ты представляешь, сколько стоит эксклюзив у известного дизайнера, и сколько он будет стоить, если мы еще чуть-чуть потянем время?

— Она сейчас сделает лужу, — предупреждаю я.

Виари и правда крутится на месте, у Ингрид становятся большие глаза.

— Думаю, это потерпит до того, как ты вернешься, — говорит она, и отступает. В спину мне летит — А еще нужно подобрать украшения!

На улице холодно, почти так же, как утром, но в куртке значительно теплее. Я привычно беру виари на руки, и бегу в парк. На самом деле я бы сейчас с удовольствием приняла горячую ванну, расслабилась и подумала о том, что случилось с Ландерстергом. По крайней мере, тот Ландерстерг, которого я знала, никогда бы не сказал «Хорошо»... или сказал бы? Или отец был прав?

Странные мысли меня посещают, пока мы бежим до парка, где-то на середине пути я спускаю виари на землю.

— Тяжелая ты, — заявляю ей. — А если будешь мерзнуть — куплю ботиночки.

Такое заявление, видимо, ее напрягает, потому что на руки она больше не просится. Только топает рядом и пыхтит.

— Ты вполне могла попросить Хестора выгулять ее.

Я не спотыкаюсь исключительно потому, что Ландерстерг поддерживает меня под локоть. Он совершенно один, или, по крайней мере, в пределах досягаемости совершенно один — ни мергхандаров, ни темных флайсов со стеклами, которые не пробьет даже взбесившийся дракон. Короткое пальто расстегнуто, вместо привычного костюма на нем джемпер под горло и брюки, из-за чего у меня отшибает дар речи. Хорошо, что рядом никого нет, иначе картина «Лаура пялится на Ландерстерга» завтра была бы во всех соцсетях страны.

— Парк, — говорит он и кивает на пешеходный перешеек, отделяющий эту сторону улицы от ворот. — Мы пришли.

— Вы...

— Ты, — поправляет он, и мы вместе переходим дорогу, оказываясь перед растекающимися в разные стороны дорожками. — Экспресс-ужин.

Виари, которая до этого вела себя как угодно, сейчас чуть ли не марширует рядом. Поглядывает на Ландерстерга, который достает из пакета контейнеры с горячим. У меня окончательно отшибает дар речи, потому что... Потому что.

— Безымянное чучело можно отпустить, — произносит дракон. — Пока я здесь, далеко она не убежит.

Раньше чем я успеваю сказать хоть что-нибудь, мне протягивают контейнер и вилку.

Виари действительно приходится отпустить, и она с визгом врывается в снег, а я понимаю, что сейчас меня просто разорвет, поэтому интересуюсь:

— Зачем?!

— Что — зачем? — спрашивает Ландерстерг, прожевав. В отличие от меня, его точно ничего не беспокоит, поэтому он уже ест.

— Вот это все! — говорю я. — Зачем? У нас деловая договоренность, которую я собиралась соблюдать исключительно затем. чтобы...

— Ты мне интересна.

— Что?!

— Ты мне интересна, Лаура, — он посмотрел на меня в упор — так, что дышать стало нечем, а вилкой я ткнула не в еду, а себе в перчатку, — и я действительно хочу тебя узнать. По-настоящему.

Глава 15

После этих слов мне грозило ткнуть вилкой куда угодно, только не в еду, а ещё я порадовалась, что не успела подцепить кусочек сыра, потому что иначе он бы сейчас встал у меня поперек горла. Ну, или я бы поперхнулась.

— В каком смысле? — уточнила я.

— А в каком смысле женщина может быть интересна мужчине?

Нет, лучше бы я все-таки поперхнулась, а еще лучше — подавилась, тогда бы ему пришлось оказывать мне первую медицинскую помощь, и мы свернули бы с разговора. С другой стороны, если бы ему пришлось делать мне искусственное дыхание... При мысли об искусственном дыхании мое как-то подозрительно участилось, и я сделала то, что должна была сразу — взялась за еду. Тем более что она уже начала остывать, и это, несомненно, было важно.

Впрочем, не менее важным было то, что Ландерстерг явился за мной в парк и принес мне ужин. После чего сказал донельзя странную вещь.

— А пламя, значит, вас не волнует? — брякнула я.

И чуть не откусила себе язык, хотя по-хорошему, стоило бы.

— Пламя?

— Ну да. То, что у меня его нет.

— Оно есть у меня.

Я моргнула.

— Или ты сомневаешься, что моего нам хватит? Он сейчас издевается да?

— Знаете, что самое интересное? — спросила я. — Я не могу понять, когда вы шутите, а когда говорите серьезно.

— Сейчас я абсолютно серьезен. — Ландерстерг взглянул на виари, которая слишком бесилась в снегу, и одного взгляда хватило, чтобы она вытянулась в струнку и спокойно побежала рядом с нами. — Мне со своей стороны непонятно, почему пламя вообще тебя волнует.

Потому что Эллегрин.

— Потому что я знаю, что для иртханов это очень важно.

— Важно, но не жизненно необходимо.

А что насчет слияния пламени? Вопрос прямо-таки крутился у меня на языке, но на сей раз я его прикусила. По-настоящему, когда старательно жевала, чтобы не задать вопрос, и поморщилась.

— Как прошла тренировка?

— Чудесно. Завтра утром будет все болеть.

— Поражаюсь твоей целеустремленности.

— Хотите сказать, вы не такой же?

— Такой же. Я тебе сразу сказал, что мы друг другу подходим.

Я вздохнула.

— Не начинайте.

— Предлагаю окончательно перейти на «ты». Я считаю, что рядом с женщиной, который

принес тебе еду в контейнере, выкать как-то очень невежливо.

— Никогда не представляла, что обращение на «вы» может быть невежливым.

— Ты еще много интересного узнаешь рядом со мной

Я не выдержала и рассмеялась. Первый шок у меня уже прошел, а второй, видимо, еще не наступил, поэтому я сейчас рассматривала идущего рядом мужчину, пытаюсь понять, что стало причиной таких разительных перемен. То есть тот Ландерстерг, который выдернул меня с катка и наносил харргалахт, и настоящий — это действительно были два разных иртхана.

— Ладно, — сказала я. — Я вам... тебе интересна. И что же ты хочешь обо мне знать?

— Все.

— Разве для этого не существует служба безопасности Ферверна?

— Это скучно. Служба безопасности ферверна не расскажет о том, чего ты боишься.

Я приподняла брови.

— Это тебе зачем?

— Использовать в своих целях, разумеется.

Я улыбнулась. Он... наверное, тоже. Его улыбка была в уголках губ, которые едва дрогнули, и если бы я не видела подобного раньше, могла бы принять за что угодно другое. Но это была именно она, и именно она заставила меня произнести:

— Я боюсь оступиться.

— Оступиться?

— Проиграть. Не пройти кастинг в «Эрвилль де Олис».

— Это так важно?

— Для меня да. — Я закрыла пустой контейнер и взяла салфетку, которую он мне протянул.

— Почему?

— Потому что я хочу стать звездой ледового шоу.

Ландерстерг промолчал.

— Я хочу кататься, и танцевать, и парить... — Я повернулась к нему. — Ты видел это шоу? Они же творят магию, будучи людьми.

— Моя мать любила искусство, — неожиданно произнес он.

Теперь я чуть не подавилась по-настоящему. Хеллирия Ландерстерг действительно увлекалась искусством, настолько, что даже основала грант для творческих людей, не имеющих возможности оплатить свое обучение.

— Она обожала все эти шоу. Театр. Оперу. Временами мне казалось, что она сама хотела выступать. — Дракон говорил со мной, но смотрел вперед. — Книги, кино — все это было настолько для нее важно...

Ландерстерг взглянул на меня раньше, чем я успела ответить.

— Предлагаю придумать имя твоей хулиганке.

Вот это я понимаю, разворот.

— Эллегрин, — сказала я.

Брови дракона приподнялись:

— Эллегрин?

— Вам не нравится? — теперь бБрови приподняла я.

— Мне не нравится, что ты постоянно пытаешься перейти на официальный тон, — произнес он, резко остановившись и перехватив меня за локоть. В результате я с контейнером чуть не улетела в сторону, но все-таки не улетела: меня подхватили за талию.

— Вы... — собиралась возмутиться я. — Ты...

Но продолжить мне не позволили — наклонившись, пробуя на вкус мои губы. Именно пробуя, иначе я никак не могла бы назвать это прикосновение и раскрытие, от которого закружилась голова. Впрочем, не только голова, во мне закружилось еще и пламя — узор над грудью полыхнул огненным островком. Я задохнулась от острой перемены чувств, когда ладонь Ландерстерга коснулась моей щеки, пальцы мазнули по скуле.

— В следующий раз мне придется перейти к более серьезным мерам, — хрипло сообщили мне в губы.

— В следующий раз? — моргая, переспросила я.

Губы горели. Не просто горели, они полыхали, особенно остро я это ощутила, когда он провел по ним пальцем.

— В следующий раз, когда соберешься мне выкатать.

Стоя с контейнером в одной руке и с вилкой в другой, я моргнула еще раз.

— А у меня вилка, — сказала я.

— У меня тоже, — заявил Ландерстерг. — Мы остановились на имени.

Точно?

Определенно, это был самый странный поцелуй изо всех, которые у меня были. Но для себя я решила, что выкатать в ближайшее время точно не стоит. Поэтому сложила вилку в контейнер, а контейнер вернула ему, и он закинул его в пакет.

— Имя, — напомнила я.

Стараясь не думать про то, что только что произошло, и про искусственное дыхание тоже.

— По-моему, отличный вариант.

Я взглянула на дракона, но он оставался невозмутим.

— Seriously?

— Это твое.

Я хмыкнула и взяла стаканчик, который он мне протянул. Внутри оказался горячий чай с тонкой кислинкой лимона и ароматным освежающим сиропом.

— Вкусно.

— Я рад.

Виари развернулась и поставила лапы мне на колени, явно намереваясь запрыгнуть мне на руки.

— По-моему, она замерзла.

— А ты?

— Немножко.

— Тогда возвращаемся.

Прежде чем я успела развернуться, Ландерстерг поставил пакет и стакан на скамейку, а после накинул на меня пальто. Самый нечестный прием изо всех нечестных приемов, которые только можно представить: меня окутало запахом его парфюма, тем самым, который я тщетно пыталась угадать. А еще теплом — таким, от которого мозги окончательно отключаются, и все мысли исключительно про искусственное дыхание и восстановительные процедуры.

— Так какая у вас туалетная вода? — уточнила я.

И зажала руками рот.

— У вас? — переспросил Ландерстерг.

— У тебя! — быстро выпаливаю я, а потом тыкаю в задрывшую голову виари. — Но это не так важно, не хочешь, можешь не говорить. И вообще, нам домой пора, Гринни мерзнет.

— Гринни?

Нет, он что, правда думал, что я буду звать ее полным именем его лю...

Прежде чем «лю» превращается в продолжение слова, Ландерстерг оказывается на скамейке, а я — у него на руках. Колени — по обе стороны от его ног, и это даже выглядит неприлично, не говоря уже о чем-то большем. В эту минуту я понимаю, что в джинсах есть своя прелесть, потому что если бы на мне были юбка и чулки... мда.

— Значит, Гринни, Лаура? — уточняет он, глядя мне в глаза

От его взгляда и от этой властной силы, плещущейся под обманчивым спокойствием радужки, меня ведет. Настолько, что сейчас мне самой снова хочется податься вперед и повторить трюк, который я проделала во флайсе, когда мы летели из Ниргстенграффа. Правда, когда мы летели из Ниргстенграффа, у меня было оправдание: я перенервничала и устала, а сейчас...

Что я могу сказать в свое оправдание сейчас?

— Мы в общественном парке.

Да, это совершенно точно не тянет на оправдание.

— В этом общественном парке совершенно не наблюдается общественности.

Пальцы Ландерстерга скользят по моей спине. По куртке. Но я чувствую их так, как если бы они касались обнаженной кожи.

— Я...

— Ты совершенно точно больше не захочешь называть меня на «вы», — сообщает он. — И когда я говорил про меры, я не шутил.

Ответить мне просто-напросто не позволяют, потому что дракон касается моей кожи, а точнее, проводит ладонями по животу прямо под курткой. И под свитером. Это просто выбивает из меня воздух, тот самый, ледяной, который нас окружает и который дотрагивается до меня вместе с ним. В отличие от воздуха его ладони горячие, и сквозь них в меня втекает тепло.

Я дергаюсь, чтобы отстраниться, но отстраниться мне не позволяют: в глазах дракона вытягивается зрачок, и узор на груди отзывается таким же полубезумным жаром, который концентрируется между моих разведенных бедер. Пальцы сжимаются на его плечах, а потом его губы накрывают мои, и я падаю в поцелуй.

Точнее, во всю его звериную ярость, которая врывается в меня вместе с хриплым выдохом Ландерстерга, и с которой я на него отзываюсь. Его ладони по-прежнему касаются моего живота, но чувство такое, что они касаются меня везде. Течение

пламени сквозь них отзываются в каждой клеточке тела, и мне кажется, что харргалахт стала мной, или я стала ей.

А может быть, чистым пламенем. Дыхание сбивается, губы горят и так же горит грудь, когда его пальцы касаются ставших жесткими и безумно чувствительными вершинок. Мне действительно кажется, что я сама становлюсь пламенем, что я чувствую его, как...

«Что ты знаешь о пламени драконов? О слиянии огней? О том, каково это — чувствовать чье-то пламя, как свое собственное?»

Воспоминания о встрече с Эллегрин ударяют в сознание, отбрасывая меня от него.

— Нет! — выдыхаю хрипло, отпрыгивая назад и чудом не падая на дорожку.

Не падаю, потому что стою на его пальто, и потому что... потому что мне просто повезло. Моя куртка задралась, а его взгляд горит ледяным огнем, когда он поднимается, и на миг кажется, что он меня не отпустит. До выхода не так далеко, а там нас будет ждать флайс, и...

— Астен Лавье, — произносит он.

Мягкий и звучный бренд его устами превращается в рычащую силу.

— Эксклюзив. Дракон номер один.

— Дракон номер один?!

До меня только сейчас доходит, о чем мы говорим.

Потом доходит повторно, и с губ срывается смешок. Коротенький, перерастающий во второй. А потом, как бы плотно я ни сжимала губы, я начинаю смеяться. Я не просто смеюсь, я хохочу, прижимая ладони к пылающим щекам, и кажется, что именно это позволяет пламени стекать с моей кожи и впитываться в морозное дыхание вечера.

— Ты сумасшедший, — говорю я, отсмеявшись. На глазах слезы, и кажется, он был первым, кто заставил меня плакать. Точнее, смеяться до слез. — Дракон номер один.

Проследив его взгляд, отступаю, поднимаю пальто, отряхиваю.

— Это твое.

Пальто он перекидывает через руку, как ни в чем не бывало, я одергиваю куртку. Гринни сидит на дорожке и смотрит на нас большими глазами.

— До встречи с тобой мне безумно не хватало маленьких безумств, Лаура, — неожиданно произносит Ландерстерг. А потом выбрасывает все лишнее в мусорный переработчик и протягивает мне руку. — Пойдем.

Эта брошенная вскользь фраза становится началом моего молчания. Я честно не представляю, что сказать, и прихожу к выводу, что говорить ничего не нужно. Точнее, что лучше ничего не говорить, тем более что мы уже вышли на улицу. Кроме как:

— Мне туда, — указываю в сторону дома.

— Мне тоже, — невозмутимо отвечает Ландерстерг.

Людей здесь не сказать, чтобы много, и вряд ли они всматриваются в лица, в Хайрмарге можно пройти в двух шагах и не заметить хорошего знакомого, но...

Мы все равно идем рядом, как будто просто возвращаемся с прогулки. Мы и правда возвращаемся с прогулки, но если бы кто-то пару дней назад сказал мне, что такое возможно, я бы долго смеялась. Не так, как сейчас, разумеется, и все-таки. По пути я выглядываю сопровождение (украдкой), но его нет, и со стороны это все выглядит как свидание.

Наверное, это и есть свидание.

Эта мысль ударяет в меня так же сильно, как и пришедшее следом осознание: мне понравилось. Мне настолько понравилось, что я готова свернуть и пройти по диагональной улице, чтобы мы шли дальше. Вместо этого я выбираю самый короткий путь, и ускоряю шаг, хотя жара во мне сейчас хватит, чтобы обогреть весь район.

Этот жар струится по контуру харргалахт, он струится по мне, и в кончиках пальцев, которые обычно всегда холодные, сейчас ощущается приятное тепло.

— Доброй ночи, Лаура, — произносит Ландерстерг, когда мы останавливаемся у дома.

Короткое прикосновение к щеке ударяет в меня так, что по телу проходит дрожь.

— Доброй ночи, — отвечаю быстро, и так же быстро скрываюсь за дверями.

Гринни топает за мной к лифтам, а я касаюсь панели и прислоняюсь к стене. Губы у меня продолжают гореть, а грудь до сих пор помнит эти прикосновения, и эти воспоминания вырываются рваным выдохом.

— Лаура, ужин! — напоминает Ингрид, стоит мне войти. — И не забудь помыть ей лапы.

— Я не голодна, — беру виари на руки и поднимаюсь к себе.

Лапы мы ей протираем специальными салфетками: Гринни морщится, фыркает, пытается куснуть салфетку, но в конце концов смиренно ждет, пока я закончу. Что касается меня, едва закончив, я раздеваюсь и залетаю в душ. Подставляя лицо упругим струям, тянусь за мочалкой, но понимаю, что эти прикосновения мне не смыть. Больше того — мне этого и не хочется.

А вот чего мне хочется — так это почувствовать их снова.

По-настоящему.

Без одежды.

Включаю воду похолоднее, и это помогает. Выбираюсь из душа, завернутая в полотенце, сушу волосы, чтобы не ложиться спать с мокрой головой. Ставлю будильник, чтобы успеть погулять с Гринни, а потом успеть на тренировку Эльды, когда на телефон приходит сообщение: *«С завтрашнего дня Хестор в полном твоём распоряжении. Координируйся с ним сама»*. И номер водителя.

У-у-У-У-..

Пишу *«Спасибо»*, откладываю телефон, и быстро прыгаю в кровать.

Правда, через пять минут активных переворачиваний с боку на бок, все-таки берусь за телефон снова, но там больше ничего нет.

Вот и чудесно.

Заворачиваюсь в одеяло с головой, чувствую, как на кровать запрыгивает Гринни. Сначала топчется в ногах, а потом плюхается за моей спиной, громко фыркает и сопит мне в поясницу. Под это сопение я и сама проваливаюсь в сон.

Глава 16

У меня весь день какое-то странное настроение.

Ну ладно, странное настроение у меня полдня, потому что именно столько прошло с момента, как я открыла глаза. Сначала была тренировка у Эльды, на которой она раз десять спросила меня, в какой я реальности, потом пришлось в срочном порядке лететь в Университет — консультацию перед следующим зачетом перенесли на день.

— Вы меня еще благодарить будете, — заявила преподавательница. Высоченная, как жердь, светловолосая, с короткой стрижкой. Из-за ее роста создавалось такое чувство, что голова у нее совсем маленькая, и что если она выйдет на улицу в сильный ветер, та просто оторвется. — Зато завтра вам не придется ехать на консультацию, сумеете лучше подготовиться.

Получше, как же.

Мы с Рин переглянулись: у нее пересдача у Баргмана, у меня все те же тренировки. Правда, тренировки не имели никакого отношения к обучению в универе, но они имели место быть. Со дня на день я ожидала уточнения места проведения кастинга, а заодно и времени.

А еще постоянно пялилась в смартфон.

Наверное, впервые я так пялилась в смартфон. В школе я ни с кем не встречалась, если не считать нескольких поцелуев на дискотеке: по тому поводу, по этому поводу. Но никто из мальчиков не нравился мне настолько, чтобы это переросло во что-то серьезное. Зато в универе я подседа на Миста. Не сразу, разумеется, до этого у меня было еще несколько попыток встречаться с парнями, но все очень быстро затухало, потому что моя увлеченность фигурным катанием и воздушными танцами отнимала очень много времени, и это никому не нравилось. То есть не нравилось парням, с которыми я пыталась встречаться.

Мист не ревновал меня к моим занятиям и не пытался давить, возможно, именно поэтому у нас с ним что-то и получилось. Правда, о том, что у нас получилось именно благодаря тому, что встречался он не только со мной, я узнала значительно позже.

Но даже наши с ним встречи никогда не вызывали у меня желания пялиться в телефон в ожидании сообщений. Было в этом что-то неправильное и будоражащее. Равно как и в том, что вчера произошло в парке. Стоило вспомнить а том, как ладони Ландерстерга скользили по моему телу, и щеки начинали пылать как под пощечинами ледяного ветра.

И ладно бы только щеки.

— Там что-то интересное? — спросила Рин, когда мы шли к парковке.

— Нет, — я продемонстрировала ей совершенно не интересный дисплей.

— Фу, я так не играю. А что ты тогда туда так смотришь, как будто у тебя непристойная переписка эротического содержания?

Я не покраснела снова только потому, что во мне за утро кончилась краска.

— У меня там совершенно неинтересный...

Рин выразительно посмотрела на меня.

— Ладно. Я вчера встречалась с Ландерстергом.

Подруга широко распахнула глаза.

— И он обещал прислать тебе сверхсекретные данные?

— Ты хочешь узнать, что было дальше?

— Хочу! — Она даже остановилась, у самых дверей.

Дракон за нашими спинами продолжал грозно сверкать глазами, но сегодня он совершенно точно не вызывал у меня прежних чувств.

— У нас было свидание.

— Сви... что?

— Тише! — Я схватила ее за руку. — Или ты хочешь, чтобы об этом узнал весь Университет?

— Ну, если ты встречаешься с первым драконом Ферверна, тебе не стоит переживать по этому поводу. В самое ближайшее время об этом узнает весь мир.

Я вздохнула.

— Ладно, говори. — Рин махнула рукой. — Обещаю не подкалывать. Где вы ужинали? Опять в «Ледяном пламени»? Или где-то еще? Стой, почему этого до сих пор нет в новостях?!

— Потому что мы гуляли с Гринни по парку.

— Где?

— По парку.

Судя по глазам подруги, она была не на шутку озадачена. Не говорить же ей, что я тоже.

— По какому? Который закрытый, при Дворце Драконов?

Дворцом Драконов назывался музей, где каждая комната повторяла одну из комнат правителей Ферверна, начиная со времен Северных земель. Так назывались наши края в глубокой древности, когда первые иртыханы только-только отваживали драконов от городов и люди выходили на поверхность. Помимо прочего, в музее хранилась, по-моему, вся история нашей страны — свитки, драгоценности, вазы и прочее, найденное на раскопках или сохранившееся у коллекционеров. Окружал музей огромный трехуровневый парк, над которым стоял защитный купол, поэтому (как шутили) это было единственное место в Ферверне, куда никогда не доберутся наши холода.

— Ты знаешь, выгуливать виари у Дворца Драконов — это перебор даже для Ландерстерга, — сказала я.

— Тогда где?!

— В нашем районе. Помнишь парк между Шестой линией и Квикси?

— Эта прицкина[Прицка — грызун, обитающий на помойках. В современных городах их практически не осталось, но в самых бедных районах они еще иногда встречаются] радость?

— Фу на тебя, — сказала я. — То, что он маленький, еще не значит, что там не убирают.

— Да брось! Ландерстерг — в парке между Шестой и Квикси?

— Представь себе. Он принес мне ужин, и мы гуляли.

— Просто гуляли?

— Просто.

Рин приподняла бровь, но я сделала вид, что застегиваюсь. Про то, что было «не просто», говорить я пока была не готова даже с ней. Да даже с собой, по большому счету.

— Ладно, сейчас ты просто вдребезги разбила мои представления о власти, — сказала подруга.

Мы вышли на парковку, где меня уже дожидался Хестор. Проследив мой взгляд, а затем

его. Рин подняла руку.

— В ледяную крошку!

Я улыбнулась.

— Тебя подвезти?

— Да ладно?! А так можно?

— Почему нет?

Во флайсе мы почти не разговаривали, потому что рядом был Хестор, но выбегая на верхней парковке своего дома, Рин бросила на меня многообещающий взгляд, явно говорящий о том, что чуть позже мне предстоит допрос с пристрастием.

Сама не знаю, почему, настроение у меня стало еще лучше, и всю дорогу я слушала музыку, которая играла у Хестора, и улыбалась. Влетев домой, первым делом хотела подняться к себе, но дорогу мне заслонила Ингрид.

— Платье, Лаура!

— Платье подождет, а Гринни — нет.

— Гринни подождет. — Мачека перехватила меня за руку и чуть ли не силой потащила в гостиную. — Никакой ответственности! Мне что, самой за тебя выбирать?

В том, что она может выбрать сама, я не сомневалась, поэтому решила, что пять-десять минут погоды не сделают. Действительно, выберем фасон, выберем ткань, а дальше... дальше точно будет не сегодня, так что можно не заморачиваться. Вот только оказавшись перед раскрытым ноутбуком, я поняла, что попала.

Насколько я попала, я поняла в тот момент, когда ткнула в модель и подумала, понравится ли оно Ландерстергу. Эта мысль ударила меня, как съехавшая с карниза старого образца снежная шапка, но я даже толком осознать ее не успела. В гостиную влетела Сильви:

— Мам, Лали, там...

— Сильвана!

Командный голос у Ингрид был выработан отменно, но сейчас она выдала это так, что я подскочила.

— Сколько раз я тебе говорила, как девушка должна входить в комнату?

— Но там... — Сильви ткнула в огромную плазменную панель визора, — эта...

— Эта?! — Мачека нахмурилась.

— Рэгстерн!

Не дожидаясь ответа матери, она включила визор, явив нам Эллегрин в какой-то роскошной студии.

— Спасибо, что согласились на интервью, — произнесла сидящая напротив нее ведущая. — Нам, вне всяких сомнений, было интересно узнать, что вы думаете о реформе, которая вступила в силу, и в самое ближайшее время станет настоящим каждого фервернца.

— Мне взаимно было очень приятно беседовать с вами, Нирра.

— Если позволите, еще несколько вопросов?

— Да, разумеется.

— Насколько нам стало известно, ваша семья была очень тесно знакома с семьей

Ландерстергов до той ужасной трагедии.

— О да, — Эллегрин опустила глаза, но тут же вновь посмотрела на собеседницу. — Наши родители были очень дружны.

— Значит, вы знаете ферна Ландерстерга с детства. Какие между вами отношения?

— Мы очень близки. — На этот раз Эллегрин посмотрела в камеру. — Думаю наши отношения — это то, что мы пронесем сквозь года, несмотря ни на что.

— Вот же ларрка! — выдает Сильви, ойкает, косится на Ингрид, но Ингрид, кажется, этого даже не заметила.

В смысле, того, что ее дочь только что грязно выругалась. Предположим, мне тоже хочется, но я занята тем, что рассматриваю ткань в цветочек, и мысленно представляю, как Эллегрин летит с горки, растопырив свои наманикюренные крылья.

Ингрид, наконец, приходит в себя, щелкает пультом, а потом поворачивается к дочери:

— Что это?

— Это — интервью с Эллегрин Рэгст...

— Это я поняла. А вот чего я понять не могу. Сильви, так это зачем мы его включили.

— Так она говорила про моду! Про всякие штучки-дрючки, которые ты так любишь...

— И про Ландерстерга?

— Про ситуацию в Ниргстенграффе. Она направила гуманитарную помощь и призывала всех сделать то же самое... Сразу после того, как вернулась в Бельвенхарт, даже интервью согласилась дать. Но про Ниргстенграфф она в конце заговорила, а до этого было только про моду. И я подумала, если мы выбираем платья, то...

— Сильви, замолчи! — Ингрид приложила пальцы к вискам, а я, наконец, оторвалась от созерцания цветочной ткани.

— Я не хотела. — пробормотала сестра, глядя на меня. — Лали, я понятия не имела... да я вообще не в курсе, что...

— Бельвенхарт, говоришь? — уточнила я, подпирая пальцами подбородок.

— Да, — Сильви непонимающе посмотрела на меня.

Учитывая, что вчера утром мы с Эллегрин говорили возле Ледового дворца, и судя по ее настрою, согласно которому она собиралась вечно любить Ландерстерга во всех смыслах, невзирая на лица, как-то быстро она оказалась в Бельвенхарте.

— Лаура, давай забудем об этом неприятном инциденте, — Ингрид посмотрела на меня. — Нам нужно вернуться к выбору платья...

— Я сейчас.

Ингрид наградила дочь таким взглядом, что Сильви испуганно втянула голову в плечи, а я вылетела из гостиной, поднялась к себе и захлопнула дверь. После чего накинула теплый свитер, завязала рукава углом и вышла на балкон. С Сильви станется подслушивать, а мне это совершенно точно ни к чему.

Набрала номер Ландерстерга и прислонилась к обитой деревом стене.

— Добрый день, Лаура.

— Добрый, ферн Ландерстерг. Не хоти...

Из трубки донеслось многозначительное покашливание.

— Простыли? — участливо поинтересовалась я и мысленно показала трубке язык. — А

вот нечего вчера было без пальто ходить.

Судя по воцарившейся на той стороне тишине, я опять ненадолго выбила дракона из пещеры. Ненадолго, потому что ему по штату положено находить выход из непредвиденных ситуаций.

— Что это значит?

— Это значит, что вы за мной следите!

— Да. И что с того?

Надо же, даже не отрицает!

— Вам не кажется, что о таком стоит сообщать?

— Не кажется. Как ты узнала?

Из чистой вредности хотелось ответить: «Не скажу!» — и повесить трубку, вместо этого я пропела:

— Эллегрин. Это ведь вы ее отправили в Бельвенхарт?

Ландерстерг вздохнул. Или взрыкнул — так, без видеосвяи этих драконов и не поймешь.

— И если добавить, что я вчера гуляла совершенно одна, а вы выскочили на меня из-за угла...

— Лаура, что мне сделать, чтобы ты начала называть меня на «ты»?

— Для начала объяснить, почему за мной следят!

— Потому что для меня важна твоя безопасность.

Вот как он это делает, а? Только что хотелось отгрызть ему его драконий хвост, а сейчас уже расхотелось.

— Мне не нужна охрана!

— Ошибаешься. Пока ты рядом со мной, она тебе действительно не нужна. Но когда ты остаешься одна...

— Ты не представляешь, но двадцать один год я как-то ходила по улицам одна!

— Вряд ли двадцать один, — донеслось из трубки. — Теперь, когда мы официально встречаемся...

— А мы официально встречаемся?

— Разве нет? — судя по интонациям, Ландерстерг прищуривается.

Холодно так, и от этого холода у меня даже пальцы на ногах поджимаются.

— У нас было одно свидание!

— Где одно, там и второе. Завтра тебе надо готовиться к зачету, а послезавтра я приглашаю тебя на ужин.

Уже от одних только этих интонаций по коже побежали мурашки. Особенно когда я представила, как для меня может закончиться этот ужин.

— Охрана останется при тебе. Ты их не замечаешь, и это правильно.

— Для кого? — буркнула я.

— Для всех. Хорошего дня, Лаура.

— И вам того же, ферн Ландерстерг.

Я не удержалась, показала дисплею язык. И пошла переваривать «официально встречаемся».

Впрочем, долго «переваривать» мне не дали: сначала Гринни начала верещать истощным голосом, а когда я насыпала ей хрустящих лакомых палочек, постучали в дверь.

— Лали! Лали, открой!!!! Пожалуйста, открой! Ты там плачешь, да?.. Если бы я сейчас не поставила пакет с кормом, я бы его уронила.

— С чего бы? — поинтересовалась я, распахивая дверь.

На пороге предсказуемо оказалась не только Сильви, но и ее мать.

— Вот это выдержка, — вздохнула Ингрид, а потом шагнула в комнату и порывисто прижала меня к себе. — Ты станешь истинной первой ферной!

Нет, все-таки хорошо, что пакет я поставила.

— Я рада, доченька, что в тебе достаточно сил, чтобы не обращать внимания на всякие недостойные провокации.

Э-э-в... Ингрид только что назвала меня доченька?

— Эта женщина... она вела себя недопустимо. — Мачеха отстранилась и заглянула мне в глаза. — Надеюсь, ты это понимаешь?

Я моргнула.

— А я от нее отписалась в соцсети. Вот! — Сильви сунула мне под нос страницу Эллегрин с выделенным красным цветом уведомлением об отписке.

— Сильви! — рыкнула Ингрид.

— Да все в порядке, — сказала я.

— Ну вот и чудесно. — Мачеха погладила меня по голове. — Вот и чудесно, пойдем выбирать платье.

— Гринни поела...

— А Сильви погуляет Гринни. Правда, Сильви?

Сестра открыла рот. Потом его закрыла.

— Правда, — подтвердила она.

— Идем, Лаура. Я распорядилась подать нам кофе. Какое чудесное имя Гринни. — Чувство было такое, что в Ингрид загрузили аудиозапись, и слова лились из нее сплошным потоком. — Это сокращенно от какого?

Я чуть Было не сказала правду, но решила, что это будет перебор.

— Гриннивера, — выдала с самым серьезным видом. — Так в древности звали одну из правительниц на землях Раграна.

— Какая же ты у меня умница! — Мачеха снова меня обняла, увлекая за собой по лестнице.

Я оглянулась на совершенно очешуевших Сильви и Гринни: первая явно пыталась понять, куда цеплять поводок, а вторая вообще не понимала, с какой радости я ее оставила с девушкой, которая таких элементарных вещей по уходу за виари не знает.

Сильви замахала рукой — иди, иди, — и нашла нужную застежку, а Гринни потыкалась носом ей в руку и виркнула. Какой все-таки добрый звереныш!

— Все. Больше нас никто не отвлечет. — Чуть ли не силой втащив меня в гостиную,

мачеха усадила меня на диван. — Смотрим. Сейчас самый модный фасон для девочки твоего возраста — это...

Глава 17

— Лаура, ты должна съесть все!

— Ингрид, в меня уже не лезет!

— Лучше пусть в тебя не лезет сейчас, чем ты будешь демонстрировать неумный аппетит при Ландерстерге. Больше, что должна позволять себе девушка за ужином — легкий салат и бокал вина. Может быть, еще тарталетку. И никаких десертов!

То, что я совершила ошибку, рассказав Ингрид про ужин, я поняла далеко не сразу. Примерно в тот момент, когда она заявила ко мне в комнату помогать с выбором платья, и мы чуть не поссорились. Она считала, что я должна надеть черное, а я вообще считала, что его нужно отдать, потому что черный цвет превращал меня в официальную куколку.

— Ничего ты не понимаешь, — заявила мачеха, отнимая мое легкое серебристое платье с тонким кружевом на груди. — Это выглядит элегантно, шикарно и бесподобно.

— На похоронах может быть.

— Что бы ты еще понимала в моде, — снисходительно глядя на меня, заметила Ингрид. — Черный — цвет классики. Надевай!

— Может, я и не разбираюсь в моде, но что надеть на свидание, решу сама

Я сказала это совершенно спокойно, без лишней претенциозности, но Ингрид швырнула платье на постель и вылетела за дверь. А потом, видимо, в отместку, решила накормить меня ужином — так, чтобы я не смогла не то что салатик в себя впихнуть, но и передвигаться, и мыслить здраво. В общем, все, что оставалось бы Ландерстергу — переключать меня с места на место и смотреть на то, как я икаю.

— Ингрид, мы уже обедали вместе, и его совершенно не смущал мой аппетит.

— А что ты заказывала?!

— Ингрид!

— Все. У меня болит голова. — Мачеха поднялась из-за стола. — Поступай как знаешь!

Она вышла из столовой, а Сильви покосилась на меня, закусив губу.

Вообще меня сюда заманили под предлогом «попить кофе» и начали упорно пичкать едой. Между прочим, обожравшаяся перед ужином девушка выглядит еще гораздо более странно, чем та, которая много заказывает. Но не выговаривать же сестре про это.

— Пойду одеваться, — сказала я.

— А ты потом мне все расскажешь? — У Сильви загорелись глаза.

— Посмотрим на твое поведение.

Не знаю, почему, но серебристое платье мне показалось не лучшим вариантом. Волосы, по которым шла легкая волна, я сначала распустила, потом собрала в хвост, потом опять распустила.

Потом опять собрала.

Поправила тонкое кружево, подчеркивающее ложбинку между грудями.

Нет, честное слово, что я как на первое свидание собираюсь-то, а? Тем более что первое, если верить Ландерстергу, у нас уже было, а это второе. И вообще.

Переодеваться времени уже не было, поэтому опустила рядом с Гринни на корточки.

— Не скучай, Гри.

Гри она стала усилиями Сильви, которая помогала мне с прогулками. Правда, Гри не возражала: основные ее потребности заключались в том, чтобы ее покормили, потом погуляли, потом поиграли и не выпихивали с подушки, на которую она решила посягнуть не далее как сегодня. В итоге я ее отправила на пол, и сказала, что если вся кровать не устраивает, пусть выбирает другое место.

Виари обиделась и ушла спать на кресло. Правда, под утро снова подползла ко мне и устроила мордашу на плече.

— Чудесно выглядите, ферна Хэдфенгер, — произнес Хестор, который уже ждал меня на парковке и помог сесть.

Восхищение в голосе водителя было настоящим, и я подумала, что может быть, и правда ничего. Или чего? Расправила пышную юбку, доходящую мне до колен, и устроилась на заднем сиденье. Пальто застегивать не стала, чтобы не помять, потому что несмотря на достаточно устойчивый к прессингу пятой точкой состав, складки на нем все-таки появлялись, а мне не хотелось появляться перед Ландерстергом со складками. В итоге, когда мы уже поднялись в воздух, я начала думать, не стоило ли действительно надеть черное, юбку которого невозможно было помять.

Разрешить свою дилемму я не успела, потому что ожил мой телефон.

— Добрый вечер, Лаура.

— Добрый вечер, ферн Ландерстерг. Не можете дождаться, пока мы с вами увидимся?

Я что, с ним флиртую?

— Не могу. Но дело не только в этом. Ты очень голодна?

— Вообще нет, — честно призналась я.

— В таком случае, ты не возражаешь, если наше свидание начнется не с ужина?

Я хотела брякнуть: «А с чего?» — но вовремя одумалась.

— Если это не противозаконно, то я согласна.

Да, одумалась — это про меня.

— Это совершенно точно в рамках закона. — Судя по голосу, дракон улыбался. То есть уголки его губ слегка приподнимались, как я это запомнила. — Дай, пожалуйста, телефон Хестору.

Я глубоко вздохнула и передала водителю телефон.

— Да, ферн Ландерстерг. Разумеется. Хорошо.

Хестор нажал отбой раньше, чем я успела спросить у Ландерстерга, куда же мы все-таки направляемся. Тем более что мы свернули с намеченного маршрута, и, судя по голоску навигатора, вели нас на Вторую обводную. То, что так оно и есть, я поняла, когда Айрлэнгер Харддарк мелькнула и пропала за спиной из-за резко вильнувшей полосы.

— Ох уж этот поворот, — проворчал Хестор, когда за окном показался зависший на посту полицейский флайс.

— Что, многие нарушают?

— О да. Здесь больше четвертой[Скорость ниже средней в Ферверне] не допускается, но перед этим всегда свободный участок для разгона, если вы заметили.

Я покачала головой. Не будучи водителем, я была не в курсе таких тонкостей, хотя часть дороги перед поворотом показалась мне и правда более свободной, чем предыдущие магистрали.

— Ну вот, многие разгоняются, а притормозить забывают. Все думают, что проскочат. На этом их и ловят.

— Штрафы?

— Лишение до двух месяцев

— Ого.

— Жена у меня тут один раз так попалась. Я ее потом спрашиваю: ну и зачем? А она — не люблю тормозить.

Я фыркнула, а Хестор мне подмигнул.

— Почти на месте.

— Почти?..

— Да, посмотрите. Нам туда.

Я посмотрела... и ахнула.

Здание Зооцентра Хайрмарга переливалось приглушенными огнями, а раскинувшийся над ним защитный купол защищал не столько от погоды (для животных старались создать максимально приближенную среду обитания), сколько от звуков большого города. Зооцентр больше напоминал заповедник, поэтому животные внутри не сидели в клетках, а свободно разгуливали по отведенной им территории.

Отведенной территории был целый район, и еще квартал под административные учреждения и медицинскую станцию. Сюда свозили животных со всего мира: выброшенных на улицы или пострадавших от рук браконьеров. Тех, кто поправлялся быстро, впоследствии отпускали на волю, если они еще могли адаптироваться к жизни в дикой природе. Единственная граница, которая здесь существовала — это граница, отделяющая диких зверей от когда-то домашних.

Просто прийти и поглазеть на животных было нельзя: только взять кого-то (из бывших домашних, разумеется) домой. Был один случай, когда семья иртыханов взяла себе дикого виара, потерявшего крыло, но это был единичный случай. И даже чтобы забрать зверя, лишившегося дома, нужно было пройти множество инстанций, иметь достаточную для комфортной жизни животного жилплощадь и получить согласие всех членов семьи.

Словом, заморочек было много. Вот только зачем мы сюда летим?

Ландерстерг ждал нас на парковке: в костюме и без пальто. На этот раз в темно-синем.

— Восхитительно выглядишь, Лаура, — сказал он, когда я приняла его руку.

На этот раз прикосновение отдалось легкой пульсацией мне в ладонь, и надо бы уже начинать к этому привыкать, но привыкнуть к этому не получалось. Оно каждый раз ударило меня так, что все волоски на теле казались наэлектризованными. Странно, что я не светилась в темноте.

— Ты тоже ничего так.

Ландерстерг приподнял брови.

— Это самый необычный комплимент, который я получал за всю свою жизнь. Как зачет?

— А то ты не знаешь, что я его сдала.

— Не знаю. Мне сегодня еще ничего о тебе не докладывали.

В его глазах мелькнуло веселье, и я закусила губу, чтобы не рассмеяться.

— Ах, какое упущение!

— Ты даже не представляешь, какое.

Он пропустил меня в стеклянные двери, и мы оказались в просторном, светлом холле, где в глаза сразу бросался логотип: крылатый зверь, доверчиво положивший голову в

ладонь человека. Судя по размерам головы, изображен был виаренок, но и создателей логотипа я тоже понимаю: очень сложно соотнести дракона и человека.

Дракона...

— Драконенок! — воскликнула я. — Ты удивительно проницательна, Лаура.

Мы вместе подошли к стойке, где женщина, по всей видимости, администратор, выдала мне пропуск. Такой же она выдала Ландерстергу, и он прикрепил его к лацкану пиджака.

— Позволь.

Он помог мне снять пальто и протянул его второму администратору, выскользнувшему из-за открывшейся в стене совершенно незаметной двери. После чего мы направились в сопровождении приглашенного женщиной сотрудника, совсем молодого парня в форме Зоологического центра, по коридору.

Стеклянная колба перехода вела в медицинский корпус, об этом гласила надпись над пока что запечатанными дверями. Перед тем, как их распечатали, мы зашли в кабины очистки, без которых детекторы медблока принялись бы истерично верещать на весь центр.

— Что с ним? — все-таки не выдержала я, когда мы оказались внутри.

— Отказывается есть и пить. Не реагирует на людей. Не реагирует на иртханов. Можно было бы ему приказать, но это ситуацию существенно не изменит. Под приказом ни один дракон, а особенно такой маленький жить не сможет. Когда приказ будет снят, он снова перестанет есть.

Парень снова убежал вперед и явно был рад тому, что мы занялись разговором. Судя по напряженной спине, Ландерстерга он сопровождал не каждый день, а судя по тому, что даже не сразу попал отпирающим пропуском по нужной панели, волновался он изрядно.

— И ты хочешь ему помочь?

— Не я. Ты.

— Я?!

От неожиданности я даже остановилась, и Ландерстерг мягко увел меня в сторону. К нам приблизилась женщина в светло-кремовом халате: одежда у местных медиков вся была такая, судя про промелькнувшим вдалеке мужчинам.

— Сай, ты свободен. Дальше провожу я.

Парень кивнул и тут же убежал обратно, а она внимательно посмотрела на нас:

— Если все продолжится в том же ключе, ему грозит огненная лихорадка, ферн Ландерстерг.

— Не утрируй, Альвин.

— Я не утрирую, но у него уже сейчас сильнейшее обезвоживание.

— Обезвоживание и огненная лихорадка никак не связаны. И не пугай девушку, у нее уже глаза на пол-лица.

Я попыталась моргнуть, но размер глаз у меня не становился меньше.

— Вы... ты сказал, что я могу ему помочь. Как?

— Он наверняка запомнил твой запах, когда его отняли от матери.

— И? — совсем жалобно спросила я.

— К тебе он может пойти.

— Тогда чего мы стоим?

Врач улыбнулась и кивнула на дверь. Точнее, на двери: сдвоенные, они были в два человеческих роста в высоту, и такие же в ширину.

— Думаю, я вам там не понадобится. А если понадобится, зовите.

Она приложила ключ-карту к электронному замку, который негромко пискнул.

Пропуская нас в огромное просторное помещение. Как минимум из него можно было сделать ангар для флайсов, задняя стена была стилизована под пещеру, по изломам камня текла вода, собираясь в маленьком озере. У противоположной стены находился бассейн с измельченным камнем, а сам драконенок лежал, свернувшись клубком у без преувеличения огромной миски с нетронутым кормом. Крылья распластались по земле, на наши шаги он даже не обернулся и не пошевелился.

— И... что мне делать?

— Подойди к нему. Позови.

Я закусила губу, глубоко вздохнула.

— Не бойся, Лаура. Я здесь.

— Я не боюсь.

Точнее, боюсь. Того, что у меня не получится.

— Привет, малыш, — сказала я, сделав несколько шагов к нему. — Ты тут совсем один. Не скучно тебе?

— К нему приводили самку виари и виарят. На них он тоже не реагировал.

Я шагнула вперед. Еще и еще ближе. До тех пор, пока не стала видна мордочка, лежащая между лап. Глаза у него были открыты, но на меня он даже не посмотрел.

— Ну, знаешь ли, это невежливо. Я тут к тебе в гости приехала, а ты даже на меня не смотришь.

Драконенок едва дернул хвостом. Его мордочка уже сейчас не поместилась бы мне в ладони.

— Сколько ему? — спросила у Ландерстерга. — Может, ему нужно мамино молоко?

— Нет, он уже вполне способен кормиться сам.

Я покосилась на миску, в которой лежал корм, каждая корминка — размером с небольшую головку сыра.

— У тебя тут еда, — сказала я, опускаясь рядом с ним на карточки. — Смотри.

Он не пошевелился, хотя ноздри его раскрылись. Ну, уже что-то. Значит, идея с запахом может сработать. — А я помню, как мы с тобой стояли в пустоши. Эх, и холодно же там было. Кажется, «что я несу» становится для меня лозунгом, если не сказать больше. Я протянула ему руку, прямо к огромному носу, он принялся, но головы не поднял. Хотя взгляд остановился на мне.

— Так, давай-ка поедим. Здесь все люди хорошие, заботятся о тебе. Давай.

Сдвинуть миску стоило немалых трудов, и по ощущению там были булжники, а не драконячий корм. Хотя с другой стороны, драконячий корм наверное и должен выглядеть, как булжники.

Драконенок снова принялся, а потом отвернулся. Я посмотрела на Ландерстерга.

— Пойдем, Лаура.

— Но я же еще ничего не сделала...

— Он или отреагировал бы сразу, или...

— Ну и что ты предлагаешь? Просто бросить его здесь? Эй! — я потыкала в мягкую чешуйку. — Я знаю, ты такой маленький, и тебе уже много всего пришлось пережить, но... Надо поесть! Давай, давай.

Кормина уместилась у меня в ладонях, я чуть подвинулась и поднесла ее к мордочке. Он раздраженно зашипел и отвернулся в другую сторону.

— Ах, так?! — сказала я. — Ну и ладно.

После чего вздохнула и поднесла корм ко рту.

Хрясь!

Кажется, очешуели все: и Ландерстерг, и я, и драконенок. Последний вообще вскинул голову и уставился на меня, как на ненормальную.

— А фот нефего было отказываться. Теферь буду ефть я.

Такого... странного вкуса я ни разу не ощущала. Что-то среднее между вяленным мясом, песком и углем (если бы я когда-то посыпала вяленое мясо песком и углем, разумеется).

— Лаура, ты что делаешь?! — первым опомнился Ландерстерг.

— Ем, — сказала я, искренне надеясь, что все затрамбованное в меня Ингрид не попросится обратно. Хотя оно уже искренне просилось. Должно быть, вид у меня был такой, что дракон шагнул ко мне. В следующий момент я поняла, что не из-за вида драконенок раскрыл пасть.

Лизь!

Кормину у меня забрали крайне осторожно, оставив на ладони только искорки холода от языка. А в следующий момент принялись хрустеть.

Драконы! Он ест!

— Он ест! — взвизгнула я. — Торн, он ест!

Правда, тут же снова зажала руками рот — понять бы еще почему. Чтобы не спугнуть драконенка, или потому, что у меня с губ сорвалось имя, которое совершенно точно не должно было срываться.

Правда, драконенок даже головы не поднял: распробовав то, что напихали в этот донельзя странный драконячий корм, он теперь хрустел им так, что за ушами трещало. Старший дракон тоже выглядел более чем довольным, хотя я не была уверена. В том, чем вызвана эта довольность.

— Лаура, — мне подали руку.

Я поднялась, стараясь смотреть исключительно на детеныша.

— Кажется, с ним все в порядке, — сказала я. — И очень надеюсь, что он попьет сам, потому что совать голову в бассейн я не хочу.

Ландерстерг плотно сжал губы, а потом все-таки расхохотался. Кажется, теперь я знаю, как смеются драконы: низкий, хриплый смех, такой... цепляющий что ли. Хотя в Ландерстерге и помимо смеха было много всего цепляющего, мне гораздо более интересно было бы, если бы он скрипел, как флайс, который вот-вот развалится на части, или подвиркивал, или...

— Лаура, ты была бесподобна, — отсмеявшись, сказал он. — Видела бы ты свое лицо...

— Дали бы зеркальце, — обиделась я. Впрочем, тут же разобиделась. — Видели бы вы свое.

Ландерстерг пристально на меня посмотрел.

— Снова на «вы»? А как же Торн?

Я прижала ладони к щекам.

— Это было временное помешательство.

— Помешательство?

— Ну да. Как вы думаете, кто-то в здравом уме может есть драконячий корм?

— Сложный вопрос.

— Вот! — Я многозначительно подняла палец вверх.

И облегченно вздохнула, когда звереныш потопал к импровизированному озерцу-чаше и принялся пить.

— Да, с ним действительно все в порядке, — сказал Ландерстерг. — Ты сделала все, что могла.

— И что? Теперь мы просто уйдем?

Мне почему-то отчаянно не хотелось оставлять малыша одного. То, что малыш в высоту мне достает до груди (стоя на четырех лапках), дела не меняет. Он действительно совсем малыш. И он совсем недавно потерял маму.

— А что ты предлагаешь, Лаура?

— Мы не можем его забрать? Хотя бы на ночь? На две? Пока он адаптируется...

— Куда? — поинтересовался правящий.

И правда. Куда. Я вздохнула, глядя на то, как драконенок развернулся и потопал к нам. При мысли о том, что придется выйти за дверь, просто сердце кровью обливалось.

— О нем здесь позаботятся, Лаура. Можешь мне поверить.

— Знаю, — сказала я и вздохнула: — Знаю.

Опустившись на корточки, протянула драконорбенку руку. — Иди сюда, маленький.

Маленький подошел. Лег рядом со мной на пол, положил морду мне на колени. Я почесала его за ухом: осторожно, чтобы не потревожить чешуйки, потом поднялась. Драконенок вскинул голову и вскочил.

— Я еще приду, — пообещала. — Правда. Я буду часто приходить. Хочешь?

Ландерстерг коснулся панели:

— Альвин. Мы выходим.

— Вижу. Иду.

Пискнула дверь, Ландерстерг остановился, пропуская меня вперед, я же метнулась к ней с такой скоростью, как будто за мной гналась стая голодных наблов. Не хватало тут еще разреветься.

Правда, выйти я не успела: скрежет коготков по полу за моей спиной был весьма говорящим. Я обернулась как раз в тот момент, когда драконенок, наткнувшись на взгляд Ландерстерга, замер. А потом плюхнулся на попу и закричал. Нет, даже не закричал, заплакал — я была в пустоши, я слышала плач драконов, но такого душераздирающего крика не слышала никогда.

— Все, — сказала я, шагая назад. — Мне все равно, что этого не допускает регламент, я остаюсь здесь.

— Лаура...

— Я остаюсь здесь, — сказала я, подбегая к драконенку и обнимая его.

Кричать он перестал, но дышал судорожно, как дети после слез.

— Мне только нужно что-нибудь постелить, и... вещи на тренировку принести. Можно Хестора попросить, да?

Ландерстерг посмотрел на меня сверху вниз:

— А на тренировку ты как пойдешь?

Не знаю, как. Но это еще целая ночь впереди.

— Так можно?

Дракон перевел взгляд на вбежавшего врача. Потом кивнул на нас:

— Ты это слышала, Альвин.

— Да это полкорпуса слышало.

— Пусть они себе там болтают, — сказала я драконенку, поглаживая по голове. — Я остаюсь с тобой. Все, правда-правда остаюсь. Никуда от тебя не уйду, хорошо?

— Ферн Ландерстерг, но это невозможно. На территории центра...

— На территории центра невозможно. — Правящий потер лоб, глядя на нас.

— Нет. Послушайте, это ничего не решит.

— Может быть и не решит. — Он снова перевел взгляд на нее. — А может быть, и решит. Мы не знаем. Он еще совсем маленький, и если мы сейчас просто уйдем, может стать только хуже.

Альвин кивнула.

— Что скажешь?

Врач посмотрела на нас: звереныш лег рядом со мной, кончик хвоста подрагивал. Он жался ко мне, весь напряженный, чешуйки поднялись.

— Он действительно может видеть в ней мать. Если мы второй раз заберем у него мать, я не могу отвечать за последствия.

— Ледяное пламя, — пробормотал Ландерстерг.

— Что?

— Нет, ничего. — Он приблизился к нам, на ходу бросив: — Альвин, дайте нам пару минут.

— Разумеется.

Женщина вышла, а Ландерстерг опустился рядом с нами, положил ладонь драконенку на голову. Тот напрягся еще сильнее.

— Ему нужно время на адаптацию. Не знаю, сколько. Пока сложно сказать. Разумеется, забрать его могу только я, Лаура. Только к себе.

— И? — тихо спросила я.

— Второй вариант: сейчас я прикажу ему спать, мы уйдем, а когда он проснется, тебя уже не будет. Здесь как повезет — может быть все хорошо, а может не очень. В любом случае...

Я коснулась напряженной спинки, погладила шею. И подняла глаза, встречаясь

взглядом с Ландерстергом.

— Ты не договорил про первый вариант.

— Если брать первый, тебе придется жить со мной.

— С тобой? — уточнила я. — Жить.

Ландерстерг потер переносицу.

— Иначе нет смысла его забирать.

— А в центре я останусь с ним не могу?

Правящий покачал головой.

— Это место не обустроено под людей.

А его квартира, значит, обустроена. То есть не под людей. Под меня.

— Как я уже сказал, Лаура, есть второй вариант.

Я перевожу взгляд на малыша: голова между лап, напряженный, как комок нервов. Ну и что, мне, спрашивается, делать?

Второй вариант не вариант, да и первый, честно сказать, тоже. Где же моя хваленая изобретательность, когда она так нужна? Видимо, вся вышла на моменте, когда я отгрызла кусок драконьего корма.

— Я приглашу Ингрид и Сильвану, — неожиданно произносит Ландерстерг. — Чтобы все это не выглядело настолько провокационно.

Я поднимаю на него глаза.

— В загородной резиденции места хватит всем, — говорит он. — А то, что рядом с тобой будут мачеха и сестра, решит определенные сложности ситуационного характера.

Это теперь так называется?

— Решать только тебе, Лаура.

Да я, по-моему, все уже решила. Только пока еще не могу этого осознать. И главная «сложность ситуационного характера» заключается в том, что я изо дня в день буду находиться рядом с Ландерстергом, от которого у меня во всем теле ледяные искорки. Это нечестно.

Но еще более нечестно бросить того, кто отчаянно в тебе нуждается.

Тут только до меня доходит:

— В загородной резиденции? — переспрашиваю я.

— Разумеется. Над городом растянуты щиты, их воздействие локально блокируется только над Зооцентром, когда здесь оказываются драконы.

Я потираю внезапно ставшие ледяными ладони:

— И как добираться из этой твоей... загородной резиденции?

— От телепорта на флайсе, — невозмутимо произносит он. — Чуть дольше, чем обычно.

Как будто если бы он сказал: «На виарах с упряжками», — для меня это что-то бы изменило. Но у меня туг драконий ребенок, которому нужна мама. Я, конечно, смутно тяну на драконицу, но если ему так кажется, я этому очень рада. В смысле, я очень рада тому, что смогла его накормить и тому, что смогу вытянуть из отчаяния, в котором драконенок сейчас находится.

— Вариант первый, — говорю я.

— Хорошо.

С одной стороны, более чем. С другой...

Ландерстерг поднимается и идет к двери, а драконенок вскидывает голову и смотрит на меня. В огромных глазах светится немой вопрос: «Ты же не уйдешь, правда?» Не знаю, насколько я сильна в драконячем языке, но сейчас просто наклоняюсь и обнимаю его. Он шевелит ноздрями, втягивает мой запах, и начинает тихонько урчать. Это самый чудесный и самый успокаивающий звук, который мне доводилось слышать за последние месяцы, и я понимаю, что мой выбор просто не мог быть другим.

— Готовьте транспортировку, — доносится голос Ландерстерга.

— Вы уверены?

— Да, под мою ответственность.

Шаги Альвин удаляются, я слышу, как она с кем-то говорит в коридоре, но не особо прислушиваюсь к словам.

Просто поднимаю голову и смотрю на Ландерстерга снизу вверх. И молчу. Мне сложно передать всю ту гамму чувств, которая сейчас бьется во мне, особенно когда я чувствую, как мягкие чешуйки под моей рукой то поднимаются, то опускаются от удовольствия.

— Как мы его повезем? — спрашиваю я. — До телепорта. Над городом же растянута щит.

— Как везли через два города. Ему придется ненадолго заснуть.

— Во сне он не чувствует боли?

Ландерстерг молчит, а я понимаю, что уже исчерпала лимит наглости на сегодня, но все-таки говорю:

— Ты можешь отключить щит? Это же ненадолго. До момента пересечения кольца телепорта.

— Это исключено, Лаура

— Пожалуйста, Торн. — Я поднимаюсь и подхожу к нему. — Не думаю, что все драконы со всех пустошей решат разом напасть на Хайрмарг, да они даже долететь не успеют.

На мгновение его лицо становится таким жестким, каким оно было в наши первые встречи, и я уже готовлюсь к отказу. Особенно когда он поворачивается ко мне спиной, и от этой самой спины веет таким холодом, что мне грозит превратиться в ледяную статую. Превратиться в нее я не успеваю, потому что Ландерстерг выходит за двери, а спустя пару мгновений доносится отрывистое:

— Мне нужен Стенгенберг. Да. Это срочно.

Судя по тому, как удаляется его голос, Ландерстерг сам удаляется от дверей: видимо, чтобы меня не придушить. Я смотрю на драконенка, он смотрит на меня, а спустя минуту правящий уже возвращается.

— Это будет первое, ферна Хздфенгер, — сообщает он, — отключение щитов за все время их существования в Хайрмарге.

Я поднимаюсь, но ничего сказать больше не успеваю: к нам уже присоединяются Альвин с двумя помощниками, при них точно говорить ничего не стоит. Тем более что я точно не знаю, что хочу сказать, и стоит ли.

В общем, пока я не определилась, я больше ничего и не говорю.

В дороге тоже ничего не говорю, хотя во время перелета мне не до разговоров с Ландерстергом: драконенок в транспортировке волнуется, приходится гладить его по голове и рассказывать, какой он умница и молодец. Умница и молодец цокает коготками по полу, пытается приподняться, чтобы заглянуть в окошечки (здесь их только два, достаточно высоко), но наткнувшись на холодный взгляд Ландерстерга, пятится. Отступает

ко мне и ложится рядом, снова урчит.

Телепорт мы проходим достаточно спокойно, а спустя несколько минут уже в спальне, которая очень большая и совершенно нежилая.

— Здесь все должны были подготовить к праздничной ночи, — говорит дракон, глядя на то, как белое чудо копошится рядом со мной. — Но в целом все в рабочем состоянии. До завтра комната прогреется, и будет тепло.

Я настолько устала, что даже не чувствую холода. Холода не чувствую, а вот потребность кое-что сказать — вполне. Дракон меня опережает:

— Придется дать одно-два интервью, Лаура. О том, что произошло с драконенком. Позднее моя пресс-секретарь тебе все объяснит.

— Позднее? — улыбаюсь я.

— Завтра. — Он кивает в сторону двери. — Ванная там. Во сколько тебе нужно на тренировку?

— Завтра к девяти. К счастью.

— Отлично. Твои вещи доставят, я уже связался с твоим отцом. По поводу Ингрид и Сильваны мы с ним тоже встречаемся завтра.

Я глубоко вздыхаю, а потом в два шага преодолеваю разделяющее нас расстояние.

— Спасибо, — говорю, глядя ему в глаза. — Спасибо за то, что отключил щит. Ты не представляешь, что это для меня значит.

Невыносимо долгое мгновение он смотрит на меня — так глубоко, как только возможно, потом кивает:

— Есть хочешь?

— Нет, я здорово наелась... — под изумленным взглядом Ландерстерга поясняю: — Не драконячьим кормом. Ингрид решила меня накормить перед ужином, чтобы я ничего лишнего не съела в ресторане.

Дракон уже знакомо приподнимает брови.

— А я еще думал, что в Академии жесткая строевая подготовка.

— Строевая подготовка ничто по сравнению с воспитанием Ингрид, — я смеюсь. — Но я могу посидеть с тобой, пока ты будешь есть. В конце концов, у нас свидание. И ужин.

— Свидание? — хрипло уточняет он.

Неожиданно хрипло, как будто замерз, хотя я сомневаюсь, что такое вообще возможно. После чего подается ко мне и целует — так глубоко, что я задыхаюсь от хлынувшего в меня огня. Краем мысли успеваю подумать, что если бы этот огонь шел бы без харргалахт, меня бы порвало на много маленьких Лаур, но эта мысль растворяется в том огне, который бежит по телу. Ледяная спираль скручивается на груди и раскрывается цветком пламени, заставляющим дышать судорожно и рвано.

Им.

Поэтому я даже не сразу понимаю, что произошло, когда меня бодают в ноги, и я не падаю исключительно благодаря Ландерстергу, который успевает меня подхватить.

Как в танце.

— Тебе лучше лечь спать, — говорит он, глядя на меня. По-прежнему хрипло, в радужке раскаляется ледяной ободок, но зрачок остается человеческим.

— М-м-м... да, — подтверждаю я, осторожненько высвобождаясь из его рук.

— Завтра здесь будет настроена система безопасности, — говорит он. — А сегодня с вами останусь я.

Не дожидаясь ответа, стягивает пиджак (хотя в комнате невыносимо холодно) и бросает его на спинку кресла, сам садится в него и достает смартфон. Я же думаю о том, что у меня окончательно все перемешалось.

Ландерстерг «Поднимайтесь в комнату, где я в принудительном порядке поставлю вам харргалахт» и Ландерстерг, который отключает щиты и едет в контейнере для перевозки драконят — это вообще два разных человека. То есть иртхана. Если бы я не знала первого, я бы влюбилась во второго до виарьего писка. Но если бы я не знала первого, я бы не узнала второго.

И что, спрашивается, теперь с этим делать?

Глубоко ночью с этим ничего не поделаешь, особенно когда мысль заходит за мысль, а спать хочется так, что глаза превращаются в две узенькие щепочки. В ванной комнате есть халат, дозатор геля для душа и шампуня показывает полные величины, а вот тапочек нет.

Или пока нет. К счастью, здесь полы с подогревом, и они действительно быстро прогреваются.

— Ты точно не хочешь есть? — спрашиваю я, когда выхожу из душа.

В ответ Ландерстерг награждает меня таким взглядом, что я запрыгиваю в постель по прямой с двух метров. Ну ладно, может быть с одного, а еще поплотнее запахиваю халат. Ко мне тут же взбирается драконье чудо, плюхается рядом, урчит и пытается подкопаться под одеяло.

Я не позволяю: тяну одеяло на себя, заворачиваюсь в него как в кокон, и думаю о том, что ночка будет долгой. Это последнее, что я думаю перед тем, как у меня закрываются глаза.

Глава 18

— Ой, мамочки, мамочки, мамочки! Резиденция правящего!!!! Резиденция Торнгер Ландерстерга! Да у меня однокурсницы от зависти удавятся. Да они... — Сильви осеклась под пристальным взглядом матери.

— Ты сумки уже собрала, Сильвана? — холодно осведомилась Ингрид. Впрочем, недостаточно холодно: с тех пор, как стало ясно, что мы переезжаем вместе, и что ей тоже придется разговаривать с журналистами, мачеха светила изнутри. Единственным смущающим Ингрид фактором было то, что по ее мнению, ей просто нечего надеть для интервью, потому что она все уже надевала раньше.

— Собрала, — пискнула Сильви.

— Вот и хорошо. Надеюсь, ты понимаешь, что все происходящее в стенах резиденции ферна Ландерстерга не подлежит обсуждению с подружками?..

Что считает по этому поводу Сильви я не узнала, потому что решила заглянуть к отцу. Он сегодня был дома почти весь день: небывалый случай для Юргарна Хэдфенгера, потому что целый день дома он мог позволить себе разве что в воскресенье, и то не всегда.

Когда я вошла, он стоял у окна, спиной к двери.

— Нет, Сарус. Я сказал — нет!

Отец редко повышал голос, но сейчас он не просто его повысил, он вложил в него всю свою жесткость. После чего нажал отбой и повернулся ко мне.

— Лаура. — Взгляд его сразу же потеплел.

— Привет, пап, — я улыбнулась. — Опять проблемы с клиентами?

— С клиентом. Все с тем же. Он считает, что меня можно купить — но по всей видимости, он считает, что можно купить все. — Отец поморщился, но тут же махнул рукой. — Не хочу об этом. Ну, как дела, малыш?

Я подошла и уткнулась ему лицом в плечо.

— По-моему. здорово.

— Я рад. — Голос его смягчился еще больше, и когда я подняла голову, он тоже улыбался. От глаз разбегались лучики морщин, такие знакомые, такие родные. Сейчас казалось странным даже думать о том, что мы могли так ссориться, как неделю назад. — Как у тебя дела?

— Тренируюсь. Учусь. В том числе общаться с драконами.

— И как, получается? — Отец улыбнулся еще шире.

— С переменным успехом.

Когда я проснулась утром, драконенок скакал по заснеженным просторам, поднимая облачка снега в утренние сумерки. Ландерстерг стоял рядом и смотрел за всем этим безобразием. Выяснилось, что мои окна выходят на бассейн, который сейчас был засыпан снегом, вот в бассейн драконенок и нырял. В тот момент я подумала, что если он закопается поглубже, его не найдешь. Как раз в эту минуту Ландерстерг поднял голову и посмотрел на меня, после чего я быстренько подалась назад и побежала в ванную, одеваться. Вещи мне доставили, пока я спала, будильник сработал в шесть (не стоит говорить, кто его поставил), так что у меня как раз было время, чтобы собраться, позавтракать и выдвигаться на тренировку.

Что касается тренировок, мы договорились с Кори, что я буду приходить к ней в первой половине дня, ну или сразу после обеда — в зависимости от нашего расписания с

Эльдой. Поначалу она не соглашалась, потому что у нее летело все расписание, но я объяснила, что у меня дите. В смысле, драконенок.

Кория восприняла сей факт с привычным философским выражением лица, разве что согласилась на время подготовки к «Эрвилль де Олис», договориться с другими занимающимися и временно их перенести на мое время. После чего я чуть не задушила ее в объятиях: дважды в день мотаться через телепорт туда и обратно было очень сложно.

Не говоря уже о том, что двух разлук в день я бы просто не пережила: когда я сегодня уходила, драконенок включил такую истерику, что я чуть было не осталась с ним.

Скорее всего, осталась бы, если бы не вошедший Ландерстерг, который в упор посмотрел на него.

После этого он вздрогнул и замолчал.

Не знаю, какие драконьи вибрации Ландерстерг вкладывал в этот взгляд, но малыш отполз на кровать, свернулся там клубком и принялся тяжело вздыхать.

— Я вернусь, — пообещала я, усаживаясь рядом с ним. — Я обязательно вернусь, слышишь?

— Все он слышит, — дракон кивнул. — Хватить с ним сюсюкать. Лаура, иначе в туалет выйти не сможешь. Помнишь, как он кричал вчера?

Я кивнула.

— Согласись, этот истеричный писк совершенно не похож на вчерашнее.

Не согласиться было нельзя, поэтому я чмокнула дракоребенка между ушей и поднялась.

— Он что, понимает? Что я вернусь? Чувствует? Или как?

— Драконы очень умны, Лаура. Именно поэтому он сейчас изображает обиженного.

«Обиженный» продолжал тяжело вздыхать, ко вздохам присоединилось попискивание, особенно когда я сделала пару шагов от кровати. После чего Ландерстерг приблизился к нему и что-то сказал, еле слышно. Чешуйки встали дыбом, вздохи прекратились, писк тоже.

— Что ты ему сказал? — спросила я, то и дело оглядываясь, когда меня чуть ли не силой тащили к двери.

— Что оторву ему хвост и скормлю наблам.

— Что?!

— Лаура! — Ландерстерг внимательно на меня посмотрел. — Он сейчас тебя испытывает. Проверяет на прочность. Насколько ты готова сидеть рядом с ним дни и ночи. Если ты хочешь ему помочь, иногда нужно проявлять жесткость.

— Ты правда сказал, что оторвешь ему хвост?!

Дракон закатил паза. Точнее, если бы Ландерстерг закатывал глаза, это выглядело бы именно так, когда он на миг замирает, глядя куда-то в пространство.

— Драконы чувствуют интонации. Отношение. Они чувствуют тебя. Вчера ты уходила, ты с ним по-настоящему прощалась, и он это чувствовал. Сегодня ты знаешь, что вернешься, и он тоже знает. Я всего лишь тактично ему намекнул, что при мне лучше не показывать характер.

— Но что ты все-таки сказал?

— Тихо.

Он сказал «тихо», и у драконенка все чешуйки встали дыбом?!

Впрочем, у меня тоже от некоторых его фраз волосы дыбам встают, так что удивляться не стоит.

В коридоре нас встречал мергхандар, на которого мы оставили драконенка, а потом направились к телепорту. Вчера вечером я мало на что обращала внимание, но сейчас заметила, что резиденция совершенно нежилая. Об этом говорила и запакованная мебель (не факт, что не новая) в коридорах-переходах, и пустые стены, и холод, исходящий от них.

Я хотела спросить, почему так, но не стала: взгляд Ландерстерга был устремлен в пространство, а если быть точной, скорее — сквозь пространство, словно он стремился оказаться как можно дальше отсюда, поэтому я молчала до той минуты, пока мы не вышли по другую сторону открытого специально для нас ВИП-перехода.

— Что мы будем делать дальше? — спросила я, стоило нам оказаться за дверями телепортационного зала, в просторной комнате ожидания.

— Жду ваших комментариев по поводу расписания, — сообщили мне. — Хорошего дня, Лаура.

И... в общем, все. Меня к Эльде отвозил Хестор, Ландерстерга забирал другой водитель и сопровождало классическое сопровождение. С тех пор, как я отправила сообщение о том, когда и где мне нужно быть в ближайшие несколько дней, мы с ним больше не общались. Точнее, я понимала, что ему некогда и мне некогда, но вот как вообще понять этого мужчину?

Мы даже завтракали отдельно: он — разговаривая с кем-то по смартфону, по-прежнему рядом с бассейном (если завтраком можно назвать чашку кофе), я — у себя в комнате, с малышом, который так и норовил попробовать мою еду, а когда я отправляла его к своей, дико обижался.

— И в какую же сторону склоняется успех? — заметил отец возвращая меня в реальность.

— В хорошую, — ответила я.

— Чему я несказанно рад.

По квартире разнесся звонок: за нами должен был приехать Хестор, но когда мы с отцом вышли из кабинета, помимо водителя, уже забирающего сумки, в холле обнаружилась высокая, темноволосая женщина.

— Мильда Хайц, — представилась она раньше, чем я успела что-то сказать. — Пресс-секретарь ферна Ландерстерга. Ферн Хэдфенгер, где мы можем поговорить с вашей дочерью?

Ладно, я сделаю вид, что не услышала, как будто Мильда Хайц говорила обо мне в третьем лице. И с таким видом, словно меня тут нет.

— Мой кабинет к вашим услугам, — произносит отец. — Я вас провожу.

— Спасибо, папа, я справлюсь сама, — отвечаю я и указываю в сторону, откуда мы только что пришли. — Ферна Хайц.

Она даже сейчас проходит мимо меня, как будто я говорящий столб, но если честно, меня давно перестало занимать, почему меня воспринимают как говорящий столб. Главное — донести нужную информацию, а заморачиваться по поводу и без — это не мое.

— Ферн Ландерстерг поставил вас в известность, что вам придется провести одну-две встречи с журналистами? В зависимости оттого, как сложатся обстоятельства.

— Поставил. — Я устраиваюсь в кресле отца, хотя раньше никогда себе такого не позволяла. — Прощу, ферна Хайц. Садитесь, я сегодня и так весь день на ногах.

Ферна Хайц достает планшет, устраиваясь напротив меня. У нее длинные волосы, стянутые за спиной в не менее длинный хвост. Очевидно, вьющиеся, потому что несмотря на идеально прямую длину, на виске крохотный завиток. Едва различимый, но его тугая пружинка подчеркивает высокие скулы и полные чувственные губы. Пресс-секретарь то ли недавно вернулась из жарких стран, то ли у нее просто смуглая кожа.

То ли у Ландерстерга вкус на высоких смуглокожих брюнеток.

Эту мысль я пинком отправляю в фоновый шум и улыбаюсь:

— Итак, журналисты.

— Журналисты, — подчеркивает она. — Ситуация, в которой вы оказались, весьма неоднозначная. Именно поэтому приглашены ваши близкие, и комментарии с нашей стороны будут такими: вы оказались рядом, когда погибла мать драконенка, и вы были первой, чей запах он уловил. Он воспринимает вас как близкое существо, и вам необходимо находиться рядом, потому что иначе он отказывается принимать пищу.

Ну что я могу сказать? Ни слова неправды. Она пересказала мне все то, что я и так знала.

— По поводу вашего интервью. У вас будут спрашивать о том, как так получилось, что вы оказались в пустоши. Возможно, последует несколько вопросов о ваших отношениях с ферном Ландерстергом. — У нее дернулись ноздри, как будто она принюхивалась к запаху в кабинете отца. Учítывая, что он не терпел сторонних запахов, и даже не использовал туалетную воду, пахло здесь исключительно свежестью. — Мне нужно понимать, что вы готовы ответить, потому что акцентировать внимание журналистов и запрещать им задавать подобные вопросы — значит, привлекать к теме всеобщее внимание.

Она постучала костями по стопу и бросила взгляд на планшет.

— Итак?

— Это ваша личная инициатива? — спросила я.

Пресс-секретарь подняла голову:

— Простите?

— Это ваша личная инициатива — уточнить, что мне отвечать по поводу наших отношений с ферном Ландерстергом? — терпеливо переспросила я.

Уголок ее губ дернулся.

— С чего такой вывод?

— С того, что когда мы говорили с ферном Ландерстергом, речь шла исключительно о нашей позиции в отношении драконенка.

— Вы же понимаете, что эта ситуация провоцирует много лишних вопросов? — Она посмотрела на меня, прищурившись. — И от того, как вы на них ответите, зависит ваша репутация? А следовательно, репутация ферна Ландерстерга?

Мне захотелось кинуть в нее подставкой под планшет и перо, на которой красовался глобус. Можно просто глобусом, он маленький.

— Я не сделала ровным счетом ничего, чтобы испортить репутацию ферна Ландерстерга.

— Ваши показательные выступления на катке не считаются?

Что я там говорила про глобус? Лучше сразу подставкой, планшетом, пером и глобусом.

— А вот это, — сказала я, — совершенно не касается вас, ферна Хайу. Эту ситуацию мы

обсудили с ферном Ландерстергом в личном порядке.

Я сделала упор на слово личном.

— Поэтому если не возражаете, давайте вернемся к вопросу драконенка и моего проживания в загородной резиденции ферна Ландерстерга. Как вы правильно упомянули, в сопровождении моих близких.

Пресс-секретаря слегка перекосило. Не исключая, что у нее просто зачесалось в носу, на лицом она владела отлично, поэтому мы продолжили практически сразу. Первое интервью должно было состояться завтра, на нем нам предстояло позировать с драконенком. Основной упор в нем делался на то, что мы спокойно сосуществуем вместе, и что он не представляет для меня никакой угрозы. Список вопросов пока утверждался, но главным была именно моя безопасность и спасение звереныша, оставшегося без матери.

Второе должно было состояться уже после экзамена, и было пока под вопросом. На нем предполагалось осветить тему прецедента, когда драконенок признал матерью (или вроде того — последнее она сухо прохрустела словами) человека, то есть самую обычную женщину. Этот феномен заинтересовал многих, но дело было не только в этом. Предполагалось разобрать возможность самого существования людей рядом с драконами.

Зато теперь становилось понятно, почему второе интервью было под вопросом — слишком провокационное и слишком не для Ландерстерга. Насколько я поняла, его позиция по поводу щитов была крепче многовековых скал.

Обсудив все детали и сообщив, что уточненный список вопросов мне скинут ближе к вечеру, а перед интервью со мной проговорят ответ на каждый, ферна Хайу покинула кабинет.

Я же еще несколько минут посидела, глядя на глобус, а потом последовала за ней. Провожать мне ее не хотелось, и пусть это было десять раз невежливо, я свой лимит вежливости на сегодня уже исчерпала. Равно как исчерпала желание думать о том, что вопросы и все, что она мне сказала, можно было бы обсудить лично и наедине.

Но мы же Дракон номер один, зачем заморачиваться такой ерундой.

Лучше прислать очередную длинноногую брюнетку, у которой при виде меня начинается зубовой скрежет.

Какая мне разница!

— Лаура, мы готовы, — сообщила Ингрид, когда я вышла в холл. — Ты почему не вышла проводить ферну Хайу?

— Она очень спешила, — я кивнула. — Сейчас поднимусь за Гринни, и можем лететь.

Гринни запрыгнула мне на руки, стоило мне опуститься рядом с ней на корточки. Заурчала, тихонечко, напоминая мне о том, кто ждал в загородной резиденции.

— Познакомлю тебя кое с кем, — пообещала я.

— Вирр?

— Все, пойдем. И не вертись, а то посажу на поводок.

Вертеться Гринни не перестала, но поводок во флайсе точно будет лишний. По-хорошему, стоило бы посадить ее в переноску, но я решила, что совсем крахе спокойнее будет у меня на руках.

Крохе может и было.

— Лаура, почему без переноски?! — возмутилась Ингрид, когда мы спустились.

— Она совсем маленькая. Ей будет страшно лететь на такой высоте в пластиковой коробке.

— Как-то же она сюда долетела!

— Тогда у нее не было меня.

— Ну, ну, девочки, — улынулся отец а потом обнял сначала меня, потом Ингрид. — Не ссорьтесь по пустякам. На выходных я вас обязательно навещу.

— Я, между прочим, и так терплю невероятные неудобства! — воскликнула Ингрид. — Уехать из города, когда у меня столько дел! Еще не решен вопрос с нарядами...

— Мама, ну хватит! — не выдержала уже Сильви, которой явно не терпелось пуститься в путь. — Пойдем скорее, нас Хестор ждет!

В итоге мы всей компанией все-таки выгрузились на парковку. Ингрид, разумеется, заняла место рядом с Хестором, прижимая к носу сипроновый платочек, чтобы у нее не обострилась аллергия. Все заявления водителя о том, что воздух в этом флайсе проходит пятиуровневую систему очистки, ее не убедили.

Что касается нас с Сильви и Гринни, мы устроились на заднем сиденье.

Я смотрела на удаляющуюся фигуру отца, который стоял на парковке, и думала о том, как стремительно меняется моя жизнь.

И еще немножечко о том, что Ландерстерг так ничего мне и не написал.

Глава 19

— О-о-о-о, какая красота! — выдыхает Сильви, когда мы оказываемся в холле загородной резиденции.

Вчера я была настолько уставшая, что почти ничего не замечала. А может быть, вчера было просто нечего замечать? Сегодня холл не выглядит так, будто это место использовали как музей: неяркий свет вмонтированных в стену бра втекает в золотые нити, подчеркивающие грани напольной плитки. На стенах — картины, одна из них — Бельвенхартская пустошь, славящаяся своими красотами. Или, точнее, тем, что она в общем-то давно не пустошь.

Все дело в расположении города — он находится на возвышении, поэтому щиты там изначально растекались значительно дальше, чем в остальных городах. Но дело даже не столько в щитах, из-за этого расположения даже до изобретения современной защиты границы города максимально отодвигали за горы, поскольку для драконов возвышенность всегда представляет интерес.

В итоге окрестности Бельвенхарта — это роскошь хвойных лесов в долине и на склонах первого и единственного в мире горнолыжного курорта, куда все мечтают попасть. Вот только попасть туда можно, бронируя места за пару лет. И стоят эти места столько...

— Ферна Хэдфенгер. Ферна Хэдфенгер. Ферна Хэдфенгер.

Мужчине в униформе дворецкого приходится несколько раз повторить это, чтобы я отлипла от созерцания красоты, которую художник передал настолько, что я почти оказалась на склоне, летела вместе с лыжником по трассе, оставляя за спиной огни туристических домиков.

И только спустя еще несколько мгновений до меня дошло, что нас трое, и все мы тут ферны Хэдфенгер.

— Меня зовут Тиус. Я к вашим услугам, — произнес он, и от стены тут же отделились его помощники, подхватившие наши вещи. — Вас проводят в ваши комнаты. Ферна Хэдфенгер...

Последнее уже было ко мне, поэтому я тут же улыбнулась:

— Можно просто Лаура.

— Лаура, ферн Ландерстерг просил передать, что в вашей комнате установлена новейшая система безопасности. Она реагирует на ментальный и эмоциональный фон животного, и в случае опасности, в вашей комнате тут же появятся мергхандары. По той же причине рядом с вашей дверью будут дежурить, на браслеты вашей охраны в случае опасности незамедлительно придет сигнал.

Я кивнула, хотя переваривать информацию продолжала, еще когда поднималась по лестнице. Поразительно, сколько всего можно сделать в такой огромной домине за день. Тепло и свет растекались отовсюду, капсула лифта, которая вчера не функционировала, сейчас сразу же подкинула нас на четвертый этаж.

— Перила из дерева, мам! — прошептала Сильви, когда мы спустились с небольшой площадки перед лифтами в холл, но Ингрид так на нее шикнула, что даже Гринни прижала уши.

Сестра притихла, хотя глаза у нее по-прежнему восторженно сияли. Они сияли у нее и когда мы шли через ВИП-телепорт, и когда нам в зале ожидания предложили еду и напитки, и когда мы вышли в личном телепортационном зале резиденции.

— Ваши комнаты. Ферна Хэдфенгер. Ферна Хэдфенгер. Лаура.

Если бы Тиус не сказал, я бы вряд ли признала коридор, в котором оказалась. Светильники, изгибающиеся шипастыми драконьими шеями, рассыпали холодный свет. Картины здесь тоже наличествовали, но ни одна из них не привлекла моего внимания так, как та, в холле. А вот мимо своей двери я бы не проскочила, потому что перед ней

по стойке смирно вытянулись мергхандары.

— Ужин подадут вам в комнаты, столовая еще не готова, — произнес Тиус. — Что касается прочих вопросов, обращайтесь напрямую ко мне. В каждой комнате есть встроенные панели внутренней связи, мой номер два.

Догадываюсь, чей внутренний номер один.

— Если что-то понадобится, я всегда к вашим услугам. Вы можете обращаться ко мне в любое время дня и ночи. Как только резиденция будет полностью готова, это произойдет в течение одного-двух дней, я проведу для вас экскурсию.

— Вот это я понимаю, сервис, — выдохнула Сильви, когда дворецкий пожелал нам прекрасного вечера и ушел. Под взглядом матери стушевалась, но тут же уперла руки в бока и добавила: — Нет, ну а что? Круто же!

Ингрид возвела глаза к потолку и, понизив голос, сказала:

— Сильви, я буду тебе очень благодарна, если ты не станешь вести как подземный человек. В конце концов, ты дочь Юргарна Хэдфенгера, и в нашем доме тоже есть деревянная мебель.

— Но не перила, — заметила Сильви.

— Да, — пробормотала Ингрид скрываясь в свей комнате. — Надо будет заменить.

На сей раз глаза закатила сестра.

— Я к тебе загляну на ужин?

— Я буду рада. Только у меня драконенок, — напомнила я.

— А... о. Ну посмотрим, — пробормотала сестра и тоже ретировалась к себе — ахать и восхищаться дальше.

Я же шагнула в сторону своей двери.

— Добрый вечер, — поздоровалась с мергхандарами.

В ответ получила два синхронных кивка и шагнула за дверь.

То, что меня очень рады видеть, поняла еще когда услышала скрежет коготков. Из-за двери, которой я вчера даже не заметила, вылетело белое чудо, растопырив все свои чешуйки. В этот момент руку обожгло болью, а шипение-урчание перекрыло даже мой вскрик. Драконенок раздулся раза в два, хвост воинственно взметнулся в воздух а Гринни со звериным кличем перепрыгнула сначала мне на плечо. А потом на голову.

Как раз в то время, когда в мою комнату влетели мергхандары.

— Кажется, у них неконтакт, — сказала я, чувствуя, как Гринни дрожит всем телом. — Эй! Ну тихо, тихо. Вы чего?

Драконенок нападать явно не собирался, а вот Гринни явно решила устроить из моей прически оборонные позиции, поэтому когда один из мергхандаров ее снял (по ощущениям — с половиной моих волос), разразилась истерическим визгом.

— Отдайте, — попросила я, протягивая к ней руки. И добавила уже чуть жестче: — Отдайте!

Ослушаться повторно меня не посмели, и виари снова перекочевала ко мне на руки. Хотя и продолжала утробно рычать, пока я шла к драконенку. Так. что у меня ворсинки в желудке дыбом вставали — ничего себе, милый длинношерстный тэльс!

— Так у нас дела не пойдут, — строго сказала я. — Будем знакомиться. И дружить.

Виари вздыбила шерсть, когда я остановилась рядом с драконенком и свободной рукой осторожно погладила его между ушей. Потом положила руку на нос, и чешуйки начали

медленно опускаться.

— Ну вот. А теперь ты?

Гринни продолжала урчать, правда, уже тише. Я осторожно развернулась вместе с ней к спасенному чуду и присела на корточки.

— Он совсем не страшный. Ну же. Смотри.

— Ферна Хэдфенгер. — Голос мергхандара прозвучал надо мной так неожиданно, что я чуть не подпрыгнула.

— А можно было ко мне не подкрадываться?! — спросила я.

— У вас кровь.

— Что?!

— У вас кровь. Вам нужен врач.

Я проследила его взгляд и увидела, что рукав блузки, который приказал долго жить, стремительно пропитывается кровью. Драконенок заволновался, заурчал а Гринни дала деру и с разбегу залезла под кровать.

— Головой отвечаете, — сказала я. — За то, чтобы никто никого не съел.

А потом совершила большую ошибку: поднялась и отодвинула разорванный край ткани. Чтобы увидеть такой же разорванный край кожи.

В себя пришла уже от того, что рядом со мной суетится врач, а один из мергхандаров с нечитаемым выражением лица, очень гармонично сочетающимся с цветом халата врача (что-то среднее между белоснежным и светло-голубым), стоял, заложив руки за спину.

Я даже не успела поинтересоваться, что произошло, когда дверь распахнулась, и в медицинский кабинет шагнул Дракон номер один.

Мергхандар вытянулся в струну, врач обернулся, а я моргнула. Учитывая, что рука у меня не болела от слова совсем, подозреваю, что во мне было много обезболивающего.

— Что. Здесь. Произошло?

Вопрос был адресован преимущественно к мергхандару, на которого бросили один короткий взгляд.

— Виари испугалась встречи с драконом.

— И вы ей позволили туда войти с виари?

— Я думал, это с вашего разрешения...

— Еще раз: вы позволили ей туда войти с виари? — Ландерстерг оторвал взгляд от моего лица только затем, чтобы посмотреть на мергхандара.

— Да.

— Отстранены.

Я моргнула второй раз.

— Они не виноваты.

Я дернула рукой, и врач сам побелоголубел до цвета своего халата.

— Ферна Хэдфенгер!

— Потому что я сама вошла. — Не обратив внимания на попытку поймать мою руку, я приподнялась, и тут же стекла обратно в кресло.

— С тобой, Лаура, я поговорю отдельно, — рыкнул дракон.

И перевел взгляд на врача. Тот тоже вытянулся в струнку.

— Ферн Ландерстерг, я наложил швы. Сделал обезболивающее, противовоспалительное, пролонгированный антибиотик. Обработал царапины на голове. Сейчас установим регенератор, к утру не останется и следа.

Ферн Ландерстерг обошел его и взглянул на мою руку. Я решила тоже посмотреть и поняла, что зря: хотя швы и были очень аккуратные, меня опять замутило и голова закружилась. Потому что края раны под этими швами были еще совсем свеженькие.

— Устанавливайте, — коротко разрешил он.

— Я сказала, что вы мне разрешили! — использовала последний аргумент в защиту сероголубого мергхандара.

Дракон повернулся ко мне.

— А вот врать ты совершенно не умеешь.

— Так я и не вру. — Я кристально честно посмотрела ему в глаза.

— Свободны.

Последнее относилось к мергхандару, который сливался со стенкой. Он вышел раньше, чем я успела вздохнуть.

— Нельзя же так!

— Замолчи.

Это «замолчи» ударило сильнее, чем могло бы ударить пламя. Я отвернулась и действительно замолчала, разглядывая прибор, который врач накладывал мне на руку. Напоминало рукав, который раскладывался на две части, вот на две части его и разложили. Потом осторожно устроили мою руку внутри, закрыли и указали на панель.

— Вы можете купаться, ферна Хэдфенгер, корпус герметичный и водонепроницаемый. Здесь будет отображаться прогресс регенерации. Я говорил про утро, но из-за особенностей вашего организма это может произойти чуть раньше или чуть позже.

Надеюсь, что чуть раньше. Потому что иначе я не попадаю на тренировку!

— Так же здесь будет отображаться ваш пульс, давление и частота дыхания, — заключил врач и метнулся к столу с планшетом. — Сейчас мы запустим, и все увидите сами.

Он что-то там открыл, потом что-то нажал, и на панели действительно возникла шкала. Красная, она показывала самый высокий уровень повреждения и сообщала, что до завершения регенерации осталось двадцать пять часов. Кожу начало слегка пощипывать: едва уловимо.

— Та-ак, — Врач снова подбежал ко мне. — Все отлично. Все работает.

— Двадцать пять часов?!

— На время посмотрите через час, пока что он оценивает повреждения и рассчитывает сложность работы.

Я вздохнула.

— Все! Вы свободны. — Врач сообщил это так торжественно и так счастливо, как будто ему не терпелось от меня избавиться. — Кровь мы остановили сразу, кровопотери у вас нет, так что завтра будете как новенькая.

— Благодарю. Лаура, — Мне протянули руку.

— Ферне Хэдфенгер лучше вставать осторожно...

Договорить врач не успел, потому что меня подняли на руки. Я бы сказала, подхватили — вжик, и я уже в драконьих лапах.

— Благодарю! — успела только сказать, когда меня вынесли из кабинета.

— Когда шкала станет зеленой и останется ноль минут, регенератор раскроется сам! — донеслось до меня.

Потом дверь медицинского кабинета захлопнулась. Мы прошли сквозь приемную, или что это такое было — с самым обычным столом, вмонтированной в него лампой и стеллажами за высоким креслом, и оказались в коридоре. Как выяснилось, когда все-таки свернули к лифтам, все там же. В загородкой резиденции.

— Тебе повезло, что успели оборудовать медицинский кабинет, — прорычал Ландерстерг. — Как ты вообще додумалась зайти к дракону с виари?

Я не ответила. Мне же сказали молчать, вот я и молчу. Хотя в сложившихся обстоятельствах предпочла бы еще идти сама, но дракон не шел, а летел, вряд ли я бы за ним успела. А спрыгивать с драконов на полном ходу — костей не соберешь.

— Так и будешь молчать?

Буду!

— Чем ты вообще думала?! — Последнее прозвучало очень рычаще, очень громко и очень оскорбительно.

— Не рычи на меня! — рявкнула я.

В ответ меня наградили таким взглядом, что чуть не размазали ровным слоем по серебристо-стальному пиджаку.

— И не смотри на меня так! Я тебе не твой мергхандар!

Ландерстерг прищурился.

— В мергхандарак ты бы долго не проходила.

— Да у тебя, я смотрю, никто тут не задерживается.

Он шагнул в лифт с такой скоростью, что мои волосы полетели как развевающийся плащ.

— Сегодня они пропустили тебя с виари к дракону, — отчеканил он, когда дверцы лифта захлопнулись, — а завтра пропустят надвигающийся налет.

— Люди имеют право на ошибки!

— Мергхандары нет.

— Скажешь, ты сам никогда не ошибался?!

— За последние несколько лет — нет. Тот день, когда я ошибусь, станет концом моей карьеры. И это будет правильно.

У-у-у, морозильник драконоподобный!

— Ну а я ошибаюсь, — сказала я. — И мне, такой несовершенной, рядом с таким совершенством места нет. Поставь меня на пол! Поставь, я сказала!

— Не смей повышать на меня голос, Лаура.

— То есть тебе можно, а мне нельзя?

— Да.

От такого заявления во мне кончились приличные слова. Стукнуть его регенератором, что ли? Внутри мягкий и теплый, снаружи он напоминал стальной корсет. Интересно,

если треснуть металлом по металлу, звон пойдет, или как?

Выяснить это мне не удалось, потому что двери лифта открылись, и к нам чуть ли не со всех ног бросились Ингрид и Сильви. Правда, заметив меня на руках Ландерстерга, одновременно остановились. Почти. Ингрид все-таки раньше: именно она перехватила дочь, которая чуть не улетела вперед.

— Ферн Ландерстерг! Как наша Лаура? — горячо воскликнула Ингрид. — Мы так волновались...

— Потом.

Как этот маневрирующий айсберг умудрился обогнуть кордон сестра-мачеха, мне понять не удалось, зато в следующий миг мы уже оказались у моей двери. Спустя мгновение — за ней, отрезавшей нас от коридора.

Внутри сидели трое. Драконенок. Рядом с ним — Гринни. И чуть в стороне мергхандар. Правда, мергхандар не сидел, а стоял, но это детали.

— Они вполне адекватно себя ведут, — произнес он. — Сейчас...

— Свободны.

Дважды ему повторять не пришлось. Коротко кивнув, военный вышел, а меня сгрузили на кровать. После чего звери синхронно развернулись ко мне.

И самый главный с таким лицом, что мне захотелось отползти к спинке кровати и стечь за нее.

— Значит так, Лаура. С этой минуты...

— Значит так, ферн Ландерстерг! — Голос у меня дрожал, но вовсе не потому, что я тут его бояться собралась. — Командовать мной вы не будете. И разговаривать со мной командным голосом — тоже! Я устала, мне было больно, и меня накололи лекарствами. Поэтому если собираетесь продолжать в том же духе — лучше просто уйдите. А если все-таки умеешь говорить нормально, оставайся. Поговорим.

На этом во мне кончились слова, воздух и смелость.

Особенно когда в глазах дракона опять полыхнуло ледяное пламя, а драконенок с Гринни прижались к полу и одновременно жалобно пискнули. Ландерстерг шагнул ко мне, я попыталась все-таки нырнуть к спинке, но не рассчитала, и чуть не скатилась с кровати. Чуть — потому что меня поймали, сгребли в охапку. Я цапнула подушку, готовая защищаться... здоровой рукой, потому что больную очень мягко подхватили, чтобы осторожно прижать меня к груди.

А потом как же мягко коснуться губами волос.

Э-э-это что только что было?

— Это ты меня сейчас поцеловал? — уточнила я.

— А ты как думаешь? Смею заметить, я остался и больше не рычу. Где твоя благодарность?

Мне пришлось часто-часто моргать, потому что к губам добавилась ладонь, и она... то есть он, который старший дракон, пропустил прядь моих волос между пальцами и скользнул ими по скуле.

— И что ты подразумеваешь под благодарностью? — вернув себе способность говорить, уточнила я.

— На твое усмотрение.

Я запрокинула голову, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Завтра я уеду, — сказал Ландерстерг. — В Аронгару. Встреча Мирового сообщества в

этом году проходит там.

— А, — многозначительно произнесла я.

— По-хорошему, я уже должен там быть.

— То есть ты приехал из-за моей руки?

— Из-за тебя. Не хотел уезжать, не повидавшись с тобой.

Я почему-то почувствовала себя странно. То есть я тут весь день думала, почему он молчит, а у него встреча Мирового сообщества иртханов, на которую он не особо торопится из-за меня? Все это отказывалось укладываться в голове. Или у меня была слишком маленькая голова.

— А я весь день думала, почему ты мне не пишешь.

Или во мне слишком много обезболивающего.

Ландерстерг усмехнулся:

— Я не пишу сообщения.

— Вообще?

— Вообще. Это отнимает слишком много времени.

— А мне написал.

— Неужели?

— Да. Голосовое правда. «Хестор в твоём полном распоряжении». Помнишь?

Он неожиданно улыбается. Не так, как я привыкла видеть, уголками губ, а вообще. Это когда улыбка зажигает глаза, и льётся сквозь взгляд.

— Ты точно хорошо помнишь историю нашего знакомства, Лаура.

Договорить мне не позволяют, склоняясь и касаясь губами губ, как раз в тот момент, когда раздаётся стук в дверь. Ландерстерг поднимается, я собираюсь тоже, но на меня смотрят так, что сразу понятно: кровать покидать не стоит. Как вариант, можно притвориться бревном.

За дверью, когда дракон её открывает, оказывается горничная с аэротележкой. Она принесла еду, и судя по запахам, еду просто умопомрачительную. Виари с драконенком, до этого глазающие на меня, переключаются на тележку. В их глазах столько тоски, что кажется, будто их не кормили с рождения.

— Глория, благодарю. Пусть Тиус пришлет охрану снизу. Надо забрать зверей.

Девушка в синем форменном платье кивает и тут же испаряется.

— Как забрать? — спрашиваю я. — Куда?

— На прогулку. — Ландерстерг смотрит на меня. — Я думал, что мы их выведем вместе после ужина, но тебе сейчас лучше лежать.

— Да ла... — Я приподнимаюсь достаточно резво и понимаю, что да, лучше лежать. — Хорошо.

— Почему ты никогда не делаешь то, о чем тебя просят, — Ландерстерг сдвигает брови.

— Почему не делаю?! Я лежу!

— А до этого что ты пыталась сделать? — снова почти рычит он. Правда, потом говорит уже нормально: — Пока меня не будет, постарайся сохранить руки, ноги, а в особенности голову, Лаура.

— А если не получится?

Это точно обезболивающее. Мне явно нравится его дразнить.

— А если не получится, я вернусь, и мы поговорим серьезно.

Вот вроде ничего страшного не сказал, а волосы уже дыбом по всему телу. И драконенок с виари опять прижимают уши.

— Сложно будет говорить, если я лишусь головы.

— По-твоему, это смешно?

— Ну... да. Представила, как ты будешь говорить с безголовой мной.

Ландерстерг делает шаг к кровати, но дверь снова открывается и входит мергхандар, которого я видела в холле, когда мы только приехали.

— Этих на прогулку. Часа на два. Проследи, чтобы они как следует побегали.

Драконенок явно недоволен таким положением дел, но свое недовольство высказывать не решается. Их забирают вдвоем с виари, которая напоследок оглядывается на меня и грустно вздыхает, словно извиняется. Мне хочется ей сказать, что я не в обиде, но вряд ли Гринни меня поймет.

Ладно, устроим коллективные обнимашки, когда они вернутся с прогулки.

— Торн, — говорю я уже серьезно, когда верх аэротележки (он же портативный столик) переезжает на кровать, а я все-таки сажусь, повыше подтянув подушки.

— Что будет с мергхандарами?

— Они отстранены от службы.

— Насколько?

— Навсегда.

— Что?! — Я широко распахиваю глаза.

— Я уже объяснил свою позицию, Лаура. Этот вопрос больше не обсуждается, — он произносит это даже не резко, но сразу понятно, что продолжения не подразумевается.

Только не для меня.

— Я сама виновата. Надо было подумать, что...

— Лаура.

— Торн.

Наши гляделки продолжают с переменным успехом... ну ладно, никаких перемен там нет.

— Я считаю, что это слишком жестоко.

— Я так не считаю. Ешь.

Я открываю было рот, но под взглядом Ландерстерга ожесточенно пихаю туда кусочек булки и принимаюсь так же ожесточенно жевать. Дракон совершенно спокойно садится рядом со мной, как будто только что не заткнул мне рот (образно говоря, разумеется, но дела это не меняет), и поднимает крышку, под которой горячее блюдо. Салаты уже разложены порционно, а это приходится разделять, чем Ландерстерг и занимается. Заодно и тем, что режет мою часть на куски, и только после этого принимается за еду.

— Что-то не так? — спрашивает, когда я отодвигаю тарелку.

— Я не голодна.

— Тебя покормить?

И ведь покормит же! Я хватаю вилку здоровой рукой раньше, чем он до нее дотянется, и начинаю есть.

— Не стоит оспаривать мои решения, Лаура, — произносит дракон.

— А я разве оспариваю? — пожимаю плечами. — Просто мне кажется, что сострадание — неотъемлемая часть того, кто находится у власти.

— Сострадание, которое не приводит к жертвам. Они допустили то, что случилось.

— А что случилось? — Я поднимаю руку. — Все живы.

— Ты пострадала.

— Я не хочу, чтобы кто-то пострадал из-за меня! Мне из-за этого кусок в горло не лезет. — Я говорю быстро, стараясь выразить все, что чувствую. — Я знаю, что они военнообязанные, и что они — возможно — допустили прокол, когда впустили меня с виари к драконенку. Но это была случайность, и я... никто из нас не застрахован от ошибок. Я знаю твою позицию, и знаю, что ты считаешь, что они могут свою ошибку повторить. Но Торн, разве будет лучше, если ты их сейчас отстранишь? Они же военные. Это их карьера. Как твоя, и... да я бы с ума сошла, если бы не могла кататься. Слушай, возможно ты прав, что их нужно отстранить, но может быть, не навсегда? Второй шанс, он должен быть у всех. Если ты понимаешь, о чем я. Ты же понимаешь?

На этот раз я долго смотрела ему в паза.

Очень долго, но он молчал.

— Пожалуйста, — сказала я. — Обещай, что хотя бы подумаешь. Проста что ты подумаешь. Ладно? Да возвращения из Аронгары. Клянусь, я больше не вернусь к этому вопросу, и ни слова не скажу, если твое решение останется прежним. Просто...

— Нет.

Это прозвучало так резко, что я осеклась. А потом уткнулась в тарелку и до самого конца ужина больше не сказала ни слова.

— Так и будешь молчать, Лаура? — он произнес это, как только за горничной, забиравшей аэротележку, закрылась дверь.

— Я уже сказала все, что хотела.

— Замечательно. — Тон Ландерстерга мгновенно стал градусов на десять холоднее, однозначно намекая на то, что ничего замечательного тут нет.

Я пожала плечами и поднялась: в конце концов, мне надо было принять душ и переодеться — на мне все еще была та самая блузка, от которой, как выяснилось, врач откромсал рукав. В общем, блузку на выброс, а мне в душ. И я ведь почти туда ушла, когда в спину ударило резкое:

— Ведешь себя, как маленькая избалованная девочка. Что?! Вот тут уже я обернулась.

— В чем именно проявляется мое детство? — уточнила я, складывая руки на груди, что с регенератором сделать было достаточно проблематично. Но мне удалось. — В том, что не желаю соглашаться с твоими драконовскими методами воздействия на подчиненных? Или в том, что не желаю с тобой говорить, потому что устала?

— Еще полчаса назад уставшей ты не была.

— Еще полчаса назад у нас был диалог, а не единолично принятое решение.

— Именно в этом твое детства и проявляется. Я отвечаю за страну, и я вижу, когда оказавшиеся в высших рядах сотрудники злоупотребляют своими полномочиями, или попросту их игнорируют. Да, в моей власти принимать решения единолично, потому что за мной право последнего слова даже на заседаниях. И я никогда. Ни с кем. Не говорил

так, как сейчас с тобой. Никогда никому ничего не объяснял, Лаура. Потому что не считал нужным.

Последнее он произнес, чеканя каждое слово.

— Ну а мне, следует думать, сейчас выпала великая честь? — поинтересовалась я. — Что касается власти, то ты ей отлично пользуешься. Как в случае с харргалахт, так и сейчас. С парнями, которые по сути просто совершили ошибку.

— Мои близкие погибли из-за такой ошибки. Охрана отвлеклась на просьбу курьера. — Ландерстерг взглянул на меня, и в глубине его глаз вместо ледяного пламени я увидела нечто такое, что выстуживало гораздо сильнее всей его драконьей мощи. — Этой доставки не должно было быть, и они это прекрасно знали, на все равно отвлеклись на просьбу проверить информацию, потому что это важно и срочно. Через несколько минут они все были мертвы. И охрана, и моя семья.

Ландерстерг шагнул к двери, а я поняла, что рта не могу раскрыть. Но даже если бы и могла — что тут скажешь? Поэтому я подскочила на кровати и бросилась за ним. Он только успел обернуться, когда я обхватила его руками и обняла.

— Прости меня, — еле слышно выдохнула в лацкан пиджака.

А потом запрокинула голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Чтобы хоть как-то заставить шевельнуться, потому что плечи под моими руками были просто каменными. Приподнявшись на носочки, коснулась губами губ, зарываясь пальцами здоровой руки в густые жесткие волосы.

— Останься, — попросила тихо. — Пожалуйста, останься со мной.

На миг мне показалось, что мышцы под ладонями стали еще тверже, после чего уже его руки легли на мои плечи. Сильные, жесткие ладони скользнули по моей шее и выше, пальцы погладили щеки.

— Эту резиденцию отец строил для матери. У него ушло несколько лет, чтобы получить разрешение на строительство в пустоши, и в том году к праздничной ночи мы должны были собраться здесь всей семьей. Я тогда думал, что это тоска. Меньше всего мне хотелось проводить эту ночь вдалеке от города и от друзей с ними. Можно сказать, мое желание исполнилось. Из города я не уехал.

Я покачала головой.

— Ты не обязан мне этого говорить.

— Не обязан. — Он скользнул ладонями вниз, освобождая мое лицо. — Проблема в том, что рядом с тобой я действительно говорю то, о чем не говорил никогда.

— Разве это проблема?

— Ты собиралась в душ, Лаура, — Ландерстерг кивнул в сторону ванной.

— Душ подождет.

— Не подождет. У тебя действительно был долгий день, ты устала.

— Так не терпится от меня избавиться? — Я чуть приподняла брови.

— Ты не представляешь, о чем говоришь, — хрипло сказал он.

Так хрипло и так низко, что эти слова отозвались внутри меня, как животный призыв. Если бы я стояла в другом конце комнаты, меня бы швырнуло к нему. Наверное. А так я только подалась ближе, вжимаясь всем телом, чтобы чувствовать его, как никогда раньше. Пальцы, касающиеся моих плеч, сейчас ощущались так, что мне не хватало дыхания.

— Представляю, — ответила я.

И снова запрокинула голову, чтобы удариться о его взгляд. Совершенно звериный. Две

полоски зрачков в сияющей радужке, и пламя, текущее от него ко мне. Не обжигающее. Будоражающее. Пьянящее.

Харргалахт впитывала его без остатка и полыхала так, что блузка не загорелась только чудом. И я не загорелась лишь чудом, когда его пальцы скользнули по бусинам пуговиц блузки, повторяя безумно чувствительную кожу под ними. Я потянулась к его рубашке, коснулась горячей груди, стального питья мышц.

— Лали! Лали, можно к тебе?! — Голос Сильви раздался так резко, что я дернулась.

Дракон сквозь губы выдохнул, или что-то прорычал, я даже не поняла.

— Мама просила узнать, все ли у тебя в порядке, — не сдавалась сестра. — Лали?

— Все в порядке, — сказала я, но мой голос прозвучал слишком низко. — Сильви, давай завтра поговорим, хорошо?

— Хорошо.

— Не знаю, мне сейчас плакать или смеяться, — сказала я, когда за дверью воцарилась тишина.

— Отдохнуть, Лаура, — хрипло произнес Торн. — Пойдем. Отнесу тебя в душ.

— Да я сама могу...

Он привлек меня к себе и поцеловал в макушку.

— Когда Правитель Ферверна предлагает тебе отнести тебя в душ, возражать не стоит.

Особенно после неудавшегося... не знаю, чего.

Эта мысль пришла мне в голову совершенно внезапно, и я покраснела. Тем не менее охотно позволила взять себя на руки, все еще слегка пьяная от того, что не удалось.

Несмотря на то, что мне хотелось выйти из этой самой комнаты и высказать Сильви и Ингрид все, что я о них думаю, мне действительно почему-то захотелось спать. То ли сказались перебор с эмоциями и напряжением, то ли что-то еще, но я даже украдкой зевнула, когда Ландерстерг отвернулся. А потом и вовсе вышел, оставив меня одну.

Из ванной я появилась, завернутая в халат наподобие сладкой серединки пирожного. На голове у меня красовался тюрбан из полотенца, дополняющий образ кремовой шапочкой.

Стоящий у окна Ландерстерг повернулся и покачал головой.

— Это нечестно — ходить рядом со мной в таком виде.

— Я могу не ходить, — гордо сказала я.

— Ложись уже. — Дракон указал на постель. — Подожди.

Приблизился, проверил регенератор и кивнул. — Вот теперь ложись.

— Как скажете, Правитель Ферверна.

Он вздохнул:

— В кого ты такая язва, Лаура?

— В маму с папой, — я указала на окно. — А как же Гринни и Верраж?

— Верраж?

— Да, мне сейчас в душе имя пришло в голову. По-моему, интересное. В переводе с рагранского означает «Снежный».

— Ему подходит, — согласился он. — Я их дождусь, так что можешь спать с чистой

совестью. Давай.

Я подумала и нырнула под одеяло. Ландерстерг по-прежнему стоял у окна, заложив руки за спину. Глаза слипались, но я все-таки позвала:

— Торн?

Он обернулся.

— Спасибо за чудесный вечер. Вот теперь глаза точно можно было закрывать. И кутаться в одеяло под его слова:

— Доброй ночи, Лаура.

Глава 20

Тренировки и интервью прошли на ура. К чести Мильды Хайц, вела она себя более чем профессионально, и хотя у нас с ней вышло некоторое взаимонепонимание поначалу, сегодня оно не повторилось. То есть никто не мешал пресс-секретарю смотреть на меня сверху вниз, но это же самое «смотреть сверху вниз» абсолютно не помешало ей сделать ее работу и выложиться на все сто.

Журналистка тоже оказалась приветливой и доброжелательной, с оператором мы вообще подружились. Он, кажется, остался без ума от Верража, хотя невзлюбил Гринни — когда мы все отвлеклись, она умудрилась грызнуть ремень его сумки. После того, как интервью закончилось, я пошла отдыхать. Энергии мне сейчас и правда требовалось море: не считая того, сколько из меня вытряхивали на тренировках Эльда, Кория и я сама, интервью тоже вытянуло немало сил.

Да, все прошло замечательно, но поволноваться перед ним мне никто не мешал. Равно как никто не мешал подумать о том, что Торн уехал до завтрака, даже не попрощавшись со мной. Иными словами, когда я проснулась, рядом спали Гринни и Верраж (виари досталась половина кровати, драконенку — место в ногах), а за дверями стояла новая смена мергхандаров. Они же и сообщили о том, что ферн Ландерстерг уже в Аронгаре.

Об этом я думала и вечером, когда проснулась отдохнувшей и посвежевшей, и когда мне сообщили, что ужин почти готов. Вот как понять этого дракона?! А еще мне отчаянно хотелось заменить воспоминания Торна об этом месте. Заменить их, сделать более приятными, насколько это возможно.

Поэтому прежде чем пойти в столовую (ее уже оборудовали, и ужинать сегодня нам предстояло втроем), я завернула на кухню. Завернула — ключевое слово, потому что лабиринты этого огромного дома стоило снабдить навигатором. Спасибо мергхандару, который вызвался меня проводить до самых дверей.

А за дверями... я, наверное, видела такое только в кино, где показывали закулисы ресторанов. Четыре человека, которые летали по просторному помещению, оборудованному по последнему слову современных технологий. Учитывая, что готовить я умела исключительно на уровне «все мелко нарезать, бросить на сковородку и изредка проверять, потушилось или нет», или «запаковать в форму или в формочки, и через полчаса потыкать палочкой, чтобы проверить, сырое или уже готово» — представившееся мне действо показалось чуть ли не волшебством.

Мужчина, который командовал всеми: невысокий, изящного телосложения, то и дело отпускал совершенно нелестные комментарии в адрес нерасторопности своих подчиненных. Шеф-повара в нем выдавало все — и то, как он управлялся с посудой, и то, как ловко несколько капель соуса из тубика под его руками превращались на тарелке в произведение искусства.

Правда, стоило ему заметить меня, он замер. И, словно по команде, замерли все, аккомпанементом прозвучал его высоковатый для мужчины голос:

— Ферна Хэдфенгер!

— Можно просто Лаура, — сказала я, приближаясь.

Судя по выражению его лица, он был крайне недоволен моим появлением.

— Я вас надолго не отвлеку, — произнесла я. — Можно с вами поговорить?

— Можно, — произнес шеф-повар. — Только не сегодня. Пожалуйста, ферна Хэдфенгер! Вам лучше пойти в столовую.

Все это было произнесено с таким надрывом и на такой высокой ноте, что я успела только моргнуть, а потом ко мне уже повернулись спиной.

— Ферн, — я негромко кашлянула, — это дело вряд ли стоит откладывать, поэтому очень прошу вас уделить мне время.

В эту минуту шеф-повар выругался. На рагранском. Еле слышно, себе под нос, но все-таки выругался, а я поняла, что же еще притягательного было в его внешности: фиолетовый цвет глаз! Это очень показательная черта для многих рагранцев, можно сказать, национальное достояние страны, где родилась моя мама.

— И все-таки, — когда он соизволил повернуться ко мне, я перешла на рагранский, — я настаиваю. Ферн...

На щеках шеф-повара появились красные пятна.

— Дораж Эмери, — тем не менее, представился он.

— Дораж. — Я назвала его по имени и улыбнулась. — Пять минут, и кухня снова будет полностью ваша.

Мгновение он колебался, потом кивнул остальным — продолжайте, и повел меня в сторону подсобного помещения. Здесь был склад кухонного инвентаря, и я никогда в жизни не видела столько самой разнообразной посуды.

— Мне нужна ваша поддержка, — сказала я, когда мы остались наедине. — Я хочу устроить ужин-сюрприз для ферна Ландерстерга, и хочу, чтобы ему стало об этом известно исключительно в день ужина.

Дораж моргнул. Смешно насупил густые брови, которые придавали его лицу некоторую комичность.

— То есть вы меня сейчас просите...

— Я совершенно не знакома со вкусами ферна Ландерстерга. То есть, почти не знакома. Еще меньше я знакома с высокой кухней, но я хочу, чтобы это было нечто выдающееся. И, разумеется, целиком и полностью доверяю вам. Только это должно остаться нашим секретом. Это — обязательно. — Я улыбнулась ему. — Ну что, сможете помочь?

Кажется, он слегка опешил, но все еще продолжал хмуриться.

— Целиком доверяете мне? — переспросил он.

— Абсолютно.

— Что ж... тогда я попробую вам помочь. — Он сложил руки на груди. — До завтра составим меню. Но учтите, если вы решите убрать оттуда больше трех блюд...

— Я не хочу ничего убирать, — ответила я, с трудом сдерживая улыбку.

— Тогда по рукам! — Шеф-повар явно воодушевился, протягивая мне мягкую ладонь.

Я ее приняла.

— По рукам!

— Ферна Хэдфенгер? — поинтересовался он, когда я уже собралась уходить. — Вы интересуетесь Раграном?

Рагранский язык не особо распространенный, поэтому такой вопрос вполне можно было понять.

— Моя мама из Раграна, — ответила я.

— Ваша... а ферна Хэдфенгер...

Пухлые губы Доража поджались в тонкую линию. Интересно, чем ему успела насолить Ингрид?

— Она моя мачеха, — ответила я. — Вы с ней уже общались?

Шеф-повар пробормотал что-то себе под нос, потом сказал, что уже пора подавать ужин, и первой пропустил меня на кухню.

За дверями меня по-прежнему ждал мергхандар:

— Проводить вас в столовую, ферна Хэдфенгер?

— Да, пожалуйста.

Внешность у него была классическая фервернская: под два метра ростом, сверкающая сталь глаз.

— Мы можем заняться вашими подопечными, пока вы будете ужинать.

«Заняться подопечными» означало, что с драконенком и виари погуляют, пока я буду ужинать с Ингрид и Сильви.

— Спасибо, но лучше после ужина я выведу их сама.

Утром и в обед с ними и так гуляли мергхандары, потому что утром я убежала на тренировки, а после обеда меня гримировали для интервью. Сейчас же мне отчаянно захотелось самой с ними побегать и поиграть.

— Как скажете, ферна Хэдфенгер.

Ферна Хэдфенгер вздохнула и шагнула в столовую, где уже расположились сестра с мачехой. Оформленная в кремово-бежевых тонах, эта комната сочетала в себе камень (одна стена была полностью выложена им) и дерево: стол был деревянный, если не считать металлических опор и стеклянной вставки между ними. Мрамор на полу и согревающие панели у панорамного окна, раздвинутые шторы словно открывали пропуск в совершенно другой, заснеженный мир.

Здесь же было тепло: настолько тепло, насколько это возможно.

Этот дом создавали с любовью, и, хотя в нем до этого времени никто не жил, это ощущалось во всем.

— Лаура, — напомнила о себе Ингрид, — если будешь так долго спать вечерами, не будешь высыпаться ночью, и под глазами появятся темные круги.

— Они у меня появятся, если я не буду спать вечерами, — ответила я, устраиваясь напротив них в мягком кремовом аэрокресле.

— И все же.

— Скажи, чем ты умудрилась достать Доража Эмери?

— Кого?

— Шеф-повара.

Ингрид поджала губы.

— Я изучила его меню и пришла к выводу, что оно совершенно неприемлемо.

— Что?!

— Нам уже накрывали, но я сказала, что нужно кое-что переделать, поэтому придется немного подождать.

У меня брови на лоб полезли.

— Ингрид мы здесь в гостях!

— Временно. Скоро ты станешь здесь хозяйкой.

Я чуть не поперхнулась водой.

— Пока что я ей не стала. И ты тем более.

— Очень вежливо с твоей стороны, Лаура.

— Очень вежливо с твоей стороны диктовать шеф-повару, что ему подавать нам на ужин!

— Я, между прочим, забочусь о тебе. — Тон Ингрид стал сухим. — Очень скоро тебе придется конкурировать с иртханессами, у которых совершенно другой обмен веществ. Советую тебе всерьез об этом задуматься и пересмотреть свою диету: эти женщины никогда не поправляются. Чего не скажешь о нас.

— Спасибо за заботу, Ингрид, — я выделила слово «забота», — но я считаю, что каждый должен делать свое дело. Шеф-повар — готовить, а мы — заниматься своими делами. Своими.

На «своими» я тоже сделала акцент.

— А я считаю, что ты мне дерзишь, Лаура. — Мачеха окатила меня ледяным взглядом. — Если хочешь выглядеть достойно рядом с таким мужчиной, тебе придется соблюдать ряд достаточно сложных ограничений. Сложных для тебя, разумеется.

— Мам... — попыталась вставить свое слово Сильви, но не успела.

Потому что до меня вдруг дошло.

— То есть вчерашнее явление Сильви было совершенно не случайным? — уточнила я.

Ингрид хмыкнула.

— Мужчине — особенно такому — нельзя выдавать все и сразу, Лаура. Драконы по своей сути охотники, и когда он получит желаемое, ты ему станешь неинтересна.

— Поверить не могу!

— А придется. Придется очень тщательно следить за тем, что ты делаешь. Можешь с ним играть. Можешь его провоцировать. Но до того, как будет объявлено о помолвке...

Ингрид сделала многозначительную паузу.

— Ингрид это просто смешно! — Я подавила желание вскочить. — Я взрослая женщина!

— До взрослой тебе еще далеко. — Мачеха снисходительно посмотрела на меня.

— Это. Не твое. Дело.

Вот теперь я действительно поднялась.

— Сядь, — обрушился на меня жесткий приказ.

Сильви побледнела, а я, напротив, сложила руки на груди.

— Не думаю, что мне стоит ужинать с вами.

Теперь уже поднялась Ингрид. Губы ее дрожали от ярости.

— Глупая девчонка! Хочешь все испортить накануне свадьбы?

— Накануне чего? — уточнила я.

— Он должен жениться на тебе! Это важно для нашей семьи, неужели ты не понимаешь? Не понимаешь, насколько важен этот брак для твоего отца?

— Счастливо.

Я развернулась, чтобы уйти, но Ингрид подлетела ко мне.

— Не смей уходить! Ты что, не понимаешь, что тебе просто нечего ему дать, кроме того, что сейчас он в тебе заинтересован, как в женщине? В тебе нет ни капли пламени, а рядом с ним всегда будут иртханессы. Сильные, красивые, огненные. Думаешь, твои прелести смогут это перебить?!

— Отца ты тоже... как ты там выразилась, соблазняла и провоцировала? —

поинтересовалась я, чувствуя, что зверею. — До тех пор, пока вы не объявили о помолвке?

Ингрид размахнулась, но я перехватила ее руку.

— Сунешься ко мне со своей заботой еще раз — пожалеешь! — сказала я жестко, глядя ей в глаза. — Ты меня поняла, Ингрид?

Не дожидаясь ответа, вышла из столовой, и чуть не столкнулась с горничными, которые спешили к нам с аэротележками.

— Ферна Хэдфенгер! Ужин готов.

— Благодарю, но я буду ужинать позже. У себя.

К своей комнате я буквально подлетела, бросила на ходу:

— Сейчас я их покормлю, и идем гулять.

Верраж с Гринни обнаружили у себя в комнате: очевидно, изначально это была спальня, а на месте моей спальни должна была быть гостиная, но ради нас все переделали. Начинались апартаменты со спальни, а продолжались игровой для зверей, которую очистили от всего лишнего, навешали щитов-когтеточек, набросали всяких игрушек. Впрочем, в игровой они возились исключительно когда я отлучалась, а стоило мне появиться, тут же вылетели встречать.

— Уже соскучились? — Я опустила на корточки, почесала между ушей и того и другую одновременно. — Я же полчаса назад ушла. Все, пойдем есть, а потом будем бегать.

Для кормления был отведен огромный угол, где стояли миски и небольшой холодильник: последний пополнялся раз в день, оттуда я и достала лакомства.

— Спокойно! — сказала под танцевальные пируэты у мисок, насыпая еды сначала Гринни (иначе покормить Верража было невозможно), потом ему.

Малыши набросились на еду, а я отошла к окну и обхватила себя руками. Кто бы знал, как мне сейчас хотелось что-нибудь разбить! Но рядом с драконенком нельзя было позволять себе такие эмоции, поэтому я глубоко дышала. Стараясь не думать о том, о чем ненадолго забыла: что Ландерстерг просто уехал в Аронгару сегодня утром. И о том, что во мне действительно никогда не будет огня.

Глава 21

— Что, так и сказала? — поинтересовалась Рин, выкладывая печенье на противень. — Вот ларрка

— Да ну ее.

Я раскатала остатки теста и делала в нем дырочки с помощью стакана. После эти кругляши теста полагалось вытащить, смазать камартовым фларом и сложить вчетверо. А потом наляпать сверху маленькие полосочки теста, пять штук

Называлось печенье «драконьи лапки», и вот с коготками была самая засада.

Они отваливались.

Не знаю, у кого как, но у меня отваливались. Спасал только камартовый сироп, который придавал тесту клейкость. Зато процесс приклеивания здорово помогал отвлечься от всякого рода мыслей. В том числе и от тех, которые в меня посадила Ингрид и которые не давали мне покоя уже пять дней.

Вот спрашивается, какого я вообще об этом думаю? Я должна думать об «Эрвилль де Олис» и переживать о предстоящем кастинге, но на тренировках у меня интенсив, а после я как будто выключаюсь. То есть оттанцевала на льду, потянулась на лентах, вышла и забыла. Такого у меня не было с самого детства, когда отец сказал, что в большой спорт меня непустит.

Тогда я месяца два вообще думала, что все брошу. Здесь я бросать, разумеется, не собиралась, но такой легкости по отношению к делу всей своей жизни не испытывала уже очень давно. А про Ландерстерга — хожу и думаю, думаю, думаю, чтоб его дракон покусал! Ни разу за пять дней ни одного сообщения! Ни голосового, ни звонка.

Занятой он там, в своей Аронгаре. Ну и я занятая. Вот.

— А что Сильви сказала? — поинтересовалась Рин, помогая мне с коготками.

— А что Сильви скажет? Она никогда ничего ей поперек не говорит, — хмыкнула я. — Зато общаемся мы теперь только через нее.

— То есть?

— То есть Ингрид обиделась, и со мной не разговаривает. Все, что ей нужно мне передать, говорит Сильви.

— Жесть.

— Как есть.

Особенно весело это было, когда приезжал ведущий дизайнер от известного дома моды «Нуар Тану». Тогда Ингрид разумеется, не могла остаться в стороне, но мой наряд комментировала, обращаясь исключительно к дизайнеру, а я отвечала ей напрямую. Не знаю, что подумала дизайнер, но выглядело все это довольно необычно. Помирить нас не смог даже отец который приехал на выходные, как и обещал. Я категорически отказалась просить прощения, Ингрид сказала, что не станет со мной общаться, пока этого не произойдет.

Как ни странно, отец принял мою сторону, и сказал, что если ей выгодно обижаться, пусть обижается дальше. На что она обиделась еще больше, и вот уже сутки не общалась со мной даже через Сильви.

— Фух! Готово, — ответила Рин, загружая последний противень в духовку, а я пошла смывать с пальцев камартовый флар.

Огромное блюдо с готовыми драконьими лапками возвышалось в центре стола: высокого, окруженного барными стульями. За ним нам предстояло ужинать, и аромат готовящейся выпечки здорово подогревал аппетит. Собирались мы у Сэфла, но он задерживался, а Рин решила его порадовать и приготовить ему его любимое печенье. В итоге мы два часа

развлекались с печеньем, а сейчас накрывали на стол.

Кухня у него дома была выполнена в темных тонах, разбавляли которые только серебро узора на плитке и светлые навесные шкафы: все чисто по-мужски и сурово. Огромное панорамное окно обычно закрывали стальные жалюзи, но мы с Рин их подняли, чтобы иметь возможность лицезреть Айрлэнгер Харддарк во всей красе. И эта башня тоже напоминала мне про Ландерстерга!

— А что ты думаешь? — спросила я, когда мы разложили приборы и устроились на барных стульях.

Рин наблюдала за таймером, я — за ночной жизнью Хайрмарга.

— М?

— Насчет пламени.

— Что насчет пламени? — Она пожала плечами.

— У драконов же пары, — сказала я. — И это их притяжение, основанное на совпадении огней...

— Это все физиология. — Рин задумчиво подперла руками подбородок. — А есть еще что-то большее. Что-то, что не поддается ни физиологии, ни здравому смыслу, ни всем доводам логики. Мы с Сэфлом когда познакомились, я его вообще как парня не воспринимала. Вот не воспринимала — и все. По той самой причине. А потом просто поняла, что без него не могу.

— Ничего себе, просто.

Рин улыbnулась.

— Ну да, он слегка за мной ухаживал.

— Слегка, — фыркнула я.

Он за ней разве что не бегал (впрочем, мне сложно представить мужчину — такого, как Сэфл, бегущим за кем бы то ни было). Цветы, комплименты, подарки, которые она поначалу возвращала, приглашения на встречи, куча отказов — и десятки встреч в общих компаниях. Он умудрялся найти контакт со всеми, кто был дорог Рин, и терпеливо, шаг за шагом продвигался к своей цели. До тех пор, пока она не сдалась.

И вот теперь...

Я перевела взгляд на кольцо у нее на пальце.

— То есть тебя это совсем, ничуть не волнует?

— Поначалу волновало, — сказала она. — Особенно когда его предки пытались нам крылья связывать. Потом отпустило. Во-первых, я поняла, что Сэфл — не его предки, и что ему без разницы... ладно, ему не без разницы, но ему важнее я и наши чувства, чем мнение семьи. А во-вторых, он ни разу за все время что мы встречаемся даже не посмотрел на другую. Хотя в компаниях с иртханессами всякое бывало.

Я приподняла брови:

— А вот этого ты мне не рассказывала.

— Да нечего там рассказывать. И смотрели на меня, как на лишаистую виари, и клеиться к нему пытались... вот скажи, тебе это интересно?

— Я думала, мы подруги, — хмыкнула я. — Разумеется, мне это интересно. Мне интересно все, что связано с тобой.

— Ну а я считала, что нет. Я вообще не хотела развивать эту тему, понимаешь? Мне казалось, что стоит начать — и я скачусь в жалость к себе, в кучу комплексов, которые мне пытаются навязать, и вообще разругаюсь с Сэфлом из-за какой-нибудь ерунды.

Поэтому я просто через это перешагивала и шла дальше. Так, понемногу.

Я улыбнулась и накрыла ее руку своей.

— Ты всегда была взрослее меня.

— Я не взрослее. Ты просто более эмоциональная, Лаура. Более взрывная. Хотя и пытаешься это контролировать... Так, еще немного, и я почувствую себя старой умудренной опытом теткой, которая пытается тебя лечить.

— Пф-ф-ф.

Мы расхохотались одновременно, но после, отсмеявшись, Рин все-таки серьезно на меня посмотрела.

— Я вообще не знаю, о чем мы сейчас говорим. Ты все-таки собралась за него замуж?

— Нет.

Я ответила это быстрее, чем могла бы. Подруга приподняла бровь.

— Нет, Рин. Я не знаю, как это объяснить. Меня к нему влечет, и...

— Ты устраиваешь ему ужин-сюрприз. Нет, ты совершенно точно не собираешься за него замуж.

— Ты это сейчас о чем? — Я подалась назад и низенькая спинка барного стула впилась мне в спину под лопатками.

— Я о том, что тебе стоит разобраться в себе. Ну и спросить его прямо о том, что тебя волнует.

Не знаю, чем закончился бы наш разговор, если бы в холле не щелкнул замок и не раздались мужские голоса.

— О! — Каблочки Рин звонко ударились о плитку. — Пойдем встречать.

Я была не уверена, что мне стоит идти с ней, но отказываться было как-то странно. Тем более что весь этот ужин изначально и отчасти затевался ради того, чтобы я могла поговорить с Беном.

В холл мы с ней вышли одновременно, Сэфл улыбнулся, а вот Бен замер, так и не повесив куртку на вешалку.

— Ну, что застыл? — Сэфл приподнял брови. — Поздороваться не хочешь?

Взгляд Бена вонзился в меня, а после он повернулся к другу. И сказал, четко разделяя каждое слово:

— Почему ты не предупредил, что здесь будет она?

Вот просто супер заявление! После такого мне резко расхотелось извиняться, и даже тот факт, что по сути, мне стоило его предупредить о возможном исходе нашего катания, ничего не менял. Потому что я понятия не имела, что Ландерстерга принесет на тот каток в полном боевом сопровождении, и уж тем более не имела ни малейшего понятия, что кто-то просто такой обидчивый.

— «Она» здесь в гостях у друзей, — заметила я, прежде чем Сэфл с Рин подобрали челюсти, — и все слышит. Поэтому если у тебя есть какие-то с этим проблемы, можешь выйти в холл, там их высказать, а потом вернуться.

— Проблемы возникают там, где есть вы, ферна Хэдфенгер.

— О, а вы, я вижу, запомнили мою фамилию.

— В отличие от вас. Вы хоть помните, как меня зовут с высоты своего положения?

— Мы вам не мешаем? — Это спросил Сэфл, хотя за рукав меня дернула Рин.

Наверное, у них синхронизация: один говорит — другой делает.

— Нет, — хором ответили мы с Беном и зло посмотрели друг на друга.

Точнее, зло посмотрел он, но я, подозреваю, недалеко от него ушла. По ощущениям у меня только пар из ушей не валил. Где вообще манеры этого парня?

— Ладно, если никто никому не мешает, предлагаю переместиться на кухню. Зря мы что ли когти клеили на драконьи лапы, — сказала Рин. И, когда Сэфл шагнул к ней, обвила руками его плечи и поцеловала в губы, совершенно не стесняясь остальных.

Бен все-таки повесил куртку. На кухню проходил, не глядя на меня, впрочем, мне на него тоже не особо хотелось смотреть. За столом я постаралась сесть как можно дальше, хотя этот стол в принципе такого не предполагал. Он предполагал, что за ним собирается компания не больше шести человек, которые умеют между собой общаться, а самое главное — любят это делать.

— О-о-о, мой любимый мясной салат! — произнес Сэфл.

Он скинул мундир мергхандара, и стал похож на человека. В смысле, на штатского.

— Все для тебя, — усмехнулась Рин.

— Надо будет почаще приглашать тебя в гости, — произнес он, снова притягивая ее к себе.

— Я вам не мешаю? — Я с улыбкой приподняла брови.

— Нет! — на сей раз хором ответили они.

Бен зловеще молчал. Выглядел он так, будто подавится первым же куском сэндвича или салатом. То, что я не заметила в первый раз — некоторая резкость его черт, эта иртханская натура, сейчас обнажилась во всей красе.

— Вина? — поинтересовался Сэфл, открывая бутылку.

Я кивнула.

— Я пас. У меня завтра утром операция.

Я снова перевела взгляд на Бена: он постукивал пальцами по столешнице, обманчиво-расслабленный. Хотя по ощущениям — напряженный до предела.

— Вот мне интересно, — сказала Рин. — Каково это вообще... Операция. Это же такая ответственность? И... бр-р-р... никогда не смогла бы.

— Тебе и не надо, — Сэфл поднял бокал. — За мужскую ответственность?

Бен поднял стакан с водой

Вино оказалось терпким, легкая травяная горчинка удивительно сочеталась с кислыми нотками ягод.

— Так что? — Рин снова посмотрела на Бена. — Расскажешь?

— Боюсь, эти подробности не для застолья.

— Мне не надо подробности. Мне интересно, как ты вообще на это решаешься.

— Когда от тебя зависит чья-то жизнь, задумываться о решительности не приходится.

— Это круто, — сказала подруга. — Нет, правда.

Бен не ответил.

Я предпочла хрустнуть салатным листом, в сочетании с сухариком и повисшей на кухне

тишиной получилось слишком громко.

— Ладно, Лаура, расскажи нам про свою дружбу с драконами. — Сэфл улыбнулся. — Я видел интервью, но хочу все узнать из первых уст.

— Да я уже говорила Рин: все как в старом бытовом кино. Я уезжаю на тренировки — они меня провожают, возвращаюсь — сидят у дверей и ждут, когда мы с ними пойдем гулять.

— Лаура не сказала, что драконенок не хотел есть, пока она не отгрызла у него кусок корма, — фыркнула подруга.

— Рин!

— Что- Рин? Может, ты и танцуешь потрясающе, но рассказчик из тебя нулевой.

— Вот спасибо!

— Всегда пожалуйста!

Вновь возникшая после нашего разговора тишина однозначно намекала на то, что разговор не клеится.

— Знаете, я думаю, это очень символично, — заметил Сэфл. — Люди объединяются с иртаханами, а драконы доверяют людям.

— Это уж точно не из-за того, что люди объединяются с иртаханами, — фыркнула Рин.

— Почему ты так думаешь?

— Ну сам посуди, какая здесь связь?

— Самая прямая, — это сказал Бен.

Сказал так, что я даже жевать перестала, побоялась подавиться. Сейчас в этом мужчине не было ни капельки от того, с кем я каталась — простого мужчины, готового смеяться над своим первым выходом на лед.

Особенно жевать расхотелось, потому что смотрел он в упор на меня.

Прицельно на харргалахт, как мне показалось, вот только видеть его он не мог. И знать о нем тоже не мог я не говорила об этом Рин, соответственно, и Сэфлу об этом знать было неоткуда.

— Бен, — негромко произнес Сэфл.

— Я отойду.

Он поднялся, и ножки барного стула скрежетнули по плитке. Рин закусила губу, глядя на меня, я посмотрела в салат. Бен вышел, и на кухне снова стало очень тихо: не надо было обладать выдающимися умственными способностями, чтобы понять, что дружеских посиделок не получилось.

— Я сейчас.

В конце концов, я шла сюда, что объяснить свое поведение и случившееся на катке. Возможно, сделать это наедине будет лучше. Да нет, это однозначно будет лучше сделать наедине. Что там себе надумал Бен — это его личное дело, равно как и его личное дело, как ко мне относиться.

В гостиной было темно, по ногам тянуло холодом, а еще терпким сигаретным дымом. Этот запах заставил меня ненадолго остановиться, но потом я все-таки вышла на балкон следом за Беном.

— Я хотела извиниться, — сказала резко, без предисловий. — И я действительно пришла сюда провести приятный вечер с друзьями.

— При чем тут я?

— При том, что ты ведешь себя как последняя задница.

— Что, прости?

— Ведешь себя как последняя задница, — повторила я. — Заметь, я это говорю без свидетелей. — Что странно. Ты же так любишь общество и позировать на камеру.

Он глубоко затянулся, и я поняла, что у его сигарет резковатые орехово-пряные нотки.

— Я не знала, что все так получится.

— Неужели?

— Да что с тобой такое?! — я шагнула к нему. — Рин и Сэфл — они потрясающие! Я не собираюсь навязывать тебе свое общество, но ты мог бы сделать вид — хотя бы ради них — что все нормально?

В меня ударило пламенем взгляда. Натурально ударило, на миг стало нечем дышать, а потом харргалахт отозвалась яростной вспышкой.

— Никогда ни ради кого не делал вид, и не собираюсь. Чего и тебе советую.

— Советуешь? Отлично! — Я обхватила себя руками. — Оставайся тут вместе со своим уязвленным самолюбием, и продолжай предаваться чувству собственной важности.

Я не успела выйти с балкона: Бен резко схватил меня за руку и развернул лицом к себе.

— Считаешь, что тебе все позволено, Лаура Хэдфенгер?

— Руку убрал! — выплюнула я, и, когда он разжал пальцы, резко отступила. — Я действительно собиралась просить прощения за тот инцидент. Хорошо, что я этого не сделала!

Я вылетела с балкона и только у кухонной арки глубоко вздохнула и остановилась. По-хорошему, стоило бы остаться, но я — в отличие от Бена с его советами — понимала, что ничего хорошего из этого не получится.

— Рин, — шепнула негромко и улыбнулась Сэфлу. — Ребята, я пойду.

— Лал...

— Пойду, — повторила я.

Сэфл потемнел лицом:

— Что-то случилось? Он тебя обидел?

— Нет, все в порядке.

— Тогда садись, — жестко произнес он.

— Я не хочу никому портить вечер.

— Его портишь не ты.

Сэфл остановил Рин, собиравшуюся подойти ко мне, и протянул руку.

— Я серьезно. Пойдем.

— Ты уверен?

— Еще никогда в жизни я не был настолько уверенным. Разве что когда делал самой прекрасной женщине в мире, — он ненадолго оглянулся на Рин, потом снова взглянул на меня, — предложение.

Ну вот и что на такое ответить?

— Остаешься? — он пристально посмотрел на меня.

И я улынулась:

— Остаюсь.

В целом ужин проходит спокойно, не считая того, что Бен смотрит драконом, но я больше не обращаю на него внимания. В конце концов, я сюда действительно пришла пообщаться с друзьями, чем сейчас и занимаюсь. Драконьи лапки расходятся на ура (никогда не видела, чтобы мужчина ел столько сладкого, но Сэфл поглощает их одну за другой). Когда ужин заканчивается, на огромном блюде остаются две штучки, у второй отвалилось два коготка, которые сиротливо лежат на огромной тарелке. Ну точно моя печенька. В смысле, готовила ее я.

— Предлагаю переместиться в гостиную, — говорит Сэфл.

— А посуда... — заикается было Рин, но он легонько подталкивает ее в спину:

— Я разберусь.

— Где выдают таких мужчин? — интересуюсь я, когда мы направляемся в гостиную.

— Там, где выдавали, уже нет, — смеется подруга

Бен, разумеется, остается на кухне с Сэфлом, и меня прямо что-то подталкивает посоветовать ему сделать лицо попроще. К счастью, это что-то оказывается слабее здравого смысла, и мы с Рин устраиваемся на диване. Она кладет руки на спинку, подгибает под себя ноги и смотрит на меня.

— Когда возвращается твой Верховный? — спрашивает, глядя мне в глаза.

— Он не мой, — отвечаю я. — Завтра. Утром уже будет в Хайрмарге, а вечером должен объявиться.

— Ох, Лаура, попала ты.

— Ничего я не попала. Месяц закончится, и все закончится.

— А твой дракончик?

— Верраж уже спокойнее относится к моим отъездам.

— Это пока он знает, что ты вернешься.

— Драконы все равно не живут с людьми, — я потираю висок. — Рин, давай сменим тему.

Вовремя я это говорю: в гостиную входят Сэфл с Беном. Сэфл тут же устраивается рядом с Рин на диване, и я явственно ощущаю себя лишней. Наверное, это здорово, когда мужчина рядом с тобой — такой мужчина. А не ходячая отморозженная непонятность, как Ландерстерг.

С другой стороны, что тут непонятного?

У него встроенный тумблер «Дракон номер один» — «Дракон обыкновенный», и срабатывает он всякий раз отлично.

— Предлагаю сыграть в игру, — говорит Сэфл. — Я говорю слово, Рин продолжает ассоциацию, потом говорит ее Лауре, Лаура — Бену, Бен — мне.

— А в чем прикол? — интересуется Рин.

— Ассоциацию надо говорить на ухо, быстро и не задумываясь. Первое и последнее существительное — секрет. Потом, когда спустя несколько кругов вскрывается изначальный вариант и называется финальный, получается очень смешно.

— М-м-м-м... да. Мне нравится! — восклицает подруга. — Ребята?

Мне не хочется изображать Ландерстерга, поэтому я тоже поднимаю палец вверх. Бену не остается ничего другого, как только присоединиться к большинству.

Чтобы все это осуществить, нам приходится рассестись вокруг журнального столика, благо, он небольшой. На нем лежит планшет и стоит декоративный большой бокал с сухими лепестками. Дорогое удовольствие, между прочим: цветы у нас тоже могут позволить себе далеко не все — по понятной причине. Что уж говорить о сухих цветах. Но аромат приятный, не резкий. Мне нравится.

— Раз я все это предложил, мне и начинать. — Сэфл наклоняется, и что-то шепчет Рин на ухо.

Она улыбается, на мгновение задумывается, а потом подается ко мне и говорит одними губами:

— Лед.

Да, было бы странно, если бы мы сейчас тут про пляжи и жару заговорили. Вот только как ни странно, мне сейчас не хочется ассоциировать лед с танцами или катанием, поэтому думаю я чуть дольше, чем Рин. А потом подаюсь к Бену и говорю:

— Дружба.

В меня на миг ударяет знакомым терпким ароматом сигарет, но я тут же отстраняюсь, а он уже что-то говорит Сэфлу. Тот приподнимает брови, но после снова наклоняется к Рин. Она тянется ко мне и шепчет:

— Любовь.

Так, сейчас мы до чего-нибудь точно договоримся. Я снова наклоняюсь к Бену и произношу:

— Близость.

Он подается к Сэфлу, тот к Рин, Рин ко мне:

— Счастье.

— Радость.

Мы пошли по четвертому кругу, и я ловлю себя на мысли, что улыбаюсь. Просто сижу и улыбаюсь, заправляю за ухо локон и чувствую на себе взгляд Бена. Поворачиваюсь к нему, и мне сейчас даже злиться на него не хочется.

— Владение.

— Собственность.

Сэфл вскидывает руку!

— Стоп. Больше четырех, как показывает моя практика, делать не стоит. Можно все забыть к драконам.

— Так вот чем вы там у себя занимаетесь в перерывах между воинскими обязанностями, — смеется Рин.

— И этим тоже. — Он притягивает ее к себе. — Вскрываемся! Холод.

— Лед.

— Дружба, — повторяю я свою первую ассоциацию.

Рин улыбается.

— Доверие, — это Бен.

— Верность, — Сэфл.

— Любовь. — Рин.

— Близость.

— Секс.

— Бен, я знала, что ты это скажешь, — фыркает Рин.

— Не сбивай цепочку! — Сэфл крепче притягивает ее к себе. — Близость.

— О, вторая близость! Счастье. — Подруга улыбается, если и существует воплощение счастья, сейчас — это она.

Это настолько заразительно, что я, кажется, сейчас сияю еще больше:

— Радость.

— Иллюзия, — повторяет свою ассоциацию Бен.

— Власть, — отзывается Сэфл.

— Владение.

— Собственность.

— Харргалахт.

Это звучит настолько резко, что я еще по инерции продолжаю улыбаться. Рин, в общем, тоже, но она, кажется, вообще ничего не понимает, а вот Сэфл темнеет лицом. Бен спокойно встречает его взгляд и приподнимает брови.

— Ну ты и засранец, — Сэфл поднимается.

Бен тоже. Рин вскакивает следом за ними:

— При чем тут харргалахт?

Мужчины смотрят на меня, а я почему-то сижу. Мне хочется понять, откуда им об этом известно: харргалахт скрыта под свитером крупной вязки. Да ее даже под плотным кружевом не видно, когда она на огонь Ландерстерга не реагирует, это просто легкий узор на коже.

— Откуда? — спрашиваю я почему-то у Сэфла.

— Ты разве не знаешь?! Мы ее чувствуем.

«Это знак того, что вы принадлежите мне, Лаура».

Метка. Запретная территория. Собственность. Я, получается, все это время фонила, как Айрлэнгер Харддарк защитными полями?

«Будешь сидеть рядом с ним и со всем соглашаться, а узор харргалахт станет твоей защитой от того, о чем ты понятия не имеешь. У него с тобой никогда не будет того, что было со мной», — слова Эллегрин всплыли в сознании, как пощечина.

Она, выходит, тоже ее почувствовала?

— Я пойду. — Я поднялась. — Уже поздно, у меня там драконенок. И завтра рано утром тренировка.

— Эй...

— Рин, пожалуйста.

Я понимала, что сейчас скажу или сделаю что-нибудь, что не должна, и подруга, видимо, поняла это тоже. Отступила.

— Хочешь, я тебя отвезу? — спросил Сэфл.

— Нет. — Я покачала головой. — Меня ждут, и ты прекрасно это знаешь.

Я даже не стала одеваться, просто схватила пальто и сумку и вылетела в холл. Остановилась у лифтов, коснулась панели вызова. То есть все это время я ходила с клеймом, со знаком принадлежности, который чувствовали все иртыханы? С которыми я так или иначе пересекалась. Да я даже понятия не имею, сколько раз я с кем-то пересекалась, кто смотрел на меня, как на собственность Ландерстерга.

— Лаура. — Дожидавшийся меня Хестор вышел из флайса, чтобы подать руку.

Я автоматически ее приняла и села в машину.

— Как отдохнули?

— Чудесно. Очень познавательно.

— Рад что вам удалось вырваться. — Водитель улыбнулся, мягко направляя флайс к рукаву выхода на аэромагистраль.

Я не ответила. Обхватила себя руками и повернулась к окну. Дорога показалась смазанной, равно как и ожидание в ВИП-зале открытия телепорта. Я сидела в мягком кресле с чашкой горячего кофе с камартовым фларом, но, кажется, не сделала ни глоточка.

— Это нужно оставить, ферна Хэдфенгер, — напомнила мне портпроводница, когда я шагнула к заму перехода с чашкой в руках.

— Да. Простите.

В загородной резиденции я оказалась раньше, чем успела прийти в себя. К счастью, Ингрид больше не доставала меня совместными ужинами, и вообще больше ничем не доставала. Мергхандар (один из) сообщил, что зверей только что забрали на прогулку, и сразу стало понятно, куда делся второй.

Честно говоря, оно и к лучшему. Единственное, куда мне сейчас хотелось — это в душ.

Я едва успела сбросить сапоги и повесить пальто, как дверь за моей спиной распахнулась.

— Сильви, сейчас не лучшее время, чтобы... — Я обернулась и ударилась о ледяной взгляд.

— Нагулялась, Лаура? — холодно спросил Ландерстерг.

Вот это именно то, что я хотела услышать при встрече!

— Нагулялась, — в тон ему ответила я. — И узнала много всего интересного.

— От своих лучших друзей, разумеется?

Даже не знаю, в чем прозвучало больше льда — в слове «лучших» или в слове «друзей».

— Нет, — сказала я. — Друзья тут ни при чем. Это получилось случайно — сведения о том, что харргалахт, оказывается, чувствуют все иртыханы. Все иртыханы знают, что я твоя собственность. Месяц на размышления, да, Торн? И через месяц я бы узнала — что? Что я уже давно согласилась на брак? Потому что как иначе объяснить то, что я добровольно хожу с твоей меткой?!

Он посмотрел на меня в упор.

— Я сразу сказал, что она значит.

— Ну да, разумеется. Просто забыл объяснить, что видеть ее вовсе необязательно. Что еще ты забыл объяснить?

— Я не обязан тебе ничего объяснять, Лаура. Ты — моя женщина, и ты не будешь раздавать авансы другим мужчинам.

— Я — что? — Я приподняла брови. — Точнее — кто?

— Моя. Женщина, — повторил он так, что по коже прошел мороз, а следом стало ну очень жарко. Особенно когда дракон шагнул ко мне, остановившись рядом, и харргалахт мгновенно отозвалась на его близость.

Что самое смешное, теперь я даже закрыться от него не могла. То есть понимала, что это бесполезно — если харргалахт показывает всем, что я принадлежу ему, то ему она тоже это показывает. В смысле... он знает, как она отзывается на его пламя, или я отзываюсь на его пламя, или и харргалахт отзывается, и а отзываюсь?!

— Сними, — жестко сказала я.

— Нет.

— Сними, — повторила, сложив руки на груди. — Или нашему соглашению конец.

На мгновение черты его лица заострились, сквозь и без того жесткую резкость проступил истинный хищник. Мгновение ничего не происходило, а потом в комнате стало настолько холодно, что теперь уже мороз на коже ощущался ледяной коркой.

— Снимай свитер, Лаура, — произнес он.

Настолько отчужденно и безразлично, что меня встряхнуло от кончиков пальцев до корней волос. Я вцепилась в свитер, потянула его наверх, и мне даже удалось выпутаться из него с первого раза. Стянув через голову, отшвырнула его на кровать, с вызовом посмотрела на дракона и вздрогнула, когда ладонь Ландерстерга коснулась полыхающей кожи над ключицей. Сначала обожгло льдом, потом — пламенем, я даже не подозревала, что это настолько больно. С меня снимали ненавистный узор, а чувство было таксе, что харргалахт корнями сплелась с моим сердцем, даже дыхание прервалось.

Правда, в следующий момент уже все закончилось.

— Почувствуешь себя плохо — немедленно сообщай мне, — последовал приказ, в глубине темно-синих глаз сверкнула сталь. — Слово «немедленно» тебе, надеюсь, объяснять не нужно?

Я хотела ответить, но не успела, он развернулся и вышел так резко, как мог бы прорваться сквозь комнату снежный ураган — от распахнутого настежь окна, через стены и двери, разрушая все на своем пути. Щелчок замка показался чуть ли не выстрелом, и я обхватила себя руками. Меня трясло, наверное, так, как не трясло никогда. Я судорожно вздохнула и приблизилась к зеркалу: кожа под ключицей была чистой, как до того вечера

Настолько чистой, что я содрогнулась.

Почему мне было так больно? И почему так больно до сих пор? Не физически, нет, сейчас на месте харргалахт я ощущала лишь легкое покалывание, какое бывает, когда отлежишь руку или ногу, а потом восстанавливается кровообращение.

Меня по-прежнему трясло, поэтому я пошла в душ. Очень горячую воду я никогда не любила, но сейчас прибавила ее на тот максимум, который физически могла вытерпеть. Я должна была ощущать радость, но ее не было.

Как не было и облегчения после душа.

Я вышла, насухо растертая полотенцем до такой красноты, что кожа просто горела огнем. Посушила волосы и как раз в это время с прогулки вернули зверей. Они влетели, отряхиваясь от чистейшего снега, искринки брызг полетели в разные стороны.

— Вирр! — взвизгнула Гринни и поставила на меня лапы.

Мокрая холодная шерсть и обжигающе-огненные подушечки, я наклонилась к ней, чтобы почесать между ушей, и замерла.

Верраж смотрел на меня так, будто не узнавал. Или не понимал, что происходит. Мягкие

детские чешуйки поднялись, он втягивал носом воздух — раз за разом, ударил хвостом. В ту же минуту распахнулась дверь и на пороге появились мергхандары.

— Ферна Хэдфенгер, прошу прощения, — увидев меня в халате, они тут же опустили глаза.

— Что с ним? — тихо спросила я, когда драконенок испуганно попятился.

Я не видела у него таких глаз с тех самых пор, как зашла в тот ангар-пещеру.

Мергхандары переглянулись.

— Он не чувствует огня.

— Чт... — начала была я, и осеклась.

Ну разумеется он не чувствует огня. На мне его больше нет.

Он не чувствует харргалахт.

— Боюсь, нам придется его забрать. Он нервничает, — произнес мергхандар.

— Не надо, — попросила я. — Он же помнит мой запах. Он...

Я шагнула было к нему, и драконенок низенько заурчал.

— Назад! — скомандовал мергхандар.

Непонятно кому, мне или драконенку, но замерли оба.

— Простите, ферна Хэдфенгер. Мы его забираем до особых распоряжений. Доброй ночи.

— Уходим.

Это уже точно относилось к драконенку, который растерянно озибался и, кажется, готов был начать кричать.

— Верраж, — тихо позвала я.

Он весь подобрался, услышав мой голос. Потом пригнулся к полу, снова потянул носом воздух. А после с жалобным урчанием метнулся в коридор, мергхандары вышли следом за ним.

Гринни непонимающе уставилась на закрытую дверь, подбежала к ней и заверещала, а я глубоко вздохнула и пошла в игровую. Здесь все оставалось так же, как было утром, когда я убегала на тренировку. Огромные шипастые мячики для массажа десен, всякие «валятельные» мягкие игрушки, парочку из которых уже подморозили, и после оттаивания они выглядели совершенно облезлыми.

Я подняла его любимую: игрушечную виари размером с Гринни, и так замерла. Что я наделала?! Что вообще со мной происходит?!

Вместе с игрушкой метнулась обратно в комнату, набрала внутренний номер один, но вызов остался без ответа. Когда попыталась набрать по телефону, мне ответила автоматическая система телекоммуникаций: «В данный момент номер не активен». Поколебавшись, ткнула в коммуникатор, на номер два, прямой номер дворецкого. Ответил тот, несмотря на время, просто мгновенно:

— Лаура? Вы что-то хотели?

— Да. Тиус, подскажите пожалуйста, как я могу найти ферна Ландерстерга?

— Ферну Ландерстергу только что открыли телепорт. Он возвращается в Хайрмарг, и буквально через десять минут вы сможете с ним связаться.

В Хайрмарг?!

— Понятно. Спасибо.

— Не за что. Доброй ночи, Лаура.

— Доброй ночи.

Коммуникатор негромко пиликнул, панель погасла.

— Гринни, хватит пищать, — сказала я, потому что виари до сих пор вирчала у двери, к тому же, порываясь сделать под нее подкоп. — Хватит пищать! Он не придет!

Я никогда раньше не повышала голос, но сейчас мой крик отразился от стен, заставив вздрогнуть даже меня. Что уже говорить о виари: она подпрыгнула, метнулась под кровать и там замерла.

Вздохнув, опустилась на колени. В спасительной темноте сверкали огромные глаза.

— Ладно, Грин, выходи, — сказала я. — Ну прости меня, пожалуйста. Я так больше не буду.

Протянула ей руки, но виари с жалобным вирчанием отползла подальше.

Супер! Просто замечательно!

Я поднялась, и, не снимая халата, забралась под одеяло. Ворочалась с боку на бок до тех пор, пока под кроватью снова что-то зашуршало. Гринни вылезла и запрыгнула ко мне на подушку, боднула носом между лопаток: «Давай мириться!»

— Давай! — сказала я и притянула пушистую к себе.

Она вздохнула, повозилась у меня в руках и засопела.

Уткнувшись лицом в пушистую спинку, я сразу почувствовала себя немного, но лучше. Поэтому даже не заметила, как сама провалилась в сон.

Глава 22

— Бен — засранец, — сообщила Рин, кутаясь в куртку.

Я подавила желание последовать ее примеру, но в пальто закутаться сложнее. На улицах Хайрмарга и правда похолодало так, будто раньше времени пришла Ледяная волна, и я искренне радовалась тому, что сегодня надела джинсы. Попытка пройти по улице в юбке могла закончиться замерзанием до состояния среднестатистической сосульки, которых по весне будет море.

— Ну он же сказал правду.

— Чешуйню он сказал. Вчера, когда ты ушла, я еле удержала Сэфла, чтобы он не съездил ему по морде. И то, только потому что перед серьезной операцией не стоит отправлять кардиохирурга в нейрохирургию.

— Да ладно, — отмахнулась я — Проехали.

— Не проехали. — возмутилась Рин и указала в сторону молла, видневшегося неподалеку. — Может, все-таки туда?

— Все-таки туда, — согласилась я.

Моя выступающая часть (то есть нос) начала уже не просто замерзать, а отмерзать.

— Не понимаю я, как ты можешь быть такой спокойной! — продолжала кипятиться Рин.

Она позвонила мне как раз когда закончились тренировки, и я собиралась выдвигаться в сторону телепорта. Предложила встретиться и поговорить, и я не стала отказываться. В конце концов, что мне вообще делать в загородной резиденции? Верража ко мне не пускают и не подпустят «до особого распоряжения», и утром «особого распоряжения» не последовало.

Хорошо, что я вчера не перехватила Ландерстерга, пока он был в резиденции, потому что могла надеть еще больше глупостей. В частности, что бы я ему сказала? Верни мне харргалахт, потому что Верражу нужна мама? Нет, сначала я бы высказала ему все, что думаю — потому что о последствиях снятия он меня тоже не предупредил. Равно как и о том, что Верраж потянулся ко мне, потому что почувствовал пламя.

Не мое.

Ну и ладно.

— Он его снял, — сказала я, когда мы наконец-то шагнули в огромные крутящиеся двери, в облако тепла.

Рин, готовая уже продолжать, осеклась.

— Серьезно?! Просто снял?

— Просто снял.

Ну или не совсем просто. После того, как я сказала, что иначе наше соглашение будет расторгнуто. Выходит, ему все же не совсем все равно?

— Слушай, это хорошо. — Подруга кивнула в сторону лифтов. — Пойдем, погреемся на фудкорте.

Мы направились, куда она указала, и вскоре стеклянная капсула уже подкинула нас на шестидесятый этаж. Фудкорты в моллах располагались обычно по центру, на средних этажах, в данном случае, с шестидесятого по шестьдесят пятый. Чтобы вместить всех посетителей торгового центра, желающих перекусить, обычно хватало. Не перед праздниками, разумеется, но перед праздниками вообще сложно куда-то влезть, особенно в выходные. К счастью, сегодня не выходной.

Поэтому мы устраиваемся за одним из свободных столиков, и на сей раз заказывать

бежит Рин. Потом возвращается с подносом, вздыхает и внимательно на меня смотрит.

— Мы с Сэфлом тоже обсуждали эту харргалахт, и решили, что подождем... пару лет.

Я удивленно смотрю на нее:

— То есть все это время он будет сдерживать свое пламя?

Рин улыбается:

— Он говорит, что пламени ему хватает на службе. И что его пламя — это я.

— Все, замолчи, или я начну плакать. — Я шутливо подталкиваю ее в бок. — Ладно, всем давно известно, что ты отхватила идеального мужчину.

— До идеала ему далеко. — Она ухмыляется, а потом меняется в лице. — Я его люблю.

— Рииин, — выдыхаю я. — Неужели ты это сказала? Почему мне, а не ему.

— Уймись и завидуй молча. — На этот раз в бок меня подталкивает она. — А если серьезно, харргалахт — это крайний случай. Наверное, у Ландерстерга просто по-другому не получится.

— Почему?

— Потому что он постоянно в своем пламени. И если ты на него подсядешь...

— То есть он сделал это не потому, чтобы на меня даже посмотреть никто не мог? — скептически интересуюсь я.

— Может и поэтому. Отчасти. Не знаю я всех его мотивов. — Рин пожимает плечами. — У меня родители закатили истерику, когда узнали, что я отказалась от харргалахт. Все-таки это частица пламени, и она не просто защищает, она... как бы сливается с твоей сутью. Я не хочу, чтобы на мою суть что-то воздействовало извне. Да, я действительно без ума от Сэфла, но пусть так и остается. Так, по-человечески, ты понимаешь, о чем я?

— Да. Я понимаю.

Потому что вчера у меня были похожие мысли.

— Ну вот. А они не понимают. Там случилась истерика, причем у матери и у отца одновременно.

— Они у тебя вообще донельзя старомодные.

— Сэфл тоже так говорит.

— Еще бы. Они вам запрещают жить вместе до свадьбы.

Рин закатила глаза.

— Вот кому это надо, а? Все равно все знают, что мы давно делаем это.

Я смеюсь.

— Но если вернуться к харргалахт... он правитель, Лаура. Пламя у него в крови. Буквально. И я даже не представляю, какой оно силы. Возможно, на него можно подсесть, просто находясь рядом. Об этом ты не задумывалась?

— То есть ты считаешь, что...

— Что вам нужно просто откровенно поговорить.

— Я пыталась. Но из этого ничего не выходит.

Рин усмехнулась.

— Как же ничего? Если он говорил с тобой про родителей. Думаешь, он всем

рассказывает то, что в тот вечер рассказал тебе?

Нет. Я так не думала.

Но если честно, я уже не знала, что думать. Настолько запуталась, что даже не представляла, куда двигаться дальше. Не считая кастинга в «Эрвилль де Олис» послезавтра. Сегодня утром мне прислали точное время: одиннадцать утра, Ледовый дворец Хайрмарга. Не «Винтерсайд», разумеется, где я занималась, а центральный: тот, где проходили все соревнования мирового уровня, включая Соурские игры. Задание было классическое — представить номер, как будто я уже на сцене, и при мысли об этом меня слегка начало потряхивать.

С ума сойти. Неужели это правда? Неужели я послезавтра иду на кастинг?!

А еще я вдруг поняла, в этот самый момент, что я хотела бы рассказать об этом Торну. О том, почему это для меня так важно. О том, почему я хочу стать той, кем хочу.

— Думаешь, если я сделаю ему ужин, это не будет выглядеть так, как будто я считаю себя виноватой?

— Это будет выглядеть так, что ты хочешь сделать ему приятное. — Рин нахмурилась. — Что в этом плохого?

— Ну... мы поссорились.

— Этого следовало ожидать. Он снял с тебя харргалахт. Естественно, для него это из ряда вон.

Не говоря уже о том, чтобы отключать щиты над Хайрмаргом. Разумеется, налет за это время случиться не мог, но сам факт...

— Ты уже определись, чего ты хочешь, подруга. Потому что сдается мне, ты хочешь одного, но сопротивляешься этому всеми силами. Совсем как я с Сэфлом. Представляешь, что бы сейчас было, если бы я и дальше продолжала упираться, как самка оцехарры? А точнее, чего бы сейчас не было.

— В прошлый раз на фудкорте ты говорила совсем другое.

— В прошлый раз на фудкорте я не располагала кое-какой информацией. И потом, это было в Северном молле, а сейчас мы в Южном.

Я не выдержала и улыбнулась.

— В общем, делай уже этот свой ужин, не разочаровывай... как его там...

— Дораж Эмери.

— Доража Эмери. Ему и так от Ингрид досталось. Ты же ему ничего не говорила про отмену?

— Нет.

— Ну вот. Возвращайся в резиденцию, делай ужин, и если этот мужчина этого не оценит, посылай его в пустошь. А если оценит — делай соответствующие выводы. И выходи на откровенный разговор. Все, пей уже свой пунш, Лаура, и вали, а то ты потом со мной вообще не рассчитаешься за сеансы психоанализа.

Я фыркнула, но пунш все-таки допила и поднялась.

— Знаешь, когда женщина взрослеет? — поинтересовалась Ринни, глядя на меня снизу вверх. — Когда у нее появляется мужчина. Настоящий мужчина, а не это твоё бывшее недоразумение по имени Мистхард.

Я запустила в нее комочком салфетки, но она поймала его на лету.

— Ты остаешься?

— Да, жду Сэбла. Он сказал, сегодня у него получится вырваться на обед, и мы договорились встретиться здесь.

— Хитрюга.

— А то!

В молле я спустилась на подземную парковку, и, пробежав к нужному сектору, сразу нырнула во флайс. В том, что Хестор в курсе моих перемещений, я уже даже не удивлялась, равно как и тому, что когда его набрала, он сразу сбросил мне сообщением номер секции, где парковался.

Следят за мной? Ну и пусть! Какая разница.

В конце концов, в том, что касается безопасности, мне действительно лучше довериться Торну.

Как и, возможно, во многом другом...

Меня настолько оглушила эта мысль, что я услышала Хестора, только когда водитель переспросил:

— Лаура? Куда дальше?

Я улыбнулась и сказала:

— Домой.

То, что Торн в резиденцию не собирается, стало понятно часов в десять. Все это время я бегала между залом, где хотела устроить сюрприз, и кухней (с перерывом на игру и прогулки с Гринни), а сейчас просто сидела в этом самом зале и жевала морковку. Сырую, которую стащила в свой предыдущий визит на кухню. Надо было спуститься туда опять и дать отбой всем, кто старался, но я честно не представляла, как это сделать.

И как дальше быть? Позвонить ему и сказать — знаешь, я туг готовила тебе сюрприз? Дораж Эмери со всей своей командой с ног сбились, и вся эта вкуснятина сейчас ждет своего часа на кухне? Идиотизм. Ринни была права: в том, что этот ужин стоило сделать и посмотреть на реакцию Ландерстерга. Правда, варианта, что он не приходит, в нашем разговоре не было.

— Лаура? — Дверь приоткрылась, и в зал заглянул не кто иной, как шеф-повар.

Этот зал отличался тем, что из него был потрясающий вид на заснеженную пустошь, а еще тем, что я лично облазила все углы и расставила повсюду свечи (которые включались по хлопку ладоней), чтобы создать эффект падающих не то звезд, не то снежинок. В свете открывшихся обстоятельств мне хотелось назвать их звездочками.

— Слушайте, мне очень жаль. — Я поднялась. — Я представляю, какой это труд, и...

— И ты даже ничего не попробуешь?

Если честно, я уже раз десять захотела и расхотела есть, но отказаться сейчас было бы чистой воды наглством, поэтому я кивнула:

— Разумеется, попробую. Я сейчас дракона бы съела.

— Вот и чудесно! — Дораж Эмери открыл двери и хлопнул в ладоши. — Заносим!

Заносили сначала салаты: их было три, но хватило бы на целую роту мергхандаров. В любом случае, теперь есть это придется мне.

— Хотите составить мне компанию? — спросила я у шеф-повара.

— Вообще-то я сам хотел навязаться, но раз ты настаиваешь. — Он совершенно спокойно и без лишних слов устроился на месте Ландерстерга, напротив меня.

Коротко глянул на официанта, собиравшегося открыть бутылку вина, и тот тут же

испарился.

— Рагранское сухое, — пояснил он, разливая по бокалам, — Лару Гаренжан, если быть точным. Двадцать пять лет выдержки! Я заказывал его специально, чтобы подошло ко всем блюдам. Попробуй.

Я пригубила вино. Терпкое, классическое, без каких-либо посторонних ноток. Не сказать, чтобы я вот прямо очень круто разбиралась в винах, но у меня отец был ценителем, и все интересные новинки сопровождал комментариями.

— Подождите! — сказала я. — Лару Гаренжан? Тот самый, которого Эфре обвиняют в том, что он скопировал у них веоланское?

— Ну, образно говоря... — Дораж Эмери задумался. — Первое веоланское появилось не у семьи Эфре. Так что они тоже его скопировали. Игристое, которое создал Гаренжан, просто подвинуло их на рынке, поэтому они слегка напряглись.

— Слегка? — фыркнула я. — Да они его преследовали до конца его дней.

— О, а ты еще и историю вин хорошо знаешь. Иногда кому-то надо просто успокоиться и продолжаться развиваться в своем направлении, чтобы создать что-то еще более интересное. А они продолжают заниматься ерундой и бегать по судам.

— Когда у тебя что-то копируют — это обидно, — сказала я, налегая на салат.

— Копия никогда не поднимется выше оригинала. Если она поднялась, значит, это уже не копия, а нечто иное. Более совершенное. — Дораж поднял бокал. — За совершенство!

— За совершенство! — отозвалась я.

— Знаешь, когда я работал в Рагране, особенно когда только начинал свой путь — чтобы добраться в эту резиденцию мне потребовалось много лет — я видел, какие бои устраивают рестораторы за то, чтобы быть уникальными. Какие методы они используют, — мужчина чуть подался ко мне, — если бы ты это видела, у тебя бы волосы встали дыбом.

— Уже почти, — призналась я, — вы очень вдохновенно рассказываете.

— Просто это до сих пор во мне слишком живо. — Дораж покачал головой, а потом откинулся на спинку стула. — Что-то я совсем не о том... как тебе салаты?

— Очень вкусно! — сказала я.

— Основной секрет салата — в соусах, — мужчина заговорщицки мне подмигнул, — а вот в этом соусе нет.

— Вообще?!

— Вообще.

За разговором я сама не заметила, как от салатов осталось очень мало. Наверное, не осталось бы совсем, но подали горячее. В этот момент я поняла, что мне надо оставить место еще для десерта, потому что если салаты — просто ум отъешь, а горячее пахнет так, что даже с полным желудком начинает сразу хотеться есть, я не могу пропустить десерт. Просто не могу, и все.

— Ой, нет! Я больше не буду, — сказала, когда Дораж попытался снова наполнить мой бокал. И тут же пояснила: — У меня завтра заключительная тренировка перед кастингом.

— Перед кастингом?

— Да. В «Эрвилль де Олис».

У него расширились глаза.

— Ну ничего себе!

— Да. — Я покрутила кусочек фианской рыбы кору на вилке и отправила в рот. Вкус оказался просто невероятным, не говоря уже о том, что этот кусочек просто таял на языке. — Мама очень их любила.

Дораж внимательно на меня смотрел, и я подумала, почему бы и нет. О том же самом я хотела сегодня поговорить с Торном.

— Она хотела стать Соурской чемпионкой. Когда-то, — я улыбнулась. — С трех лет на коньках, а в пятнадцать, перед выходом на Мировую Арену... травма. Даже не на выступлении, на тренировке. Ей оставалось несколько дней до чемпионата, у нее уже были первые места, но травма оказалась слишком серьезной. И все. Она вынуждена была оставить спорт, долго приходила в себя. А потом решила, что хочет все изменить, и переехала в Ферверн, поступила в Хайрмаргский Государственный. Там они познакомились с отцом. Она очень любила «Эрвилль де Олис», они с папой даже ходили на них. Вместе. Он рассказывал, что мама называла их своей ожившей мечтой.

Надеюсь, она сможет мной гордиться.

Этого я не сказала, просто улыбнулась.

— Невероятная история, Лаура, — серьезно произнес Дораж. — Уверен, у тебя все получится.

— Хотела бы и я так же быть в этом уверенной, — сказала со смешком.

Чем ближе становился кастинг, тем сильнее меня начинало потряхивать. Самое сложное заключалось в том, что ни у Кори, ни у Эльды не было возможности полноценно отработать номер (совместить ледовый танец и воздушное шоу не позволяли возможности залов). Поэтому часть тренировки заключалась в том, что мы работали над техникой, а часть — я танцевала и просто мысленно поднималась на лентах (у Эльды) или мысленно взлетала в воздух надо льдом в танце (у Кори). По большому счету, такие декорации, как у «Эрвилль де Олис» и такие возможности, как у них в шоу, мало где были реализуемы.

Но на то они и «Эрвилль де Олис».

— Разве есть повод для сомнений? У тебя? — Дораж приподнял брови.

— М... — только и сказала я.

— Хочешь, приду тебя поддержать?

Я моргнула. Такое предложение оказалось... слишком неожиданным, особенно учитывая, что он был первым, кто вообще это предложил. Да, на кастинг он со мной пойти не мог, разумеется, но проводить...

— Это слишком, — сказала я. — Я... боюсь, что я буду очень нервная и могу говорить много глупостей.

— О, ты даже не представляешь, сколько глупостей могу говорить я. Когда нервный. — Мужчина покачал головой и сделал большие глаза.

Я не выдержала и рассмеялась.

Как-то незаметно с кастинга разговор снова перешел на Доража, и, если честно, его умению рассказчика можно было только позавидовать. Десерт пошел на ура, и меня даже перестало потряхивать в ожидании предстоящего.

— Спасибо за ужин, Лаура, — произнес он, когда мы наконец встали. А кто-то, не будем показывать пальцем, почти выкатилась из-за стола.

— Тебе спасибо! — воскликнула я. — Все было очень вкусно!

— А я знаю, — без лишней застенчивости произнес он. — Доброй ночи!

— Доброй ночи!

Перед тем, как подняться к себе, я заглянула к Верражу (если можно так выразиться). Ему оборудовали другую комнату: снежные драконята в принципе устойчивы к холодам, но до определенного возраста они согреваются от мамы, поэтому пока ему лучше будет в помещении. Об этом мне рассказал один из мергхандаров, днем, когда я вернулась. Он же рассказал, что Верраж без особого энтузиазма, но ест, а вот пустить меня к нему отказались даже в сопровождении.

— У меня приказ, ферна Хэдфенгер, — был четкий ответ.

Я хотела поговорить об этом с Торном сегодня за ужином, но...

Но.

— Как он? — спросила, остановившись перед дверью.

Можно было бы начать уговаривать, просить сделать ради меня исключение, но я очень хорошо помнила, чем закончилась для мергхандаров предыдущая ошибка, поэтому не стала даже пытаться.

— Мы только вернулись с прогулки. Сейчас он спит.

Я подумала и сняла укороченный приталенный пиджачок.

— Положите это ему, — попросила я. — Приказу это не противоречит.

Мергхандар кивнул а я развернулась и быстрым шагом направилась к себе. Очень быстрым.

Звонить Ландерстергу я буду уже завтра после тренировок.

Потому что, как сказал Дораж, на эмоциях можно наговорить очень много глупостей.

Глава 23

— Лаура, соберись! — сердито командует Эльда — Последние пятнадцать минут у меня ощущение, что музыка отдельно, а ты отдельно. У тебя сегодня финальная тренировка, если ты помнишь.

Такое забудешь. Я останавливаюсь и подъезжаю к бортику.

— Мне нужен перерыв.

— Четвертый? Завтра так же будешь ныть на кастинге?

— Сегодня я не на кастинге, — огрызаюсь я.

— Это определенно радует. Потому что если бы ты так двигалась на кастинге, я бы тебе даже номер завершить не позволила.

— Какое счастье, что тебя не будет в жюри!

— Две минуты.

Обменявшись «комплиментами», мы расходимся: Эльда кого-то набирает, а я надеваю защиту на лезвия и иду к скамейке, где стоит бутылка с водой. Говорить о том, что я не выпалась, не имеет смысла, это к делу не относится. Эльда всегда отвечает, что это мои проблемы, но это и правда исключительно мои проблемы. Я всю ночь ворочалась с боку на бок, задремала только под утро на пару часов. Если бы я хотя бы волновалась по поводу завтрашнего! Но нет, я думала исключительно о драконах. О том, какой набл старший и о том, как мне попасть к младшему. В конце концов додумалась до того, что если младшего от меня закрыли, значит, я заставляю его нервничать, а следовательно, и делать мне в резиденции больше нечего. По-хорошему, радоваться бы, но не радовалось. Потому что сначала вспоминалась мордашка Верража, а потом — морда Ландерстерга, когда он склонялся ко мне, чтобы меня поцеловать.

Чтоб его драконы покусали!

— Две минуты вышли. На лед, — командует Эльда, как раз в тот момент, когда я закручиваю крышку и ставлю бутылку на скамейку.

— Иду.

Защита снова на покрытии, а я снова на льду. Мне нужно сосредоточиться, мне нужно оттанцевать этот номер, довести его до автоматизма, до такого уровня, чтобы импровизация заключалась только в расположении лент над катком. Я снова вливаюсь в танец, но даже сама чувствую — нет, не то, что музыка отдельно, а я отдельно, — а то, что я не ловлю то, что танцую. Такого со мной не было уже давно.

Такого, когда я словно гложу и двигаюсь наугад.

— Профессионально, — замечает Эльда, когда я останавливаюсь со вскинутыми руками. — Но без огонька. Если бы ты танцевала обязательную программу, я бы прямо сейчас тебя отпустила и сказала — отдыхай до завтра. Но завтра у тебя не спорт, дорогая. Завтра у тебя представление, от которого зависит вся твоя дальнейшая жизнь.

— Звучит страшно.

— Ты сама этого хотела. Что-то случилось?

Завтра пойдет сиреневый снег: Эльда спрашивает у меня, что случилось!

— Нет. Все в порядке.

Она испытующе смотрит на меня, светлые глаза на миг сужаются. Но только на миг.

— Тогда халтурить причины не вижу. Давай. Повтори все то же самое, что ты делала сейчас, только так, чтобы я то почувствовала.

Легко сказать. Как можно сделать, чтобы она это почувствовала, если я сама ничего не чувствую?

Ладно ныть и правда не время. Вот завтра оттанцую, пройду кастинг, а потом буду неделю ныть по поводу того, что Ландерстергу... тьфу ты! Не буду я по поводу него ныть. Никогда!

И с Верражем обязательно увижусь. Сегодня же!

— Ого, глазки загорелись, — произносит Эльда. — Прогресс! К чему бы?

— К тому, что была проведена небольшая внутренняя работа. Давай музыку.

Музыка взрывается надо льдом первыми аккордами: вливаясь в нее, я вскидываю руки. Чтобы мгновением позже скользнуть в сторону.

Холодное море — Холодный твой дом. И сердце твое скрыто Снегом и льдом. Холодные чувства, Холодная страсть — Она не позволит Мне в небо упасть.

Музыка набирает силу, и силу набирают мои движения: силу, скорость, и яркость, выраженную в каждом развороте.

Но есть кое-что Посильнее огня, И ты не поверишь — Хоть знаешь меня! Хоть видишь во мне Эти чувства давно... Тебе самому Их прожить не дано.

Сейчас мне нужно держать в уме, что на музыкальный проигрыш я буду подниматься на лентах, от смягченных, спокойных нот — к сильным, по нарастанию. Довольно сложно, но пока что я повторяю эти движения на месте, представляя, что уже поднимаюсь надо льдом. Все выше и выше, пока акцент на ударившей музыку ярости не проходит сквозь меня, а дальше — мне надо будет спуститься в разворачивающейся мелодии и в разворачивающихся лентах. Все ниже и ниже, пока коньки не коснутся льда, и из прогиба снова уйти в движение.

На словах:

Распахнуты настежь Все окна мои! И ветер давно Поселился в крови. Он ярче, чем пламя, Сильнее штормов! Позволит избавиться Мне от оков.

Самый сложный момент — серия прыжков от одного к четырем, с минимальным перерывом. В ритме сумасшедшего биения сердца в танце, когда движение проходит от расправленных кончиков пальцев через все тело. На этом я выкладываюсь полностью, точнее... я вкладываюсь полностью.

Вкладываю всю себя.

Расправлены крылья — Первый прыжок

Первый прыжок.

Землю внизу превратит В островок! Чувства, которые В сердце горят

Второй! У меня перехватывает дыхание, когда я снова приземляюсь на лед.

Больше меня Не отравят, как яд. Парить в небесах Выше всех облаков

Третий заставляет сердце раскрыться цветком, на губах расцветает улыбка. Это ведь то, чего я хотела всю жизнь!

Как бы я хотела, чтобы мама могла меня видеть. А еще больше — чтобы она могла увидеть меня в шоу «Эрвиль де Олис»!

Удары сердца отзываются в движениях, в которые я влетаю, и последний — четвертый прыжок, вот-вот раскроется на максимальной скорости.

Выше драконов И выше ветров! К звездам взлететь, И почувствовать их...

Я действительно что-то чувствую, когда ноги отрываются от земли, а еще вижу, что

Эльда смотрит за мою спину. Потом что-то кричит. Потом в развороте, в этом сумасшедшем мельтешении, я вижу внизу маленькую девочку. Рядом со мной.

Мне либо врезаться в нее, либо дернуться в сторону.

И я дергаюсь.

Лодыжку обжигает болью, а следом, когда я падаю, болью обжигает бедро. Такой, что перед глазами действительно осыпаются звезды, в темноте, очень похожей на ту, что вчера была в зале, где готовила ужин. Когда возвращается свет, возвращается и музыка, финальными аккордами:

В последний момент В тишине на двоих.

Еще возвращается картинка, правда, немного смазанная: Эльда бежит ко мне прямо по льду.

А я пытаюсь подняться, и понимаю, что не могу.

Правая нога, начиная от таза кажется сплошным отростком непроходящей боли, от которой меня начинает тошнить. Тем не менее я цепляюсь за бортик, и пытаюсь встать, опираясь на левую, когда Эльда орет не своим голосом:

— С ума сошла?! Не двигайся! Сидеть, я сказала!

После такого, особенно когда она подлетает ко мне, двинуться мне уже не грозит. У меня снова темнеет перед глазами, но а все-таки слышу, как Эльда называет адрес Ледового дворца, а потом, во время очередной короткой вспышки сознательного — вижу, как истошно кричит вылетевшая на лед девочка, а какая-то женщина (по всей видимости, мать) прижимает ее к себе.

— Я только на секунду отвернулась... — бормочет она.

— Вон пошли. — Я никогда не видела Эльду в таком бешенстве, у нее даже губы белые. — Я сказала — вон!

Мать что-то бормочет, подхватывает плачущую малышку и уносит, а ко мне по льду уже бегут медики. Правда, это я уже ловлю краем ускользающего сознания, что-то холодное касается сгиба локтя. Я перевожу ставший тяжелым взгляд на пистолет-шприц.

Обрывки голосов напоминают неполадки на сервере кинопортала.

— ... шок...

— ... да, я уже вызвала...

— Не стоит.

Я даже хочу спросить, что там не стоит делать, но по льду уже бегут парамедики. Меня очень осторожно перемещают на носилки, и тогда а спрашиваю:

— А с девочкой все в порядке? Она так кричала...

Эльда смотрит на меня так, будто я сказала несусветную глупость, тем не менее отвечает:

— Все. Я еду с вами.

Последнее уже точно не мне, но в медицинском отсеке флайса сознание начинает понемногу проясняться. Потихоньку, по самой капельке, и по этой самой капельке да меня начинает доходить, что произошло. В этот момент подключенный ко мне датчик отзывается писком возрастающего сердечного ритма.

— Что там? — говорю я, пытаюсь приподняться. Начиная от талии я накрыта плотным белым полотном, и мне нужно его отдернуть...

— Ферна Хэдфенгер, вам нельзя шевелиться, — мгновенно отзывается женщина-

парамедик.

Нельзя шевелиться?! Почему?!

— Что со мной?! — Я уже почти кричу.

— Это уже не шок, — говорит второй, проверяя показания на планшете. — У нее паническая атака.

Что?! Паническая атака?! Я снова пытаюсь приподняться, но меня силой укладывают обратно, парамедик плотно держит меня за плечи.

— Лаура, — жесткий голос Эльды возвращает в реальность, — давай ты спокойно полежишь, пока тебе не сделают снимок.

— Спокойно?! А ты бы полежала спокойно?!

— От того, что ты сейчас будешь истерить, лучше никому не станет.

Мне остается только лежать и дышать — глубоко, как на разминочных тренировках у Кори.

— Я пропущу тренировку, — шепчу еле слышна. — Мне нельзя пропускать тренировку.

Эльда склоняется надо мной и берет мою руку в свою

Кажется, она ее и не отпускает, пока аэроносилки летят по коридору в корпус магнитно-резонансной диагностики. Только перед дверями в зал разжимает пальцы и произносит:

— Я с тобой.

Но вот она уже не со мной, и я слышу шум, отзывающийся во всем теле. Я даже не поняла, когда с меня сняли коньки, я этого не почувствовала. Равно как не чувствую сейчас ничего внизу. Но так же не должно быть? Когда автомат выносит меня из сканирующей капсулы, ко мне подходит врач. Мужчина лет пятидесяти, со штрихами седины на висках.

— Ферна Хэдфенгер, у вас двойной перелом со смещением, разрыв связок и суставной сумки, — говорит он.

Я, кажется, мыслю здраво, но не могу объять то, что он мне сказал. Нет. Это не может быть про меня. Нет-нет-нет...

— Мы рекомендуем операцию с последующим суточным восстановлением в регенерационной капсуле.

У меня нет этих суток!

Я в шаге от того, чтобы начать истерить, как выражается Эльда, но в этот момент в зал входит Ландерстерг. Врач разворачивается к нему, чтобы сообщить, что посторонним сюда заходить нельзя (об этом гласит электронная табличка над залом, я ее помню), но если он и собирался это сказать, сейчас его энтузиазм иссяк.

Тем более что дракон проходит мимо него и склоняется надо со мной.

— Как ты? — просто спрашивает он.

Так... по-настоящему, как кажется, не спрашивал никогда.

Если еще минуту назад я готова была кричать, то сейчас мне хочется плакать. Никогда не хотелось, а сейчас — хочется. Поэтому я кусаю губы и говорю:

— Двойной перелом со смещением и что-то еще. Он лучше объяснит.

Врач указывает на дисплей планшета.

— Я рекомендую операцию, а после регенерационную капсулу, — повторяет он.

— Прогнозы?

— Сутки на восстановление в капсуле, а после реабилитационный период две недели...

— У нас нет этих суток.

Мужчина приподнимает брови, а мне кажется, у меня опять начались галлюцинации (или только что начались галлюцинации?), потому что Ландерстерг говорит моими словами. То есть моими мыслями. То есть...

— Ферн Ландерстерг, я не волшебник. Капсула может срастить кости после операции, регенерирует поврежденные ткани, но за определенное время. Кроме того, девушке потребуется физиотерапия. Кости после восстановления не должны подвергаться критическим нагрузкам, так что мы сейчас говорим не о сутках, а о неделе, минимум двух. Возможности медицины не безграничны, а ферна Хэдфенгер, к тому же, человек...

— Вы мне сейчас сказали, что вы не можете сделать, — перебивает его дракон. — Мне нужно, чтобы вы сказали, что вы можете сделать. Чтобы завтра утром она смогла выйти на лед.

У врача округляются глаза. А я, кажется, перестаю дышать.

— Ферн Ландерстерг, это невозможно. Я бы не рекомендовал выход на лед как минимум...

— Снимки пересылайте сюда, — говорит он, что-то быстро набирая на смартфоне. — Немедленно.

Потом набирает кого-то.

— Сейчас тебе пришлют снимки. До того, как мы приедем, нужен полный расклад — риски, прогнозы, все, что возможно в результате экстренного восстановления. Да. Через полчаса.

На врача он больше не смотрит, зато смотрит на меня, на этот раз не склоняется, зато накрывает мою руку. Прикосновение легкое, но от него настолько веет уверенностью и силой, что эти силы возвращаются через него ко мне. Я больше не чувствую, что падаю — во всех смыслах — особенно когда Ландерстерг произносит

— Нам придется еще немного полетать, Лаура. Если не будет серьезной угрозы, ты завтра будешь танцевать. Я тебе обещаю.

На тему «полетаем» Торн очень точно подобрал слова: для начала я лечу по коридору на аэроносилках, и рядом снова идет Эльда. Сейчас уже не только Эльда, и кажется, не свернувшего в нашу сторону шею в этой больнице точно не осталось.

— Мне потребуется вся информация о вашей ученице и ее матери, — это, кажется, первое, что произносит Ландерстерг, когда мы с мергхандарами оказываемся запечатаны в лифте.

— Вы же не думаете, что...

— Пока что мне некогда об этом думать.

О чем они говорят?

Эльда закусывает губу и кивает.

— Хорошо.

И дальше они молчат уже до самой верхней парковки, где перед выходом на меня набрасывают такой теплый плед, что мне становится жарко даже на морозе.

— С вами свяжутся в течение пяти минут.

— Я смогу ее увидеть?

— Там, куда я ее везу, посторонних нет.

У Эльды тут же холодеет взгляд тем не менее она отвечает:

— Как скажете, — и наклоняется ко мне. — Удачи, Лаура. Как сможешь, позвони мне, пожалуйста.

— Разумеется, — тихо отвечаю я.

Эльда в ответ чуть сжимает мою руку и отступает.

— Это сейчас было грубо, — сообщаю я Ландерстергу, когда мы оказываемся в медицинском флайсе.

— Мне не до дипломатии. Она это допустила.

— Торн, — прошу я. — Пожалуйста, не начинай.

— Ты права, Лаура. Сейчас не время об этом говорить. — Теперь уже он сжимает мои пальцы. — Лучше расскажи, почему ты не сказала мне про ужин?

Он уже и про ужин знает. Точнее...

— Если ты про него знаешь, то почему не пришел?

Не хотела я это спрашивать так. Если честно, я вообще об этом спрашивать не хотела, оно само спросилось.

— Потому что вы с Доражем те еще конспираторы. Все это время мергхандары пребывали в уверенности, что ты готовишь ужин, чтобы помириться с Ингрид.

— ЧТО?!

— Это Дораж придумал. Потому что в отличие от тебя, он знает, что в моей резиденции от меня очень сложно что-то скрыть. Правда, сегодня утром позвонил мне и во всем сознался.

— Потрясающая формулировка.

— Чем тебя не устраивает формулировка? — интересуется дракон, а потом наклоняется чуть ниже и убирает волосы с моего лица.

— Не знаю... всем?! Ты еще и в курсе ссоры с Ингрид?

— Я в курсе всего, что происходит с тобой, Лаура.

— Почему?!

— Потому что ты для меня важна.

Эта формулировка ничуть не менее странная, но почему-то от нее становится нечем дышать. Или нечем дышать становится от того, как мягко его пальцы скользят по моей щеке? Он смотрит мне в глаза так же, как в тот вечер, до отъезда в Аронгару. На миг даже кажется, что этой недели не было, но она была. Поэтому я быстренько меняю тему:

— Куда мы летим?

— Это секретный объект, Лаура. В том числе медицинский центр по экстренному восстановлению мергхандаров после серьезных ранений.

— О, — только и говорю я. — На секретных объектах меня еще не восстанавливали.

— Я надеюсь, что это Будет первый и единственный раз. — Торн пристально смотрит на меня.

— Почему ты мне ничего не писал? — этого я тоже не собиралась спрашивать, но оно спросилось. Наверное, во всем виновато обезболивающее и противошоковое, слишком сильные, судя по тому, что я несу: — Я помню, что ты говорил про сообщения, можешь

не отвечать.

— Потому что больше всего на свете мне хотелось это сделать.

— Что? — второй раз спрашиваю я.

— Хотелось написать тебе сообщение. Прямо из зала заседаний в Мэйстоне, но там все отключают связь. На время заседаний, разумеется, чтобы такие как я не писали сообщений.

Я пытаюсь понять, говорит он серьезно, или шутит, да и вообще говорит ли? Может, у меня просто бред?

— Ты это сейчас серьезно? — спрашиваю я на всякий случай.

— Совершенно. Там существует только экстренная — на случай, если что-то произойдет, об этом сообщат по внутреннему динамиду.

— То есть примерно так: Торнгер Ландерстерг, вашей невесте оторвало голову?

— Ты сказала — вашей невесте?

Я такое сказала?!

— Это было для примера. И то, что твоей гипотетической невесте оторвало голову, значит, ничего не значащая информация?

— Поскольку невеста гипотетическая, то нет.

О чем мы вообще говорим?

— Вечерами я думал о том, что хочу как можно скорее вернуться к тебе. Поэтому когда совещания закончились, и главы мировых держав отправились на фуршет, я вернулся в Хайрмарг.

Где мы шикарно поссорились.

— Ты тоже глава мировой державы, — напоминаю я. — Фуршет был и для тебя тоже.

— Не задается у меня в последнее время с едой. Все из-за гипотетической невесты.

Не уверена, что это то самое чувство, но сейчас у меня к щекам приливает кровь, а руки почему-то становятся горячими. Ноги... я о них стараюсь не думать, но не думать о них сейчас уже гораздо проще, чем раньше.

— При чем тут гипотетическая невеста? — интересуюсь.

— При том, что рядом с ней все идет не так, как задумано.

— А как задумано?

Торн собирается ответить, но в этот момент флайс затихает, как мог бы заснуть урчащий после сытного обеда дракон. В этой тишине я так отчетливо слышу свое дыхание, что от легкого стука по дверям вздрагиваю.

— Ферн Ландерстерг. — Это сотрудница суперсекретного центра, или как там это место называется.

Мне остается только следить за происходящим, насколько позволяет мое положение. Лежа, потому что за попытку приподняться меня награждают таким взглядом, после которого шевелиться не хочется вовсе. Здесь высокие потолки и вентиляционная система напоминает самую обычную вентиляционную систему на подземной парковке. А вот внутри ничего обычного уже нет.

О секретности объекта здесь говорит абсолютно все: начиная от трехуровневого доступа с такими наворотами, которые даже в фантастическом кино не показывают, до ультрасовременных технологий абсолютно во всем.

Широкие коридоры, яркий свет, который, впрочем, не бьет по глазам, двери с кодовыми замками и сканерами.

— Мне уже начинать бояться? — спрашиваю я.

Торн приподнимает брови.

— После того, что я видела, ты обязан будешь меня убить.

— Чувство юмора у тебя так себе.

— Кто бы говорил.

— Торн.

Мужчина, который встречает нас в медицинском зале, протягивает ему руку.

— Ферна Хэдфенгер, — коротким приветствием он и ограничивается, после чего сразу переходит к делу: — Я изучил снимки и анализы. Ускоренное восстановление ферна Хэдфенгер выдержит без проблем, есть только одно серьезное «но». Ее организм не приспособлен к быстрому возвращению в строй. Мергхандар, вставший из нашей капсулы, способен мгновенно идти в пустоши или в бой за счет ресурсов пламени и внутреннего восстановления. У ферны Хэдфенгер пламени, к сожалению, нет. Ну и напомню, что организм человека более хрупкий. Ее костную ткань после регенерации не желательно подвергать физическим нагрузкам. То есть чисто теоретически она поедет.

— А практически?

— Практически надо смотреть после восстановления. Проводить тесты. Торн, — он вскинул руки, — ты просил прогнозы, я тебе их даю. В любом случае девушке нужна срочная операция, а время все обдумать у тебя будет.

Короткую паузу заполнил голос дракона:

— Хорошо. Готовьте операционную.

— Обижаешь. Все уже готово.

— Тогда на пару минут.

Судя по шагам и воцарившейся тишине, мы остались одни.

— Я боюсь, — честно призналась я. — Мне никогда не делали операций.

— Мне делали. Как видишь, живой, и даже иногда улыбаюсь. — Торн склонился над мной. — Лаура, Арден лучший. Иначе его бы здесь не было. И нас тоже.

— А вдруг...

— Никаких вдруг. — Он наклонился, чтобы убрать волосы с моего лица. — Проснешься уже в регенерационной капсуле и будешь как новенькая.

— А что делали тебе?

— Давай об этом сейчас не будем.

Я поняла, что меня трясет — несмотря на количества лекарств в крови.

— Торн. Не уходи.

Этого я тоже просить не собиралась, но...

— Я и не собирался. — Дракон коснулся губами моего виска. — Все, полетели. Дальше тянуть нельзя.

— Нет. — Я вцепилась в его руку. — Нет-нет, я не готова...

Вопреки всем моим представлениям о том, что должно было произойти дальше,

Ландерстерг кивнул.

— Хорошо. Скажешь, когда будешь готова.

Его руки казались просто раскаленными, когда сжимали мои ледяные. От жара, который я чувствовала во флайсе, почти ничего не осталось, но сейчас на двоих хватало его. Я согревалась от них, как могла бы согреваться от пламени, которое считалось обычным. Хотя что называть обычным, если ты родилась в Ферверне. Не знаю, сколько прошло времени, сколько он так стоял рядом со мной. Только когда кто-то заглянул в зал, Торн бросил быстрый взгляд через плечо, а после снова повернулся ко мне.

И я кивнула.

— Все будет хорошо, — пообещал он.

Я снова кивнула.

— Лаура.

Меня уже забирали, поэтому его голос коснулся меня в дверях. Впрочем, коснулся — это слабо сказано, он на меня обрушился словами:

— Гипотетическая невеста сводит меня с ума. Именно поэтому я так хочу, чтобы она стала настоящей.

Пока я пыталась это осознать (признаюсь честно, осознавалось с трудом, особенно то, что Ландерстерг это сказал при всех), надо мной слегка поменялись лампы, а подо мной — поверхность. Заснула я действительно быстро.

И проснулась тоже быстро, в регенерационной капсуле с откинутой крышкой.

Это все было настолько нереально, что показалось мне просто мгновением, возможно, именно поэтому я и открыла глаза с мыслями про невест гипотетических и настоящих.

Рядом с капсулой наблюдались и Торн, и Арден. Сейчас я этого мужчину рассмотрела гораздо лучше чем вчера, высокий. с военной выправкой и жестким ершиком волос.

— Поздравляю, ферна Хэдфенгер, — произнес он. — Операция и восстановление прошли успешно.

Я перевела взгляд на Торна и поняла, что успешно — это хорошо. Но не совсем.

Просто именно этот взгляд, словно закрытый заслонкой ото всего и ото всех я видела, когда он говорил про свою семью.

— Мы провели серию тестов, и выйти на лед у вас сегодня не получится, — сказал он. — Зато после отдыха и физиопроцедур не будет никаких препятствий для дальнейшего развития в том, чем вы занимаетесь.

Он ободряюще мне улыбнулся.

— Еще пять минут рекомендую полежать, вашему организму нужно привыкнуть к пробуждению. Потом можете подниматься.

Короткий взгляд на Торна — и вот уже за Арденом закрывается дверь. Примерно так же, как в моем сознании сейчас закрылась дверь перед мечтой попасть в «Эрвилль де Олис». Но, как бы там ни было, стоящий рядом дракон сделал все, чтобы это исправить, поэтому я затолкала рвущиеся из груди слезы туда откуда им не грозило пролиться, и выдавила из себя улыбку.

— Привет.

Он не просто сделал все, чтобы моя мечта исполнилась, он еще и сделал все, чтобы меня отвлечь. В частности, перед операцией, когда я даже не поняла, как она случилась — из-за его слов про гипотетических невест и все таксе.

— Мне очень жаль, Лаура...

— Не стоит, — перебиваю я. — Это совершенно точно не конец света.

Только почему у меня таксе чувство, что конец?

— Мне жаль, что так получилось, и что тебе придется снова повторять все эти изматывающие тренировки.

Что?

— Ринара Рибельгар связалась с организаторами кастинга и отправила им твои снимки после томографии. — Торн посмотрел мне в глаза, а чувство было таксе, что в самое сердце или гораздо глубже. — Они согласились посмотреть тебя на индивидуальной основе. Правда, уже в Рагране, через две недели после праздников. Точную дату тебе сообщат позже.

Несколько секунд я пытаюсь осознать, при чем тут Ринни.

Потом до меня доходит.

Так же, как доходит смысл сказанных им слов.

Еще с полминуты я цеплялась за них, пытаюсь найти в себе хоть какой-то ответ, а потом все-таки разревелась.

Глава 24

— Лаура!

— Привет, пап! — Я порывисто его обнимаю и тут же отстраняюсь, вспоминая, что вообще-то мы не одни. Хотя после того, как Ландерстерг видел мои слезы, ничего более откровенного он уже не увидит.

— Благодарю за то, что ее привез, — отец протягивает ему руку.

Которую тот пожимает без лишних слов.

Мне вообще кажется, что все, что с Ландерстергом происходит рядом со мной, выключается рядом с другими. Сейчас я бы ни за что не сказала, что этот мужчина способен пальцами стирать дорожки слез с моих щек и прижимать к себе, но дело в том, что я знаю точно — он способен.

Хотя мне кажется, мои слезы выбили его из равновесия еще больше чем меня, и первые пару секунд (или сколько там ушло на принятие решения у дракона быстрого реагирования) Ландерстерг понятия не имел, что со мной делать. То есть в глазах его застыло выражение, которое я могла бы описать примерно так: «Подскажите, как это выключить».

Это — в смысле слезы. Меня тоже можно, а перезагрузить уже без воспоминаний о том, как он на меня смотрел в первые мгновения.

— Юргарн, на пару слов.

Отец кивает:

— Лаура, подождешь меня в гостиной?

— Разумеется, пап.

Мужчины скрываются в коридоре, и это тоже к лучшему. Я оставляю мергхандаров в холле и перебираюсь в гостиную (на автопилоте), потому что после всего случившегося мне нужна короткая передышка, и сейчас она у меня есть. Я сбрасываю пальто и сапожки и устраиваюсь на диване, подогнув под себя ноги.

Все, что в моей жизни происходит, происходит слишком быстро.

В частности, отношения с драконом, в которые я влетела как с ледяной горки в стену. То есть мне казалось, что в стену, а на самом деле... Я и хочу позволить себе что-то большее, и одновременно боюсь. Потому что не только Ландерстерг рядом с гипотетической невестой становится сам не свой, гипотетическая невеста рядом с ним тоже становится на себя не похожа.

Ну хорошо. Я это признала.

И что мне делать дальше?

Мы договорились, что он отвезет меня к отцу на время, пока будет в Айрлэнгер Харддарк, а во второй половине дня заберет, и мы вместе вернемся в резиденцию. Это все достаточно просто, если бы не одно «но».

Что дальше?

Судорожно вздохнув, достаю телефон и пишу сначала Рин: *«Спасибо, подруга»*, потом Эльде: *«Со мной все в порядке»*.

Рин предсказуемо отвечает первой: *«Не за что, подруга. Набери, когда тебе надоест твой дракон»*.

Я пишу: *«Мы сейчас не вместе»*, — и стираю.

Потому что Рин точно позвонит, а я к этому не готова. Точнее, может быть и готова, но

то, что сейчас со мной происходит, мне нужно пережить самой. Пережить и принять решение, которое, в общем-то, необязательно принимать сейчас — до конца оговоренного месяца время еще есть. Время есть, но я не смогу продолжать в том же ключе. После всего, что было, просто не смогу.

Я боюсь упасть в этого дракона, как в обманчиво-неглубокий сугроб.

Такой, который под плотным снегом, на который ты наступаешь — и проваливаешься по колено. Правда, в моем случае это будет с головой. Я боюсь еще и потому, что Рин права: я никогда ничего подобного не чувствовала, ни с Мистом, ни по поводу мальчиков, на которых заглядывалась раньше. Ландерстерга нельзя сравнивать с кем-то из них, даже приблизительно, но я и не хочу его ни с кем сравнивать.

Он — это он.

И рядом с ним я становлюсь... совершенно непредсказуемой, назовем это так.

«Наберу», — отвечаю я.

«Только не через пару лет, а то я тебя забуду и заведу себе другую подругу».

Сообщение от Рин заставляет улыбнуться, а в следующую минуту в комнату уже входит отец. Склоняется надо мной и целует в макушку:

— Знала бы ты, как я за тебя испугался, — выдыхает, а после садится рядом и берет мои руки в свои. Он смотрит на меня так, как не смотрел уже очень давно — внимательно, словно пытаюсь изучить каждую черточку моего лица. — Ну, рассказывай.

— Да нечего тут рассказывать. — Я сжимаю его руки. — Танцевала, упала, теперь все хорошо.

— Вот так просто?

— Вот так просто, — улыбаюсь я.

Какое-то время отец молчит, а потом произносит, негромко:

— Как же ты похожа на мать.

— Это хорошо или плохо?

— Это хорошо. Я так думаю. — Он раскрывает мои ладони вверх. — Она всегда была сильной. И удивительно светлой.

От его слов тоже становится светло, и я чуть подаюсь вперед.

— Пап, почему ты женился на Ингрид?

Отец приподнимает брови.

— Это слишком серьезный вопрос, Лаура.

— Ну если ты отменил ради меня встречи с клиентами, значит, время у тебя есть.

Он улыбается:

— Почему ты спрашиваешь?

Потому что сейчас я хочу принять, кажется, самое важное решение в моей жизни.

Как и когда Ландерстерг стал самым важным решением в моей жизни, я упустила, но факт остается фактом.

— Мне нужно кое-что понять.

— Что же?

— Ты ее любишь?

Отец вздыхает.

— Когда я женился на Ингрид, я думал о том, что тебе нужна мать, но матерью тебе она так и не стала. Потом... потом родилась Сильви, и все как-то стало иначе.

— Иначе — это как?

— Мы стали семьей. По-настоящему. Не так, как с твоей матерью, но все же... сейчас я рад, что все случилось именно так.

— А если бы Ингрид грозило потерять мечту своей жизни, ты бы ей помог?

— Разумеется, — отвечает отец, а потом хмурится. — Погоди. Лаура, ты сейчас вообще о чем?

О ком.

— Я боюсь, что для Торна я буду как для тебя Ингрид, — отвечаю я. — Просто по-настоящему стану семьей, и все.

Я могу много еще сказать — о том, что я хочу, чтобы я для него тоже стала сугробом, и чтобы между нами было нечто гораздо большее, чем взаимное уважение и привязанность, но, по-моему, я и так уже слишком много сказала. Особенно для моего отца, который все это считает глупостями.

— Для Торна? — Отец улыбается, а потом качает головой. — С чего вдруг такие мысли, Лаура?

— С того, что у меня нет пламени, — отвечаю я. — Нет и никогда не будет.

— Пламя? — он хмыкнул. — Полагаю, об этом тебе лучше спросить самого... Торна.

Мне кажется, или надо мной слегка... подтрунивают? По-доброму так, то есть отцу, по-моему, очень понравилось, что я назвала Ландерстерга Торном. А я уже жалею, что вообще подняла эту тему, особенно с ним.

— Я спрашивала, — буркнула я.

— И что он сказал?

— Сказал, что это важно, но не жизненно необходимо.

Эти его слова я запомнила очень хорошо. Я вообще запоминаю очень хорошо все, что касается пламени. Если бы мне выдали учебник по огням, я бы его изучила вдоль и поперек, но для людей представлена своя кратенькая небольшая теория, введение в мир иртеханов, вроде как. Не сказать, что совсем никакой информации, еще лет десять назад люди вообще знали о пламени только то, что оно есть, но...

— Тебе стоит поговорить об этом с ним, Лаура. Если это тебя волнует. — Сейчас отец серьезен, как никогда, и я ему искренне за это благодарна.

— О чем вы говорили? — Меняю тему, потому что полностью с ним согласна.

— О делах. На следующей неделе у меня вступление в должность.

— О... — Я почти про это забыла. — Поздравляю, пап!

— Поздравлять пока рано, — он смеется, — вот на следующей неделе устроим прием... Кстати, об Ингрид. Она уже знает, что собирается надеть?

Теперь смеюсь я.

— Нет. Кажется, она слишком увлеклась праздником в загородной резиденции. Хотя учитывая, что мы с ней неделю не разговаривали, возможно, у нее уже десять нарядов на все случаи жизни.

— Помирись с ней, Лаура. — Отец смотрит мне в глаза. — Мы все-таки семья.

— Хорошо.

— Хорошо? — кажется, он удивлен тому, что я так легко согласилась.

— Хорошо. Мы действительно семья.

Отец подается ко мне и неожиданно меня обнимает.

— Безумно рад, что с тобой все в порядке, малыш.

— Эй! — я возмущенно фыркаю. — Я уже не малыш!

Он отстраняется, заглядывает мне в лицо. В глазах смешинки.

— Даже не сомневался, что ты это скажешь. Пойду приготовлю обед. — Отец потирает лоб и поднимается. — Хотя сто лет этого не делал и не уверен, что это можно будет есть.

— Пойдем вместе, — я поднимаюсь вслед за ним.

— Тебе лучше отдохнуть!

— Пап! — возмущаюсь я. — Со мной все в порядке, ты правильно сказал. Танцевать я пока не могу, это правда, но на этом все.

Отец вздыхает, а я вздыхаю, а точнее, выдыхаю, когда заглядываю в холодильник.

— Папа! У тебя же совершенно нечего есть!

— Да все руки не дойдут пригласить домработницу, — говорит он. — Тем более что я почти круглосуточно в офисе...

— Круглосуточно в офисе! — передразниваю я. — Скажу Ингрид, что ты превратил наш холодильник в пустошь. Продукты-то хоть есть?

В морозильнике, к счастью, есть. Поэтому я вытаскиваю все то, что можно приготовить быстро, и мы вместе принимаемся за готовку. Учитывая, что наши с отцом кулинарные таланты примерно на одном уровне, то есть ноль одна десятая и немножечко сотых, получается достаточно весело. Особенно отпрыгивать от сковороды с шипящим маслом: это здорово развивает реакцию.

Когда мы заканчиваем с готовкой, на столе две подозрительные тарелки. В смысле, приготовленное на них выглядит подозрительно, и мне почему-то смешно при мысли о том, что бы об этом сказал Дораж.

Кажется, у отца примерно такие же мысли.

— Внешний вид не главное, правда? — Он смотрит на меня. — Главное, чтобы было вкусно.

Видеть Юргарна Хэдфенгера таким — немного растерянным, в фартуке поверх костюма, домашним, очень непривычно. Но мне почему-то кажется, что именно таким он был рядом с мамой.

— Пригласи домработницу, пап, — говорю я, когда мы садимся за стол.

— Обязательно.

— Прямо сегодня! Найди время. Не думаю, что для этого нужно два часа.

— Приглашу. — Он улыбается и пробует. — Вкусно!

— Правда?

Приготовленное нами оказывается действительно съедобным (что меня очень радует), хотя у меня такое чувство, что половину вкуса ему придают наши с отцом теплые посиделки и то, что мы вместе прыгали по кухне, создавая этот шедевр горячего. Салатик, в общем, тоже ничего, его я сделала на скорую руку, но получилось интересно.

Кажется, именно из-за соуса, в который я, помня о наставлениях Доража, капнула липонового уксуса.

— О-о-о! — говорит отец, когда принимается за салат. — Что это?

— Это секрет. — Я смеюсь. — Рада, что нравится.

Какое-то время мы едим молча, потом отец смотрит на часы.

— Мне скоро убегать, Лаура. Справишься тут без меня?

Я складываю руки на груди.

— Па-ап.

— Ладна, ладно. — Он машет рукой. — Все в порядке, я понял.

— Вот именно. А у тебя все в порядке?

Отец вопросительно смотрит на меня.

— С клиентами. Помнишь, ты говорил, был какой-то проблемный.

— А, — он на мгновение хмурится, но тут же кивает, — да. Он понял, что я с ним работать не стану.

— Ну и хорошо, — подпираю ладонями подбородок

Мы болтаем обо всем подряд, и кажется, такого теплого общения у нас не было уже лет десять, если не больше. Потом отец действительно быстро собирается, я целую его в щеку в холле, и он убегает.

А я остаюсь.

Хожу по квартире, понимая, насколько соскучилась по нашим семейным вечерам. Все-таки в этих ужинах Ингрид что-то действительно было.

Посудомоечная машина заканчивает работу, и я устраиваюсь на диване, чтобы немного отдохнуть. Просыпаюсь уже от звонка Торна.

— Готова? — спрашивает он

Как-то очень просто. Я бы сказала, слишком, но в этой простоте есть нечто очень притягательное для меня. Безумно притягательное, я бы сказала.

— Готова, — отвечаю, потягиваясь.

— Через пятнадцать минут я у тебя.

Он у меня через четырнадцать минут и двадцать три секунды, я ради интереса запустила секундомер. Но ему сказать об этом забыла, потому что как только его ладонь касается моей, во мне вспыхивает пламя. Не знаю, как свое пламя чувствуют иртханы, но я свое — очень и очень остро. Огненными искрами по телу, от которых становится жарко, как в летний зной.

Я сжимаю ладонь, чтобы это скрыть, но мне кажется, что он видит меня насквозь. По крайней мере, в синих глаза мерцают ледяные искры, как отражение тех, что чувствую я. Сколько времени прошло с того дня, когда меня ужалило наше первое прикосновение? Я уже смутно помню. Я вообще смутно помню что-то, когда смотрю ему в глаза, поэтому уже в следующее мгновение отвожу взгляд.

— Как дела в Айрлэнгер Харддарк? — интересуюсь как ни в чем не бывало.

— Превосходно.

Мы спускаемся к флайсу, и попавшийся нам по дороге сосед выразительно сворачивает голову в нашу сторону.

— Ты так быстро освободился?

— Образно говоря, я никогда не бываю свободен. Но к счастью, у меня есть возможность работать удаленно.

Мы садимся во флайс, и звуконепроницаемая перегородка отделяет нас от водителя и сопровождающего нас мергхандара. Я только-только начинаю выделять его среди остальных, потому что они все как на подбор, но этого что-то неуловимо выделяет. То ли манера держаться ближе, когда остальные на отдалении, то ли привычка держаться дальше, когда другие, наоборот, приближаются.

— Это твой начальник службы безопасности? — интересуюсь я, когда мы поднимаемся в воздух.

— Крейд? Нет. Он правая рука Стенгенберга.

— А Стенгенберг — это...

— Это начальник моей службы безопасности. И мой первый заместитель.

Я успеваю только подумать, как так получилось, что я ни разу не видела этого Стенгенберга при всей его важности, когда Торн пересаживается ко мне.

— Ты правда хочешь говорить о делах, Лаура? — спрашивает он.

— М... — тихо отвечаю я.

Потому что сейчас пламени во мне становится еще больше. Невольно вспоминаются и его слова о том, что его пламени хватит на нас двоих.

— Устала? — негромко спрашивает он.

Я хлопаю глазами.

— Ты выглядишь сонной.

— А... да. Я немножко спала.

— После экстренного восстановления такое бывает. Сначала адреналин и эйфория, потом откат. — Он гладит меня по волосам. — Спи дальше.

После чего просто притягивает меня к себе. Настолько легко и естественно, как будто я всю жизнь спала у него на плече. Сама эта мысль оглушает настолько, что я дергаюсь, но дракон этого, кажется, не замечает. Я же сама не замечаю, как расслабляюсь в его руках и закрываю глаза.

На этот раз просыпаюсь уже от того, что мы опускаемся на ВИП-парковку перед зданием телепорта. Спросонья сложно о чем-то думать, но рядом с ним у меня, кажется, автоматически включается этот режим. Мы вместе идем к залу ожидания, Торн несет спортивную сумку, вторую, очень похожую, несет Крейд.

Нас приглашают для телепортации, едва мы успеваем войти, даже ждать не приходится.

ВИП-окно открывают сразу же, и мы, после прохождения стандартных проверок (сканер здоровья и документов, и прочая ерунда), шагаем в кольцо. Меня привычно уже за последнее время слегка затошнило, но с телепортами так всегда. Чувство, что сначала продираешься сквозь желеобразную массу, а потом тебя выплевывает в разреженный воздух. Вот меня и выплюнуло.

Вместе с Торном, к счастью, в телепортационный зал... совершенно точно не его загородной резиденции. Я впервые (не считая кольца в пустошах) видела кольцо на открытой местности, правда, под высоченным стеклянным куполом, а еще на такой высоте, что дух захватывало.

С этой высоты я разглядела спующие над пустошами аэрокары, длинные вереницы змеящихся аэротрасс. А вдалеке еще и горнолыжные трассы, подсвеченные огнями.

Все это я уже видела раньше. На картинках в Сети.

Равно как и стеклянный купол телепорта «Эдерхард Маунтейн» — горнолыжного курорта. Того самого, единственного во всем мире, на который практически невозможно попасть.

Пока я выразительно хлопаю глазами, мы уже выходим из зала, причем моя рука как-то незаметно оказывается на сгибе локтя дракона. Как это произошло, я помню смутно, равно как смутно понимаю, зачем мы здесь. Тем не менее к нам уже спешит сотрудница курорта, которая сообщает, что аэрокар подан. Аэрокары напоминают флайсы в миниатюре, но разумеется, наш сложно назвать миниатюрным. Прозрачная капсула двигается по заданному маршруту, управляет ей автопилот, который, впрочем, вполне можно переключить на ручной режим.

Переключать Торн не спешит, откидывается на спинку мягкого сиденья, ослабляя галстук, и в этот момент ко мне возвращается дар речи.

— Что это? — интересуюсь я и тут же поправляюсь: — В смысле... почему мы здесь?

— А почему бы нет?

Вопрос, на который всегда сложно найти контраргумент. Мне так точно.

— Ну хотя бы потому, что это спонтанно, а ты не любишь спонтанность.

— Рядом с тобой я учусь спонтанности, Лаура. И не только.

Не знаю, от чего мне становится жарче: от «рядом с тобой», от того, как он назвал меня по имени (на этот раз получилось как-то слишком глубоко), или от «не только». Не успеваю спросить, чему еще он там учится, когда Торн указывает в сторону приближающегося комплекса:

— Смотри.

В общем, да. Наверное, лучше смотреть, и я смотрю на вырастающие перед нами домики, огоньки которых издали кажутся фонариками. Одиночные искорки аэрокаров то вливаются в сияющие цепочки, то отделяются от них, и на фоне ночного неба и гор кажутся падающими звездами. В этот момент я почему-то вспоминаю Сибриллу Ритхарсон с ее хитом «Звезды падают в небо». Правда, хитом эта песня была лет пять назад но она порвала все чарты, и если так подумать, все песни Ритхарсон правда о неразделенной любви. Сама не знаю, почему мне это приходит в голову.

— А как же Верраж?

Да, я сама последовательность. Но вопрос мне однозначно нравится тем, что не затрагивает тему наших с Торном отношений, и вообще не затрагивает тему чьих бы то ни было отношений.

— Верраж пока привыкает к тому, что у тебя нет пламени.

— Почему ты мне не сказал, что так будет?

Этот ответ для меня очень важен, и короткая пауза почему-то кажется невыносимо долгой.

— Потому что в тот момент я думал о том, Лаура, как бы не опрокинуть тебя на кровать и не сделать своей прямо в ту же минуту.

Его глаза сначала темнеют, а потом в них появляются знакомые искры. Ледяное пламя, которое разгорается вот так, постепенно, и которое я носила в узоре на груди. Вот именно об этом лучше и думать сейчас, об этом, а не о том, как его взгляд скользит по моему телу — с той же откровенностью, с которой могли бы скользить ладони по коже. В этот короткий миг я чувствую себя полностью обнаженной, и спасает меня исключительно то, что мы прилетели.

— Добро пожаловать в «Эдерхард Маунтейн»! — Администратор за стойкой, кажется,

привык к тому, что здесь постоянно очень именитые гости, тем не менее в холле в нас снова вонзаются десятки взглядов.

Наверное, мне надо к этому привыкать, если я...

Если я — что?

Чтобы не отвечать на этот вопрос сейчас, рассматриваю обстановку. Здесь тепло просто по умолчанию: и центральный корпус, и все домики из дерева. Свет стелется по бревенчатым стенам, еще больше согревая их, из-за этого кажется, что я оказалась где-то в другой реальности. Впрочем, наверное, я и оказалась где-то в другой реальности, потому что в моей реальности такого не может быть. Не может быть, что еще час назад я была в Хаймарге, а уже сейчас — на горнолыжном курорте, на который надо бронировать место за год. Не может быть, что мне безумно хочется коснуться ладони дракона, чтобы снова испытать это жгущее ощущение — его близости, которая втекает в меня сквозь его пальцы, заставляя гореть без огня. К счастью, читать мысли он не умеет, равно как не умеет читать их никто из администраторов за стойкой.

Часы за их спинами показывают разное время — начиная от местного и заканчивая Аронгарским. Есть и часовой пояс Раграна, и мысли о нем заставляют вспомнить о том, что впереди у меня еще кастинг в «Эрвилль де Олис». Индивидуальный. Который возможен только благодаря стоящему рядом мужчине.

— Благодарю, — отвечаю администратору, который с улыбкой возвращает мне документы, вручает ключ от номера и желает приятного отдыха.

Мы здесь на два дня — с сегодняшнего вечера и на выходные, но этого вполне достаточно. Достаточно для того, чтобы пресс-служба Ландерстерга снова давала комментарии, хотя как кажется мне, здесь уже никакие комментарии не помогут.

Особенно после тех мыслей и чувств, которые меня посещают.

— Спасибо, — говорю я, когда мы снова оказываемся в аэрокаре.

Лететь нам пять минут, об этом сообщает навигатор, перебивая меня. Впрочем, может оно и к лучшему, потому что я страшно волнуюсь, а когда я страшно волнуюсь, я начинаю говорить невпопад и странные вещи.

— За что? — интересуется дракон

— За то, что помог. Хотя не должен был. То есть... в смысле...

— Лаура. — Он пересаживается ко мне, хотя только что сидел напротив. — Для тебя это важно. Для меня важна ты. Поэтому надеюсь, что к этому вопросу мы больше не вернемся.

Вот теперь я могу начать говорить еще больше глупостей, потому что «Для меня важна ты» звучит как-то очень интимно. Намного интимнее, чем брошенное на ходу «Я тебя люблю», и гораздо сильнее. По крайней мере, у меня перехватывает дыхание от того, как это сказано и от того, что для него этот вопрос действительно закрыт по умолчанию.

— Ты сильно устала?

— Нет.

Торн приподнимает брови.

— Нет, правда. Похоже, у меня слишком много впечатлений.

И это правда: если еще во флайсе глаза просто слипались, то сейчас меня слегка потряхивает изнутри. Так, как если бы я была маленьким вулканчиком и бурлила перед извержением. Надеюсь только, что оно (извержение) случится не в тот момент, когда Торн будет рядом, потому что желание говорить и делать странные вещи не проходит, а только усиливается. Например, сейчас я хочу коснуться пальцами его губ, повторяя резкий контур, а потом вплести пальцы в пепел волос и впитаться в наш первый серьезный поцелуй.

Дракон его знает, почему мне кажется, что это будет первый серьезный поцелуй. Возможно, именно потому, что для меня это очень и очень серьезно, и я, кажется, только что себе в этом призналась.

— Хороша. Потому что я приглашаю тебя на ужин, — произносит Торн.

— Который готовил Дораж Эмери?

Что я говорила? Странные вещи. Я говорю странные вещи.

— Нет. — Дракон неожиданно улыбается. — Но смею надеяться, что местный шеф-повар тоже не подкачает.

Аэрокар опускается рядом с домиком, на парковочную платформу.

Здесь всего два этажа, и это тоже создает ощущение нереальности происходящего. В современном мире даже складские и промышленные помещения не меньше десяти.

Торн подает мне руку, чтобы помочь выйти, и я только сейчас понимаю, какая нас окружает красота. Курортный городок, улочки от которого разбегаются стрелами, остался за центральным корпусом, здесь же — только природа. Хвоя. мороз, скалы и тишина. Свет раскрывается полосками на снегу, к домику ведет крыльцо.

— Какой маленький корпус, — говорю я.

Дракон смотрит на меня как-то странно, а потом поднимается по ступенькам и прикладывает к электронному замку ключ.

В эту минуту до меня доходит, что это не корпус, а отдельный дом.

Один на двоих.

Глава 25

Да, после такого действительно никакие комментарии не помогут.

Мысль об этом приходит в ту же минуту, когда с легким щелчком открывается дверь. Дверь в мое невозвратное будущее, если можно так выразиться, потому что как только я перешагну порог этого домика, это и будет мой ответ. По сути, сейчас это и есть мой ответ, просто...

Нет, все это совсем не просто.

— Торн, я не могу, — говорю я.

Учитывая, что он стоит на крыльце, а я внизу, можно ожидать классического взгляда сверху вниз. Вместо этого он спускается ко мне и берет меня под локоть. Мергхандары остаются где-то там за нашими спинами, а мы идем по расчищенной дорожке, огибающей дом.

— Ты же понимаешь, что я тебя уже никуда не отпущу, Лаура? — спрашивает он, глядя мне в глаза.

В отличие от наших первых встреч в этом «никуда не отпущу» есть что-то по-настоящему сильное. Когда мы только познакомились, он раздавал приказы, сейчас... я даже не могу объяснить, что это таксе сейчас.

— Я не хочу. Так — не хочу. По крайней мере, ты должен был поставить меня в известность. Мне...

Я чуть было не говорю «нужно личное пространство до официального объявления», но это звучит слишком... политически. Меньше всего я хочу, чтобы наши отношения были такими. Больше всего я боюсь, что именно такими они и будут, потому что у меня перед глазами пример моего отца. Он до сих пор любит маму, но Ингрид для него — семья, и у них даже есть Сильви.

— Мне нужен свой номер, Торн.

Его глаза темнеют, чтобы уже в следующее мгновение стать ярче. Это удивительный контраст, к которому я только-только начинаю привыкать: разгорающееся в ночи ледяное пламя. Резче обозначившиеся скулы превращают его в того дракона, который встречал меня в своем кабинете в самый первый день.

— Свой номер, — повторяет он, и в его интонациях я слышу рычащие нотки. — Хорошо, Лаура. У тебя будет свой номер.

Он разворачивается и ведет меня в сторону главной дорожки. Прежде чем я успеваю ему сказать, что мне больше всего хотелось бы оказаться в этом доме с ним, Ландерстерг уже шагает к тому, кого называл правой рукой Стенгенберга. Крейд кажется?

Несколько коротких слов, и сумка с вещами оказывается в руках Крейда.

— Увидимся через два часа в ресторане, — произносит он нейтрально.

Настолько нейтрально, что мне становится холодно, а после поднимается на крыльцо.

— Ферна Хэдфенгер? — Крейд обращается ко мне. — Пойдемте. Я буду вас сопровождать.

Я оборачиваюсь, но Торн уже скрывается в домике, и мне не остается ничего другого, как сесть в аэрокар.

Разумеется, мне находят номер в центральном корпусе мгновенно, ключ меняют, администратор снова дружелюбно улыбается и желает хорошего отдыха. Здесь восемь этажей, тоже не сказать, что много, в основном, корпус вытянут в длину и изогнут наподобие изломов гор, но здесь есть лифты: стеклянные рукава, в которых поднимаются небольшие капсулы.

Номер у меня двухэтажный: первый этаж — гостиная, с огромным плазменным визором

в половину стены и камином, второй этаж — спальня и две ванные комнаты. Только сейчас я понимаю, что понятия не имею, в каком ресторане мы встречаемся. После разговора с Торном ощущение такое, как если бы меня слегка ткнули по голове, поэтому я собираюсь в душ, но дойти туда не успеваю, Крейд стучит в дверь.

— Ваше платье, ферна Хэдфенгер, — сообщает он.

Помимо платья у него в руках еще коробка с обувью и футляр с драгоценностями. Все это мергхандар оставляет на диване, после чего выходит и плотно закрывает за собой дверь.

Платье белого цвета, с тонкой серебряной нитью, подчеркивающей плотный лиф. Короткое, как я люблю, еще к нему прилагаются чулки. Тонкое кружево тоже тронутو серебром, как инеем. Туфли на высоком каблучке переливаются от серебра до бледно-голубого, как молодой лед, цвета. Лишь взглянув на эмблему футляра, я понимаю, к чему именно туфли.

«Адэйн Ричар» делают украшения только из фервернского льда, и только на заказ.

Это эксклюзив в мире драгоценностей

Как-то разом вспоминается разговор с отцом — о том, что Торн выбирал между виари и комплектом, над которым я стояла очень-очень долго. Точнее, о том, что он выбирал между несколькими моими желаниями, но оказывается, он не выбирал. Я открываю коробку и вижу копьё, переливающееся каплями драгоценных камней. Это не просто кольцо, это целое произведение искусства, потому что здесь есть и изломы гор, и парящий над ними дракон. Ледяные кристаллы на браслете — уменьшенная копия узора, а серы и выполнены в виде цельных, инкрустированных в оправу «ледяных драконов».

Но вот что совершенно точно выбивается из комплекта — это кольцо.

Оно тоже с камнем из фервернского льда, но совершенно очевидно, что оно создавалось отдельно. И вручаться должно было отдельно.

Несколько мгновений я на него смотрю, а потом достаю из отдельной коробочки и надеваю. После чего подхватываю пальто и бегу к двери.

Крейд не успевает ничего спросить, я показываю в сторону лифтов.

— Мне надо к ферну Ландерстергу. Срочно.

Мергхандар бесстрастно кивает, и мы быстро идем по коридорам. Я бы сказала, почти бежим, хотя если быть честной, почти бегу я. В случае мергхандара это просто бодрый строевой шаг, или как это у них там называется. Мы влетаем в лифт, успеваем в последний момент, чем немало удивляем пожилую пару. Видимо, у меня слишком шальные глаза, или у меня слишком странное сопровождение. Или и то, и другое, но как бы там ни было, супруги при нас затихают, хотя до этого оживленно беседовали.

Я улыбаюсь, желаю им доброго вечера, и на стоянке аэрокаров сразу ныряю в наш. Смотрю, как Крейд задает маршрут, и от нетерпения сжимаю пальцы так, что камень впивается в кожу. Впрочем, сейчас мне это нужно.

— побыстрее можно? — спрашиваю я, нисколько не беспокоясь о том, что обо мне подумают.

Хотя что бы обо мне не подумали, мне сейчас все равно.

— Я могу задать скорость выше, — невозмутимо отвечает мергхандар, — но аэрокар все равно ее сбросит, система построена таким образом, что на курорте нельзя двигаться выше пятерки.

— А где можно?

— Здесь за лесом самые сложные трассы, а над ними — кольцевой маршрут круглосуточной канатной дороги. Там можно переходить на десятую.

— Понято, — киваю.

Ну и ладно.

Пять минут — это не критично. Хотя мне кажется, что критично, я ловлю себя на том, что кусаю губы. И спотыкаюсь, когда выскакиваю из аэрокара, благо, Крейд успевает подать мне руку.

— Благодарю! — киваю ему и бегу к домику.

Стучу в дверь, открывает мне один из мергхандаров.

— Ферна Хэдфенгер... — Он почему-то понижает голос.

— Потом, — отмахиваюсь я и шагаю вперед.

Чтобы уже в следующий момент понять, почему он говорит тихо и почему шагнул вперед преграждая мне путь. В гостиной, в приоткрытом проеме двери, я вижу Торна. И Эллегрин.

Жаль, что у меня нет ледяной магии! Потому что подморозить эту копченую самку оцехарры точно не помешало бы.

— Добрый вечер, — говорю я, отодвигая мергхандара взглядом.

Не представляю, как это получилось, но в сторону он отступил так же резво, как от Торна отскочила законодательница мод всея Ферверна. Не дожидаясь приглашения, я прошла в гостиную. Его пристальный взгляд который вонзился в меня подобно острому ледяному шпилью, сейчас совершенно точно не мог меня смутить.

Я остановилась напротив него и вернула ему в точности такой же.

На Эллегрин не смотрела принципиально, не хватало еще вцепиться ей в волосы. А в том, что я могу, я даже не сомневалась.

К счастью, она видимо поняла, что на линии нашего взгляда попытка затесаться третьей лишней или что-нибудь сказать, может закончиться для нее плачевно, поэтому вылетела за дверь с такой скоростью, что меня окатило ароматом ее духов. Хлопнула дверь.

Потом мергхандар прикрыл вторую, отделяющую холл от гостиной, где остались только мы. Меня все еще слегка потряхивало — от обрушившихся эмоций, тем не менее я продолжала молчать. Не знаю, откуда во мне взялось столько молчания, удивительной, надо сказать, силы. Потому что под ним даже взгляд дракона ощущался не таким подавляющим.

Торн заговорил первым:

— Мильда и Эллегрин — лучшие подруги. Они познакомились через меня.

Мильда? Его пресс-секретарь?! Зато теперь становится понятно, с какой радости она на меня так смотрела и вообще вела себя так.

— Я не ревную к прошлому, Торн, — ответила я. — Мне просто нужно знать, что она не станет твоим будущим.

— Мы знакомы с Эллегрин с детства.

Ну, это я уже знаю.

— В свое время наши родители очень хотели видеть нас парой. Какое-то время я думал, что из нас действительно получится достойная пара — не в том смысле, который обычно вкладывают в слово «пара» иртыханы. Впоследствии все изменилось, но не для Эллегрин. Мы не вместе и никогда вместе не будем.

— Но тебе бы хотелось?

Эти слова точно не вписывались во всю мою линию поведения. Как и когда они

просочились в подсознание, а оттуда еще и вырвались на свободу?!

— Я в состоянии позволить себе все, что мне хочется, — произнес он. — Нет, Лаура, я не заинтересован в отношениях с ней.

— Замечательно, — сказала я. — Ты знаешь, что твоя поза называется позой правителя?

Я только сейчас поняла, что сцепила руки за спиной. Настолько, что камень кольца впивался мне в кожу до боли, но я даже этого не заметила. Наш разговор действительно напоминал дипломатическое общение двух политиков, а не выяснение отношений любящих друг друга людей.

Любящих?

С чего я вообще взяла, что это возможно?! Я незаметно стянула кольцо и сжала его в ладони.

— Вообще-то я пришла узнать, в каком ресторане мы встречаемся, — сказала я.

— Только за этим?

— Только за этим.

— Лаура...

Он потянулся ко мне, но я отступила.

— Мне еще нужно принять душ и переодеться. Поэтому до встречи в ресторане, Торн.

Я вышла за дверь, даже не сбиваясь на бег. Мимо мергхандаров (которые всегда будут рядом и перед которыми нужно будет держать лицо). Впрочем, лицо нужно будет держать не только перед ними, но и перед репортерами, и в разговорах с пресс-службой, и вообще — всегда.

— Крейд, ферн Ландерстерг попросил вас зайти. Я жду здесь.

Я сказала это таким тоном, что сама бы не усомнилась в правдивости своих слов. А едва за Крейдом закрылась дверь, метнулась в сторону аэрокара. Единственного, потому что те, на которых прилетели мергхандары, уже отогнали. Оказавшись внутри, активировала навигатор, обозначив конечной точкой «канатная дорога Эдра», именно о ней Крейд говорил как о канатной дороге над экстремальными трассами. Аэрокар взмыл ввысь как раз в тот момент, когда Торн с правой рукой (к счастью, образно выражаясь) Стенгенберга выбежали на крыльцо.

Здесь уже можно было задать максимальную скорость, и я задала.

Капсула стремительно понеслась над лесом, я сунула кольцо в карман пальто и обхватила себя руками. Теперь, когда не надо было держать лицо и вообще ничего держать, меня затрясло. От того, насколько я была глупой и от того, что вообще поверила в то... во что я поверила?

В то, что у правителя Ферверна могут быть чувства к девочке, которую он выбрал, как политический инструмент? Отец оказался прав — Торн замечательный. Он предел мечтаний любой женщины на планете, ну ладно... может быть, не любой, но многих, он действительно обо мне заботился, он делал для меня все. Кто же виноват в том, что просто мне — вот такой неправильной мне — нужно несоизмеримо большее? То, что он мне никогда дать не сможет.

А я...

У меня даже причин отказывать ему нет.

Подумаешь. Эллегрин рядом нарисовалась! Чтоб ей свалиться с горки и снежным комом докатиться до самого Бельвенхарта без телепортации!

Аэрокар действительно домчался за считанные секунды. Я бросила его на парковке, после чего метнулась к подъемникам, то есть к той их части, где начиналась кольцевая

канатной дороги. Покатаюсь, немного успокоюсь и вернусь. В душ, в платье, в ресторан и дальше по графику.

А пока — никаких Крейдов, никаких мыслей про драконов, и вообще ничего.

Ничего такого, что с ними связано!

Сотрудник канатной дороги помог мне сесть, сообщив, что правила пользования обозначены на вмонтированной в столик электронной панели. Панель эта, как выяснилось, выезжала на специальной подставке, на ней можно было посмотреть схему курорта, но я просто устроилась на сиденье, поджав под себя ноги. Комфортный мягкий диванчик и ползущая наверх капсула с обогревом, из которой открывался чудесный вид на подсвеченные огнями трассы, немного помогали переключиться.

Самую малость.

Я выключила свет, чтобы лучше видеть курорт, обхватила себя руками и откинулась на спинку. Надеюсь, отец меня поймет, когда я скажу, что не готова выходить замуж. Надеюсь, потому что... потому что для него важна эта должность, но Торн вряд ли станет ему препятствовать. Тем более что он обещал меня отпустить, если я скату: «Нет».

«Ты же понимаешь, что я тебя уже никуда не отпущу, Лаура?»

Обещал — значит отпустит. Это я знаю точно. Только почему мне сейчас так больно?! До впивающихся в ладони костей, режущих кожу.

Я раскрыла ладони, рассматривая красные полумесяцы. Над ними еще оставался след от камня в кольце, и я, сунув руку в карман, открыла окно. Размахнулась, готовая выбросить его в ночь... и замерла.

Что я вообще творю?!

При чем тут кольцо?!

Оно же стоит, как домик на этом курорте, и вообще, я его не покупала, чтобы выбрасывать!

На этой мысли капсула сделала «грюк», дернулась и остановилась.

От рывка кольцо дракончиком взмыло ввысь и красиво, по дуге, ушло куда-то в сторону приближающихся гор.

Как раз в тот момент, когда за спиной раздался щелчок. Я обернулась увидела зависший на уровне двери аэрокар, а еще огонек экстренной разблокировки. Когда дверь отъехала в сторону, в кабину шагнул, а если быть точной — запрыгнул Ландерстерг.

С таким выражением лица, что мне захотелось выйти вслед за кольцом.

— Что ты тут делаешь?! — спросила я.

Ничего другого мне в голову не пришло.

— Что я тут делаю?! Что ты тут делаешь, Лаура?

Кольцо твоё выбрасываю. Правда, если уж быть до конца честной, я так и не решилась его выбросить, оно само упало. Пряма в снег.

— Катаюсь, — сообщила я.

— Катаешься?! — Дракон прищурился.

— Катаюсь!

Я вернулась на диванчик и с вызовом посмотрела на него.

— Хорошо. Тогда покатаемся вместе.

Он устроился напротив меня и нажал кнопку блокировки кабины. Что самое удивительное, аэрокар после этого отошел в сторону, а канатная дорога снова заработала.

Кабинка поползла вверх, к вершине горы, а я все-таки сложила руки на груди. Под этим взглядом не то что закрыться хотелось — заползти под диван. Чтобы это скрыть, я обернулась на удаляющийся аэрокар и подумала, что им, вероятно, управлял Крейд. Правда, даже в темном стекле я видела отражение разгорающихся пламенем драконьих глаз.

— Ничего не хочешь мне сказать? — жестко поинтересовался дракон.

— Нет.

— Нет?!

— Нет! То есть да! — Я все-таки обернулась к нему. — Я не выйду за тебя замуж!

— Это ты решила до или после того, как надела кольцо, а потом его выбросила?

У, глазастый какой!

— Во время! Погоди! Откуда ты знаешь, что кольца больше не у меня?!

— В нем чип, позволяющий отследить, где оно сейчас находится.

После такого заявления я лишилась дара речи. Открыла рот, потом закрыла.

— Что, пытаешься придумать оправдания, Лаура?

Я... что?!

— С чего мне оправдываться?!

— С того, что ты ведешь себя, как маленькая девочка.

— Я?! Это я — маленькая девочка?!

— Ну не я же, — издевательски произнес Ландерстерг.

— Разумеется! Потому что ты отмороженный дракон-перестарок!

Кажется, мне действительно пора выходить. Это я поняла по полыхнувшему в глазах дракона льду. Ладно, выходить на такой высоте не вариант, а вот позвать помощь — вполне! Я метнулась к экстренной кнопке вызова, но не успела. Мою руку перехватили еще на подлете, равно как и меня. Я брыкнулась, почувствовала сдавленный выдох-рычание, а после меня плотно притянули к себе, если не сказать, зафиксировали.

— И откуда ты только взялась на мою голову, — процедил он. — Лаура!

— Пусти! — выдохнула я. — Я вообще на твою голову не бралась! Ты сам меня взял!

Попытка вырваться закончилась тем, что Ландерстерг сдавленно выдохнул и еще плотнее притянул меня к себе.

— Если ты будешь так по мне ерзать, я точно тебя возьму. Прямо здесь. Вот теперь я натурально покраснела.

— Ты... да ты...

— Я тебя внимательно слушаю, — донеслось из-за спины. — Почему ты сбежала?

— Ты правда считаешь, что серьезные разговоры ведутся вот так? — поинтересовалась я. — Не хочешь меня отпустить?

— Нет. С тобой иначе нельзя.

— Со мной?! Это не у меня система спутниковой навигации в обручальном кольце!

— Это обычная история для всех драгоценностей «Адэйн Ричард». Поэтому их бессмысленно красть, ну а теперь, пока я готов к конструктивному диалогу, предлагаю тебе изложить все, что толкнуло тебя на столь необдуманный и несерьезный поступок.

Я хотела сказать, что вот именно это и толкнула, но потом перехватила взгляд в темном стекле. Не представляю, когда он успел нажать тонировку, но теперь то, что происходит внутри, видеть было нельзя. А еще то, что происходило внутри, не поддавалось никакому описанию. Я сидела на коленях у дракона, плотно прижатая к сильной груди, и в глазах его полыхало ледяное пламя.

Это не должно было меня будоражить, особенно после того, что я решила, но оно меня будоражило. Так сильно, что я готова была забыть обо всем, о чем только что думала и податься назад, сильнее вжимаясь в него. Вместо этого я чуть подалась вперед. Уже не в попытке вырваться.

— Отпусти, — попросила тихо. — Я больше не буду прыгать.

Как ни странно, руки он разжал сразу же, и я переползла на сиденье.

Устроилась напротив, все еще чувствуя дрожь, втекающую в меня сквозь запястья, которые все еще хранили память о его прикосновениях.

— Я слишком... — Я даже не знала, какое слово подобрать. — Я оказалась не готова к тому, что ты меня сюда привезешь. Оказалась не готова к тому, что увижу рядом с тобой Эллегрин.

— Я же сказал, что у меня с Эллегрин нет никаких отношений.

Я отвела взгляд.

— Ну да. Нет, но... я солгала, когда сказала, что не ревную к прошлому, Торн. Я тебя ревную к прошлому, к будущему и к настоящему, у меня... слишком много чувств и эмоций, с которыми не всегда получается справиться. Я не та женщина, которая тебе нужна.

Его глаза я больше видеть не могла, потому что смотрела на свои сцепленные руки. Наверное, именно поэтому его слова прозвучали более чем резко.

— Не надо за меня решать, какая женщина мне нужна. — От быстрого движения кабинка качнулась. Я не успела бы отодвинуться, даже если бы очень захотела, да и некуда было двигаться. Пальцы Торна легли на мой подбородок, заставляя поднять голову. — Не надо за меня решать мое прошлое, мое будущее и настоящее, выражаясь твоими словами, Лаура. Ты спрашивала про пламя, ну так я скажу тебе, что мое пламя — это ты.

Поскольку я сейчас смотрела ему в глаза, я все-таки упала. С такой высоты, от которой кружится голова, даже если ты находишься за толстым непрозрачным стеклом смотровой кабинки. И продолжала падать — до тех пор, пока не почувствовала под своими ладонями его плечи. Как это произошло, я тоже не поняла, но поняла, что пальцы мелко подрагивают от желания повторить контуры резких скул. Мне казалось, что время утекает в ту бездну, в которой исчезло кольцо, или в бездну разгорающегося пламени его глаз, но потом все-таки нашла в себе силы сказать, очень тихо:

— А ты — мое прошлое, будущее и настоящее.

Дальше после этого действительно было только падать, но он меня подхватил. Или, если быть точно, резко притянул к себе в ту же минуту, когда я рванулась к нему. Все-таки вплавляясь пальцами в скулы, телом — в тело, горящими губами — в жесткие сильные губы. И снова падая, но уже в поцелуй и раскрывающееся в его глазах пламя.

Которое спустя несколько мгновений гаснет. Я вижу только его отголоски, затихающие искрами в темнеющем взгляде. Зрачок по-прежнему круглый, хотя я могу представить эту хищную вертикаль, но даже без нее его взгляд — хищный. Сейчас он настолько хищный, что мне кажется, все его пламя перешло в меня: странно, как я еще не вспыхнула вместе с одеждой. Ладонь Ландерстерга скользит по моему бедру, и кожа под этим долгим прикосновением начинает гореть.

— Ты сводишь меня с ума, — хрипло произносит он, оторвавшись от моих губ.

Его дыхание на них сейчас такое горячее, такое колючее, что по телу проходит дрожь.

— Лаур-ра. — Его рычание врывается в меня, в приоткрытые губы, но раньше, чем все это пойдет слишком далеко, я прижимаюсь к нему — лицом в лацкан пиджака, чтобы скрыть полыхающие щеки, и шепчу:

— Ты будешь у меня первым.

Его выдох взрезает удар моего сердца так остро, что оно, на миг, кажется, перестает биться. А может быть, продолжает, просто я его не слышу, особенно когда пальцы Торна снова ложатся на мой подбородок, заставляя приподнять голову.

— Лаура!

— Что? — бурчу я, уже жалея, что вообще все это затеяла. Надо было молчать, потому что сейчас у меня щеки как алое пламя (по ощущениям, затмевающее всех драконов Аронгары, вместе взятых, включая правителей). Ну и вообще, был бы сюрприз, и не почувствовала бы я себя так по-идиотски под его взглядом.

Да, мне двадцать один, и я девственница. Что в этом такого-то?!

— Сводишь с ума, — повторяет дракон как-то очень тихо, и на этот раз я слышу его вдох. Глубокий, и такой же глубокий выдох. — И сведешь. Когда-нибудь. Окончательно.

Прежде чем я успеваю еще раз десять пожалеть о своей откровенности, он просто притягивает меня к себе и целует в макушку. На этот раз его дыхание стекает по волосам, заставляя меня покрываться драконьими мурашками от кончиков пальцев до корней волос. Интересно, как выглядят мурашки на волосах?

Не успеваю я развить эту тему, когда Торн переплетает наши пальцы.

— Так что? Ты принимаешь от меня кольцо?

Я запрокидываю голову.

— Оно же упало.

— Его уже наверняка нашли. А если не нашли, то найдут, когда кабинка остановится на следующей станции.

Я смеюсь:

— Ну вот когда найдут, тогда и поговорим.

— Лаур-р-ра!

— Что? — невинно интересуюсь я. — Может, мне просто нравится, как ты рычишь мое имя.

Торн плотно сжимает губы.

— Когда-нибудь, — наконец произносит он, — ты ответишь за все, что случилось сегодня.

Я вскидываю брови.

— Это угроза, ферн Ландерстерг?

— Это обещание, ферна Хэдфенгер. Потому что мне хочется услышать, как ты кричишь мое имя. И ты будешь его кричать.

Я снова краснею, поэтому поспешно отворачиваюсь и делаю вид, что рассматриваю елочки. Елочки красивые, как и горы, укутанные в снега, и даже темное, надвигающееся на них небо сейчас кажется не таким темным. Если погасить все огоньки канатной дороги, наверное, были бы видны звезды. Я больше чем уверена, что россыпи звезд здесь как на ладони — если забраться куда-нибудь глубоко в лес. Но это мне не грозит, потому

что «безопасность».

— Прости, что убежала, — говорю я. — Я не хотела... в смысле, я просто... и пожалуйста, не увольняй Крейда.

— Разумеется, я его уволю.

— Что?!

Я вскидываю голову так резко, что только чудом не ударяюсь головой о драконий подбородок. К счастью, реакция у него хорошая, он успевает увернуться, а потом снова притягивает меня к себе.

— Ты что... серьезно? Ты...опять?!

— Нет, Лаура, мне просто нравится, когда ты злишься. У тебя так... соблазнительно горят глаза.

От неожиданности замираю, а потом вырываюсь из его рук — только для того, чтобы как следует ударить ладонями в мощную грудь дракона.

— Торн!

— Что? — Он смеется.

Он! Надо мной! Смеется!

— Я серьезно!

— Я тоже. Крейд слишком ценный кадр, чтобы его увольнять из-за того, что одна маленькая девочка... Ай.

Верховный правитель Ландерстерга, говорящий «ай» с совершенно непробиваемыми интонациями — это зрелище не для слабонервных. В смысле, я так и зависаю с занесенной для второго удара рукой, чтобы показать ему, что злить «маленьких девочек» не стоит.

— Ладно, одна соблазнительная молодая особа...

— Особа?!

— Чем тебя не устраивает слово «особа», Лаура?!

На самом деле меня все устраивает, поэтому я снова забираюсь с ногами на сиденье и обнимаю его руку, чтобы прижаться поближе. Мне кажется странным, что я с Верховным правителем Ферверна сижу в поднимающейся в горы кабинке и вот так болтаю обо всякой ерунде. Впрочем, для меня он уже не правитель Ферверна.

А кто он для меня?

Сердце замирает перед тем, как я мысленно это произнесу.

Мой. Мужчина.

Кабинка чуть замедляется — мы преодолеваем горный хребет.

— Смотри. — Торн указывает взглядом. — Бельвенхартская равнина сразу за которой начинается самая большая северная пустошь.

— Там много драконов?

— Очень. Расстояния такие, что щиты не причиняют им вреда и не заставляют тесниться.

— Но ведь когда-нибудь это изменится. Если сила ир்தханов растет... возрастет и сила щитов. И когда-нибудь все равно придется их снять.

— Когда-нибудь — возможно. — Торн пристально вглядывается в ночную тьму, и, за

мгновение до того, как мы начинаем снижаться и снова заворачивать в сторону курорта, улыбается. — Видишь?

Я вижу несколько крохотных точек, вдалеке. Настолько крохотных, что сложно даже представить, что драконы могут быть такими. Тем не менее они передвигаются, и я знаю, что это драконы. До тех пор, пока нас не отрезает изломом горы, продолжаю смотреть то на них, то на его профиль, отмечая улыбку сидящего рядом мужчины.

Вряд ли он способен обречь их на страдания. Поэтому, когда я говорила о щитах...

— В Аронгаре земли не такие обширные, — говорю я. — Поэтому... Я лезу не в свое дело, да?

— Тебе не идет скромность, Лаура.

— Ой! — Я делаю большие глаза. — Ты только что назвал меня нескромной?

Торн усмехается.

— Все дело в землях и территориях. Ферверн — территориально самая большая страна, и уровень жизни у нас, будем откровенны, гораздо выше того, что в Аронгаре.

— Как это не дипломатично.

— Ну ты же не пойдешь с этим к Халлорану. Я снова смеюсь.

— Тем не менее мировое сообщество настаивает на том, что щиты нужно отключать повсеместно. Чтобы люди привыкали к мысли, что это норма и не задавали ненужных вопросов. Говоря откровенно... на встрече прозвучало слово «тирания».

— Ого.

Я нахмурилась, потому что даже от слов Торна повеяло холодом.

— Лучше не будем о политике.

Я внимательно смотрю на него и соглашаюсь:

— Не будем.

С такого ракурса из кабинки весь курорт, как на ладони. Как сплетение праздничных гирлянд и золотых нитей, в центре которых полыхают драгоценные камни домиков и ресторанов.

— Кстати, об ужине...

— Я за тобой зайду. — Он смотрит мне в глаза.

— То есть название ресторана по-прежнему в секрете?

— По-прежнему.

— Хорошо-о-о, — я киваю. — Никуда без грифа «секретно».

Еще двадцать минут мы спускаемся, а потом, на ближайшей станции, выходим. Там нас дожидается Крейд.

— Ферн Ландерстерг.

Кольцо возвращают в коробочке.

Оперативно!

После чего отступают и садятся в аэрокар.

— Честно говоря, это должно было случиться за ужином, — говорит Торн, — но...

— Но меня ждет самое романтическое предложение на станции канатной дороги,

неподалеку от подъемника?

— Нет, — говорит он и убирает коробочку в карман пиджака. — Я передумал.

Глава 26

На солнце снег сверкал так, что я то и дело хотела зажмуриться — даже несмотря на плотные солнцезащитные очки, которые сочетались с горнолыжным костюмом. Торн сказал, что не выпустит меня на улицу, пока я не оденусь нормально, то есть в костюм, а не в юбочку и чулки.

— Здесь все же не город, — сказал он. — Солнце мощнее, но и температура ощущается иначе.

То, что она ощущается иначе, я уже поняла: по тому, что у меня начал мерзнуть нос. Наверное, уши к нему бы с радостью присоединились, но у меня была повязка на голову, сиреневенькая. Тон в тон к полоскам на костюме. А еще утепленные кроссовки.

Чувствовала я себя в такой одежде несколько странно, равно как и несколько странно было чувствовать себя в центре внимания. Всеобщего внимания, которое лилось на меня отовсюду, как выше обозначенное солнце. Хотя если так подумать, после вчерашнего выхода в ресторан мне уже ничего не было страшно. Вот там на меня действительно смотрели все, на меня и на мои украшения. Я бы и сама на них смотрела, потому что взгляд они притягивали однозначно.

— Не надумал мне рассказать, что будет вечером?

— Нет.

Это прозвучало как-то слишком категорично. Учítывая, что Торн и категоричность у меня ассоциировались уже давно, я улыбнулась. Вчера после его заявления я искренне захотела запустить в него снежком, но не успела: дракон сообщил мне, что ответственные события требуют ответственной подготовки, после чего я весь вечер (с поправкой на волнения перед совместным выходом и собственно сам выход) думала о том, что он там готовит.

Мастер драконьей интриги, что тут скажешь.

С утра мы вместе позавтракали, и это было уже гораздо проще, чем вместе поужинать, а после пошли гулять. «Эдерхард Маунтейн» представлял собой целый город — с улочками, магазинами, кафе и развлекательными центрами. Здесь было два огромных кинозала (не как привычные в торговых центрах, а отдельно стоящие, под куполами, с эффектом глубокого погружения), несколько фитнес-центров, ну и, разумеется первый и единственный в мире горнолыжный комплекс.

Здесь обучали катанию новичков и инструктировали тех, кто приезжал уже не в первый раз. Оборудование можно было взять напрокат, равно как и приобрести в личное пользование. Правда, я не представляла, зачем — не будешь же приезжать сюда каждый год. Или будешь?

— Кто на самом деле придумал сделать здесь горнолыжный курорт? — поинтересовалась я

За звание создателя боролись четверо весьма именитых бизнесменов прошлого века. Трое из них были ир்தханами, один человеком, поэтому его задвинули быстро. Но даже те трое очень долго не могли между собой поделить то, что создали. Закончилось это все тем, что Верховный того времени просто-напросто поставил их перед фактом: курорт теперь — национальное достояние и будет приносить пользу государству. Вот это уже действительно попахивало тиранией, но бизнесмены оказались умными и спорить не стали. На выгодных условиях продали курорт.

— Слоан Торпентер.

— Слоан Торпентер? Тот самый?

Его имя считалось знаковым в мире спорта и в истории Соурских игр. В смысле, сами Соурские игры возникли давным-давно, как развлечение для аристократии ир்தханов. Там они соревновались в силе и ловкости, но вот зимние виды спорта возникли гораздо позже. Проходили Соурские зимние игры исключительно в Ферверне — кстати, именно

здесь, да. По понятной причине.

Слоан Торпентер Пятый (видимо, с именами в семьях правителей в те времена было туго) правил Ферверном триста лет назад, он же предложил заливать катки и, будучи поклонником лыжного катания — для этого в его городской резиденции даже были созданы трассы и насыпные горы — впервые внес предложение о том, чтобы катание на коньках и на лыжах тоже стали соревнованиями. Разумеется, в те времена это было труднореализуемо, почти невозможно, поскольку если каток можно было залить в любой стране, то с заснеженными горами дела обстояли гораздо сложнее.

Тем не менее он не отступился, и ввел эти виды спорта в Ферверне, расположив тренировочный центр на месте современного горнолыжного комплекса. Впоследствии, когда был изобретен телепорт и основано мировое сообщество, общим решением стало включить зимние виды спорта в программу современных Соурских игр.

На время их проведения — и за месяц до — горнолыжный курорт закрывался только для спортсменов. В остальное время они могли тренироваться на общих правах, правда, для них были льготы по возможности выкупить номера на особых условиях. И в целом по возможности выкупить номера. Потому что искусственные тренировочные центры все равно уступали бельвенхартскому.

— Да. Об этом мало кто знает, но вдохновившись своими увлечениями и основанием первых зимних соревнований, он впервые задумался о том, чтобы сделать это не только соревнованиями, но и развлечением. При нем даже начинали строительство по его схемам. Эти схемы до сих пор хранятся в музее Соурских чемпионов Ферверна.

— Ничего себе!

Погруженная в свои мысли, я даже не заметила, как мы обогнули круговую улицу, разукрашенную флагами разных стран, и выходим к открытому катку. Кружащиеся по льду пары заставляют меня на миг замереть, потому что сейчас я отчаянно-остро чувствую невозможность встать на коньки. А после замираю повторно, потому что из сувенирного магазинчика выходит Бен.

Упирается взглядом в нас, и его взгляд стремительно тяжелеет. Просто пройти мимо не представляется возможным: ни ему не нам, предплечье Торна под моей ладонью становится просто каменным.

— Бен, что ты тут делаешь?! — Вопрос срывается с моих губ, возможно, вовремя.

Потому что исходящее от иртеханов пламя ощущается на каком-то животном уровне: волоски на коже встают дыбом.

— Я? Отдыхаю. — Он приподнимает брови и, хотя говорит со мной, смотрит исключительно на стоящего рядом со мной дракона.

Впрочем, их двое. Бен тоже дракон, и это сейчас чувствуется особенно остро.

— Не поверишь, Лаура, — взгляд все-таки переводят на меня, — купил эту путевку восемь месяцев назад, но совершенно не представлял, что вы решите произвести фурор своим появлением. Так что здесь у меня неделя законного отдыха: этого ты у меня отнять не сможешь, не так ли?

Взгляд Бена снова впивается в лицо Ландерстерга, и я сжимаю пальцы на предплечье моего мужчины.

— Тебе лучше уйти, — говорит Торн.

Говорит так, что мне хочется пригнуться и заползти под крыльцо соседнего магазина, я понимаю, что это ненормально, но все мои инстинкты просто вопят: «Беги и спасайся».

Бен зло усмехается, и меня окатывает волной пламени — незнакомого, яростного, не имеющего ничего общего с ледяным, к которому я уже почти начала привыкать.

— А еще я участвую в соревнованиях, — произносит он, глядя теперь уже исключительно на меня. — В любительских. Приходи, Лаура. Если, разумеется, тебя

отпустят.

Вот теперь он обходит нас, я бы сказала, по пологой дуге, и только когда мы шагаем вперед, у меня получается перевести дух. Да что с ним такое?! Не считая того, что он откровенно набросился на меня в гостях у Рин и Сэфла, сейчас еще и провоцировал Торна. Я давлю в себе желание оглянуться, потому что ничем хорошим это не кончится.

«Этого ты у меня отнять не сможешь».

С каких это пор я стала его собственностью?!

— Все хорошо? — интересуюсь я, когда мы отходим на приличное расстояние.

В появлении Бена есть один несомненный плюс: я напрочь забыла про каток и про невозможность выйти на лед в ближайшие дни. Сейчас я про это вспомнила, но ощущается оно уже совершенно иначе — я знаю, что пройду курс физиопроцедур, и что все будет хорошо. В Рагране меня ждет индивидуальный кастинг, и все это благодаря мужчине, который сейчас молчит.

— Торн?

— Это ты мне скажи. Все хорошо, Лаура? — Он поворачивается и пристально смотрит на меня.

— Разумеется. — Я пожимаю плечами. — А должно быть иначе?

Кажется, дракон немного расслабляется. Но лишь немного.

— Слушай, я не представляю, что на него нашло, но там, на катке, между нами ничего не было, — говорю я. — Я просто... каталась.

— Правда? — Он приподнимает брови.

Я вздыхаю.

— Ну хорошо. Расчет был такой, что когда я приеду на каток и засвечусь с незнакомым парнем, тебе об этом доложат, наши фото попадут в сеть, и ты от меня откажешься.

Торн не сводит с меня взгляда, но ничего не говорит.

— На самом деле я передумала еще до того, как приехала на этот каток. Поняла, что это не мои методы, и... я не хотела, чтобы тогда все получилось именно так. Правда. Ты же мне веришь?

Мне действительно очень важен его ответ.

— Верю. — наконец, произносит он.

— Фух!

Я вздыхаю — наигранно облегченно и громко, но больше, чтобы разрядить обстановку. Потому что мне кажется, что она до сих пор не разрядилась.

— Какие у нас дальше планы? — быстренько перевожу тему. — Может, научишь меня кататься на лыжах?

— Очень смешно, Лаура, — хмурится дракон, на видно, что ледяная буря прошла стороной.

— Даже пошутить уже нельзя! — Я смеюсь. — В конце концов, я здесь впервые... и такой облом!

— Если тебе здесь понравится, мы приедем сюда еще раз. Я лично научу тебя стоять и кататься на лыжах.

На этот раз брови приподнимаю я:

— Торн Ландерстерг! Есть хоть что-то, чего ты не умеешь?

— Нет.

— Очень самокритично!

— Самокритика — не мой дракон.

— Вот оно! — Я вскидываю руку. — Ты не умеешь самокритицировать... самокритизировать? Как это вообще называется?

— Это называется трата времени впустую, Лаура. Думать о том, чего ты не можешь, если можешь просто взять и сделать. Самокритика, к слову, к этому не имеет никакого отношения.

— Ой-ой! — Я поднимаю руки вверх. — Сдаюсь!

Верхушка горы, где проходит самая опасная трасса, сверкает белоснежной, пронзающей небо пикой. Я думаю о том, каково лететь оттуда на сумасшедшей скорости, когда вихри снега взмывают ввысь, обжигающий воздух ударяет в лицо, врывается в легкие, а впереди — только бесконечная крутая снежная бездна.

— Хочешь туда? — неожиданно спрашивает он.

Так неожиданно, что я спотыкаюсь.

— В смысле?

— На соревнования.

Ой, нет. Я едва с трудом развела два «интересно» по разным углам ринга, не думаю, что меня хватит на второй заход. Едва собираюсь сказать об этом Торну, когда он произносит:

— Я участвую.

«Ты это только сейчас придумал?!»

Как бы мне ни хотелось это спросить, я понимаю, что спрашивать это нельзя. И да, я прекрасно понимаю, что Торн совершенно точно не собирался принимать участие в соревнованиях до той минуты, пока перед нами не появился Бен, чтоб его виар за задницу укусил! Может, хоть так мозги на место встанут.

— Даже не знаю, — говорю я. — Я никогда не любила соревнования. Как мне кажется, чем меньше от меня будет интереса, тем лучше.

— Не верю.

— Не веришь?!

— Ты очень амбициозна, Лаура. То, что ты не пошла в спорт... полагаю, этим мы обязаны твоему отцу. Тем не менее вряд ли такая женщина как ты может быть равнодушна к соревнованиям.

— Это сейчас был психологический портрет? — уточняю я.

— Личные наблюдения. Как бы там ни было, я буду рад, если ты захочешь присутствовать.

Что я там говорила про интерес? Мне кажется. Это не драконы, это два упертых дрангхатри[Высокогорный зверь, вымерший вид], встретившихся на узкой горной тропе! И что с этим делать маленькой хрупкой девушке? Я вздыхаю.

— Хорошо, — использую последнюю возможность прекратить намечающуюся лыжную дуэль, — но я думала, что мы проведем весь день вместе.

— Мы и проведем его вместе, — хмыкает Торн. — Особенно если ты придешь на

соревнования.

Все, я сдаюсь.

— Разумеется, я приду, — бурчу я.

— Вот и замечательно.

В том, что это замечательно, я очень сильно сомневаюсь. Равно как сомневаюсь в том, что два дракона прямо на лыжном склоне начнут избивать друг друга палками, но у меня все равно что-то тоненько дергается внутри. Для начала, мы только приехали, и Торн вообще-то не тренировался. Сомневаюсь, что он вообще тренировался в последнее время. Или тренировался? По его непроницаемому лицу сложно понять что-либо, поэтому я пинаю снег, и ввысь взлетает маленький фонтанчик.

— Это что только что было? — интересуется дракон.

— Ничего.

— Ничего?

— Чего! — резко останавливаюсь и смотрю ему в глаза. — Вообще-то я за тебя волнуюсь.

— За меня? — Торн возвращает мне взгляд, прищурившись.

Я глубоко вздыхаю.

— Знаешь, что? Это не мое дело! Пойду почитаю книжку, пока ты будешь готовиться к соревнованиям.

Разворачиваюсь, чтобы уйти, но меня тут же разворачивают лицом к себе.

— Лаура, я катаюсь с детства.

— Я тоже. Тем не менее мне это не помешало грохнуться в прыжке.

— Ты упала не потому, что не рассчитала баланс а потому, что на льду оказался ребенок.

— Да, видимо так.

— Лаура.

— Торн.

Теперь двух дрангхатри напоминаем уже мы, причем я еще и складываю руки на груди.

— Ты хочешь, чтобы я отказался от соревнований?

— А ты откажешься?

— Нет.

— Тогда какая разница, чего я хочу, Торн?

Мне не хочется с ним ссориться, поэтому мы идем дальше. Разговор скачет, как тот самый дрангхатри па горам, с темы на тему, но ни на одной существенно не задерживается. Мы начинали с того, что говорили о развитии горнолыжного спорта, а сейчас я не могу даже вспомнить о том, что мы говорили пару минут назад. Мы садимся обедать в ресторане на открытой террасе, где для обогрева стоят лампы-факелы и можно воспользоваться пледом.

Обед лезет в меня сомнительно, потому что я все никак не могу выкинуть из головы мысли про соревнования. Это же глупо — спускаться по экстремальной трассе исключительно потому, что... да не знаю я, что! Я реально с этим Беном виделась от силы два раза, из которых второй желаю распомнить, а первый уже искренне хочу позабыть.

Набл меня дернул потащиться в тот вечер на каток!

— Я все-таки не считаю правильным принимать участие в соревнованиях из-за ревности, — говорю я, когда официант приносит десерт и уходит.

В качестве десерта сегодня горячий кекс с запеченным внутри белым шоколадом, который проливается мне на тарелку, стоит разрезать мягкий бисквит.

— Из-за чего, прости? — Торн смотрит мне в глаза.

— Иф-фа рефности, — повторяю я.

— Не все в мире сходится на тебе, Лаура. Ты не думала, что я могу принимать участие, как председатель клуба Фервернского лыжного спорта?

От такого заявления я чуть не подавилась кусочком кекса и отложила вилку.

— Знаешь, мне кажется, что я здесь лишняя. Клуб фервернского лыжного спорта без тебя точно не обойдется, а я тебя у него отнимаю.

Торн нахмурился, но я уже поднялась и аккуратно сложила плед.

— Попрошу Крейда меня проводить и желаю удачи в соревнованиях.

Крейд, к слову, оказался мировым ирлхандом. Даже вопросов не стал задавать — Ландерстергу, просто направился вместе со мной к моему корпусу.

— Можем взять аэрокар, если хотите.

— Нет, — честно ответила я. — Не хочу. Хочу, чтобы у вашего начальства мозги на место встали, но это, видимо, не в моей компетенции.

Оказавшись в номере, в котором, к слову, было очень тепло, стянула с себя лыжный костюм, оставшись в трусиках и маечке. Походила туда-сюда.

«Не все в мире сходится на тебе, Лаура!»

Да мне и не надо, чтобы все сходилось на мне.

Спрашивается, зачем было тащить меня на этот курорт? Чтобы показать, какой он крутой? Это я и так знаю. Никому в здравом уме, трезвой памяти и с нормально развитыми инстинктами не придет в голову в этом усомниться, но...

Но если честно, я от этого устала.

Хочет доказывать всему миру, что он крутой — пожалуйста!

Я еще походила по комнате — полы с подогревом способствовали желанию не просто по ним ходить, а вообще спать. Больше чем уверена, Гринни здесь понравилось бы. И Верражу тоже. Что я вообще здесь делаю?

Понятно же, что!

Пытаюсь наладить контакт с одним невыносимым драконом. Потому что, признаться честно, еще более невыносимыми мне показались эти полчаса без него. Глубоко вздохнув, набросила халат и выглянула в коридор.

— Когда начинаются соревнования? — спросила у Крейда.

— Через два часа.

— Хорошо. Спасибо. — Хотела уже закрыть дверь, но кое о чем вспомнила. — Прошу прощения за вчерашнее.

Не знаю, в академии у них так учат, или это отличительная черта, позаимствованная у Ландерстерга, но улыбнулся он исключительно дрогнувшими уголками губ.

— Принято, ферна Хэдфенгер.

Я улыбнулась в ответ и закрыла дверь. От свежего воздуха и плотного обеда натурально слипались глаза. Глянула на дисплей: до четырех еще чуть больше двух часов, добираться здесь минут десять на аэрокаре. Значит, час у меня точно есть на здоровый спокойный сон.

С этой мыслью я поставила будильник на три, забралась под одеяло и закрыла глаза. И проснулась в четыре тридцать.

Глава 27

Да чтоб его! Чтоб его, чтоб его, чтоб его!

Смартфон умудрился каким-то невероятным образом разрядиться, и я бегала от шкафа к ванной. Честно говоря, не знала, что за пять минут можно столько всего сделать — и макияж поправить, и одеться, но за дверь я вылетела виаром.

— Крейд, вы почему меня не разбудили?!

— А должен был? — Иртхан приподнял бровь.

— Я же спрашивала про соревнования!

— Я решил, что вы собирались пойти, но передумали.

— Я что, похожа на ту, кто может передумать?

Под взглядом иртхана поняла, что да — похожа. Глубоко вздохнула и быстрее зашагала к лифтам. Вот и извиняйся передо всеми после этого!

— Какова вероятность того, что мы успеем на спуск ферна Ландерстерга?

— Исходя из того, что он звонил мне десять минут назад пятьдесят на пятьдесят.

А можно я его стукну?

Впрочем, если и надо было кого-то стукнуть, то это себя. Понадеялась на будильник, называется! Хотя раньше...

Будильник!

Я мысленно застонала, осознав, что оставила мобильный в номере, но возвращаться — значит, терять время, поэтому я влетела в лифт, а спустя пять минут — уже в аэрокар. Управлял им Крейд, и мне все время хотелось попросить его лететь быстрее. Впрочем, если вспомнить, чем закончилось мое желание полетать быстрее, то лучше не надо. Если я обнаружу Эллегрин рядом с Торном...

Вот она бы точно согласилась с ним пойти. И совершенно точно не сбежала с обеда.

Так, все, хватит.

Отправить Эллегрин пинком с горки я не могла, поэтому отправила ее пинком из собственных мыслей и прилипла к окну аэрокара. Вчера нелюдимые, сегодня горы были раскрашены сотнями разноцветных шапок и курток: желающие посмотреть на соревнования выстроились вдоль трасс (разумеется, уже ближе к финишу) за ограждениями и внизу. Наверх, разумеется, никого не пускали, кроме участников, но я тщетно пыталась высмотреть там Торна. Если бы его завернули в фервернский флаг, может, мне это и удалось бы, а так...

Без вариантов.

Огромные экраны, расставленные для тех, кому не удалось подобраться к ограждению (привет, я!) транслировали происходящее на трассе, и сейчас там спускался лыжник из Фияна. Об этом бормотал комментатор, об этом же говорила бегущая голографическая строка, подсказывающая, какую спортсмен-любитель развил скорость.

— Вы не знаете, каким должен спускаться ферн Ландерстерг?

— Последним.

Я внимательно посмотрела на Крейда:

— А сразу вы сказать не могли?

— Вы не спрашивали.

Драконий... отросток ом, а неправая рука Стенгерберга.

Я вылетела из аэрокара на забитой самыми разномастными машинками парковке, устремляясь к толпе. Фиянец как раз завершил спуск, и его приветствовали овациями. Уходил спортсмен в отдельный коридорчик, тянувшийся между ВИП-ложами или чем-то похожим, по крайней мере, там восседали счастливчики, которым не надо было стоять. Это напоминало террасу в ресторане, на которой мы сидели с Торном: на специально возведенном возвышении установили мягкие кресла и согревающие лампы-факелы. В одном из таких со скучающим видом устроилась Эллегрин. Облокотившись о перила, улыбалась то и дело вскидывающим на нее голову собравшимся.

— Откуда здесь столько людей?

— На время соревнований открывается свободный доступ для посещения курорта.

— А что насчет безопасности?

Крейд посмотрел на меня, как мне показалось, серьезно за все время нашего знакомства.

— Можете поверить, ферна Хэдфенгер, безопасность здесь на высшем уровне.

Я, наверное, слишком долго общалась с Торном, потому что замечала и отдельно стоящих секьюрити, и затерявшихся в толпе. И парящие камеры, и... впрочем, все это не отменяло того, что лыжники здесь на открытой местности.

Да, я действительно слишком долго общалась с Торном.

— Ферна Хэдфенгер. Все хорошо?

— Все. — Я глянула на очередного несущегося по склону участника. — Почему вы спрашиваете?

— Вы держитесь за голову.

— А, — я отняла руку от лица. — Пойдемте!

— Ферна Хэдфенгер! — Крейд перехватил меня за секунду до того, как я бы нырнула в толпу. — Для вас забронировано ВИП-место.

Супер! Это мне теперь рядом с Эллегрин сидеть придется, значит? Потому что единственное свободное место оказалось рядом с ней!

— Как вообще бронируются эти места? Они разве не по номерам? — Нет, они просто в особой зоне. Те, кто бронирует двоянные, разумеется, не будут разделены. И правда, несколько пар сидели на специальных двойных диванчиках.

Р-Р-Р!

— А могу я здесь постоять? У вас же здесь безопасность на высшем уровне.

— Нет.

Это было сказано крайне категорично. Настолько категорично, что я поняла — либо в номер, либо к Эллегрин. Поэтому направилась вместе с Крейдом к лестнице через универсальные сканеры. Пропустили нас, разумеется, без разговоров. Хотя лучше бы не пропускали.

Потому что стоило мне опуститься в кресло, Эллегрин чуть подалась ко мне и, ослепительно улыбаясь, произнесла:

— Лаура! Я так счастлива тебя видеть!

Она что, выпила? Это была первая мысль, и к счастью, мыслью она и осталась.

— Добрый день, — сдержанно отозвалась я.

Потому что нельзя отвечать «иди ты в пустошь», даже если очень хочется.

— Почему ты такая напряженная? Я понимаю, наше знакомство не совсем удалось...

Это она называет «не совсем»?

— Но я готова признать свои ошибки, и очень хочу с тобой подружиться.

— А я нет.

Судя по выражению лица, Эллегрин не особо расстроилась.

— Фи, как грубо. Я думала, мы можем поговорить, как цивилизованные женщины.

— Как цивилизованная женщина я бы предпочла никогда больше с тобой не встречаться, — я посмотрела на нее, — но поскольку это единственное свободное место, а мне необходимо присутствовать на соревнованиях, я предлагаю сделать вид, что мы друг друга не знаем.

Вот теперь ее слегка перекосило. Правда, она в тот же момент вспомнила, что собиралась улыбаться — и мне, и окружающим, и откинулась на спинку кресла.

— Кажется, кому-то не помешает расслабиться.

Я сделала вид, что ее не слышу. Если бы не пояснение Крейда про места в ВИП-зоне, я бы вряд ли вообще села рядом с ней. Но поскольку кто-то проспал, и все остальные кресла уже были заняты, вопросы на эту тему оставалось задавать только себе.

Я взглянула на трассу, на которой только что завершил спуск аронгарский спортсмен. Собравшиеся взревели — судя по восторженному голосу комментатора он только что побил какой-то любительский рекорд, и овации на миг заглушили даже слова «вполне возможно...». Аронгарец кричал в микрофон, что он сегодня в ударе, и его энергетика расплескалась по толпе, приводя ее в еще большее возбуждение. Эллегрин снова подалась вперед, помахала потенциальному победителю. Следом в толпу плеснули обрывки фраз про «первое место» и «любительский кубок», но уже в следующий миг я о них забыла, потому что комментатор переключился на следующего участника.

Бен поправлял очки, когда камера выхватила его крупным планом, на шлеме я увидела флаг Раграна: гора Хитри-Ликос, разумеется, символика, и усмиренный дракон на цепи. Спустя несколько мгновений Бен уже устремился вниз, набирая скорость.

— Поразительно катается, правда? По-моему, он сделает аронгарца.

Я глубоко вздохнула и досчитала до десяти. То ли у Эллегрин словесное недержание, то ли она поставила своей целью довести меня до ручки. Я бы проголосовала за второе.

— Как же ты собираешься быть рядом с Торном, если не можешь справиться даже со своей маленькой неприязнью ко мне?

Я все-таки повернулась к ней.

— Тебе не с кем поговорить? Обратись к Крейду.

Она приподняла тонкие брови и снова подалась ко мне. Со стороны могло показаться, что мы действительно мило беседуем.

— Рядом с Торном всегда будут женщины, милая. Привыкай. Если не я, та другая... а если не можешь... может, тебе лучше обратить внимание на очаровательного кардиохирурга? Он реально хорош.

Я сжала руки на подлокотниках, но тут же их расслабила.

— Твоя осведомленность не знает границ Эллегрин. Я понимаю, что у вас с Мильдой чудесные отношения, но на твоём месте я бы задумалась о подруге. Торн очень не любит некомпетентных сотрудников и не думаю, что он сделает исключение для пресс-секретаря.

Улыбка сползла с ее лица, но я уже отвернулась. Смотреть надо было либо на Бена, либо на Эллегрин. Я выбрала первое. По правде говоря, Бен действительно был хорош. Как он справлялся с экстремальными поворотами и взлетал на особо опасных участках... Я почему-то не могла отвести взгляда от мониторов.

Он говорил, что ни разу в жизни не стоял на коньках, но он стоял на лыжах. Не просто стоял — судя по тому, как он обходил острые углы, он катался с самого детства. Фигурное катание считается достаточно травматичным видом спорта, но по сравнению с тем, что видела я... Не представляю, чтобы человек, так катающийся на лыжах, не мог удержать даже простого баланса на льду.

Получается, что все, что он делал...

Я что, ему действительно *настолько* понравилась?!

Додумать эту мысль у меня не получилось, потому что за моей спиной раздались шаги, и к Эллегрин склонился седой невысокий мужчина.

— Ферна Рэгстерн, кубки принесут минут через десять. Помимо этого мы ждем от вас комментариев по поводу соревнований...

— Джирс, не волнуйтесь. Я не в первый раз на церемониях награждения. — Эллегрин снова ослепительно улыбнулась. — И уж точно не в первый раз перед камерами. Я найду, что сказать.

Лицо мужчины пошло красными пятнами.

— Я не это имел в виду... Для нас большая честь, что вы оказались в «Эдерхард Маунтейн» и приняли наше предложение поучаствовать в церемонии награждения.

— Благодарю, Джирс. Взаимно. — Она легко коснулась его плеча. — Позвольте мне досмотреть спуск?

— Да-да, разумеется, — он тут же отступил и ретировался к лестнице.

Эллегрин насмешливо взглянула на меня, а потом — на центральный монитор. Как раз в тот момент, когда снова гроыхнули аплодисменты, а комментатор прямо-таки заверещал в микрофон:

— Новый рекорд! Еще один новый рекорд!!!! Да что же это сегодня творится?! На этот раз его ставит спортсмен из Раграна, кардиохирург, который, возможно, очень зря не пошел в свое время в большой спорт... Встречайте, Бенгарн Эстфардхар!

Бен вскинул руку, улыбаясь на вспышки камер.

— И совершенно точно зря не пошел в большую политику, — усмехнулась Эллегрин. — Иначе у него были бы все шансы привлечь тебя своей харизмой.

Как жаль, что кубки не принесли! Я бы с удовольствием треснула ее одним из них — может, хоть так замолчит. С другой стороны, хорошо, что не принесли, потому что невеста Торнгера Ландерстерга, избивающая кубком звезду соцсетей — это просто праздник для желтой прессы. Тем не менее из-за всего этого я пропустила начало разговора с Беном.

— ...Да, я занимаюсь с детства.

— И сегодня вы были в ударе?

Слова комментатора встретили смехом.

— Нет, просто сегодня мне очень хотелось выиграть.

— Вам определенно стоит почаще заявлять о своих желаниях! Чего бы вам хотелось еще?!

Он посмотрел на меня. Теперь, когда я могла его видеть совсем рядом, а не только через транслирующие происходящее мониторы, он точно смотрел на меня. А потом

отвернулся.

— Все, что я хочу, у меня уже есть.

Толпа снова взорвалась аплодисментами.

— Смелое заявление! — воскликнул комментатор.

— И спорное, — хмыкнула Эллегрин. — Ты знала, что он был наследником правящего до того, как в Рагрane сменилась власть?

Вот теперь я к ней все-таки повернулась.

— О, ты не знала? — Она покачала головой. — Это крайне трагичная история. Помнишь тот кошмар, который случился в Рагрane? Гм... то есть, я имела в виду, ты о нем знаешь?

— Ты про Мерриужский налет?

— Про него. — Эллегрин кивнула. — Историческое событие, с которым сообща справлялся весь мир. Бенгарн — сын правящего, который не сумел остановить драконов. Его отец был отстранен и взят под стражу, чем это закончилось, мы все знаем. Старшая сестра пропала без вести, а вот мать... мать оказалась умнее, прицепилась по быстренькому к отбывающему в Ферверн консулу и сбежала, где благополучно вышла за него замуж. Словом, ей — и ему — очень повезло. Потому что мировое сообщество в то время действовало жестко.

Я впервые не нашлась, что ей ответить, потому что... потому что вся эта история просто не могла быть про Бена! Его жизнь — он рассказывал, что переехал сюда, когда ему было два года... точнее, что переехала его семья. С другой стороны, что он должен был мне сказать? Много лет назад мой отец облажался, и пострадало бесчисленное множество людей? Моя мать сбежала, чтобы спасти себя и меня, и вот теперь я здесь?

Определенно, он не мог мне этого сказать — мне, девчонке, которую видел впервые, но он и так сказал мне слишком много. Правда, я бы предпочла и все остальное узнать из другого источника, потому что ехидный взгляд Эллегрин явно был в адрес моего замешательства.

— Как я уже сказала, твоя осведомленность не знает границ.

Она улыбнулась. Хищно.

— Незаменимая черта, когда дело касается достижения целей. Подумай об этом на досуге, Лаура.

Я отвернулась. Спустя пару минут завершил спуск другой спортсмен, готовился еще один. Глядя на мониторы, я видела все, что угодно, но только не трассу. Хотя бы потому, что перед глазами стояли картины из Мерриужского налета — это действительно была трагедия мирового масштаба, после которой вся верхушка власти в Рагрane очень сильно пострадала. Отец Бена и его приближенные — они все были казнены по решению мирового сообщества. За то, что допустили такое. За то, что своевременно не попросили о помощи. За то, что большая часть столицы превратилась в руины, за то, что пострадало столько людей.

Я плотно сжала губы и вцепилась в подлокотники.

Бен здесь ни при чем, он был совсем маленьким. Два года! Ему было всего два года, когда мать вынуждена была бежать из страны...

Из не самых веселых мыслей меня выдернул голос комментатора:

— ...сегодня — впервые — участие в соревнованиях принимает Торнгер Ландерстерг! И это беспрецедентное событие...

Торн посмотрел в камеру (а показалось — прямо на меня) перед тем, как надеть очки — и я упустила следующие слова комментатора, а заодно и начало отсчета. Потому что в этот момент по-настоящему осознала, к чему прикоснулась. Власть — страшная сила и

бесконечная ответственность. Такая, какой не пожелаешь никому, потому что стоящий не просто над городом, а надо всей страной, отвечает за миллионы жизней. Одно неверное решение может обойтись слишком дорого и может разрушить все. Наверное, именно поэтому я никогда не горела желанием становиться женой Торна. Вот только сейчас было уже поздно: я осознала это в тот момент, когда он оттолкнулся от склона, и мое сердце рухнуло вслед за ним.

Остаться на месте мне помогло исключительно присутствие Эллегрин — по крайней мере, попытку приподняться, еще сильнее сдавив подлокотники, я задушила в себе на корню. Даже руки сложила на коленях, и со стороны, должно быть, выглядела крайне расслабленной. Впрочем, мне было совершенно безразлично, как я сейчас выгляжу, потому что я смотрела только на центральный монитор.

Слова комментатора шли фоном, а я отмечала лишь резкие повороты, в которые Торн заходил на сумасшедшей скорости, и мгновения, когда лыжи отрывались от заснеженной трассы, и он летел. Над крутым склоном, чтобы спустя несколько мгновений снова стремительно врываться в обжигающий ледяной воздух.

— Он тебе не по зубам, детка, — донеслось слева.

Оказывается, я упустила момент, когда Эллегрин снова подалась ко мне, но на этот раз я даже не взглянула в ее сторону.

Толпа взревела, когда Торн, не сбавляя скорости, почти коснулся лыжами разметки, но... не коснулся. А после снова взлетел, и впереди его ждало еще несколько поворотов, за которым — финальный и самый сложный участок трассы. Едва коснувшись склона, ему нужно было преодолеть крутой поворот. Самый крутой изо всех, и несколько спортсменов на нем просто снесли разметку, а еще двое — упали. Обо всем этом бодро вещал комментатор, что касается меня, я замерла.

Как раз когда к Эллегрин снова подбежал тот мужчина, на сей раз с помощниками.

— Кубки, ферна Рэгстерн, — прокомментировал он расстановку на нашем столике, и так же быстро ретировался.

— Невероятная скорость! Просто невероятная! Если ферн Ландерстерг не сбавит ее на финальном участке, нас ждет новый рекорд! Невероятно, но... третий за сегодняшний вечер! Давайте все пожелаем ему удачи!

Голос комментатора стих, и над толпой повисла звенящая тишина. Такая, что, кажется, слышно было даже падение искрящихся в морозном воздухе снежинок. Особенно когда Торн оторвался от земли.

В эту минуту я почувствовала, что, кажется, не дышу.

А когда снег взметнулся в воздух, ударяя ему в лицо, дыхание перехватило повторно. И в третий раз — когда он вошел в поворот и вылетел на финишную прямую. Несколько мгновений (по крайней мере, я успела услышать удар собственного сердца) царила тишина, а потом толпа взорвалась овациями. Я разжала пальцы и потерла друг о друга взмокшие ладони.

Еще минута — и я уже могла видеть его не только на мониторе.

А потом все случилось само.

Под грохот аплодисментов Торн пересек финишную черту, и рев вокруг поднялся такой, что даже вопли комментатора:

— Невероятна! Невероятно... — вскоре в нем утонули.

А я, наоборот, выплыла. То есть почувствовала, что снова могу нормально дышать и вскочила. Подхватила кубок, предназначенный победителю, и под вопль Эллегрин: «Ты с ума сошла?!» метнулась к ступенькам.

И к нему.

Врезаясь в него раньше, чем успели подскочить репортеры.

— Это тебе! — сообщила, вручая ему кубок и глядя в глаза.

В которые сейчас падала так же, как падала вместе с ним в каждую снежную бездну.

— А это тебе. — Торн раскрыл ладонь, и я увидела кольцо. То самое кольца. — Ты выйдешь за меня замуж, Лаура?

М-м-м... Э-э-э...

Не уверена, что это то, что стоит говорить на людях, особенно под прицелами десятков камер, которых неожиданно стало слишком много. Вокруг нас сейчас повисла такая тишина, что действительно будет слышно, если упадет снежинка.

— Это ответственная подготовка? — спросила я внезапно севшим голосом.

— На мой взгляд да. Более чем.

Он замолчал. Смотрел мне в глаза, как, кажется, не смотрел никогда. Не знаю, что он там видел, но в этот момент солнце падает на остроконечную вершину горы, отражается на его волосах яркими красными лоскутами. Именно сейчас мне невыносимо хочется запустить руки в его волосы, а потом приподняться на носочки и поцеловать — откровенно и глубоко. Вместо этого я отвечаю:

— Да. — Но поскольку получается очень тихо, еле слышно даже мне самой, повторяю уже громче: — Да.

Кажется, что мое «Да» подхватывает эхо разрывающих тишину оваций, и это эхо бьется о гаснущие в лучах заходящего солнца вершины. Грохота аплодисментов и нарастающих голосов вокруг становится еще больше, их столько, что я не слышу даже собственного сердца. Но может быть, я не слышу его потому, что пальцы Торна скользят по моей коже, когда он надевает мне кольцо.

В этот момент мир сужается только до этого прикосновения и его взгляда, от которого мне становится безумно жарко.

А после — снова взрывается овациями, поздравлениями, голосами, вспышками камер.

То, что я помню очень хорошо — так эта как мы идем в сопровождении мергхандаров, и лица в толпе сливаются. Бесконечная вереница сменяющих друг друга улыбок, сверкающих глаз, вскинутые вверх руки кружатся перед глазами. Чувство такое, что я пьяная: настолько, насколько это вообще возможно. Мажет быть, так и есть. Может быть...

Но сейчас, когда его ладонь сжимает мою, я чувствую это прикосновение так остро, как никогда раньше. Еще я помню аэрокар и как выхожу из него. Уже рядом с домиком Торна. Точнее, рядом с тем домиком, который должен быть нашим общим, но сейчас все эти воспоминания стираются. Остается только настоящий момент, одно мгновение, в которое стягивается и захлопнувшаяся дверь, и наш поцелуй.

Он... странный. Я просто раскрываю губы, а в следующий момент уже чувствую, что раскрыта я вся. И то, как его дыхание сливается с моим кажется самым правильным и самым естественным. От этого чувства, от той глубины, с которой Торн сейчас скользит губами по моим губам, становится не просто горячо. Невыносимо жарко: чувство такое, что я вспыхиваю вся — льдом, пламенем, от полыхающих губ до кончиков пальцев, от желания податься к нему, вжаться всем телом — внутри сладко пульсирует, и я подаюсь, вжимаюсь, скольжу телом по телу, вырывая из его груди хриплое рычание.

— Лаур-р-ра! Ты что творишь?

— А на что это похоже? — интересуюсь я и облизываю губы.

Непроизвольно. Но там, где только что был его язык, они кажутся настолько чувствительными, что я невольно выдыхаю стон. И вижу, как его зрачки сначала расширяются, а после стягиваются в стилеты, острую звериную вертикаль, о которую

можно порезаться, как о только что треснувшую льдинку.

Торн подхватывает меня на руки, и я делаю то, что хотела сделать уже очень давно: вплетаю пальцы в его волосы, пробуя короткие жесткие пряди подушечками пальцев. Пропуская их под ладонями и получая такой прищур, от которого сердце на мгновение дергается и замирает. Совсем как там, на склоне.

— Хочу тебя, — хрипло говорю я.

Выдыхаю это ему в губы и смыкаю их: плотно.

Дверь Торн открывает плечом, и мы оказываемся в спальне. Пальто — на полу, а следом за ним и платье — когда дракон раскрывает молнию на спине. Оно падает к моим ногам, ложится облаком снега, и кажется, падение этого снега я действительно слышу. Этот едва уловимый шорох, заставляющий мое сердце биться чаще. Или чаще заставляет биться его взгляд, скользящий по моему телу. Вертикальный зрачок удлиняется, особенно когда я расстегиваю его куртку.

Впрочем, нет.

По сравнению с тем, каким он становится, подсвеченный ободком ледяного пламени, когда я запускаю ладони под его джемпер, предыдущее почти ничего не значит. Торн перехватывает мои руки, останавливает их.

— Ты снова надела чулки, Лаура?

— Что поделать, — снова облизываю губы не в силах отвести взгляд от его звериного прищура. — Чувствую себя голой, когда выхожу из дома без них.

Слово «голой» я, кажется, слегка растягиваю.

В следующий миг я уже оказываюсь на кровати. Падаю в белое покрывало, как в снег, и ощущения примерно такие же — прохлада и мягкость окутывают разгоряченную кожу настолько остро, что я задыхаюсь от этого чувства. А потом задыхаюсь от ощущения скольжения пальцев вдоль кромки чулок и выше.

Зачем ему пламя, если он может обжигать так?

Тянусь к его лицу, обхватываю ладонями и приподнимаюсь, чтобы раскрыть сильные губы поцелуем. На этот раз это — моя инициатива, когда я прижимаюсь кружевным бельем к грубой ткани джемпера, из груди дракона снова вырывается рычание. Оно втекает в меня, отражаясь, кажется, в каждой клеточке тела, заставляя дрожать в ожидании несоизмеримо большего. И оно не заставляет себя ждать, мягко отстранившись, обманчиво-мягко, Торн опрокидывает меня на покрывало.

Мгновение — и мои запястья уже перехвачены, а руки над головой. Ему не составляет труда удерживать меня... как будто я хочу вырваться. Нет, пожалуй хочу! Мне хочется скользить ладонями по его груди, по его прессу, повторять кончиками пальцев литые мышцы...

До той минуты, пока его ладонь не накрывает мою грудь прямо поверх Белья. Воздух во мне кончается в бесчисленный раз за этот вечер, от острого прикосновения на грани — когда он сжимает чувствительную горошинку соска вместе с кружевом — на миг темнеет перед глазами.

— От... пусти, — хрипло говорю я.

И снова падаю в его взгляд, когда пальцы один за другим разжимаются.

На запястьях, где под кожей бешено бьется пульс. И на груди — стягивая чашечку вниз, царапая сосок кружевом.

Сильные ладони разводят мои бедра, и сейчас, когда я раскрыта — вся, полностью, — мне хочется чувствовать его еще сильнее.

И я чувствую.

Скользю пальцами по его животу, под джемпером. Спускаясь все ниже, пока не чувствую под рукой напряженную яростную силу мужского желания.

Второй рукой расстегиваю пуговицы, молнию, тяну вниз белье.

Не отпуская взгляда дракона, касаюсь ладонью и вижу, как ободки у зрачков становятся ярче. Не знаю, что ударяет в меня сильнее: это, или то, как стремительно он снова перехватывает мои руки. Кажется, и то и другое — от невыносимой жажды прикосновения хочется шире развести бедра, и я это делаю.

В следующий миг выгибаясь всем телом, потому что он повторяет этот трюк с бельем, на этот раз там, внизу.

— А-а-ах-х, — выдыхаю, пальцы сжимаются в кулаки, прямо под его ладонью.

Торн подается ко мне. Вплотную.

Не отпускает ни рук, ни взгляда, а те движения, от которых внутри вспыхивают искры, пламенем бегущие по телу — дразнящие, от мягких и плавных, до сильных, почти жестких, заставляют кусать губы и ерзать. Мне кажется, что сердце вот-вот выскочит из груди: особенно когда он склоняется над этой самой грудью, прихватывая губами сосок и лаская его языком в ритме откровенных движений. От легких, едва ощутимых касаний до жестких, когда хочется всхлипнуть от желания большего.

И я всхлипываю, а в следующий миг замираю. Теперь движения его пальцев раскрывающие, интимные настолько, что мне даже думать об этом страшно. Но вместе с тем настолько приятные...

Кажется, я сама не замечаю, как начинаю двигаться вместе с ним. Кусаю губы, шепчу

— То-орн...Торн...

Он поднимает голову, и холодный воздух обжигает кожу там, где только что были его губы.

— Скажи это, — говорит он. — Скажи это еще раз, Лаура.

— Что? — шепчу, снова облизывая губы. — Что я тебя хочу?

— Скажи мое имя. Так

— То-орн, — повторяю. И добавляю, глядя в синие, как зимняя ночь, глаза: — Хочу тебя. Сейчас.

В следующий миг в меня ударяет пламя. И одно резкое движение. Это настолько сильно и глубоко, что я кричу не от короткой сгоревшей в ледяном огне вспышки боли, а от смены сумасшедших, острых ощущений.

Ладонь Торна ложится чуть повыше ключицы, повторяя несуществующий узор харргалахт, излишки пламени втекают в его руку, и мир снова обретает четкие грани.

— Лаура, — говорит он. И хрипло повторяет. — Лаура.

Я выдыхаю. Перехватываю его ладонь, сплетая пальцы. А потом осторожно двигаюсь. Сама.

Это... остро. Еще острее слышать его рычание сквозь стиснутые зубы, а потом — чувствовать пальцы на своих бедрах. Втягивать неожиданно ставший раскаленным воздух, вздрагивать всем телом, принимая его в себя целиком. А потом — отпуская.

Цепляюсь дрожащими пальцами за сильные плечи, и он замирает.

— Больно?

— Н-н-нет, — шепчу. — Нет. Пожалуйста, не останавливайся.

Впрочем... мы вряд ли могли бы остановиться. Сейчас, когда стали единым целым, а мир

раскололся на до и после. Когда каждое движение внутри отдается яркой, яростной вспышкой, на миг обжигающей — а потом протягивается наслаждением, заставляющим выгибаться, подаваться навстречу сильному, плавному ритму, отзывающемуся во всем теле нарастающей дрожью. Он чуть приподнимает мои бедра, и я всхлипываю от странной вспышки удовольствия. Сильнее сжимаю пальцы на его плечах.

Еще сильнее.

Еще...

Еще!

От дикого, ни с чем не сравнимого наслаждения, волной сладких спазмов прокатывающихся по телу, во мне дрожит каждая клеточка. Впрочем, возможно, я дрожу от вонзающегося в меня темного взгляда и яростного рычания мне в губы. Или от той пульсации, которая на каком-то горячем движении исходит уже от него. И снова становится моей.

В тот миг, когда это происходит, я широко распахиваю глаза, и, кажется, все-таки падаю. В него. В покрывало, в сугроб, гораздо глубже и ярче, чем я то себе представляла, содрагаясь всем телом на пределе удовольствия и бешено бьющегося сердца.

В сильные руки Торна, который подхватывает меня и прижимает к себе.

Глава 28

Мы лежим вдвоем, в этом сугробе. То есть в покрывале: Торн прижимает меня к себе, моя нога поверх его бедра, и чувство этой откровенной интимной наполненности снова пробуждает легкую пульсацию. Которая сменяется легкой тянущей болью, когда он подается назад.

— Все хорошо? — спрашивает дракон, когда я морщусь.

— Ага.

— Ага?

— Да, — мне хочется сдвинуть ноги, потому что теперь там немного больно, и он делает это за меня.

То есть подтягивает поближе к себе, заворачивает в покрывало и гладит по спине. Я вздыхаю. Наверное, это лучший первый раз, который только можно себе представить, и мне хочется ему об этом сказать.

— Ты лучший, — говорю я, глядя ему в глаза. — В смысле... мне было так хорошо...

Он продолжает на меня смотреть, и под этим взглядом продолжать становится нереально, поэтому я поворачиваюсь в его руках, прижимаюсь к нему спиной, чувствуя себя такой счастливой, воздушной и легкой, как никогда раньше. Наверное, если бы он меня не держал, я бы взлетела под потолок вместе с сугробом. То есть с покрывалом.

Вот это я и называю — парить.

— Спряталась? — судя по голосу, Торн улыбается.

— Что? Нет!

— Тогда почему отвернулась?

— А почему ты так смотрел?

— Потому что мне нравится на тебя смотреть, Лаура.

Теперь его рука накрывает мою грудь, и я закусываю губу. От сладкого импульса там, где ладонь касается чувствительной вершинки, в самом ниву живота становится горячо.

— Не уверена, что меня хватит на второй раз.

— Нет?

Ладонь скользит по моему животу и ниже.

Наверное, стоит его остановить, но я замираю. Потому что я тоже этого хочу, и хочу как никогда раньше. Поэтому когда пальцы Торна спускаются еще ниже, касаясь меня так откровенно, бессовестно и мягко, я запрокидываю голову, упираясь затылком ему в плечо.

Никогда бы не подумала, что это настолько приятно.

Что это... так...

Минуту назад мне казалось, что я легкая, как перышко, а сейчас во всем теле снова томительная тяжесть. И то, что мне в ягодиче упирается его наливающееся силой желание, возбуждает. настолько, что от коротких, плавных, тягучих движений пальцев разрастающееся во мне удовольствие снова достигает предела.

Так неожиданно, что я вскрикиваю и хватаю губами воздух, а он целует меня в плечо.

— А говорила, что на второй раз тебя не хватит.

Я поворачиваюсь в его руках.

— Вообще-то это третий. Ты кубок забрал?

Торн приподнимает брови:

— Кубок? Ты серьезно?

— Серьезнее некуда.

— Он... — Ответ прерывается хриплым выдохом, больше похожим на рычание, потому что я скольжу бедром вдоль напряженной силы его желания. — Где-то там. Остался.

Где остался кубок, мы больше не говорим, потому что вряд ли из этой беседы получится что-то содержательное. Я обхватываю его ладонью, смотрю в глаза, где круглые зрачки снова вытягиваются в вертикаль. И в этот раз я вижу, как ободок пламени разгорается все ярче, все сильнее и резче, до яростной вспышки, отзывающейся под моими пальцами такой силой, что у меня кружится голова.

— Все, Лаура. В душ! — командует он, когда я облизываю губы и тянусь за поцелуем.

— Или?

— Или я не выдержу, а тебе в ближайшие сутки лучше воздержаться от такого рода упражнений.

— Сутки... — Я прищуриваюсь. — Ладно, сутки я выдержу.

Торн качает головой, потом откидывает покрывало.

— Если бы мне кто-то сказал, что вот эта женщина...

— Вот эта женщина — что?

— Еще и настолько сексуальная.

Я смеюсь. Он поднимается подхватывает меня на руки, и я вижу несколько пятнышек на белом. От этого к щекам приливает кровь, и я закусываю губу.

— Так что бы ты сделал? — спрашиваю я, когда он ставит меня в душевую кабину.

— Не представляю.

Торн избавляется от джемпера и щурится, когда я медленно завожу руки за спину, чтобы избавиться от верха белья. Трусики остались где-то там, если честно, я даже не представляю, где, потому что не помню, как он стягивал их с меня. Зато помню много всего остального, и в этом состоит особая трудность, потому что стоять рядом с ним в душевой кабине — то еще искушение.

— Где ты научился кататься?

Подношу ладонь к панели, и дозатор щедро выдает порцию геля на одноразовую мочалку.

— Здесь, разумеется. Учился с детства.

— Ты любишь лыжи? — улыбаюсь, когда он перехватывает у меня мочалку и скользит ей по моим плечам.

— Это обязательная дисциплина в военном образовании. Мы живем среди заснеженных вершин, Лаура, и ситуация может сложиться всякая. Поэтому сегодня я шел вне соревнований.

Я поворачиваюсь к нему:

— То есть я стащила кубок победителя и вручила его тебе?

Торн хмыкает, проводя мочалкой по моему бедру. Чуть резче, как мне кажется, чем собирался изначально, а я вспоминаю, кто стал победителем. Не совсем то, о чем стоит

говорить сейчас.

— Дико хочу есть, — говорю я.

— Значит, сейчас будем есть. Что ты предпочитаешь — морепродукты или что-то посерьезнее?

— После такого? Однозначно что-то посерьезнее.

Мы заканчиваем с водными процедурами, точнее, первым заканчивает Торн. Я еще отжимаю волосы, когда он выходит, чтобы заказать нам ужин. Мягкий ворс коврика щекочет пятки, даже они сейчас настолько невыносимо чувствительные, что я уже сама сомневаюсь в том, что знаю о себе все.

Откуда во мне такая неумная, сумасшедшая сексуальность?

Как бы там ни было, мне это однозначно нравится. Я стою перед зеркалом обнаженная, со сверкающими глазами, рассматриваю свое отражение и мне хочется улыбаться. Особенно когда я вспоминаю, как на меня смотрел Торн. Как он меня раздевал, как...

Так, Лаура!

Тянусь за халатом, накидываю его поверх все еще безумно чувствительной кожи и вздрагиваю. Это какое-то сумасшествие, я никогда так не ощущала мягкую ткань! Но мне это нравится — мне вообще нравится видеть себя такой.

А его — таким.

Закусив губу, запахиваю халат, промокаю волосы еще раз. Сейчас чуть-чуть подсохнут, и можно будет расчесать, а пока отбрасываю их за спину. Не в силах справиться с улыбкой — никогда не думала, что можно быть настолько счастливой — выхожу в комнату.

Торн говорит по телефону, но, стоит мне появиться, тут же отбивает звонок и поворачивается ко мне. Это, кажется, первое мгновение, когда темно-синие глаза снова обжигают колючим холодом морозной ночи. Впервые за долгое время. Но сейчас это ощущается настолько остро именно на контрасте. Моя улыбка тает, а в следующий миг Торн шагает ко мне.

Его ладони — сильные, уверенные, мощь этого прикосновения чувствуется даже через ткань. На ней я и сосредотачиваюсь, когда он произносит:

— Лаура, на твоего отца было совершено покушение.

— Ну все, все. Хватит. — Отец, явно смущенный таким вниманием (особенно в присутствии Торна), коротко поцеловал Ингрид в щеку. В ответ она судорожно всхлипнула и обхватила его руками, а я улыбнулась.

Кажется, впервые за все время, что мы добирались домой, я смогла выдавить из себя улыбку. Торн сразу сказал, что с ним все в порядке, что стрелявший арестован, и что отец даже в больницу ехать отказался — его просто осмотрели на месте. Предназначавшийся ему лазерный луч просто продырявил стену, но сам факт того, что случилось, перетряхнул меня так, что я не могла успокоиться, пока его не увидела и не обняла. Одним рывком, уткнувшись лицом ему в плечо.

Потом, правда, влетели Ингрид и Сильви, а еще через несколько минут появился Даргел. Брат, разумеется, держал лицо, но то, что его тоже основательно перетряхнуло, было видно невооруженным глазом. Может быть, только мне, не знаю. Я просто с детства умела читать по его лицу, особенно когда оно становилось таким обманчиво-спокойным, но губы были плотно сжаты.

Как бы там ни было, сейчас все было в порядке исключительно благодаря Торну. Точнее, его мергхандарам. Оказывается, к отцу тоже приставили охрану, которая и среагировала мгновенно. И сейчас... Сейчас я благодарила молча, просто мягко сжимая его руку. Для меня в этом жесте было гораздо больше, чем могли бы сказать любые слова.

— Лаура, — он коснулся ладонью моей щеки, — нам с твоим отцом нужно поговорить.

— Да, разумеется. — Я кивнула, чувствуя, как отступает давящее, мешающее нормально дышать напряжение.

Отец улыбнулся мне, я улыбнулась в ответ и, когда они с Торном скрылись за дверями гостиной, подошла к столику, чтобы налить себе воды. Крышечка графина звякнула (руки у меня все-таки дрожали), и Даргел, приблизившись, взял у меня стакан.

— Позволь я... — брат осекся и приподнял брови. — Лаура. Тебя можно поздравить?

Кольцо. Он смотрел на кольцо.

— Думаю, сейчас не самое лучшее время...

— Поздравить?! — К нам тут же подскочила Сильви. Глаза ее широко распахнулись, потому что брат все еще держал мои пальцы в своих. — Ой! Лали! Это что, «Адэйн Ричар»?!

Она указала на кольцо.

— Мама! Это «Адэйн Ричар»! Смотри!

— Прекрати!

— Ингрид, ты хотя бы сегодня можешь не командовать?! — Дарел невольно повысил голос, повернувшись к ней. — Понимаю, мы все на нервах, но это просто кольцо.

— Это не просто кольцо. — Ингрид вонзила в меня яростный взгляд. — Это то, чем Лаура светит направо и налево в день, когда чуть не погиб ее отец.

От такого заявления я даже забыла о том, что хотела пить.

— На минуточку. Ты совсем рехнулась?

— Как ты со мной разговариваешь?!

— Как ты того заслуживаешь, — огрызнулась я.

Вырвала руку из ладони Даргела, все-таки налила себе воды и взлетела наверх по лестнице.

Подальше ото всех, к себе в комнату, где меня наконец-то по-настоящему затрясло. Так, что я звучно клацнула зубами о край бокала прежде, чем мне удалось из него отпить.

— Лаура, не обращай внимания. — Даргел вошел без стука и остановился напротив меня. — Ингрид в своем репертуаре.

— Она меня ненавидит.

— Это не так.

— Это так. Потому что когда я обнимала отца, она готова была мне в волосы вцепиться. Просто за то, что первой он обнял меня. А я всю дорогу думала только о том, что могло бы быть... Хотя ничего такого быть не могло, потому что Торн сделал все для его безопасности.

Рука у меня по-прежнему дрожала, поэтому брат приблизился и отнял у меня бокал. Поставил на полочку, где стояла рамка с маминым фото.

— Вы с ним ладили?

— Я не думаю, что...

— Я думаю, что ты права. С отцом все хорошо, поэтому мы можем говорить на любые темы, и я хочу убедиться, что с моей сестрой тоже все в порядке. Ну? — Он заглянул мне в глаза. — Вы с ним ладили?

Я улыбнулась.

— А ты как думаешь, если я называю его Торн?

— Тут возможны варианты. — Даргел сдвинул брови, и стал очень похож на отца. — Например, он приказал тебе называть его так. Даже в его отсутствие и при свидетелях. Особенно при свидетелях.

Сказано это было серьезно, но выдавали его дрогнувшие уголки губ.

— Нет. — Я невольно улыбнулась еще шире. — Он совершенно точно ничего мне не приказывал.

— Нет?

— Нет. Я его люблю.

Слова вырвались сами собой, и кажется, вогнали меня в ступор гораздо больший, чем брата. По крайней мере, он заговорил первым.

— Ого.

— Ого, — подтвердила я.

Даргел приподнял брови.

— И ты молчала?

— О чем?

— О том, что любишь Торнгера Ландерстерга.

— Т-с-с-с! — зашипела я, прикладывая палец к его губам.

Брат со смехом перехватил мою руку.

— Не думал, что это тайна.

— Это тайна! По крайней мере, пока я не готова этим ни с кем делиться.

— Ни с кем, кроме меня?

Я вздохнула.

— Кроме тебя.

Даргел улыбнулся, а потом неожиданно мягко привлек меня к себе.

— Я польщен, сестренка. Я запрокинула голову, глядя ему в глаза.

— Все ведь будет хорошо, Дар?

— Все будет отлично. Теперь — точно будет, — он усмехнулся. — Если моя младшая сестренка влюблена, я спокоен.

Я вздохнула, отпуская остатки напряжения.

— А как у вас с Мел?

— Все по-прежнему. Мел пока не готова становиться моей женой.

Я покачала головой.

— Ты ждешь ее уже два года.

— И буду ждать, сколько потребуется. Пока она не поймет, что наша семейная жизнь никоим образом не скажется на ее драгоценной свободе.

— Мой терпеливый братик. — Я погладила его по запястью. — Как ты смотришь на то, чтобы нам организовать семейный ужин?

— Чтобы Ингрид загрызла меня за вторжение на ее территорию? Нет уж, спасибо.

— А я все-таки рискну. Если отец, конечно, сделал с холодильником то, о чем я его просила.

— Рисковая ты девушка, Лаура. — Брат поцеловал меня в макушку. — Ладно, так уж и быть. Пойдем. Я тебе помогу.

— Мне пора. — Даргел первым поднялся из-за стола.

Семейного ужина не получилось. То есть он получился, но очень сдержанный — видимо, присутствие Торна за столом добавляло некоторого напряжения. Хотя я и не представляла, почему отец с ним общался постоянно, а Даргел, Сильви и Ингрид уже давно были готовы к тому, что мы станем родственниками. То есть мы с ним станем супругами, а остальные... Я вдруг подумала о том, что у Торна семьи нет. О том, что он ее потерял.

Возможно, именно поэтому семейная встреча за столом для него была чем-то... вроде испытания. Ну или мне так показалось? Он общался с такими людьми (и иртханами), что мне вообще сложно было представить, кто может оказаться для него испытанием. Тем не менее сегодня он присоединился ко всеобщему напряжению, и все мои попытки как-то разрядить обстановку за столом наталкивались на вежливое общение.

Беспрецедентно вежливое.

Даргела пошли проводить Ингрид с отцом, мы с братом попрощались прямо в столовой. Сильви, оставшись с нами, сказала что ей срочно нужно позвонить и сбежала. Как ни странно, наедине с Торном мне сразу стало легче, будто порвалась невидимая цепь, стягивающая меня изнутри.

— Наверное, нам тоже лучше собираться, — сказала я, коснувшись его руки.

— Мне.

— Что?

— Мне, Лаура. Пока мы не женаты, рисковать твоей репутацией мы не будем. Я замерла, как сидела.

— Торн... о какой репутации речь? Ты сделал мне предложение перед камерами, и скоро об этом будет знать весь Ферверн. Прошу прощения, весь мир.

— Вот именно. — Он взял мою руку с кольцом в свою. — Не забывай, Лаура, что я не рядовой мергхандар. Теперь за нами будут следить особенно пристально.

Я даже не нашла, что сказать, в голове была просто мешанина из мыслей и того, что я хотела озвучить. Например, тот факт, что вообще-то у нас была ночь любви. То есть день любви... Вечер любви?! И что, я теперь буду жить отдельно, а он отдельно? А как же Гринни? Верраж?!

Как раз в тот момент, когда я собиралась об этом спросить, в столовую вернулись Ингрид с отцом. Торн поднялся, и я вскочила следом за ним.

— Думаю, сегодня вам лучше побыть вместе всей семьей, — произнес дракон. — Завтра после обеда вернемся в загородную резиденцию.

На этот раз мы направились в холл уже вчетвером, и все это время я пыталась справиться с желанием спросить все напрямик. Спросить напрямик не получалось, потому что рядом были отец и мачеха, а мои взгляды Торн игнорировал. То есть попросту не замечал, что я бы хотела продолжить.

Да что с ним такое?!

— Торн. — Я все-таки не выдержала и кивнула в сторону лестницы.

— Лаура, если это не вопрос жизни и смерти, я бы предпочел отложить его до завтра. Сегодня у меня еще встреча со Стенгербергом.

Ну супер. Замечательно. Что я могу сказать.

— Нет, это не вопрос жизни и смерти. Но это очень важно для меня.

— Лаура! — прошипела Ингрид.

Она явно собиралась что-то сказать, но под взглядом отца осеклась.

— Ингрид пойдем. — Отец протянул Торну руку: — Торнгер.

— Ингрид. Юргарн.

Они пожали друг другу руки, и отец увел мачеху за собой.

Я следила за ними взглядом, пока они не скрылись на лестнице, и только потом повернулась к своему мужчине.

— Торн, что случилось?

— Случилось нападение на твоего отца. — Он произнес это жестко и холодно. Правда, тут же смягчился: — Но ты права. Ты имеешь право знать.

Мы прошли в гостиную, где устроились на диване, и Торн несколько мгновений смотрел на меня, прежде чем начать.

— Нападавший — один из сотрудников офисного центра, где работает твой отец, должен был стрелять в упор. Но после того, что случилось с тобой, я приставил к твоему отцу мергхандаров под прикрытием. Они сопровождали его везде, так или иначе были рядом. Когда было совершено покушение, один из них находился рядом с твоим отцом в качестве клиента.

— Подожди... — сказала я. — Я не совсем поняла. При чем тут то, что случилось со мной?

— Лаура, это не случайность. Тому, кто сломал панель блокировки на бортиках, чтобы девочка могла броситься на лед во время твоей тренировки, ее матери и стрелявшему в твоего отца платил один человек.

— Что? — переспросила я. Правда, пришлось переспросить повторно, потому что голос неожиданно сел. — То есть как?!

— Клиент, которому отказал твой отец — Микас Лодингер, имеет долгую и чрезвычайно темную историю, но не будем углубляться в подробности. Достаточно того, что в Ферверне он оказался благодаря своему отцу, который поместил его на лечение в лучшую психиатрическую клинику Хайрмарга. Их — и отца, и сына, — в свое время приняли как пострадавших от неправомерных действий иртханов, потому что психику Лодингера сломали за счет ментального приказа.

— Но ментальные приказы запрещены.

— Запрещены. Но тех, кто их применяет, это не волнует, Лаура. Как бы там ни было, изначально Лодингер оказался гораздо менее сумасшедшим, чем его хотели выставить. Спустя десять лет он вышел из клиники — правда, с особыми ограничениями и под постоянное наблюдение. Испытательный срок прошел, и он решил, что ему все позволено. В частности, он развлекался с молодыми девочками — с совершеннолетними, чтобы не попасть под статью, — соблазнял их и записывал это на видео. После чего шантажировал, если они хотели от него уйти или отказывались заниматься с ним сексом так, как хотелось ему. До определенного момента это срабатывало, пока одна из них не подала на него в суд. Твой отец отказался вести его дело, когда узнал подробности.

Торн замолчал, а я пыталась переварить свалившиеся на меня подробности. Но если выскочившую на лед девочку и сломанный на бортике замок еще можно было бы списать

на случайность (и списали бы, не будь в этом лично заинтересован Торн), то стрелявший в моего отца вряд ли мог рассчитывать, что ему сойдет это с рук.

— Лодингер не понимал, что убийство моего отца ему не добавит радости в жизни?

— Он психопат, Лаура. Его разум действительно основательно взломан.

— Ты сказал, что нападавший арестован. — Я поразились тому, как холодно звучит мой голос. — Что насчет Лодингера?

— Поскольку прямых улик против него не было — все видео он уничтожил, — его выпустили под залог до суда. После того, что случилось с тобой, он исчез. Вчера Стенгерберг выяснил, что в Ниргстенграффе...

— Там, где случилось землетрясение?

— Да. Был осуществлен прорыв цепочки. Сейчас там ведутся восстановительные работы, но пострадало бесчисленное множество камер. Лодингер ушел в пустошь. В мундире мергхандара и на служебном транспорте одного из младших сотрудников безопасности Ниргстенграффа. Последнего нашли мертвым.

Он действительно ненормальный.

— С наибольшей вероятностью, Лодингер сейчас уже мертв — особенно после того, что случилось под завалами. Нашли боевой флайс, очень глубоко в пустоши, нашли цепочку следов, которая обрывается под проваленным драконами снегом. Этой ситуацией сейчас занимается Стенгерберг. В том числе ситуацией, как таксе могли допустить.

Торн снова замолчал, а потом осторожно привлек меня к себе.

— Это слишком, Лаура. Я понимаю.

— Нет, — сказала я, запрокидывая голову и глядя ему в глаза. — Не слишком. И я очень благодарна тебе за то, что ты мне все рассказал.

Он кивнул, глядя мне в глаза очень внимательно.

— Поэтому я тебя и выбрал.

— Только поэтому?

— Не только. — Торн коснулся губами моих губ. — Мне действительно нужно идти. А тебе стоит отдохнуть.

Я улыбнулась.

— Я бы хотела отдохнуть с тобой.

— У нас еще будет время. — Он поднялся, увлекая меня за собой. — Пойдем. Проводишь меня.

— А ты будешь обо мне вспоминать? — Я прижалась к нему всем телом, недвусмысленно потерлась бедром о бедро. — Сегодня ночью?

— Лаур-р-р-а.

— Мне нравится, когда ты так рычишь. — Я игриво приподняла брови и отстранилась.

— Раньше тебе это не нравилось.

— Это было раньше. — Я улыбнулась. — Буду скучать.

Мы как раз вышли в холл, и я вдруг поняла, что дико, до дрожи в пальцах не хочу его отпускать. Но это всего лишь до завтра, а завтра после обеда мы снова будем в загородной резиденции, и пойдем к Верражу.

Дверь за Торном закрылась, и я ненадолго прислонилась к ней. А потом взлетела по

лестнице и постучала в комнату отца.

— Ты можешь оставить отца в покое хотя бы сегодня?! — прошипела Ингрид, оказавшись со мной лицом к лицу.

— Лаура? — Отец вышел из ванной, еще с мокрыми после душа волосами, в плотном халате.

— Пап, я просто хотела сказать, что ты правильно поступил. Когда отказался вести это дело, — я улыбнулась. — И что я тебя люблю.

— Я тоже тебя люблю, дочка.

Дверь перед моим носом захлопнулась с подачи Ингрид но мне было все равно. Такой счастливой и спокойной я не чувствовала себя уже очень давно.

Глава 29

Утром я поняла, что мне очень не хватает Гринни. Когда никто не лезет на подушку, полосуя коготками твоё любимое постельное бельё, не тычется горячим носом в лицо и не фыркает, выпрашивая еду, пробуждение уже не то. Мне дико не хватало этой пушистой морды, которую, к слову, мне тоже подарил Торн, и которая стала для меня родной. Все, решено! Сегодняшний вечер я провожу с Гринни и Верражем. Будем с Торном их развлекать на пару.

Сладко потянувшись я повернулась на спину, рассматривая кольцо. Кто бы мог подумать, что я вообще соглашусь его надеть, и кто бы мог подумать, что Торн окажется таким...

В дверь постучали. Тихонечко.

— Лали? — Ко мне заглянула Сильви. — Не спишь! Можно?

— Заходи!

Сильви в смешной пижамке с дракончиками поспешно вбежала ко мне в комнату и прикрыла за собой дверь.

— Залезай — Я подвинулась и откинула одеяло. — А то я тут проветривала...

— Да ты вообще перестала мерзнуть, как я погляжу. — Сестра покосилась на приоткрытое окно и запрыгнула ко мне на кровать, заворачиваясь в одеяло.

Это напомнило мне старые добрые времена, когда мы тайком от отца и Ингрид засыпали вместе (когда кто-то из нас чего-то боялся). Чаще всего это была Сильви, но однажды я сильно заболела, у меня была высокая температура и сестре строго-настрого запрещалась ко мне приближаться. Ночью, когда все заснули, а я ворочалась, пытаюсь справиться с желанием вылезти из-под одеяла и постучать к отцу (так плохо и страшно мне не было ни разу в жизни), в мою комнату прибежала Сильви.

— Я останусь с тобой, — серьёзно заявила она, и залезла ко мне, обнимая руками и ногами.

Как я ни пыталась ее отправить к себе, сестра отказывалась уходить. Мы заболтались и сами не заметили, как заснули вместе. Утром Ингрид устроила такое, что мы с Сильви думали, нам конец. Но появился отец и сказал ей, чтобы она замолчала. После чего разрешил нам с Сильви играть вместе, и, как ни странно, поправилась я гораздо быстрее, чем в вынужденном одиночестве.

— Как у тебя дела? — спрашиваю я, потому что Сильви молчит.

— Скучаю.

Понятное дело. Все подруги в Хайрмарге, из развлечений — только соцсети и прогулки по свежему воздуху в резиденции Торна.

— Попроси Ингрид чтобы разрешила тебе остаться в городе.

— А она разрешит? — фыркает сестра. — Вообще-то я скучаю не по городу, а по тебе. Мы теперь вообще не будем общаться, Лал?

— С чего ты взяла?!

— Мама говорит, что теперь тебе не до нас.

У твоей мамы вообще специфическое мировосприятие.

— Это не так, — говорю я. — И я тоже по тебе скучала. Мне невыносимо, когда мы вот так — не то чтобы в ссоре, но общаемся через раз.

— Знаю. — Сильви опустила глаза и закусил губу. — Но мама говорит, что ты... в общем, она злится на тебя за то, что ты ей тогда сказала и ждет, пока ты извинишься.

Не дождется.

— До этого я не должна с тобой общаться, потому что иначе я предаю ее. То есть она так считает.

Я приподнимаю брови.

— А ты сама как считаешь?

— Я не знаю. Я не люблю, когда вы ссоритесь.

— Я тоже не люблю. Но ездить на себе не позволю никому, Силь. И к слову, мое общение с тобой ни коим образом не умаляет твоей любви к Ингрид. Просто у нас с ней временные трудности.

— Временные? — Сестра улыбается, а потом отнимает у меня одну из подушек и устраивается поудобнее. — Ладно, расскажи лучше про это.

Взгляд ее однозначно упирается в кольцо.

— Ни за что не поверю, что ты еще ничего не читала об этом в сети.

— Ой, да читала, конечно. В Ферверне теперь только две новости: покушение на отца, а еще твое грандиозное согласие, когда Торн сделал тебе предложение. «Теперь мы знаем имя будущей ферны Ландерстерг», — процитировала она. — Но я не об этом. Расскажи, как это...

— Это?

— Быть женой правящего.

— Вообще-то я еще не жена, Сильви.

— Ну скоро будешь, — отмахивается сестра и подпирает ладонью щеку. — Как это... в принципе? За вами, наверное, постоянно журналисты охотятся?

— За нами постоянно охотятся мергхандары.

Сильви приподнимает бровь.

— Иной раз мне кажется, что сейчас кто-то выскочит из унитаза со словами: «Безопасность превыше всего»!

Сестра хохочет

— Но вчерашний день доказал, что безопасность превыше всего. — Я становлюсь серьезной. — Если бы Торн не позаботился об этом, для папы все могло бы закончиться гораздо хуже. Поэтому... я привыкаю к совершенно другой жизни, Силь. Но рядом с ним мне это совершенно не в тягость.

— Он тебе нравится, — подводит итог Сильви.

Но смотрит мне в глаза — в ожидании подтверждения, а я даже не представляю, что ей ответить. Вчера я сказала все Даргелу, и повторять мне не хочется. По крайней мере, не для Сильви, потому что я хочу сберечь эти слова на вечер. Для кое-кого другого. Чьи рычащие нотки в голосе теперь воспринимаются совершенно иначе.

— Сильви! — доносится из коридора голос Ингрид. — Сильви!

— Мама! — натурально шипит сестра, а потом ныряет под одеяло и накрывается им с головой.

Как раз в тот момент, когда Ингрид останавливается возле моей двери. Стоит она там несколько минут, видимо, решая, зайти или нет. Потом слышен стук каблуков — мачеха удаляется, оно и к лучшему. После вчерашнего и ее заявления Сильви я не уверена, что нам с ней стоит сейчас общаться. Правда, общаться все равно придется — за завтраком. Я сдергиваю одеяло с сестры:

— Топай к себе, я в душ.

— Не обижайся, Лал, — говорит она и обнимает меня. — Я просто не хочу ссориться с мамой.

Я вздыхаю:

— Топай уже!

И, когда за Сильви закрывается дверь, тянусь к телефону. Отец просил меня помириться с Ингрид, но я понятия не имею, как это сделать — с ее настроением.

Впрочем, до Ингрид мне действительно нужно принять душ, а еще нужно пожелать Торну доброго утра. И созвониться с Эльдой и Кори по поводу тренировок, которые можно будет начать после восстановительных процедур. Времени не так много, но оно есть, и я уверена, что все будет хорошо, и что в Рагроне у меня все получится.

А ведь в Рагроне я уже официально буду невестой Торна... В смысле, наша официальная помолвка состоится в его резиденции, и мне еще нужно платье. Которое готовила Ингрид и с которой мне все-таки надо помириться. Хотя бы ради отца.

Я открываю сообщения, чтобы написать «Доброе утро, Дракон», и замираю. Потому что первым (с незнакомого номера) высвечивается:

«Спроси у своего будущего мужа, почему Бена вынуждают покинуть страну».

С Ингрид я так и не помирилась, а судя по тому, каким взглядом она на меня смотрит, она либо выпытала у Сильви, где та была утром, либо... я не представляю, что там еще «либо», поэтому предпочитаю молчать и пить кофе. Нас отвезил Хестор, а сопровождали Крейд с компанией, потому что Торну пришлось задержаться. Теперь мы сидим в ВИП-зале телепорта и ждем его.

На самом деле я бы предпочла поругаться с Ингрид, чтобы не думать о сообщении, которое упало мне сегодня в мессенджер. Теперь слова Бена «этого ты у меня отнять не сможешь» воспринимаются совершенно иначе. По-хорошему, мне не надо об этом думать, по-хорошему, это меня не касается. Но я все-таки думаю и верчу телефон в руках да тех пор, пока он не выскальзывает и не падает прямо к моим ногам.

Ингрид награждает меня очередным убийственным взглядом, но мне не до нее. Я наклоняюсь, чтобы поднять смартфон: экран выжил. А когда поднимаю голову, вижу Торна — он только что вошел и о чем-то говорит с Крейдом. Тот кивает и покидает ВИП-зал, остальные мергхандары подбираются, готовые нас сопровождать.

— Добрый день, — Торн шагает к нам. — Лаура. Ингрид. Сильвана.

Я бы предпочла, чтобы мое имя как-то выделили из списка, но достаточно сложно поздороваться со всеми иначе. Тем более что меня однозначно выделяют взглядом и прикосновением пальцев к ладони, от которого на коже уже привычно вспыхивают ледяные искры.

Мы проходим кольцо телепорта, и только когда Ингрид и Сильви расходятся по комнатам, говорю:

— Я сучала.

Торн награждает меня коротким взглядом.

— Как все прошло? Я имею в виду, со Стенгербергом.

— Хорошо.

— Хорошо?

Мы останавливаемся в дверях, хотя я не понимаю, почему мы останавливаемся в дверях. Точнее, понимаю. Моя репутация, да. Но здесь же никого нет!

— Лодингера нашли? — спрашиваю я.

— Нет. Окрестности пустошей до сих пор прочесывают.

— Торн...

— Сейчас пойдем к Верражу. Заново знакомиться.

Кажется, впервые за долгое время он улыбается, холод в его глазах уступает место знакомому мне чувству, которое я видела в домике на курорте.

— Да. Я помню.

— Для начала мне надо переодеться, Лаура.

— Торн.

Он уже почти развернулся, чтобы уйти, когда я показываю ему телефон.

— Это послание больше для меня, но тебе стоит это увидеть.

Его взгляд впивается в две короткие строчки и снова становится холодным. После чего Торн шагает к двери в мою комнату, пропуская меня вперед.

— Тебя это волнует? — спрашивает он, когда нас отрезает от мергхандаров.

— Что? — переспрашиваю я.

— То, что он должен уехать из страны.

Я приподнимаю брови.

— Меня волнует то, что мне пишут такие сообщения.

Торн смотрит на меня очень долго и очень пристально. После чего произносит

— Мильда Хайц уже уволена.

— Тебе не кажется, что ты слишком разбрасываешься людьми?

— Я не собираюсь держать рядом тех, кто способен подставить в любой момент.

— Вряд ли это написала Мильда Хайц.

— Ты права. Это сообщение дело рук Эллегрин.

— Она совершенно не стесняется мне об этом писать, правда?

Взгляд его становится еще холоднее.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что Эллегрин по какой-то причине считает, что мы с тобой не пара, и при каждом удобном случае сообщает об этом мне.

— Ее я уволить не могу. Только запретить ей въезд в Хайрмарг, что по определенным политическим соображениям не совсем верный ход. Но если тебе так будет спокойнее, я это сделаю, Лаура.

— Я не хочу, чтобы ты ей что-то запрещал. Мне непонятно, по какой причине она продолжает считать меня соперницей.

— Ты намекаешь на то, что я раздаю ей авансы?

— Нет, Торн, я не намекаю. Я спрашиваю прямым текстом. Почему Эллегрин считает возможным делать все, что ей угодно, а Бенгарн Эстфардхар должен уезжать из страны исключительно потому, что он покатался со мной на коньках.

Тишина, воцарившаяся после моих слов, оказалась слишком тяжелой. Еще тяжелее оказались слова:

— Я не обязан перед тобой объясняться, Лаура.

Настолько тяжелой могла бы оказаться сошедшая с гор лавина.

— Нет?

— Нет. Эстфардхар знал, что делает.

— Я же говорю, он не знал, — складываю руки на груди. — Никто не знал. В тот вечер

— Довольно. Мы не станем обсуждать мои решения ни сейчас, ни когда-либо впредь. Переодевайся, через полчаса пойдем к Верражу.

Торн вышел, оставив меня одну. Настолько одной я не чувствовала себя уже очень давно, особенно учитывая тот факт, что Гринни в комнате тоже не было. Видимо, она переехала к Верражу на время моего отсутствия.

Как бы там ни было, я переоделась и даже не стала надевать чулки. Для прогулки с дракончиком и виари вполне пойдут джинсы и куртка, да если быть честной, для прогулки с драконом, который не собирается со мной ничего обсуждать — тоже.

Торн оказался у моих дверей аккурат через полчаса.

— Идем, Лаура. Все, что тебе нужно знать про Верража — без ледяного пламени он будет учиться узнавать тебя заново. Пока на тебе не окажется харргалахт, для него будет сложно узнать в тебе маму.

Я хмыкнула.

— Действительно. Пока на мне нет харргалахт, я вроде как недодракон. Хотя по большому счету, я вообще не дракон.

— Не начинай, Лаура.

— А есть смысл начинать? Мы же все равно ничего обсуждать не будем.

Я ушла вперед но в коридорах загородной резиденции особо не разгонишься. Хорошо хоть мергхандары не ходят по пятам, и то ладно.

На этот раз Торн вошел первым, и, судя по тому, что в комнате что-то упало, у Верража с Гринни были игра была в полном разгаре. Стоило нам появиться, как дежурный мергхандар покинул комнаты, а виари заверещала и бросилась ко мне. Я опустилась на корточки, и мне в колени с разбегу ткнулись горячим носом. Не уверена, но кажется, за несколько дней чудо чуть подросло. Второе тоже, и сейчас драконенок тянул носом. Мой пиджак валялся в углу: судя по его состоянию, на нем и спали, и использовали в качестве игрушки.

— Привет! — сказала я, продолжая гладить обжирющуюся об меня Гринни, и протянула Верражу руку.

С джинсами, к слову, угадала: чешуйки виари уже окрепли, и сейчас от моих чулок остались бы сплошные лохмотья. Что касается драконенка, он сделал шаг и остановился. Потом еще один. И еще.

Я не торопила, вернулась к игре с Гринни, подхватив с пола какую-то измочаленную острыми зубами игрушку. Виари с рычанием вцепилась в нее и потянула на себя. Я — на себя, не поднимая глаз. Приближение драконенка не только слышала (коготки цокали по полу), но и чувствовала — от него исходило легкое волнение пламени.

Это волнение становилось все сильнее: по мере того, как он ко мне приближался. И, наконец, остановился совсем рядом, с шумом втягивая воздух. Я подняла на него глаза, и драконенок вздыбил чешуйки. Я протянула ему руку ладонью вверх.

Какое-то время мы просто смотрели друг на друга, потом он осторожно потянулся к моим пальцам. Все ближе, ближе и ближе, пока не ткнулся в них обжигающе-ледяным носом.

Вопросительно рыкнул.

— Ну что? — Я чуть шевельнула пальцами. — Будем дружить?

Верраж обнюхал мою ладонь. Мою руку. Мои коленки вместе со скачущей рядом Гринни.

А потом отступил назад и умчался в соседнюю комнату.

Следом за ним, вереща, убежала Гринни.

Я не успела даже расстроиться, потому что в следующий миг драконенок вернулся. Он неся ко мне с большим красным мячом в зубах, затормозил, пропахав костями борозды на полу, бросил игрушку к моим ногам. После чего плюхнулся на спину, растопырив крылышки, и низенько заурчал.

— Хочешь играть? — Я почесала светлое пузико. — Будем играть! Только на улице.

Подхватила мяч и поднялась, Верраж крутанулся и подскочил, глаза драконенка горели.

— Идем? — Я кивнула на дверь и направилась к ней, не дожидаясь комментария Торна.

Впрочем, возможно он и не собирался ничего комментировать.

Мы прошли по коридорам, спустились вниз, причем Верраж и Гринни приплясывали от нетерпения, а еще пихались боками, стараясь отвоевать место рядом со мной. На Торна они изредка смотрели, но поскольку тот свое пламя никак не проявлял, очень быстро успокоились и устроили возню. Гринни пыталась цапнуть драконенка за хвост (благо, шипы там еще не окрепли), а он развлекался тем, что тыкал ее носом.

Стоило нам оказаться на улице, как эти двое принялись резвиться, поднимая фонтанчики снега, с шипением ввинчиваясь в него и взлетая в воздух. Гринни взлетала невысоко, и тут же плюхалась обратно в сугроб. Верраж — повыше, ему нравилось подхватывать ее в полете. Осторожно, мягко, за шкурку, из-за чего она злилась, верещала и пыталась вцепиться ему в хвост с удвоенной силой.

Тщетно. Свой хвост драконенок оберегал.

Мне почему-то показалось, что это напоминает нас с Торном: я все время пытаюсь подойти к нему ближе, а он ускользает. При этом не забывая хватать меня за шкурку — видимо, считая крайне забавной.

Только сейчас я вспомнила, что у меня в руках мяч.

Размахнулась и запустила его вперед, с визгом и верещанием драконодети устремились за ним наперегонки.

— В праздничную ночь раскинем беседки с обогревом, чтобы гости могли отдохнуть в заснеженном лесу.

— Это не лес, это парк, — сказала я.

Автоматически отмечая мерцающие вдоль дорожки фонари.

С каждым днем резиденция принимала все более обжитой вид например, за время нашего отсутствия были приведены в порядок оплетающие дом дорожки и скамейки, стоящие на раскинутых там и здесь каменных ладонях.

— Будет много журналистов, поэтому речь подготовим заранее.

— С новым пресс-секретарем?

— Именно. — Торн посмотрел на меня. — Не стоит это воспринимать в штыки, Лаура. Иногда это облегчает жизнь.

— Что именно? Невозможность откровенно поговорить с любимой женщиной?

— Возможность делегировать создание речи для выступления пресс-секретарю.

А если я хочу сказать не по тексту, а от души?

Вопрос был риторический, поэтому я не стала его озвучивать.

— У тебя уже готово платье?

— Нет, в ближайшее время собиралась этим заняться.

— Думаю, нам стоит освободить Ингрид от этой задачи. Пусть твоим образом занимаются мои стилисты.

Я приподняла брови:

— Скажешь Ингрид об этом сам? Я еще жить хочу.

Торн хмыкнул.

— Мое платье уже наполовину готово, и я бы хотела появиться именно в нем.

Вообще-то я лукавила. Платье было не готово даже на сотую часть, потому что мы с Ингрид только выбрали его в каталоге, с меня сняли мерки, выбрали ткань, а вот для обсуждения и личной встречи со стилистом у меня времени не нашлось. Потому что слишком многое в моей жизни произошло.

— Ты сможешь его надеть на любое другое мероприятие.

Почему я ни капельки не удивлена?

— А если я хочу на это?

— О чем мы спорим, Лаура? Я знаю, что твоё платье еще только в проекте. Не понимаю, чего ты добиваешься.

— Правда не понимаешь?

К нам снова подбежали Верраж и Гринни, мяч волочила последняя. Путаясь в коротких лапках, тащила в зубах то, что было размером с её голову, тем не менее с гордым видом выплюнула его мне под ноги.

Я подняла игрушку и запустила её на этот раз подальше, в воздух. Стартанули оба одновременно, с таким довольным визгом, что я улыбнулась.

— Я знаю, чего от нас ждет аудитория. Платье — всего лишь часть образа, которому нам нужно соответствовать.

— Соответствовать ради чего, Торн?

— Ради наших избирателей, чьи взгляды будут на нас устремлены отовсюду.

— Я думала, индивидуальность высоко ценится.

— Индивидуальность — да. Но не тот образ, к которому ты привыкла.

Я даже остановилась.

— Прости. Чем тебя не устраивает мой образ?!

— Это образ девочки, Лаура. Никак не первой ферны Ферверна.

Прилетели.

— То есть я для тебя слишком девочка? — уточнила я.

— Ты и для себя слишком девочка. Твоя недавняя реакция — яркий тому пример.

Я сложила руки на груди.

— Если я настолько девочка, Торн, зачем ты на мне женишься?

— Девочки имеют обыкновение взрослеть.

— А если я не повзрослею. Что тогда?

— Повзрослеешь.

Это было сказано так, что мне разом расхотелось куда-то с ним идти. Тем не менее я все-таки пошла. Потому что не верила, что мужчина, рядом с которым я могла быть счастлива, настолько непробиваемый. Он не надевал эту маску уже очень давно, и сейчас мне очень хотелось бы понять, что этому поспособствовало.

— Торн, я такая, какая есть. Я учусь быть рядом с тобой, и я хотела бы, чтобы ты тоже... делал некоторые шаги в этом направлении.

Ну вот, это уже очень похоже на речь пресс-секретаря.

— Какие именно шаги, Лаура? Я не требую от тебя ничего невозможного. Просто позволь моим стилистам тебе помочь.

— Справиться с образом девочки?

— Именно так.

— Тебе не приходило в голову, что это меня обижает.

— Что именно?

— Слова о том, что я недостаточно взрослая для тебя? Возможно, в чем-то я действительно недостаточно взрослая, но я по крайней мере с этим работаю. А ты не хочешь даже разрешить мне надеть платье, которое выбрала я.

— Наденешь его на утро после праздничной ночи.

Драконы! Да о чем мы вообще говорим?! Я все-таки остановилась.

— Торн, я не хочу так. Я хочу, чтобы у меня было собственное мнение, с которым ты будешь считаться. Я хочу, чтобы мы в любой момент могли остановиться и все обсудить.

— Ты хочешь обсудить, почему я выгоняю твоего Бена? — Он повысил голос. — Я не хочу это обсуждать.

— Бен не мой! — Я невольно обхватила себя руками. — И дело не в нем. Дело в нас. Неужели ты не понимаешь?

— Понимаю. И тебе стоит понять, что детство кончилось, Лаура. За все свои поступки нужно нести ответственность. Мне. Тебе. Ему. Всем.

Я покачала головой.

— Поверить не могу. Ты действительно его выгоняешь. За то, что мы с ним прокатились... Торн! Это злоупотребление властью.

— Злоупотребляешь моим терпением сейчас ты, Лаура. — В его голос вплетался металл. — Я сказал, что мы не станем это обсуждать и я не привык повторять дважды.

— Ну а со мной придется. — Я сжала пальцы на предплечьях, потому что меня трясло. — И повторять дважды, и говорить. Если, разумеется, ты все еще хочешь, чтобы я стала твоей женой.

— Женой. Не больше того.

Что? Я сглотнула, потому что дышать стала нечем. Или потому, что почувствовала, что снова падаю. Но уже не в сугроб, а сквозь. Куда-то в бесконечную темную бездну.

— Я не... ты шутишь, да? — теперь меня трясло уже по-настоящему.

— Нет, Лаура. Я не шучу. Я дам тебе целый мир, и даже больше. Взамен я прошу лишь об одном: просто перестань вести себя, как ребенок.

— Ты это десять раз повторил.

— Что?

— Что я веду себя как ребенок. На это твое ограничение не распространяется, да?

— Тебе нужно успокоиться.

Мне? Успокоиться?

Подскочившие Гринни и Верраж с визгом осыпали нас снегом, но я даже не повернулась к ним.

— Мне не нужно успокоиться. И целый мир мне тоже не нужен, Торн. Мне нужен ты. Твоя любовь. Это ты сможешь мне дать?

— Есть нечто гораздо большее, чем любовь, Лаура.

— Да? И что же?

— Долг.

— Долг перед кем?

— Перед теми, за кого мы в ответе. Любовь — это обман гормонов и биохимия, приводящая к победе эмоций над разумом и к смертельно опасным ошибкам. Такого я себе позволить не могу.

— А я не могу себе позволить выйти за тебя замуж, — сказала, пытаясь снять кольцо.

С первого раза не получилось, потому что у меня дрожали пальцы, а со второго... со второго он накрыл мою руку своей. От этого прикосновения пронзило не просто ледяным огнем, а током, как если бы у меня внутри разорвался оголенный провод под напряжением.

— Не трогай меня, — тихо и жестко сказала я, хотя внутри сыпало обжигающими искрами, вонзающимися в каждую клеточку тела. — Не смей.

— Тебе надо успокоиться, — холодно повторил он, и тогда я взорвалась:

— Нет! — крикнула я. — Не надо! Все, что мне надо — это оказаться как можно дальше от тебя. Прямо сейчас!

— Я уже сказал, что никуда не отпущу тебя, Лаура.

— Что, снова нацепишь на меня харргалахт?! — поинтересовалась я.

А потом с силой отняла руку и направилась обратно.

К двери, ведущей из дома на дорожку, по которой я предпочла бы никогда не ходить.

Глава 30

Мне надо было побыть одной и подумать. Подумать хорошо, потому что последствия своих спонтанных решений я разгребала до сих пор. Ситуация с Беном отчасти была и на моей совести тоже, и я не знала, что с этим делать. Не представляла. Не видела, как ее разрешить. Мне с трудом представлялось, что можно вышвырнуть человека (ладно, иртехана) из страны только за то, что он вышел со мной на каток. С другой стороны, с таким же трудом мне представлялось и то, что на девушку можно надеть харргалахт.

Без ее на то согласия

Так или иначе, это был Торн. Такой, какой он есть. Со всеми его достоинствами — мужчина, который отключил щиты по моей просьбе, мужчина, который спас возможность принять участие в кастинге «Эрвилль де Олис», потому что для меня это очень важно. Тот, кто сделал для меня особенное предложение после экстремального спуска, и... со всеми его недостатками — тот, кто временами закрывался в непробиваемую броню, отказываясь говорить о том, что для меня важно. Оставляя додумывать самой, потому что его слов не было.

Или произносятся такие слова, от которых становилось очень и очень больно.

Возможно, для него любовь действительно была обманом гормонов. Возможно, он даже не подозревал о том, что для меня это иначе. Насколько это для меня иначе, потому что то, что ты чувствуешь, ты всегда достаешь из себя. Нельзя почувствовать то, чего в тебе нет. И нельзя понять, как это может быть иначе — у другого.

К сожалению, мы действительно слишком разные.

Промаявшись так где-то час, я все-таки набрала Рин.

— Подруга! Ни чешуи себе вы устроили на курорте! Поздравляю!

Я улыбнулась. Ну то есть сделала вид, что улыбнулась, и кажется, Рин это поняла. Потому что откинула за спину тяжелый блестящий каскад волос и нахмурилась.

— Так. Что там у тебя?

— Ты можешь спросить у Сэфла одну очень важную для меня вещь? Хотя будет гораздо лучше, если ее спрошу я.

— Разумеется, ты можешь спросить у него сама. — Рин нахмурилась еще сильнее.

— Тогда мне нужно знать, в какое время ему лучше звонить.

— Да... по сути в любое. Если он не на учениях, ответит сразу. Если на учениях или в казармах, ты ему просто не дозвонишься. — Она перестала хмуриться, но теперь смотрела растерянно. — Слушай, что там у вас случилось, а? Или лучше не спрашивать?

— У нас все в порядке, — сказала я.

— Ну да. Так я тебе и поверила, учитывая выражение твоей морды лица.

Я фыркнула.

— И к слову. Как отец?

— Все в порядке. Ты же знаешь, что все обошлось.

— У вас всегда все в порядке, Хэдфенгеры, — проворчала Рин. — По-моему, если вы израненные поползете в заснеженной пустоши, у вас и тогда все будет в порядке.

— Надеюсь, что до этого не дойдет, — хмыкнула я.

— А я-то как надеюсь! — усмехнулась Рин, потом махнула рукой. — Ладно. Не суть. Захочешь — сама расскажешь.

— Обязательно. Пока.

— Пока! Целую. И кстати! Ты же помнишь про экзамен?

Вот теперь я улыбнулась по-настоящему.

— Это что со мной должно случиться, чтобы я про него забыла?

— Ну не зна-а-аю, — протянула подруга. — Давай, удачи. Желаю тебе быстро дозвониться до Сэфла и снова стать веселой беззаботной Лаурой Хэдфенгер.

Я нажала отбой только для того, чтобы снова набрать — на сей раз номер ее будущего мужа. Когда гудки уже грозили оборваться из-за долгого ожидания, Сэфл неожиданно ответил.

— Лаура? Привет.

— Привет. — Я помолчала. — Сэфл, что случилось между Торном и Беном?

На сей раз в трубке повисла тишина уже не по моей милости. Кажется, она грозила разрастись в бесконечную, поэтому я произнесла:

— Это очень ватно. Для меня. Пожалуйста.

— Ты в курсе, что это не телефонный разговор? — все-таки спросил он.

— В курсе. Но мне это никак не поможет.

Сэфл снова замолчал. Я даже не представляла, что делать дальше, когда услышала:

— У Бена очень дерьмовый характер.

— Это для меня не новость.

— Что, в общем-то, объяснимо, но его не оправдывает. После той ситуации на катке Ландерстерг выдернул его к себе для мужского разговора.

— И?

— И Бен сказал ему, что если тот не способен уследить за своей девушкой, он не собирается тормозить. В особенности после того, как он заявился за ней с военным кортежем и увел в добровольно-принудительном порядке. Не пойми меня неправильно, Лаура, Бен действительно на тебя запал. Он привык получать все, что хочет и кого хочет, но временами его заносит.

Тоже вполне объяснимо, учитывая, какое у него прошлое.

— Он мог промолчать, но предпочел пойти на конфликт. Потом, когда у вас с Торнгером все задалось, Бена окончательно переклинило, и он устроил то, что устроил. Видимо, после вашего разговора про харргалахт. Ландерстерг позвонил мне. Лично.

Что?!

— И ты молчал?!

— А что я должен был сделать? Короче, после этого Бену закрыли визу и оставили время на выезд из страны и продажу клиники. Такие дела.

Я покачала головой. Этого Сэфл видеть не мог, потому что ему я звонила без видеосвязи, и хорошо. Наверное, хорошо.

— Я не представлял, что будет такая задница. С Торнгером мы говорили коротко и по делу, но я не видел такого развития событий. Если честно... никто не видел.

Да, я тоже.

— Поэтому я временами себя жру. За то, что сказал, как есть. За то, что не врезал ему прямо а тот вечер — может, его бы это остановило. За то, что вообще его пригласил.

— Ты тут ни при чем.

— Ты тоже. Надеюсь, ты это понимаешь?

Сомневаюсь.

— Да. Понимаю. Спасибо, что все рассказал.

— Почему у меня такое чувство, что я второй раз создал грандиозную задницу?

— Ты тут ни при чем, — повторила я. — Seriously, Сэфл. Спасибо. Передавай привет Рин.

— Передам. Когда сможем увидеться?

— Думаю, на неделе точно увидимся. У меня курс физиопроцедур и экзамен, так что я часто буду в городе.

— Супер. Буду ждать встречи.

— Я тоже. Пока.

Я нажала отбой и легла на кровать.

Встала. Подошла к окну.

Мне жизненно необходимо было поговорить с кем-то, кто в этой ситуации мог бы непредвзято сказать мне, что делать дальше. Но такого человека не было, а если и был... то это я сама. Только мне нужно было решать, смогу ли я остаться с Торном, смогу ли быть его женой.

Только женой... или как он там выразился.

Наверное, многие на моем месте были бы счастливы. А я не была. Но и без него я тоже счастливой не буду — это я понимала как никогда раньше.

Нет, не так. Не понимала. Чувствовала.

Поэтому позвонила Тиусу, и спустя несколько минут уже была в кабинете Торна. За окном сгущались сумерки, они словно вливались в синеву его глаз, когда он поднял голову. Синие-синие глаза, как зимний вечер. Закаленные сталью, как цвет его ноутбука.

— Торн, я знаю, что мы только что приехали, — сказала я, приближаясь. — И знаю, почему мы приехали. Но Верраж сейчас счастлив с Гринни, и... я хочу попросить у тебя разрешения вернуться в город. На несколько дней. Мне правда это необходимо.

Он молчал, глядя на меня поверх сжатой в кулак руки, поднесенной к лицу. Сколько он так молчал, я не знаю. Достаточно долго. После чего произнес:

— Завтра утром.

И снова вернулся к тому, чем был занят.

Я подождала еще немного, а потом тихо вышла и прикрыла за собой дверь.

— Платье чудесное, Дэла.

— Благодарю. Мне кажется, или здесь нужно немного поправить вытачки?

— Нет. с вытачками все в порядке. Ферна Хэдфенгер, вы можете повернуться?

Последние полчаса я только и делала, что поворачивалась, поэтому в очередной раз повернуться мне труда не составило. Меня критически осмотрели (хотя критически — это слабо сказано), я чувствовала себя недоработанным совершенством, которое наряжают к главному событию всей ее жизни. Уникальное платье от «Фермачьери», мирового бренда одного из ведущих дизайнеров, мне тоже шили на заказ.

Это платье стоило целое состояние, и оно было белого цвета. Настолько белого, что даже снега Ферверна ему уступали. С открытой спиной: начиналась эта открытость на плечах, от узкой полоски едва прикрывающей их ткани. Далее каплевидный вырез стекал по спине, уходил на бока и заканчивался на уровне поясницы. Платье обтекало мою фигуру, подчеркивая все нужные округлости, но не отличалось ничем лишним. К нему шел комплект, дополняющий мое обручальное кольцо. Свою прическу я пока видела только в мыслях, но от стилистов это прозвучало так:

— Что-то в равной степени аккуратное и небрежное. Настолько, чтобы все увидели роскошную элегантную ферну.

В перспективе первую.

Этого они не сказали, но это явно читалось в интонациях. Меня крутили перед зеркалом еще минут сорок, после чего благополучно отпустили. Тестовые наряды были назначены на следующую неделю, и проходить они должны были уже в загородной резиденции Торна. Образно говоря, меня завернут в фантик, покажут Дракону номер один конфетку, и если он скажет: «Одобряю», — то все отлично. Если нет, последуют корректировки и доработки, экстренные и неотвратимые.

Ну а дальше ура.

Ура — это примерно то состояние, в котором я пребывала в последние дни. Завтра мне предстоял экзамен, а после него — возвращение в загородную резиденцию. С Торном мы общались исключительно по-деловому, но я уже понимала, что не хочу так. Платье — ерунда по сравнению с тем, что будет дальше. Хочет он это платье, пожалуйста, я его надену (тем более что оно и правда роскошное), но дело не в этом.

Я хочу, чтобы рядом со мной был не деловой партнер или Правящий. Я хочу, чтобы рядом со мной был... вот тут я терялась, не зная, как сформулировать Торну список своих требований. Да и не хотела я ничего формулировать, хотела просто чувствовать, а чувства в формулировках не нуждаются.

И не будет рядом со мной мужчины, для которого любовь — буйство гормонов. Если он сам не понимает, насколько рядом со мной он способен потерять голову, значит, настало время ему это объяснить.

В качестве объяснений был приобретен новый комплект белья и новые чулки. А еще платье, от которого лично я была без ума, и которое благополучно дожидалось своего часа в моем шкафу на вешалке.

С мыслями о предстоящем я влетела в квартиру и замерла — в холле куда-то собиралась Ингрид. За последнее время мы едва ли перекинулись парой слов. Образно выражаясь, разумеется, потому что в пределах семейных ужинов и встреч мачеха была предельно вежлива. Все остальное время она предпочитала меня не замечать или делать вид, что я пустое место.

Вот как сейчас.

Отвернувшись, она сделала вид, что содержимое сумочки интересует ее гораздо больше, чем я.

— Ингрид, нам нужно поговорить.

— Я опаздываю на встречу.

— Встреча никуда не денется.

— Это не тебе решать, Лаура.

Голос мачехи почему-то дрогнул, и в эту минуту я отчетливо поняла, что действительно хочу с ней помириться. Точнее, это я поняла во время наших последних семейных ужинов, но сейчас мысль оформилась окончательно: Ингрид нужна отцу. Он столько жил воспоминаниями о маме, об их любви, о тех временах, когда они были счастливы, о том, как появился Даргел, что не было ничего удивительного в его постоянных уходах в работу.

Его вступление в должность назначили на конец недели, и все свое время он посвящал подготовке. Я готовилась к экзамену, ходила на физиопроцедуры и предвкушала, когда начну тренировки. На этот раз мне предстояло в большей степени проработать движения и отточить их после восстановительного периода. Ну и повторить танец, который я готовила так долго.

Это стало возможным благодаря Торну.

Я напоминала себе об этом каждый день, когда возвращалась с физиопроцедур и закрывалась в комнате, чтобы читать лекции и слушать тишину. В этой тишине не было его голоса, его пламени, его силы — и становилось невероятно, невыносимо, отчаянно одиноко. Я взяла себе эти несколько дней, чтобы понять, готова ли справиться с чувством к нему, и поняла, что не готова.

Я буду с ним.

У меня будет своя семья. А отцу нужна своя.

Не воспоминания о том, как была когда-то, с мамой. Новая жизнь с женщиной, которая его любит. Сейчас я была уверена в том, что Ингрид его любит, возможно, именно потому, что сама оказалась на ее месте.

— Удели мне десять минут, — сказала я, складывая ключи и сумку на столик. — Пожалуйста.

Такого Ингрид точно не ожидала, поэтому отказ застыл у нее на губах. То, что она собиралась отказаться и выйти за эту дверь, я тоже скорее почувствовала, чем поняла.

— Я правда очень тороплюсь, Лаура.

— Десять минут ничего не решают. Пойдем?

Я посмотрела ей в глаза, и Ингрид, помедлив, все же кивнула. Мы прошли в гостиную, в которой раньше так часто собирались вместе. Эта мысль невольно вызвала у меня улыбку: да, Ингрид никогда не была мне матерью, но у нас было немало приятных и забавных минут — например, когда мы играли в Цуно, фианскую виртуальную игру, в которой каждый со своим смартфоном делает ходы и отвоевывает земли у драконов.

Не знаю, почему я вспомнила именно об этом, но улыбка стала еще шире. Ингрид расценила это по-своему.

— О чем ты хотела поговорить? — поджав губы, поинтересовалась она.

— Хотела тебя поблагодарить. За платье, которое мы обсуждали. Оно чудесное, и я надеюсь, что мы все же его сошьем.

Мачеха хмыкнула.

— А еще мне нужен твой совет. Какие драгоценности к нему подойдут?

— Чего ты добиваешься, Лаура?

— Ничего. Я просто спрашиваю твоего совета.

— Раньше ты в моих советах не нуждалась.

— Это было раньше. Так ты мне поможешь?

Ингрид покачала головой.

— Невероятно. Почему я ничуть не удивлена? Это вполне в твоем духе — просто взять и прийти ко мне, и просто сказать — мне нужен твой совет. После всего, что было!

— Да, это точно в моем духе, — легко согласилась я. — Но мне решительно нечего надеть на следующий день после официального объявления о нашей помолвке. От помощи стилистов Торна я отказалась, поэтому теперь вся надежда на тебя. Либо я могу купить что-то на свой вкус... разумеется, если сейчас еще что-то осталось в магазинах. Потому

что мои размеры разбирают быстрее всего, и...

— Ты с ума сошла?! — Она резко поднялась. — Ты хочешь купить одно из тех платьев, которые выставлены на всеобщее обозрение на витринах?

— Вообще-то у меня нет выхода. Судя по твоей реакции, сшить его мы уже не успеваем...

— Успеваем. — Ингрид закусил губу. — Просто нужно все делать быстро. Сегодня вечером ты дома, надеюсь?

— Да, готовлюсь к экзамену.

— Хорошо. Значит, я договорюсь о встрече, но чтобы никаких выкрутасов, Лаура. Если я скажу — в такое время, значит, именно в такое время. Никаких я готовлюсь к экзамену, на час позже, на час раньше, давай перенесем на завтра и так далее.

— Никаких, — клятвенно пообещала я.

Судя по тому, как сосредоточенно она нахмурилась, у нее уже складывался план действий на ближайшие несколько дней. Не менее экстренный, чем предстоял стилистам Торна в случае, если мой образ ему не понравится.

— Ладно, — наконец произнесла она. — В таком случае, в течение часа дам тебе знать точное время. Бери, пожалуйста, трубку.

— Разумеется!

Хлопнула дверь, раздались шаги, и на пороге появился отец. Вглядевшись в наши лица и оценив атмосферу в гостиной, он ощутимо расслабился.

— Доброго дня! А что тут делают мои девочки?

— Обсуждаем платье, — ответила Ингрид. — Юргарн! Ты не сказал, что приедешь на обед.

— Честно говоря, я и не собирался, но подумал, что хочу вас увидеть. Или ты занята?

Мачеха перевела взгляд на меня, ноздри ее раздулись.

— Пап, я не смогу с вами обедать, — перебила я. — У меня завтра экзамен, а я еще готова о-о-очень относительно. Поэтому в следующий раз.

На ходу поцеловала его в щеку и чуть задержалась на лестнице: чтобы услышать, как Ингрид отменяет какую-то встречу по телефону. Улыбнувшись, поднялась к себе и включила ноутбук.

Потому что экзамен действительно никто не отменял.

— Сдала?!

— Сдала! А-а-а-а-а-а!!!! — Рин с разбегу напрыгивает на меня и порывисто обнимает: — Поверить не могу, что теперь до праздников все! Свобода!

Я смеюсь, и обнимаю ее в ответ, у меня схожие чувства. Поэтому мы вместе прыгаем по коридору. Однокурсники на нас косятся, явно не зная, как реагировать, потому что помимо нас неподалеку стоят еще мергхандары. К сожалению, мне не удалось отговорить Торна от того, чтобы они за мной ходили повсюду: стоило об этом заикнуться, как сразу «вспоминалась» история с отцом, и звучало категоричное «нет». Так что пришлось смириться. Но если со стилистами и в клинике, где мне делали физиопроцедуры, я чувствовала себя с таким сопровождением относительно нормально, то сейчас — не очень.

На меня смотрели и слегка сторонились. То есть не явно, разумеется, но держались на расстоянии. Все, не считая Рин.

— Все норм? — спрашивает она, когда мы чуть отходим в сторону от остальных.

— Да. Я просто никак не могу привыкнуть, что... — кошусь в сторону мергхандаров.

— Не одна ты не можешь к этому привыкнуть. Я все пытаюсь представить, каково это — быть лучшей подругой первой ферны. — Рин смеется, но потом становится серьезной. — Вообще-то я не об этом. Сэфл сказал, ты спрашивала про Бена.

Я киваю.

— Да. Но Бен не имеет никакого отношения к нам.

— Он рассказал мне, что произошло.

— И что ты думаешь?

— Думаю, что Бену стоило придержать язык.

— Давай не будем это обсуждать, — я морщусь. — Пожалуйста.

— Хорошо. — Рин пожимает плечами. — Ты сама спросила.

— Я спросила зря.

— Понятно. А в целом у вас как?

— Все в порядке.

— Точно?

— Точно.

Из аудитории с победным воплем вылетает Саш и вскидывает вверх руки.

— Сдал! Сдал! Ребята, мы просто обязаны это отметить! Последний экзамен перед праздниками!

— Тебе бы все отмечать, — смеется Аирана.

Они переглядываются, и сразу видно, что между этими двоими что-то есть. На том уровне, когда оба это только что поняли или вот-вот поймут.

— Слушайте, а и правда. Давайте отметим! — подхватывает Джарта. — Я тут знаю отличное кафе...

— Кафе — это скучно, — раздается из-за нашей спины голос Миста.

— О, Мист! — Аирана разворачивается к нему. — А ты тут как?

— Так мы тоже сегодня сдавали последний — Он обходит нас с Рин, даже не глядя в нашу сторону. — И я подумал, что можно будет собраться всем вместе. Точнее, мы-то планировали это заранее, но если хотите, можете присоединиться. Мы сняли целый зал, места хватит на всех.

— Ни чешуи себе вы продуманные на своем экономическом, — говорит Саш.

— А то. Тем более что в дневные часы дешевле.

Смеются, кажется, все. Кроме меня. Ну и еще Рин.

— Ну, что скажете? Мы через час выдвигаемся, как все наши выйдут.

— Слушайте, а отличная идея. — Саш смотрит на Аирану, потом поворачивается к остальным. — Ребят, как считаете?

— Супер!

— Класс!

— Мне нравится!

— Идем вместе с экономными!

Шум поднимается такой, что из аудитории выглядывает преподавательница и просит обсуждать планы потише. Поттише действительно становится, но ненадолго: все мысленно уже в ресторанном зале, который заранее забронировал Мист.

— Лаура, Рин, вы с нами? — спрашивает Аирана.

Она, кажется, одна из немногих, кто меньше всех видит во мне первую ферну Ферверна.

— Да вряд ли они пойдут. — Это говорит Мист, глядя на меня сверху вниз. — Они же теперь не с нами.

— Мист, ты бы шел... к своим, а? — хмыкает Рин. — Без тебя разберемся.

— Скажи еще, что я неправ, — хмыкает он.

Потом обходит нас и скрывается за поворотом, у дальней аудитории. На нас смотрят все, а я вдруг понимаю, что хочу пойти. Не потому, что он так сказал, а потому что — возможно и с наибольшей вероятностью — это моя последняя студенческая вечеринка. Дальше у нас защита, официальный выпускной. Не уверена, что меня вообще отпустят на неофициальную часть. А еще не уверена, что у меня будет время — потому что тренировки, поездка в Рагран (которая через два дня после выпускного), и мне гораздо нужнее будет сходить на лишнее занятие к Кори или Эльде, чем посидеть в ресторане с однокурсниками.

А ведь это целый этап моей жизни!

— Я пойду, — говорю я.

Рин вопросительно смотрит на меня, но я считаю, что вопросы тут совершенно излишни.

— Я тоже, — наконец, отвечает она.

— Супер! — говорит Аирана, а Рин хватает меня за руку и тащит за угол. Туда, куда ушел Мист.

Мергхандары идут за нами.

— Слушай, ты что, повелась на слабо Миста?

— Да сдался он мне, — смеюсь я. — Просто хочу погулять напоследок.

— Ты уверена, что это будет нормально? — Рин кивает на мое сопровождение. — В смысле...

Да. Об этом я как-то не подумала. Но это тоже решаемо.

— Дай мне пять минут, — я улыбаюсь.

— Да хоть десять, — фыркает Рин. — Ты уверена, что эта задница Мист не испортит тебе настроение? С него станет постоянно выдавать что-то в том же стиле, что он только что выдал.

— Мне плевать на Миста.

Произношу это и понимаю, что это правда. То есть на Бена мне не плевать, а на Миста плевать. Но о Бене точно лучше не думать. У них с Торном был мужской разговор, и как он между ними закончился — только их дело.

Рин поднимает большой палец вверх и возвращается к остальным. Из коридора доносится взрыв смеха, даже не представляю, по какому поводу. Что касается меня, я достаю смартфон и звоню Торну. Отвечает он сразу:

— Я тебя слушаю, Лаура.

— Торн, — набираю в грудь побольше воздуха, чтобы сказать ему то, что хочу. Потом понимаю, что, в конце концов, это нормальная просьба, и что в ресторане, в закрытом зале, моей безопасности ничто не угрожает. — Мне нужно, чтобы ты снял охрану на несколько часов.

Прежде чем он успевает ответить, я говорю:

— Мы сдали экзамен, и хотим отпраздновать. Рин тоже будет, и все мои однокурсники. У нас забронирован зал, точнее, даже не у нас — это выпускники с экономического позаботились. Я просто прошу сделать так, чтобы до нашего появления этот зал проверили, а мои сопровождающие пусть подождут за дверями. Уверю тебя, среди моих однокурсников нет специально обученных убийц.

Последнее я выдохнула со смешком, но если честно, не уверена, что для Торна это было смешно. Просто я действительно настолько нервничала — мне хотелось пойти на этот обед. Это ведь обед, даже не ужин! А после мы с Торном уже будем вместе в загородной резиденции.

— Хорошо.

— Хорошо?!

Я даже не представляла, что он так скоро согласится, поэтому все те слова, что крутились в мыслях, сейчас просто проглотила. Горло стянул какой-то невыносимо долгий спазм, который спустя какое-то время я все же смогла побороть:

— Спасибо.

— Только учти, Лаура, за пределы зала ты без сопровождения не выходишь.

— Разумеется, нет! Ой! Мне же надо узнать название ресторана...

— Не надо. — Мы говорим не по видеосвязи, но я почему-то чувствую, что он улыбается. — Увидимся вечером.

— До вечера, — говорю я, а потом прижимаю телефон к груди и бегу к Рин.

Она что-то воодушевленно рассказывает, а, заметив меня, вопросительно вскидывает брови. Я поднимаю большой палец вверх, и подруга улыбается.

— В общем, я ему говорю — с этой цепочкой что-то не так. Аналитика хромает... и рассказываю, как это по-моему должно быть. А он улыбается и говорит: «Вы первая за два года, кто это заметил, ферна Рибельгар. Высший балла». Драконы! Вот тут я чуть под стул не сползла... выхожу, а у меня колени трясутся.

— Мне не показалось, что у тебя тряслись колени, — я приближаюсь к ним, и сейчас на меня уже смотрят иначе, даже несмотря на присутствие мергхандаров.

— Это все потому, что ты мне в глаза смотрела, а не куда-нибудь ниже.

Последнее явно шпилька в адрес Бирка, который уткнулся взглядом в вырез расстегнутой на две пуговички блузки Рин. Когда парень понимает, что на него все смотрят, слегка краснеет, и делает вид, что увидел что-то за ее плечом. Все хохочут, после экзаменационное напряжение отпускает, и все уже слегка пьяные. Отпускает даже меня, не только от экзаменов и осознания того, что до праздников я могу просто отдыхать и тренироваться, но и то, что завтра у отца вступление в должность, и то, что произошло между нами с Торном.

Я знаю, что у нас все будет хорошо, каким-то образом я это знаю!

От этого мне хочется парить, и, наверное, не будь мне строго-настрого запрещены резкие движения, я бы начала танцевать прямо здесь. Но прямо здесь еще и царит всеобщее возбуждение, однокурсники один за другим выходят из аудитории, кто-то счастливый, кто-то не очень — наша староста Фрэнни, например, считает, что все, что не высший балл — трагедия. Ее пытаются переубедить, но она отмахивается. Говорит, что будет пересдавать, и убегает. Не сдавших совсем у нас, разумеется, нет.

Все, кто дошли до последнего курса, точно знают, зачем они здесь, и что в их жизни будет дальше. Это отличительная особенность студентов Хайрмаргского Государственного Университета. Он один из самых значимых на мировом уровне, и все, кто здесь учится, все выпускники, даже закончившие со средним баллом, очень высоко котируются на рынке труда.

Наверное, я единственная, кто пока даже приблизительно не представляет, что ее ждет дальше. Точнее, я представляю — кастинг в «Эрвилль де Олис», который я пройду, свадьба с Торном, и... и как это будет совмещаться, я пока не знаю, но сегодня хочу с ним об этом поговорить. Я вообще о многом хочу с ним поговорить — о том, что чувствую. О том, что таксе для меня сугроб. И о том, как много он для меня значит.

Торн, а не сугроб, разумеется.

— Ну что, едем? — спустя какое-то время, к нам снова заявляется Мист.

На этот раз у бывшего на руке уже висит девица, с которой я его застукала, но сейчас это действительно не имеет для меня никакого значения.

— У нас еще двое в аудитории, — говорит Саш.

— Ну тогда подтягивайтесь. Ресторан «Алая лента», панорамный зал.

— Вы там сколько заплатили за аренду?! — живо интересуется Аирана.

— Не переживай, с вас не попросим.

Мист удаляется со своей новой пассией, его ладонь лежит на ее пятой точке.

— Тощая, — мстительно заявляет Рин, еле слышно, правда — только для меня.

Я тихонько фыркаю.

Через двадцать минут выходят наши, и мы все вместе устремляемся вниз.

— Кто-нибудь знает, как нам быстрее туда добраться?

Однокурсники переговариваются, гурьбой текут к лифтам. Отовсюду слышатся предложения по оптимальному маршруту, я чуть придерживаю Рин.

— Что? — спрашивает она.

— Это прозвучит высокомерно... но ты же не думала, что мы полетим на аэроэкспрессе?

Рин хохочет.

— Лаура, ты и высокомерие — несовместимые вещи. Знаешь, почему я с тобой подружилась?

— Почему?

— Потому что ты была одна из немногих, кто не гнул пальцы: мой папа — супер-юрист, или моя мама — ведущий специалист в области строительства!

— П-ф-ф-ф.

— Вот тебе и п-ф-ф-ф. И да, кто сказал, что возможность долететь на личном флайсе — это плохо? Жизнь такая штука — надо пользоваться привилегиями, пока можешь. Потому что завтра — крак — и все развалится.

— Очень оптимистично.

— Да ну. Я самая большая в мире оптимистка. — Рин хлопает меня по плечу. — Просто в мой оптимизм примешана капелька реализма.

— Капелька?

— Са-а-а-мая малость.

На этот раз мы смеемся обе, и она говорит:

— Серьезно. Вот скажи, когда я еще покатаюсь на личном флайсе?

— Пользуясь привилегиями подруги первой ферны Ферверна? В любое время.

— Иди ты!

— Сама иди!

Продолжая перебрасываться шутками, мы спускаемся на подземную парковку. Рин падает на заднее сиденье рядом со мной, вытягивает ноги. Потом показывает взглядом на мергхандара, который садится рядом с Хестором. Второй садится во флайс, который полетит за нами.

— Система! — говорит она.

Еле слышно, но мергхандар поворачивается к нам.

— Ферна Рибельгар, пока я не подойду к двери, из машины не выходим.

Ринни вскидывает руки в знак согласия, улыбается. Мы летим над городом, и я кое-что вспоминаю:

— Я не смогу остаться надолго. Максимум часа два-три, у меня еще подготовка к вечеру.

Хочу сразу надеть белье, чтобы чувствовать себя... иначе

— Ой, да не вопрос. Думаешь, мы там надолго задержимся? У меня тоже встреча с Сэфлом, так что я тоже... — Она приподнимает брови. — Буду готовиться.

— Я помирилась с Ингрид, — сообщаю я.

— Правда что ли?

— Правда. Мы шьем мне платье на утро после праздничной ночи, вчера вечером вместе общались с его создателями.

— Ух!

— Кстати, об ух. Вы же придете? С Сэфлом?

— М-м-м-м... мне кажется, или там вход будет по приглашениям?

— Даже если там вход будет по приглашениям, вам я его точно обеспечу. Seriously, Рин. Я правда буду очень рада.

— Мы вообще-то собирались отмечать вдвоем... — подруга закусывает губу.

— Вот только не заставляй меня тебя уговаривать!

Рин прищуривается, словно очень серьезно раздумывает, я тыкаю ее в бок, она тыкает меня, и у нас возникает небольшая потасовка. Ловлю взгляд мергхандара в зеркале заднего вида и мгновенно сажусь прямо.

— Я поговорю с Сэфлом, — отвечает она, тоже становясь серьезной. — Но думаю, он будет рад.

Мы добираемся быстро, и вскоре уже видно здание, где находится ресторан «Алая лента». У нас почти все рестораны с панорамными видами, но этот отхватил себе этажи в одной из самых известных высоток. В центральной игле известного на весь мир комплекса «Грайрэнд Рхай».

Глава 31

— Интересно, кому в голову пришло забронировать зал именно здесь? — задает риторический вопрос Рин.

— Подозреваю, коллективному экономическому разуму.

Она фыркает, а мы идем на снижение. Я же пытаюсь представить, как Торн с такой скоростью узнал про место встречи. С другой стороны, с его возможностями... Мне вдруг становится страшно. Если он может узнать все за пару минут, то что он знает обо мне? И на что он готов пойти, чтобы сделать меня своей?

Эта мысль приходит ну очень не вовремя. Хотя когда она может быть вовремя?

— Эй, — Рин легонько пикает меня локтем в бок, и я улыбаюсь.

Судя по всему, невпопад, потому что подруга приподнимает бровь. К счастью, мы садимся на парковку, и мергхандар первым выходит из флайса. Рин тут же забывает обо всем, глядя на наш процесс высадки.

— А я думала, такое только в фильмах показывают.

Теперь это моя реальность. Отныне и навсегда.

Дурацкие мысли!

Я отбрасываю их и иду вместе с подругой по пешеходной зоне. Она здесь широкая, к ней стекается множество мелких лучиков. Все, кто попадаете нам навстречу (а навстречу нам попадаете много кто), смотрят на нас. Рин ежится — несмотря на теплую куртку, и сообщает:

— Бр-р-р!

— Б-р-р-р?!

— Не то чтобы я стесняюсь. Но это стремно.

Мы входим в стеклянные двери, огромный холл встречает нас шумом воды — фонтан прямо по центру выполнен в форме дракона, вместо ледяного пламени из его пасти вырывается вода.

— А помнишь ту историю с Гранхарсеном?

— Что?

— Ну, историю с Гранхарсеном. Они еще баллотировались на пост Верховного. Сначала отец, потом сын. Сын вроде как водный.

Я поворачиваюсь к Рин:

— И что?

— Да просто вспомнилось в тему фильмов и водных драконов. Отец у него, к слову сказать, вполне себе ледяной. А он вообще отказался от власти, потому что для него был важнее шоу-бизнес. Там была еще эта жуткая история с его женой... Когда ее превратили в дракона.

Эту историю точно помнят все: собственно, в то время и начались грандиозные перемены в нашем мире. Девушку, самую обычную девушку похитили и влили ей кровь дракона. По всем медицинским показателям она должна была погибнуть, но к счастью, осталась жива. Она еще сыграла роль Теарин Ильеррской в совместной картине Джермана Гроу и Джамиры... вот туг моя память дала сбой. Потому что если Джермана Гроу-Гранхарсена не знать было нельзя, то в режиссерах я не настолько хорошо разбиралась.

Тема как-то сама собой иссякла, когда мы шагнули в лифты, и не только мы, но еще и

небольшая ВИП-группа фиянских туристов. Гид что-то очень быстро говорила на их языке (фиянский, к слову, один из самых Быстрых языков в мире), на нас они почти не смотрели. Что не могло не радовать.

Мы вышли на нужном нам этаже и сразу оказались в холле «Алой ленты», где к нам приблизилась хостес.

— Добрый день! У вас бронь?

— Да, панорамный зал. Мы выпускницы ХГУ.

Девушка перевела взгляд на мергхандаров за нашими спинами. Потом на меня. Потом опять на мергхандаров.

— Замечательно. — Она улыбнулась и указала в сторону гардероба. — Здесь можно оставить одежду. А после вас проводят.

Когда мы расстались с одеждой, к хостес присоединился молодой человек, на бейдже которого было написано «Авар».

— Прошу вас, — он взглянул на раздвижные двери с матовым стеклом.

Интерьер здесь был очень необычный. Холодный стальной и белый, чем, впрочем, в Ферверне никого не удивишь, но с поправкой на вплетенные в них алые ленты. Их было немного, скорее, как акцент, но он бросался в глаза. Сталь, снег и алое. Как всполох пламени аронгарских и рагранских драконов.

Мы прошли через основной зал и остановились перед панорамным.

— Приятного отдыха! — Авар улыбнулся. — Официант подойдет к вам буквально через пару минут.

Мергхандары остались за дверями, а мы вошли. Выпускники с экономического уже были здесь, столики расставили большим кругом, и все места у панорамных окон, разумеется, уже были заняты. Точнее, у панорамного окна: это было сплошное литое стекло, сейчас слегка затемненное, чтобы солнце не слепило глаза, но тем не менее не отменявшее роскошного вида на Хайрмарг.

— Хэдфенгер! Рибельгар! — заметив нас, Мист громко хлопнул в ладоши. — Наши звезды прибыли! А где вы потеряли остальных... нет, не отвечайте! Вы же у нас избранные. Избранные не пользуются аэроэкспрессами.

— А ты пользуешься? — поинтересовалась я.

Большого сноба чем Мист и представить было страшно: он говорил, что лучше будет ходить пешком, чем нюхать макушки.

Язвительная улыбка сбежала с его лица.

— Нет, но я по крайней мере, не выделяюсь. Где там твои мальчики на побегушках?

— Я его сейчас убью, — прошипела Рин и шагнула было вперед, на я выставила ладонь, чтобы ее затормозить.

— Мое сопровождение за дверями, — сообщила я достаточно громко, чтобы услышали все. — Но если вы хотите пригласить их присоединиться к нам, полагаю, они возражать не будут. Так что? Позовем?

После этого Миста знатно перекосило. На пару с его бывшей девушкой, которая подбежала к нему сразу, как только появилась я. Он пробормотал себе под нос что-то маловразумительное и отвернулся. Тишину снова разбавили голоса: смех и разговоры, на сей раз, искренне надеюсь, не имевшие никакого отношения к нам.

— Это ж надо быть такой задницей, — процедила Рин, устраиваясь за столиком рядом со мной.

— У кого-то задница — это стиль жизни. Забей.

— Как ты можешь быть такой спокойной?

— А почему я должна заморачиваться?

— Он же тебя откровенно достает!

— Не достанет.

Я облокотилась о стол, глядя через весь зал на город. Здесь даже пол был со стальными прожилками, а вот центральный светильник над головами — огромный, напоминал сплетение алых лент, неровные края которых свисали вниз. Я подумала о том, что вечером это, должно быть, смотрится очень красиво. Остальные, помельче, были хаотично разбросаны над нашими головами. Наверное, вечерами они тоже светятся алым.

Картины на стенах изображали самые разные сюжеты, но все была неизменно с алыми лентами. Меня заинтересовала одна: мужчина и женщина, но, прежде чем я успела ее рассмотреть, к нам приблизился официант.

— Добрый день! Желаете заказать что-нибудь из блюд, не включенных в основное меню?

— В основное? — переспросила Рин.

— Да, разумеется. Общий банкет уже оплачен. У вас будет горячее, салаты и десерт, так же включено веоланское.

Я не успела удивиться, потому что в зал уже хлынули наши с Рин однокурсники. Судя по тому, что всей толпой, они явно встречались в холле. А вот нам никто не написал и не попросил подождать.

— Ну что? Все в сборе? — поинтересовался Мист.

— Я тут краем уха услышал, что кто-то оплатил нам банкет! — Саш вскинул руку.

В это мгновение бывший посмотрел на меня. Посмотрел с таким выражением лица, что я уже готовилась к очередной пакости и на миг даже похолодела, потому что с Торна станется такое сделать, но Мист произнес:

— Да, это я, девочки и мальчики! Сегодня развлекаемся и гуляем за мой счет!

— Какая щедрость, — хмыкнула Рин.

Правда, еле слышно.

Я покосилась на нее, но тему развивать не стала. Мист действительно мог себе это позволить... другое дело, что раньше не позволял. Даже когда мы ходили куда-нибудь посидеть вчетвером, счет за нас двоих он высчитывал по чеку с точностью до сотых.

— Так, девочки, что тут у нас? — это поинтересовалась Аирана, которая заняла место рядом с нами. Справа от нее сел Саш.

Шум стоял такой — кто-то восторгался щедростью Миста, кто-то обсуждал меню, кто-то делал дополнительные заказы.

— Мне свежавыжатый сок, пожалуйста, — попросила я.

— Сок?! — Саш даже через стол перегнулся. — Ты веоланское не будешь, что ли?

— Не хочу, — я покачала головой. — У меня сегодня вечером еще ответственная встреча.

— Фу-у-у, скучно.

— Скучно приставать к девушкам на предмет выпивки, — отрезала Рин. — А я вот буду. Кстати! Что там вообще в основном банкете?

Пока официант перечислял блюда, я снова перевела взгляд на картину. Девушка, чьи руки были связаны алой лентой, стояла рядом с мужчиной, а он положил ладонь ей на

плечо.

Тяжело.

Или мне просто так показалось?

Впрочем, вскоре мне стало не до картины, потому что принесли салаты, закуски и веоланское. После веоланского общение стало еще более оживленным, особенно когда зашло обсуждение выпускного.

— Я предлагаю «Неоновый вихрь», — произнес Саш, перебивая общий гул голосов.

— «Вихрь»? — Девушка Миста наморщила нос. — Сколько лет этому клубу?

Над столами громыхнул смех, Саш пошел красными пятнами.

— Между прочим, там отличное меню и приличный танцпол.

— Приличный для кого? — поинтересовалась девица.

Все снова засмеялись, а Саш раздраженно уткнулся в тарелку. Я увидела, как Аирана накрыла его руку своей, но он ее отнял и налил себе еще веоланского. Бокал в себя опрокинул залпом.

— Твои предложения? — поинтересовалась я, в упор глядя на девицу.

Иногда мне начинало казаться, что они с Мистом сейчас сольются в единое целое, и из-за стола встанут конгломератом: так сильно она к нему липла.

— Прости? — Она надула губы, которые и без того были достаточно надутые.

— Тебя не устраивает «Вихрь», мы все слушаем твои предложения.

Теперь уже Рин на меня покосилась, но я только плечами пожала. Девица посмотрела на Миста, Мист — на меня.

— Тебе-то какое дело, Хэдфенгер? Ты вряд ли с нами пойдешь. Первые ферны не ходят по тусовкам.

— Ходят, — ехидно заявила его девица. — Но не по таким... Странно, что ты вообще с нами, Лаура.

Мое имя она выделила гак, чтобы особенно сделать на нем акцент. Я сделала вид, что ее не существует:

— Мне показалось, что у... — смотрела я исключительно на Миста, — прости, забыла ее имя, а точнее просто его не знала, есть свои идеи. Но похоже, все ее идеи сводятся исключительно к критике чужих.

— Ауч, — произнес кто-то.

Мист раздул ноздри синхронно со своей второй половинкой. Она даже открыла рот, но тут же его закрыла.

Я пожала плечами и вернулась к горячему.

— Хотите повторить сок? — поинтересовался официант, забирая лишнюю посуду.

— Да, пожалуйста.

— Здорово ты их, — шепотом произнесла Рин.

Аирана тоже подняла вверх большой палец, Саш улыбнулся.

— Мисту нравится чувствовать себя большим и значимым, — присоединилась Джарта. — Но на место их однозначно стоило поставить.

— Кстати, ее зовут Эйнера, — заметил Саш.

— Очень ценная информация.

Мы как-то дружно фыркнули.

— А давайте потанцуем? — взвизгнула Эйнера, когда забрали посуду из-под горячего. — Ви-и-и-и! Я хочу танцевать!

Судя по количеству подскочивших со своих мест, танцевать хотела не только она. Мист куда-то вышел, а когда вернулся, музыка стала громче.

— Гуляем дальше! — заорал он, перекрывая даже басы.

— Я попудрить носик, — заметила Рин.

— Я с тобой! — Аирана бросилась за ней.

— Странные вы, женщины. В туалет только парами ходите, — заметил Саш, явно рассчитывающий пообщаться с Аираной наедине (пока все танцуют) и разочарованный тем фактом, что это не удалось.

— Это природный инстинкт выживания. Когда все люди жили под землей, на поверхность женщины выходили только парами. Одна пудрит носик, другая смотрит, не летит ли дракон.

Саш расхохотался.

— Да-а-а! А мы тогда почему по одному ходим?

— Во-первых, не всегда. А во-вторых, курите вы тоже стоями. Чаще всего.

— Стоями! — Парень снова хохотнул, а я поднялась и направилась к картине

Мне очень хотелось ее рассмотреть: выполнена она была в современном стиле, в голографическом формате. Фигуры мужчины и женщины казались чуть выдвинутыми вперед а фон сзади оставался слегка размытым. Тем не менее он не выбивался из общего стиля ресторана, и металлические рамы, расчертившие панорамное окно за их спинами. Белый мрамор на полу только добавлял ощущения холода.

Я вглядывалась в лицо девушки — опущенный на связанные руки взгляд и поникшие плечи, когда за спиной раздался голос Миста:

— Что, Хэдфенгер? Узнала себя в самом скором будущем?

— Мист, что тебе нужно? — Я повернулась к нему так резко, что он отпрянул. — Либо говори прямо, либо прекращай меня доставать.

— Ты могла бы быть счастлива со мной, Лаура. Какого нагла тебе все эти проблемы?

Я приподняла брови:

— Ты сейчас о чем?

— Обо всем этом! — Мист указал на танцующих в зале. — Неужели тебе не хочется веселиться?! Пить веоланское?! Вместо того, чтобы с кислой рожей сидеть всю оставшуюся жизнь в примерных девочках?

Он шагнул было ко мне, но я выставила вперед руку:

— Пусть выражение моего лица тебя больше не заботит, Мист. Мы с тобой расстались в тот день, когда ты решил зажечь с этой своей... опять забыла ее имя. И если ты продолжишь ко мне цепляться, я могу счесть это домогательствами и принять соответствующие меры.

— Ну как знаешь, Хэдфенгер, — он усмехнулся. — Как знаешь.

А потом круто развернулся и присоединился к танцующим.

После такого разговора смотреть на картину мне уже совсем не хотелось. Если честно, оставаться здесь — тоже, поэтому я подошла к вернувшейся Рин:

— Я, наверное, не буду дожидаться десерта.

— Ну вот. Все, сдулась? — Рин нахмурилась, а потом перевела взгляд на танцпол, где Мист с его девушкой изображали терку и сыр. — Слушай, я вот прямо сейчас ему врежу...

Она так решительно туда рванулась, что я едва успела ее перехватить.

— Эй-эй-эй! Стой!

— Да чего стоять-то?! Мы и так с тобой видимся сейчас по большим праздникам, а из-за этой мистической задницы...

— Ри-ин, — я улыбнулась, — ты что, правда по мне настолько скучаешь?

— А то нет, — хмыкнула она и вырвалась. — Иди, Хздфенгер. Иди куда шла, а я тут напыюсь, буду танцевать голой на столе, а потом все-таки пну Миста в причинное место.

Судя по тому, как Рин повело, я даже не была уверена, что ее слова про танцы на столе — шутка.

— Ладно, я останусь, — сказала я. — Давай съедим этот мистов десерт, а потом вместе поедем домой. Хорошо?

— Хорошо! — Рин просияла. Подхватила со стола бокал с остатками веоланского, вскинула его: — Давай! За сдачу экзамена!

Я взяла свой стакан с соком, и выпила до дна. Благодаря танцующим зал разогрелся настолько, что пить хотелось невероятно. О веоланском Мист позаботился, а вот о простой воде — нет. Как назло, куда-то подевались все официанты.

— Давай потанцуем! — Рин хватает меня за руку и тащит за собой.

По дороге я успеваю отметить Саша, он скучает, то и дело косится на дверь, но уже сполз на стуле так, что его голова на уровне спинки.

— А где Аирана?

— Она, кажется, домой уехала.

— Кажется?

— Да, ее тошнит.

На танцполе еще жарче. Гораздо жарче, чем у столов, и у меня почему-то не получается слышать ритм музыки. Обычно я легко его ловлю (особенно на льду), но сейчас он какой-то рваный, и то и депо выпадает из басов в какие-то глухие шумы. Рин неожиданно зажимает рот руками и начинает проталкиваться к выходу, я шагаю за ней, когда меня притягивают к себе. Мист, кто бы сомневался.

— Руки убрал!

Это то, что я хотела сказать, но получается что-то вроде:

— Рук убр... — и очень тихо.

— Ты что-то сказала? Не слышу! — Мист прижимает меня к себе, я вижу потрясенный взгляд его девицы.

Кажется, последнее настолько четкое, что я ловлю краем ускользающего сознания — это именно ее взгляд, а потом меня прижимают к себе еще плотнее. Тело становится ватным, я почти падаю, но упасть мне не дают. Платье сползает с плеча, я чувствую, что все еще двигаюсь в рваном ритме, точнее, в том ритме, который задает Мист.

Горячие губы касаются плеча, скользят по нему, перед глазами все расплывается.

Я изо всех сил упираюсь ладонями в его грудь, но оттолкнуться не хватает сил.

Вокруг нас какое-то темное кольцо, которое вспыхивает искрами вспышек.

— Уберите... не надо...

Мой голос тонет в музыке, голосах и хриплом дыхании Миста.

А я тону в темноте. На этот раз она бесконечная, и я в нее падаю.

Падаю...

Падаю...

Падаю.

В себя я прихожу с трудом. Веки кажутся неподъемными, горло и губы сухие, а первая же попытка открыть глаза заканчивается диким головокружением, от которого мир начинает вращаться с немыслимой скоростью. Поэтому я их закрываю, жду, пока карусель остановится, и в это время слышу:

— ...вы мне наконец скажете, что с ней?

— Пока анализы не готовы, на первый взгляд — типичная алкогольная интоксикация...

— То есть моя дочь попросту напилась?!

Вместо ответа доносится смущенное покашливание.

— Прошу прощения, ферн Хэдфенгер. Мне надо заняться анализами. Лаура вот-вот придет в себя... я вколол ей сильнодействующее средство, оно быстро нейтрализует токсины. Первое время может наблюдаться головокружение, тошнота и сухость в горле, но минут через десять-пятнадцать все симптомы должны пройти.

Хлопает дверь, ненадолго наступает тишина. В этой тишине я пытаюсь объять услышанное, что невероятно сложно, а карусель не желает останавливаться. Когда мне это почти удастся, я вспоминаю еще и Миста, и его руки на своей пятой точке (кажется, было и такое). В этот момент снова хлопает дверь:

— Лаура! — Жесткий голос отца ввинчивается в сознание. — Лаура!

Я все-таки открываю глаза: если верить доктору, через десять минут мне должно стать лучше. Отец склоняется надо мной, вглядываясь в лицо, а потом цедит:

— Невероятно! Ты хоть понимаешь, что ты натворила?! — Ответить мне он не позволяет, продолжая мгновенно: — Снимки с тобой разлетелись по сети. Чем, спрашивается, ты думала, когда пила?!

Я открываю было рот, но он вскидывает руку:

— Молчи. Лучше просто... молчи.

Он выходит за дверь раньше, чем я успеваю хотя бы слово сказать в свою защиту. Поскольку слушать меня все равно некому, я поворачиваюсь на бок. Голова кружится уже чуть меньше, и это позволяет мне осмотреть свою спальню в поисках сумочки и телефона.

Краем сознания цепляюсь за мысль, звучащую в сознании словами отца: «Снимки с тобой разлетелись по сети...» — и меня просто подбрасывает на кровати.

Я если и не рассталась с оплаченным Мистом банкетом, то имею все шансы сделать это сейчас. Тем не менее я бросаюсь к стулу, через спинку которого перекинули мое пальто. Интуиция меня не подводит сумочка оказывается там же. Я выхватываю смартфон и не с

первого раза попадаю в мутную иконку на дисплее, но когда попадаю... тошнота к горлу подкатывает с удвоенной силой.

Мы с Мистом обжимаемся посреди беснующихся однокурсников так интимно, как будто хотим продолжить прямо на танцполе. Я вглядываюсь в фотки, сделанные с разных ракурсов: ими пестрят все соцсети. Подписи самые разные — начиная от «Хэдфенгер жжет» до «Будущая первая ферна в действии». На смартфоне больше сотни пропущенных, дублирующиеся сообщения от журналистов.

Несмотря на то, что меня трясет, я лезу на официальный новостной сайт, и вижу: «Ферн Ландерстерг отказался комментировать случившееся...»

Врач обещал, что будет лучше, но лучше мне не становится. Точнее, у меня идет какая-то компенсация — мне вроде как лучше, на чем лучше мне физически, тем сильнее меня накрывает осознание.

Но... как вообще такое могло случиться?

Ведь я не пила ни капли! Ни веоланского, ни чего бы то ни было еще — кроме сока! Я понимаю, что должна сказать об этом отцу, но прежде всего — Торну. Ему в первую очередь.

Набираю его номер, слушаю длинные гудки.

— Ответь... ну пожалуйста, пожалуйста, ответь...

Я замечаю, что говорю это вслух, только когда меня перебивает голос автоответчика, сообщающий, что «абонент не отвечает». Понимая, что написать сообщение сейчас не получится, я вылетаю из комнаты, бегу по лестнице вниз.

— Папа! — кричу я. — Пап!

— Тише! — Отец выглядывает из гостиной. — Вернись к себе, Лаура. Немедленно.

— Нам надо поговорить...

— Не сейчас.

— Сейчас! Это очень важно! Ты же понимаешь, что...

Он шагает ко мне, в два шага преодолевая разделяющее нас немаленькое расстояние.

— Я понимаю, что накануне моего вступления в должность ты напилась. Я понимаю, что ты разрушила не только мою репутацию, но и свою. Я понимаю, что сейчас мне надо будет разговаривать с Торнгером, который на глазах у всех сделал тебе предложение. Я все это понимаю. А ты? Ты понимаешь?!

— Пап, я не пила!

— Ну разумеется.

— Я не пила! Только сок, и...

— Возвращайся к себе, Лаура, — вот сейчас он повышает голос.

Его брови сходятся на переносице, взгляд становится жестким. Я хорошо знаю этот взгляд, обычно он адресован его оппонентам в суде — на тех снимках и коротких видеоматериалах, которые доступны в сети. Но сейчас он адресован мне, и смотрит он так, как будто именно я обвиняемая.

— Я не пила! — я повышаю голос в ответ. — Выслушай меня. Ты даже слова не даешь сказать. Я попросила принести мне сок, и...

— И после сока пошла танцевать.

В словак отца столько ядовитого сарказма, что мне становится физически больно. Может, у меня просто так выходит интоксикация, а может, это что-то другое, но я

начинаю задыхаться.

— Не веришь мне — спроси Рин! Спроси...

— Твою Рин вырвало прямо в коридоре на официанта. — Отец брезглива морщится. — Видела бы тебя твоя мать!

Я замираю — на мгновение, а потом выдыхаю ему в лицо:

— Мама сейчас гладила бы меня по голове! А вот если бы она сейчас увидела тебя, ее бы тоже стошнило!

Звук пощечины гораздо громче, чем то, что я чувствую. Я даже не уверена, что я это чувствую, что я это могу осознать — раньше отец никогда меня не бил. Он замирает, словно сам не может поверить в то, что произошло, а я шагаю назад.

— Лаура...

Я уже не слушаю. Поднимаюсь по лестнице, если быть точной, взлетаю наверх. С треском захлопываю дверь.

Врач все-таки был прав, у меня все прошло. Кажется, даже гораздо быстрее, чем десять минут, но точно я не уверена и сейчас думаю, что лучше бы не проходило. Щека горит огнем, перед глазами — бесчисленные снимки из ресторана. На каком-то из них захвачен кусочек картины, которую я рассматривала. У меня чувство, что все это происходит не со мной, но нет, все это происходит именно со мной.

Чем отчетливее я это осознаю, тем сильнее мне хочется кричать.

Как такое могло произойти?! Да никак! Если только кто-то не подлил или не подсыпал мне что-то в еду или в сок.

Мысль об этом приходит в то же самое время, когда открывается дверь. Я поднимаю голову, чтобы сказать отцу, что мне мутно побыть одной, и замираю.

Потому что на пороге стоит Торн.